ИЗЪ ИСТОРІИ

БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ

ВЪ РОССІИ.

И. И. Кауфмана

орд. проф. И. Спб. Унив.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Сѣверъ», Садовая, 60.
1909.

ИЗЪ ИСТОРІИ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ.

Того-же автора:

Теорія колебанія цѣнъ Харьковъ, 1867.

Къ ученіямъ о деньгахъ и кредитѣ. Харьковъ, 1868

Статистика русскихъ банковъ Спб, 1872 и 1875 Въ двухъ томахъ

Кредитъ, банки и денежное обращеніе. Спб, 1873.

Наши неотвержденные долги. Спб, 1874.

Государственный банкъ, консолидація неотвержденныхъ долговъ и преобразованіе кредитной денежной системы Спб, 1874.

Преобразованіе нашей кредитной денежной системы Спб., 1874.

Статистика сберегательныхъ кассъ въ Россіи Спб, 1875.

Исторія старинныхъ банковъ, переводъ съ дополненіями Спб, 1877.

Исторія банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи. Спб, 1877

Обзоръ проэктовъ, вышедшихъ въ 1861—1878 гг, о преобразованіи кредитной денежной системы Россіи Спб., 1878.

Государственная отчетность въ Бельгіи, Франціи и Пруссіи. Три изслѣдованія (1858 г.) бывшаго государственнаго контролера В. А. Татаринова, въ новомъ изданіи, пересмотрѣнномъ и дополненномъ за время съ 1858 по 1881—1883 гг.; три тома. Спб, 1881—1883.

Государственные долги Россіи (1768—1882). Историко-статистическіе очерки Спб., 1885.

Статистика землевладѣнія въ привислянскихъ губерніяхъ Спб, 1886

Статистика государственныхъ финансовъ Россіи. Спб, 1886.

Финансово-статистическія свѣдѣнія о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи въ 1884—1890 гг.; семь томовъ.

Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе. Спб, 1888.

Статистика международной хлѣбной торговли преимущественно Россіи. Спб., 1889.

Цѣны на провіантъ и фуражъ интендантскаго вѣдомства. Статистическія таблицы. Спб., 1889

Основанія расчетовъ по публичнымъ займамъ. Спб., 1891.

Вексельные курсы Россіи за 50 лѣтъ (1839—1890). Статистическое изслѣдованіе. Спб., 1892.

Государственный долгъ Англіи съ 1688 до 1890 Историко-статистическое изслѣдованіе. Спб., 1893.

Русскій вѣсъ, его развитіе и происхожденіе. Спб, 1906.

ИЗЪ ИСТОРІИ

БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ

ВЪ РОССІИ.

И. И. Кауфмана

орд. проф. И. Спб Унив.

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Сѣверъ», Садовая, 60.
1909.

515

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
227
30

Собранныя въ настоящемъ изданіи изслѣдованія написаны въ 1895 и 1896 гг. и тогда-же, на правахъ рукописи, были напечатаны въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, которые скоро разошлись. Это ставило автора въ необходимость отвѣчать отказомъ, когда къ нему обращались съ просьбами объ экземплярахъ особенно въ виду того, что въ означенныхъ изслѣдованіяхъ разработанъ довольно обширный историческій матерьялъ, мало извѣстный. Это неудобство устраняется настоящимъ изданіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ получаетъ возможность ссылаться на означенныя изслѣдованія въ приготовляемой имъ къ печати книгѣ, посвященной русскимъ денежнымъ системамъ древнѣйшимъ и новѣйшимъ.

227
30

Май 1909 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
1. Столѣтіе правительственной борьбы съ разстройствомъ бумажныхъ денегъ	3—230
2. Законодательство о денежной единицѣ и его значеніе для кредитныхъ билетовъ	233—292

СТОЛѢТІЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ БОРЬБЫ
СЪ РАЗСТРОЙСТВОМЪ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ
ВЪ РОССІИ.

I.

Въ числѣ сужденій, вызванныхъ представленіемъ министра финансовъ отъ 14 марта 1896 года «объ исправленіи денежнаго обращенія», высказывалось, между прочимъ и то, что новѣйшія предположенія по этому предмету являются какъ бы безъ всякаго къ нимъ подготовленія, тогда какъ осуществившееся въ 1839—43 годахъ преобразованіе подготовлялось въ теченіе долгаго времени и осуществлялось весьма медленно и осторожно. Членомъ государственнаго совѣта, Ѳ. Г. Тернеромъ, уже было указано на то, что противопоставленіе это дѣйствительности не соотвѣтствуетъ; тѣмъ не менѣе въ виду важности предмета и того значенія, которое при разработкѣ задачи о денежной реформѣ не могъ не имѣть матеріалъ, представляемый указаніями прошлаго опыта и заключающійся въ законодательныхъ и административныхъ распоряженіяхъ, вызванныхъ разстройствомъ денежнаго обращенія въ Россіи,—представлялось умѣстнымъ, въ болѣе полномъ видѣ, сопоставить фактическія обстоятельства, которыя предшествовали какъ преобразованію ассигнацій, такъ и предпринятому въ 1896 г. исправленію обращенія кредитныхъ билетовъ.

Какъ извѣстно, разстройство, порождаемое упавшими въ цѣнѣ неразмѣнными бумажными деньгами, отличается, между прочимъ, слѣдующею особенностью: какъ бы долго онѣ ни обращались и какъ бы ни притуплялась, по истеченіи нѣкотораго времени, чуткость народнаго и государственнаго хозяйства къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ, которыя оказываетъ разстройство денежнаго обращенія,—тѣмъ не менѣе, разнообразіе, сила и внезапность появленія новыхъ формъ этихъ дѣйствій, нарушая правильное развитіе жизни, сообщаютъ ей тревож-

ный характеръ. Особенно эта тревожность обостряется постоянно оказывающеюся необходимостью ограждать народное хозяйство и финансы отъ новыхъ опасностей, или уже наступившихъ, или угрожающихъ своею близостью, во всякомъ же случаѣ непрерывно и назойливо о себѣ напоминающихъ, то въ одной, то въ другой ихъ области. Поэтому исторія обращенія упавшихъ въ цѣнѣ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ всегда и повсюду слагается изъ цѣпи эпизодовъ, уподобляющихся ряду заболѣваній, непрерывно слѣдующихъ одно за другимъ такъ, что едва странѣ удается сколько нибудь оправиться отъ одного изъ нихъ, или даже лишь свыкнуться съ вызваннымъ имъ положеніемъ и къ нему приспособиться, какъ уже на смѣну его является новое, тоже сосредоточивающее на себѣ вниманіе, чтобъ въ свою очередь уступить мѣсто третьему и т. д. Каждое заболѣваніе, естественно, сопровождается остро-чувствуемою потребностью хоть въ какомъ нибудь противъ него паліятивѣ, къ которому и прибѣгаютъ, насколько обстоятельства тому не препятствуютъ. Само собою разумѣется, однако, что не по тому, много-ли или мало было такихъ палліятивовъ, за которые судорожно хватались въ ту или иную эпоху разстройства денежнаго обращенія, можно судить о томъ, правильно или неправильно боролись противъ разстройства. Паліятивы, какъ извѣстно, большею частью, противодѣйствуютъ лишь симптомамъ болѣзни, а не ея источникамъ. Поэтому истинный критерій для правильной оцѣнки отношеній какой либо эпохи къ разстройству денежнаго обращенія можетъ заключаться лишь въ томъ, насколько ей было присуще сознаніе того значенія, которое имѣетъ *возвратъ къ порядку* въ денежномъ обращеніи путемъ возстановленія совмѣстнаго обращенія звонкой монеты и бумажныхъ денегъ на почвѣ свободнаго ихъ размѣна другъ на друга и равенства ихъ достоинствъ, т. е. безъ всякаго лажа на одну часть денежнаго механизма и безъ упадка цѣны другой части этого механизма.

Въ этомъ отношеніи продолжительный, почти 75-лѣтній періодъ, въ которомъ обращались ассигнаціи, весьма существенно отличается отъ того, съ небольшимъ полувѣковаго періода, который охватываетъ обращеніе кредитныхъ билетовъ.

Не распространяясь о томъ, что ассигнаціи уже черезъ два года послѣ ихъ учрежденія вызвали необходимость въ палліативахъ для поддержанія ихъ цѣны, тогда какъ государственные кредитные билеты въ первое десятилѣтіе послѣ ихъ учрежденія правильно служили своему назначенію, не имѣя въ это время никакого фискальнаго значенія и представляя успѣшный способъ, съ помощью котораго правительству удалось не только побороть разстройство бумажнаго денежнаго обращенія, но и охранять послѣднее въ порядкѣ,—достаточно указать лишь на существенно различныя особенности отношенія правительства къ разстройству, вызванному сначала ассигнаціями, а потомъ кредитными билетами.

А именно, за исключеніемъ короткаго періода 1810—12 г.г., когда къ подготовительнымъ мѣрамъ для коренного преобразованія ассигнацій, очень настойчиво, но совершенно безуспѣшно, стремился Сперанскій, и немногимъ болѣе продолжительнаго періода 1817—22 г.г, когда посредствомъ возобновленія идей и плановъ Сперанскаго означенными мѣрами безуспѣшно-же занимался графъ Гурьевъ, во все остальное время обращеніе ассигнацій, до 1810 и послѣ 1822 г., правительство довольствовалось или палліативами противъ отдѣльныхъ проявленій разстройства бумажнаго денежнаго обращенія, или даже лишено было возможности прибѣгать хотя бы только къ паліятивамъ. Въ этомъ направленіи закончившійся преобразованіемъ ассигнацій періодъ управленія финансами графа Е. Ф. Канкрина *особенно невыгодно* отличается отъ всякой иной части времени обращенія ассигнацій. Отъ періода, непосредственно ему предшествовавшаго, когда прямо и сознательно стремились къ *коренному* преобразованію денежнаго обращенія, канкриновскій періодъ отличается *вполнѣ сознательнымъ предпочтеніемъ*, которое въ продолженіи его отдавалось именно *палліативамъ*, мѣрамъ частичнымъ, притомъ очень слабымъ, имѣвшимъ для исправленія денежнаго обращенія *гораздо меньше* значенія, даже чѣмъ мѣры, о которыхъ помышляли уже въ царствованіе императора Павла и въ первые годы царствованія императора Александра I. Графъ Канкринъ уже потому не можетъ быть признанъ под-

готовлявшимся къ преобразованію ассигнацій, что онъ совершенно открыто заявлялъ свое неодобреніе и несочувствіе мѣрамъ, которыя для этой цѣли принимались его предшественникомъ, и онъ *никогда не заявлялъ* убѣжденія о необходимости ихъ замѣнить иными, лучшими мѣрами для достиженія той же цѣли исправленія денежнаго обращенія. Графъ Канкринъ еще особенно не можетъ быть признанъ подготовлявшимся къ этому дѣлу въ виду того, что именно при немъ *и по его винѣ,* вслѣдствіе слабости и преувеличенной осторожности его образа дѣйствій въ вопросахъ денежнаго обращенія, разстройство послѣдняго достигло *наивысшей степени,* и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вызывало во всѣхъ слояхъ населенія такія громкія и всеобщія жалобы, какихъ оно не вызывало никогда, ни до, ни послѣ того. Самое сознаніе необходимости преобразованія вновь пробудилось при графѣ Канкринѣ *независимо отъ него,* и оно развилось въ очень большую и вліятельную силу, приведшую къ постановкѣ на очередь вопроса объ искорененіи рѣшительными мѣрами зла, тогда причинявшагося разстройствомъ денежной системы, не по почину министра финансовъ, а по личному почину императора Николая I, которому принадлежала самая выдающаяся роль даже при выборѣ и выработкѣ средствъ, послужившихъ для осуществленія преобразованія,—роль, *гораздо болѣе значительная,* чѣмъ та, которую въ этомъ дѣлѣ игралъ гр. Канкринъ. И наконецъ, не можетъ быть рѣчи о томъ, что преобразованіе ассигнацій долго и исподволь подготовлялось, еще и потому, что въ подобномъ подготовленіи Канкринъ долженъ былъ-бы принимать хоть какое-нибудь выдающееся и положительное участіе; на дѣлѣ-же роль Канкрина при преобразованіи ассигнацій въ 1839 г. была *далеко не главная* даже при выработкѣ тѣхъ предположеній о преобразованіи, которыя обсуждались въ государственномъ совѣтѣ. И означенная роль была *далеко не положительная,* а преимущественно отрицательная, заключавшаяся въ *порицаніи* того, что по необходимости государственный совѣтъ долженъ былъ самъ вырабатывать силами членовъ своихъ, наиболѣе компетентныхъ въ вопросахъ денежнаго обращенія, и на что въ концѣ-

концовъ Канкринъ все-таки согласился, признавъ этимъ свои порицанія неправильными. Даже тогда, когда вопросъ о преобразованіи былъ уже въ полномъ ходу въ государственномъ совѣтѣ, Канкринъ не только не содѣйствовалъ мирному и успѣшному его движенію и разрѣшенію—заготовленіемъ необходимыхъ для него денежныхъ средствъ, или даже лишь распоряженіемъ о своевременномъ, еще до преобразованія, производствѣ обширныхъ счетныхъ работъ, которыя были съ дѣломъ связаны,—а поставилъ себя въ такое отношеніе къ дѣлу, что государственный совѣтъ находился въ необходимости на каждомъ шагу переубѣждать Канкрина, склонять его къ уступчивости и все таки-долженъ былъ одни изъ оффиціально представленныхъ предположеній Канкрина, на важность которыхъ онъ всегда настойчиво указывалъ, признать совершенно неудовлетворительными, другія же,—которыя Канкриномъ проектировались въ смыслѣ условномъ, на случай *еслибъ* необходимость окончательнаго преобразованія *впослѣдствіи* была бы признана,—подвергнуть существенному измѣненію въ ихъ характерѣ и цѣли, включеніемъ ихъ въ составъ проектовъ, выработанныхъ для немедленнаго осуществленія помимо Канкрина въ государственномъ совѣтѣ. И если государственный совѣтъ употребилъ два года на обсужденіе мѣръ, принятыхъ въ 1839 г., то значительная часть этого времени потребовалась не для подготовленія реформы, а для подготовленія Канкрина къ ея осуществленію въ томъ рѣшительномъ направленіи, въ которомъ ее признавали необходимою императоръ Николай I и государственный совѣтъ.

Совершенно иное обнаруживается изъ отношеній финансоваго управленія къ разстройству, постигшему обращеніе кредитныхъ билетовъ. Въ первое десятилѣтіе этого разстройства (1857—67), когда общее финансовое положеніе было въ высшей степени неблагопріятнымъ, а удручающее дѣйствіе первыхъ признаковъ разстройства кредитныхъ билетовъ ощущалось особенно напряженно, правительство сначала прибѣгало къ паліятивамъ, а потомъ и отъ нихъ отказалось, извѣрившись въ нихъ и не имѣя никакихъ средствъ предпринять что либо болѣе рѣшительное. Но съ 1867 года, когда

началось улучшеніе общаго положенія государственнаго казначейства, финансовое управленіе совершенно ясно и твердо приступаетъ къ подготовительнымъ мѣрамъ, которыя со временемъ должны были дать возможность къ возстановленію денежнаго обращенія на правильныхъ основаніяхъ. Въ этихъ видахъ Высочайше утвержденное положеніе финансоваго комитета 2 Іюня 1867 г. разрѣшаетъ Государственному Банку пріемъ звонкой монеты по курсу и съ этого времени начинаются операціи по усиленію размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ. Въ 1875 г. запасъ золота въ этомъ фондѣ доведенъ былъ до 200 милл., при запасѣ серебра почти въ 30 милл. рублей. Начавшійся, однако, въ 1876 г. новый періодъ большихъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, для покрытія которыхъ, между прочимъ, неминуемою оказалась и необходимость новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на весьма значительныя суммы, внесъ новыя усложненія въ задачу возстановленія въ Россіи металлическаго обращенія. Тѣмъ не менѣе въ самомъ началѣ этого періода, въ 1877 г., министръ финансовъ, графъ М. Х. Рейтернъ, признавалъ необходимымъ представить комитету финансовъ о томъ значеніи, какое имѣютъ подготовительныя мѣры для рѣшенія означенной задачи, и въ этихъ видахъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи сдѣлокъ на металлическую валюту. Комитетъ финансовъ тогда еще не раздѣлялъ взглядовъ финансоваго управленія и поэтому сдѣланный послѣднимъ въ 1877 г. шагъ остался безъ практическихъ послѣдствій. Затѣмъ прошли четыре года, въ которые вниманіе финансоваго управленія должно было всецѣло сосредоточиться на изысканіи источниковъ для покрытія огромныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войною. Но какъ только это дѣло было окончено, указъ 1 января 1881 года. о погашеніи произведенныхъ изъ Государственнаго Банка для означенныхъ расходовъ позаимствованій, свидѣтельствовалъ о томъ, что не только финансовое управленіе снова возвратилось къ разработкѣ подготовительныхъ мѣръ къ возстановленію металлическаго обращенія, но что оно имѣло на своей сторонѣ и полное сочувствіе комитета финансовъ, съ этого времени уже не отказывавшаго финансовому управленію въ

поддержкѣ тѣхъ взглядовъ, которыми оно руководствовалось въ своихъ представленіяхъ по вопросамъ о денежномъ обращеніи. Однако съ 1883 г. опредѣлилось, что департаменты государственнаго совѣта не раздѣляли взглядовъ финансоваго управленія. Попытки двухъ министровъ финансовъ, Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскаго, входить въ государственный совѣтъ съ представленіями о возстановленіи металлическаго обращенія не встрѣчали сочувствія и не увѣнчались успѣхомъ. Финансовое управленіе поэтому поставлено было въ необходимость изыскивать такіе подготовительные способы къ постановкѣ и успѣшному рѣшенію задачи объ исправленіи денежнаго обращенія, которые заключались въ предѣлахъ предоставленнаго ему круга дѣйствій и для которыхъ было достаточно поддержки комитета финансовъ.

Несомнѣнно, что это очень сильно ограничивало поле, на которомъ финансовое управленіе могло достигать замѣтныхъ результатовъ, и это ограниченіе должно было представляться имѣющимъ тѣмъ болѣе серьезное значеніе, что одновременно общее финансовое и экономическое положеніе страны значительно улучшилось, а обстоятельства благопріятствовали болѣе рѣшительному приступу къ денежной реформѣ, подготовляемой способами, задуманными въ широкомъ масштабѣ, на почвѣ мѣропріятій не только административныхъ, но и законодательныхъ. Но встрѣтивъ на своемъ пути сильное препятствіе, финансовое управленіе не остановилось предъ нимъ Несмотря на препятствіе, оно съ 1881 г. уже постоянно относилось къ денежной реформѣ, какъ къ задачѣ, не сходящей съ очереди. И придерживаясь фактическихъ указаній, никоимъ образомъ нельзя утверждать, что финансовое управленіе не удѣляло этому предмету заслуживаемаго имъ вниманія. Всего менѣе для него опасно сравненіе его образа дѣйствій съ тѣмъ образомъ дѣйствій, которому слѣдовало финансовое управленіе при преобразованіи ассигнацій. Вопросъ объ исправленіи денежной системы въ 1896 г. ставился по почину финансоваго управленія, а не по указаніямъ, извнѣ до него дошедшимъ. Сознаніе необходимости коренного преобразованія находило себѣ выраженіе въ дѣйствіяхъ финансоваго управленія, хотя

ему при этомъ приходилось идти противъ стихійнаго теченія искусственно возбужденнаго страха предстоящей перемѣны, противъ внѣдрившихся предразсудковъ и искреннихъ опасеній, возбуждаемыхъ огромною отвѣтственностью, съ которою не можетъ не быть связано столь обширное и сложное дѣло. Отстаивать преобразованіе, доказывать его осуществимость, вырабатывать общія основанія и подробности его осуществленія при новой его постановкѣ приходилось финансовому управленію, хотя общественное мнѣніе шло противъ преобразованія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ новѣйшая постановка денежной реформы отличается отъ постановки 1837—39 г.г. *къ выгодѣ* финансоваго управленія, а не къ его невыгодѣ. Насколько *отъ него* зависѣли приготовленія къ реформѣ, оно не пренебрегало ни временемъ, ни обстоятельствами, и во всякомъ случаѣ не финансовое управленіе могло заслужить упрекъ (какъ было умѣстно въ 1837—39 г.г.), что оно нуждалось въ подготовкѣ его къ преобразованію. Остановка въ этомъ отношеніи уже была не за нимъ. И именно этимъ обусловливается наиважнѣйшее отличіе новѣйшей постановки задачи о денежной реформѣ отъ постановки 1837—1839 г.г.—отличіе, заключающееся въ томъ, что тогда какъ преобразованіе ассигнацій происходило при всеобщемъ сознаніи, что разстройство денежнаго обращенія достигло высшей степени, имѣя за собою продолжительный періодъ, въ теченіе котораго зло было запущено и который поэтому закончился всеобщимъ стономъ о помощи противъ запущеннаго зла,—въ половинѣ 1890-хъ годовъ та же задача о преобразованіи денежной системы ставилась при условіяхъ, благодаря которымъ болѣзненныя ощущенія разстройства означенной системы почти совершенно исчезли, и только болѣе глубокому взгляду было доступно знаніе, что его коренныя причины всецѣло остались въ силѣ; вслѣдствіе же этого задача ставилась не ради выгодъ и пользъ текущей минуты, не ради исключительныхъ интересовъ кого-бы то ни было, въ томъ числѣ и государственнаго казначейства,—а во имя правильнаго продолженія и обезпеченія начатыхъ и уже достигнутыхъ экономическихъ и финансовыхъ успѣховъ страны въ ближайшемъ

и болѣе отдаленномъ будущемъ, во имя предоставленія народному благосостоянію одного изъ тѣхъ преимуществъ, безъ котораго оно не можетъ развиваться твердо, устойчиво и непрерывно, какъ оно развивается въ государствахъ, съ которыми намъ приходится считаться и которымъ мы всего менѣе должны уступать въ этого рода преимуществахъ.

II.

Хотя, по распространенному у насъ представленію, ассигнаціи, будто-бы, очень долго послѣ перваго ихъ выпуска не подвергались пониженію, тѣмъ не менѣе въ архивѣ государственнаго совѣта сохранились свѣдѣнія, что уже въ 1771 г., октября 20, «графъ Панинъ представлялъ (Совѣту) о отправленіи въ Голландію одного или двухъ милліоновъ рублей мѣдной монеты для утвержденія тамъ нашего кредита и *возвышенія здѣсь денежнаго курса*» [1]). Такимъ образомъ, къ палліятиву для «возвышенія здѣсь денежнаго курса» признавали необходимымъ прибѣгнуть уже черезъ два года послѣ того, какъ впервые были выпущены ассигнаціи. Сохранилось еще другое извѣстіе о не совсѣмъ благопріятномъ пріемѣ, который ассигнаціи на первыхъ же порахъ встрѣтили въ торговыхъ кругахъ. Въ 1771 г., ноября 7, «генералъ-прокуроръ предлагалъ Совѣту, что по дошедшему до него извѣстію купцы *не даютъ векселей*, если не серебряною монетою, но ассигнаціями платить имъ представляютъ, и что для отнятія сего неудобства и *дабы въ валовой* (оптовой) *торговли не было дѣлано различія* между ассигнаціями и монетою, почитаетъ онъ за нужное обнародовать во всемъ государствѣ, что въ присутственныхъ мѣстахъ платимо будетъ за приносимыя

[1]) Архивъ Госуд. Сов., изд. Гос. Канц., т. I, ч. 2, Спб 1869, стр. 412. О томъ, что уже съ 1771 г «ассигнаціи стали падать въ цѣнѣ» упоминаетъ и *А. Н. Куломзинъ* въ своемъ трудѣ «Ассигнаціи въ царствованіе Екатерины II», стр. 223.

ассигнаціи золотою и серебряною монетою безъ разбора, какая гдѣ въ наличности будетъ... Совѣтъ на то согласился» [1]). Чрезъ двѣ недѣли, однако, Совѣтъ отошелъ отъ этого мнѣнія, когда «генералъ-прокуроръ вслѣдствіе прежняго своего представленія о чинимомъ купцами затрудненіи въ пріемѣ за векселя ассигнацій», предлагалъ, чтобъ не только присутственныя мѣста по мѣрѣ возможности размѣнивали ассигнаціи на золотую и серебряную монету, но чтобъ «и частные люди равномѣрно по валовой при портахъ торговлѣ *принимали оныя безъ различія,* особливо въ постановляемыхъ контрактахъ». Иными словами это означало, что генералъ-прокуроръ признавалъ полезнымъ дать ассигнаціямъ принудительный курсъ по нарицательной цѣнѣ. Оправдывалъ-же онъ это требованіе объясненіемъ, что «въ противномъ случаѣ по таковому съ казенной стороны снисхожденію казна уже вовсе лишится въ доходахъ серебряныхъ денегъ». Но «Совѣтъ, разсуждая по тому, находилъ, что къ платежу за ассигнаціи всякими деньгами безъ разбора частныхъ людей по указу принудить нельзя: что сіе сдѣлается со временемъ само собою, когда почувствуютъ прямую въ ассигнаціяхъ удобность; что изданіе такого указа можетъ напротивъ уменьшить ихъ кредитъ; что и платежъ въ присутственныхъ мѣстахъ всякими за ассигнаціи деньгами, какъ было прежде соглашено, только подастъ способъ лишиться казнѣ совсѣмъ золота и серебра» [2]). И, дѣйствительно, серебра и золота для размѣна ассигнацій не только у казны не было, но она чувствовала въ нихъ большой недостатокъ для чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, производившихся заграницею [3]), и это обстоятельство, конечно, не могло не влять неблагопріятно на курсъ ассигнацій.

---

[1]) Арх. Гос. Сов, т. I, ч, 2, стр. 521

[2]) Арх. Гос. Сов., т. I, ч 2, стр. 523.

[3]) Тамъ же, стр 311, 413 и др. Въ 1771 г., 3 февраля, генералъ графъ Чернышевъ представлялъ о недостаткѣ въ серебрѣ и что нѣтъ теперь никакого способа къ удовольствованію арміи... 1772 г., 22 января, генералъ фельдцейхмейстеръ предлагалъ о нуждѣ разсмотрѣнія теперешняго состоянія нашей коммерціи и принятія потому мѣръ, дабы не остаться совсѣмъ безъ денегъ, и способовъ доставленія оной во флотъ и армію. И т. д.

Черезъ три года правительство указомъ 10 января 1774 г. пыталось уже поддерживать цѣну ассигнацій ограниченіемъ ихъ суммою 20 милл. руб.; но, такъ какъ, не смотря на ограниченіе и на окончаніе первой турецкой войны, выпуски продолжались [1]), то прошло еще нѣкоторое время и наше финансовое управленіе вполнѣ освоилось съ палліативомъ казенныхъ трассировокъ для поддержанія вексельнаго курса. «Для возвышенія вексельнаго курса и удержанія онаго въ желаемой пропорціи чинены были распоряженія, по Высочайшимъ соизволеніямъ, чтобы баронъ Сутерландъ (придворный банкиръ въ Петербургѣ) трассировалъ на казенныя деньги, въ Амстердамѣ у барономъ де-Сметъ (тамошнихъ банкировъ русскаго правительства) состоявшія, то-есть, давалъ бы кредитивы или векселя, а они по сему долженствовали гонорировать тѣ векселя и кредитивы; Сутерландъ же паки наполнить оныя трассировки переводами. Сіе происходило въ 1781 и 1782 году», когда трассировано векселей на 3.170.442 голл. гульденовъ. «До начатія операціи курсъ былъ между Петербургомъ и Амстердамомъ 36 штиверовъ на рубль [2]),

[1]) А именно въ промежуткѣ между первою и второю турецкою войнами ассигнацій:

	выпущено.	состояло.
въ 1775 г.	1.448.200	21.500 000
» 1776	1.500.000	23 000.000
» 1777	500.000	23 500 000
» 1780	1.000 000	24 500.000
» 1781	2 892 300	27.392 300
» 1782	5 897.125	33.289.425
» 1783	3.451.000	36.740.425
» 1784	3.415.975	40 156.400
» 1785	5.154 025	45.310 425
» 1786	908.825	46 219 250
1775 — 86	26 167.450	

[2]) Шлэцеръ, Münz-Geld- und Bergwerkgeschichte Russlands von 1700 bis 1789, Gottingen 1791, p. 164, исчисляетъ паритетъ въ 37.688 штиверовъ за рубль въ 4 зол. 21 долю чистаго серебра; слѣдовательно, курсъ въ 36 штиверовъ означалъ пониженіе на $4^1/_2{}^0/_0$. Болѣе правильно, однако, исходить изъ заключенія Шлэцера (ib. p. 202 § 87), что иностранцы еще мало знали объ этомъ новомъ

посредствомъ оной въ 1781 г. доведенъ до 40½ шт., а въ 1782 г. во весь годъ состоялъ не ниже 37½ шт. и не выше 40⅝ шт., оставаясь въ такомъ-же положеніи въ 1783 г., но въ 1784 г. (опять) унизился до 36 шт.» [1]). Любопытны эти данныя главнымъ образомъ тѣмъ, что они указываютъ, какъ необыкновенно велика еще была чуткость къ первому болѣзненному воздѣйствію, которое оказало разстройство ассигнаціонной циркуляціи при самомъ его началѣ: къ энергическому и дорогому паліятиву трассировокъ считали необходимымъ прибѣгнуть, когда пониженіе курса было еще сравнительно небольшое и искусственными средствами стремились къ возвышенію курса до такой «желаемой пропорціи» которая *очень близка къ паритету* (курсъ въ 40⅝ штиверовъ за рубль былъ на 2⅛% ниже паритета). Примириться еще не въ состояніи были не только съ тѣмъ, что курсъ могъ понизиться, но даже съ тѣмъ, что онъ могъ не стоять высоко. Однако, этой щепетильности не суждено было долго продолжаться.

Новые выпуски ассигнацій, сильно возросшіе въ связи съ второю турецкою войною съ 1787 г. [2]), сдѣлали низкій курсъ хроническимъ явленіемъ и притупили чуткость даже къ са-

---

рублѣ, установленномъ Петромъ III и утвержденномъ Екатериною II въ 1763 г.; иностранцы считали по Петровскому рублю въ 466⅔ долей чистаго серебра, паритетъ котораго Шлэцеръ (р. 41.42) опредѣляетъ въ 42½ штивера. Противъ этого паритета курсъ въ 36 штиверовъ означалъ пониженіе стоимости ассигнацій на 13,28%.

[1]) Сборн. Имп Русс. Ист. Общ. т. 28-й (Финанс. докум. царств. Имп. Екатерины II, изд. А. Н. Куломзинымъ, Спб., 1880, стр. 383)

[2]) Со времени второй турецкой войны до конца царствованія Екатерины II ассигнацій:

	выпущено.	состояло.
въ 1787 г.	53.780.750	100 000 000
» 1790	11.000.000	111.000 000
» 1791	6.000.000	117.000.000
» 1792	3.000.000	120.000 000
» 1793	4.000.000	124 000.000
» 1794	21.550.000	145.550.000
» 1795	4.450.000	150.000.000
» 1796	7.703.640	157 703 640
1787—1796	111 484.390	

мымъ неблагопріятнымъ его измѣненіямъ. Поэтому во всеподданнѣйшемъ докладѣ комиссіи о коммерціи «о великомъ упадкѣ денежнаго курса въ Россіи», разсматривавшемся въ Совѣтѣ 8 февраля 1789 г., «упадокъ сей приписывается тутъ: чрезмѣрному привозу разныхъ шелковыхъ дорогихъ матерій... и къ одной только роскоши служащихъ вещей, безпошлинному привозу нѣмецкихъ товаровъ и многихъ французскихъ, пресѣченію торга съ китайцами, заготовленію и покупкѣ въ чужихъ государствахъ разныхъ вещей для находящихся внѣ предѣловъ россійскихъ войскъ и немалому изъ иностранныхъ мѣстъ привозу червонныхъ къ арміямъ нашимъ для продажи съ прибылью на здѣшнія банковыя ассигнаціи. Въ отвращеніе же таковыхъ поводовъ, къ упадку курса способствующихъ», коммиссія о коммерціи представляла два средства: «а) совершенно запретить привозъ въ Россію чрезъ пограничныя таможни иностранныхъ товаровъ, исключая означенныхъ въ статьѣ 12 Высочайшаго указа предъ тарифомъ 1782 г. и б) всевозможнымъ образомъ поощрять, чтобы еще гораздо больше россійскихъ произведеній обдѣлывалось и за море выпускаемо было» [1]. Такимъ образомъ, къ тому времени, когда ассигнаціи временами теряли уже $^1/_5$—$^1/_4$ своей цѣны, чуткость къ этому «униженію курса» настолько притупилась, что (если не у всѣхъ, то у многихъ дѣятелей той эпохи) явилась даже готовность терпѣливо выжидать, пока исправленіе курса произойдетъ отъ воспрещенія привоза заграничныхъ товаровъ и поощренія вывоза отечественныхъ товаровъ. Тѣмъ не менѣе, не только трассировки продолжались [2]), но бывали моменты, когда сознавалась необходимость новыхъ, болѣе дѣйствительныхъ мѣръ. Такъ, въ журналѣ засѣданія Совѣта 28 марта 1793 г. высказывалось уже мнѣніе,

---

[1]) Арх. Гос. Сов., изд. Гос. Канц., т. I., ч. 2, стр. 464.

[2]) 31 марта 1793 г. въ Совѣтѣ читанъ рапортъ, т. с. Васильева (впослѣдствіи министра финансовъ) и д. с с Державина и Новосильцева о дѣлахъ конторы умершаго придворнаго банкира Сутерланда; въ этомъ рапортѣ, между прочимъ, удостовѣрялось, что «сей банкиръ распоряженіями своими удерживалъ *долгое время* курсъ отъ *крайняго* упадка». Арх. Гос Сов., т. I, ч. 2, стр. 503.

«что должно также стараться о *вынятіи изъ народнаго обращенія* 20 милліоновъ рублей ассигнацій, взятыхъ *заимообразно* изъ ассигнаціоннаго банка по надобностямъ сверхъ установленной (въ 1786 г.) стомиллионной пропорціи» [1]). Въ этомъ сужденіи мы уже встрѣчаемся не только съ идеею объ изъятіи изъ обращенія части выпущенныхъ ассигнацій, но и съ другою идеею — о заимообразномъ или долговомъ свойствѣ суммъ, расходуемыхъ посредствомъ ассигнаціонныхъ выпусковъ,—въ каковыхъ идеяхъ нельзя не видѣть, какъ новыя усложненія, происходившія въ ассигнаціонной циркуляціи отъ количественнаго ея расширенія и качественнаго ея ухудшенія, какъ-бы сами собою вели и къ болѣе глубокому пониманію не только распространяющагося разстройства денежнаго обращенія, но и средствъ для борьбы съ нимъ. Тоже самое должно заключить изъ немногихъ извѣстій, до насъ дошедшихъ изъ царствованія императора Павла, когда ассигнаціи уже прямо признаны «истиннымъ общенароднымъ долгомъ на казнѣ», высказаны намѣренія къ изъятію части ихъ изъ обращенія, признана необходимость «приведенія въ соразмѣрное между собою обращеніе всѣхъ разнообразныхъ денегъ», а для этаго «опредѣлены немалыя суммы, въ томъ числѣ золотомъ и серебромъ, для того, чтобы *вымѣнивая на нихъ ассигнаціи*, достигнуть цѣли, къ обезпеченію кредита клонящейся» и даже начатъ размѣнъ ассигнацій на золотую и серебрянную монету *по курсу*, сначала съ лажемъ въ 30%, а потомъ въ 40%. Долго это не могло продолжаться [2]).

---

[1]) Арх. Гос. Сов., т. I, ч. 2, стр. 501.

[2]) Именнымъ указомъ, даннымъ 18 декабря 1797 г. правительствующему сенату, императоръ Павелъ I повелѣлъ: «для выкупа государственныхъ ассигнацій, которыя всегда мы признавали и признаемъ истиннымъ общенароднымъ долгомъ на казнѣ нашей и тѣмъ священнѣйшимъ, что онъ способствовалъ нуждамъ государственнымъ, опредѣлили мы не малыя суммы и между ими знатное количество въ золотѣ и серебрѣ, дабы, вымѣнивая на оныя ассигнаціи, достигнуть цѣли нашей, къ обезпеченію кредита государственнаго и блага общаго клонящейся».

III

Тѣмъ временемъ въ нашемъ денежномъ обращеніи уже произошли весьма существенныя измѣненія. Съ начала 1790-хъ годовъ ассигнаціонный рубль уже безповоротно потерялъ $^1/_5$ часть своего нарицательнаго достоинства, хотя сумма обращавшихся ассигнацій едва еще только переходила за предѣлъ 100 милл.. По мѣрѣ того, какъ эта сумма увеличивалась, хотя и медленно, ассигнаціонный рубль терялъ уже $^1/_4$ своей цѣны, временами даже $^1/_3$, и бывали моменты (напр. въ іюнѣ 1793 г.), когда потеря доходила даже до 40% [1]. Царствованіе императрицы Екатерины II закончилось суммою ассигнацій въ 150 милл. рублей и курсомъ ихъ въ $68^1/_2$ копѣекъ металлическихъ за ассигнаціонный рубль. Какая была прежде въ обращеніи серебряная и золотая монета къ этому времени уже изъ него исчезла [2]. Въ царствованіе императора Павла обращеніе ассигнацій увеличилось еще на 55 милл. рублей и вопросъ уже былъ лишь въ томъ, составляетъ-ли окончательное уменьшеніе достоинства ассигнаціоннаго рубля $^1/_4$ или $^1/_3$ [3]).

Во исполненіе этаго указа ассигнаціонному банку было предписано: «*при выкупѣ государственныхъ ассигнацій*, предъявителя *удовлетворять* каждаго выдачею *мѣдной или серебряной монеты съ лажемъ въ 30-копѣечнымъ на рубль*, какъ кто пожелалъ».—Послѣдствіемъ было истощеніе въ банкѣ серебрянаго запаса.

Въ отвращеніе этого, 21 іюля 1798 года указомъ сенату повелѣно—*поднять лажъ на серебро до 40-копѣечнаго на рубль*.

[1]) См. вѣдомость ежемѣсячныхъ вексельныхъ курсовъ въ 1793 г., приложенную къ рапорту генералъ-прокурора Самойлова отъ 31 декабря 1793 г. о заграничныхъ платежахъ. Сборн. Ист. Общ. т. 28 (А. Н. Куломзина), стр. 426.

[2]) *Storch*, Cours, VI, p. 213.

	[3]) Выпущено.	Состояло.	Курсъ бумажн. рубля.
въ 1797	5.871 200	163.574.840	73 %
» 1798	31 356.765	194.931.605	$62^1/_2$ »
» 1799	15.068.395	210.000.000	$65^1/_2$ »
» 1800	2 689 335	212.689.335	$66^1/_4$ »
1797—1800 .	54.986 695		

При этомъ-то положеніи мы встрѣчаемся съ первыми зародышами идей о девальваціи, являющихся въ Россіи. Первымъ ихъ выразителемъ явился директоръ Ассигнаціоннаго Банка, д. т. с. Свистуновъ. Исходя изъ того, что «сколь ни великую составляютъ государственныя ассигнаціи выгоду для внутреннихъ коммерческихъ и всеобщихъ оборотовъ, но въ размѣнѣ на деньги имѣютъ не малое затрудненіе, поколику золотая и серебряная рублевая и полтинная монета, войдя теперь въ высокій курсъ, отягощаетъ ихъ промѣномъ отъ 50 до 60 на сто», д. т. с. Свистуновъ признавалъ полезнымъ «въ отвращеніе таковаго неудобства, сопровождающаго промѣнъ ассигнацій, ввести низкопробную серебряную монету, которая бы отдѣлялась отъ курсовой (полноцѣнной) серебряной рублевой и полтинной монеты и способна была повсюду сопутствовать обращенію ассигнацій безтягостнымъ и равноцѣннымъ ихъ размѣномъ на оную». Въ этихъ видахъ д. т. с. Свистуновъ предлагалъ чеканить изъ фунта серебра не 22 р. 75⁵/₉ к., а съ небольшимъ на половину больше или 35 рублей новой монеты. Одновременно предлагалось измѣнить и мѣдную монету, которой тогда чеканилось изъ пуда мѣди 16 рублей; такъ какъ торговая цѣна мѣди тогда начала чувствительно подниматься [1]), то д. т. с. Свистуновъ предлагалъ впредь чеканить изъ пуда мѣди 20 рублей. Съ своей стороны, разсматривая эти предложенія, Совѣтъ исходилъ изъ того, что «у насъ по несоразмѣрному числу золота и серебра, настоящими деньгами почитать должно и всѣ обращенія основывать на мѣдной монетѣ, къ которой безъ большей надобности дотрогиваться не можно, какъ до металла, представляющаго истинную цѣну банковыхъ ассигнацій», «а потому Совѣтъ признаетъ излишнимъ заведеніе другой изобразительной монеты»; чеканку же новой серебряной монеты Совѣтъ тоже признавалъ ненужной, потому что «будетъ она выдѣлываться

---

[1]) По показанію Шторха цѣна ея *на серебро* въ 1803 г. была 18 р. 40 к.; она была на серебро дороже 16 рублей до 1806 г. и потомъ опять начала понижаться, *Storch* Cours d'écon. pol T. VI, табл. III въ приложеніи.

на счетъ серебряныхъ нынѣшнихъ денегъ, которыхъ малое количество должно тѣмъ еще убавиться» [1]).

Любопытно при этомъ, что, встрѣтившись впервые съ идеею о размѣнѣ ассигнацій на низкопробную серебряную монету, Совѣтъ ее отвергъ лишь потому, что онъ считалъ валютою ассигнацій мѣдную монету. Одновременно (въ засѣданіи 12 сентября 1801 г.) Совѣтъ слушалъ записку, «о уменьшеніи въ Россіи золотыхъ и серебряныхъ денегъ» [2]), любопытную тѣмъ, что въ ней не только указывалось на возникновеніе разнообразныхъ лажей въ различныхъ частяхъ государства, но по поводу этаго явленія объяснялось, что «таковое явленіе имѣетъ, кромѣ случайныхъ, постоянныя, повсемѣстныя причины, и ихъ-то желательно открыть, чтобы прекратить зло въ самомъ его корнѣ». Самъ авторъ записки, однако, едва ли правильно указывалъ эти причины исчезновенія изъ Россіи звонкой монеты, усматривая ихъ только въ большихъ количествахъ привозившейся тогда изъ Персіи низкопробной серебряной монеты, на которую русская полнопробная монета покупалась и отправлялась заграницу, для противодѣйствія-же этому вывозу составитель записки предлагалъ, чтобы въ Россіи чеканилась своя собственная низкопробная монета. Естественно, Совѣтъ «по сей запискѣ разсудилъ, что недостатокъ золота и серебра не можно замѣнить заведеніемъ низкопробной монеты» и потому отвергъ сдѣланныя предложенія [3]).

Чрезъ короткое время, въ засѣданіи 26 сентября 1801 г.,

---

[1]) Арх. Гос. Сов., пзд. Гос. Канц., т III, ч I, стр. 403—412.

[2]) Записка эта начиналась слѣдующимъ образомъ: «Давно жалуются въ Россіи на недостатокъ золотыхъ и серебряныхъ денегъ, на безпрестанное ихъ уменьшеніе, не взирая на количество металловъ, ежегодно прибывающее изъ горныхъ заводовъ. Уменьшеніе сіе подлинно таково, что съ нѣкотораго времени легковѣсная монета, переставъ быть монетою, сдѣлалась совершеннымъ товаромъ, имѣющимъ различныя цѣны... Нашъ серебряный рубль на мѣдныя деньги или на ассигнаціи *имѣетъ одну цѣну въ Москвѣ, другую въ Петербургѣ, иную въ Ригѣ, совсѣмъ иную въ юго-западныхъ губерніяхъ*».

[3]) Тамъ-же, стр. 411—420

Совѣту была «предложена къ разсужденію» записка, представленная Императору Александру I ст. сов. Александромъ Арсеньевымъ Въ этой запискѣ указывалось, съ одной стороны, на несоотвѣтствіе между торговою цѣною пуда мѣди и количествомъ монетъ, которое изъ него чеканилось, а съ другой—на то, что «серебро и золото начали выходить за границы и бумажками изъ обращенія были или отняты, или вытѣснены...»; «родился промѣнъ или лажъ...; сей промѣнъ увеличивался постепенно и точно по мѣрѣ выхода серебра». Полагая, что «ассигнаціи не суть монета, но государственные векселя на мѣдныя деньги», что онѣ «подвержены переворотамъ, какъ и всѣ векселя», такъ какъ «когда векселя вѣрные, такіе, по которымъ при объявленіи ихъ тотчасъ платятся наличныя деньги, то всякій старается оные пріобрѣтать», что «какъ скоро небрежно роздали взаймы дворянству 40 милліоновъ и выпустили ассигнацій слишкомъ нежели втрое противъ прежняго количества, тогда вдругъ стеклось множество требующихъ платежей по симъ казеннымъ векселямъ, не стало денегъ, кредитъ упалъ и курсъ рубля состоитъ 22 штивера», — составитель записки признавалъ необходимымъ—«въ монетахъ равновѣсіе возстановить и истребить безпорядокъ въ разсчетахъ, причиняемый различіемъ истинныхъ и именуемыхъ монетъ, также и ассигнаціи привести въ такую мѣру, *чтобы обращеніе оныхъ не вытѣсняло золота и серебра изъ обращенія въ народѣ.* Для достиженія перваго предмета нѣтъ никакой нужды перемѣнять ходящія монеты, а токмо *отдать имъ настоящее достоинство, утвердя закономъ тотъ самый курсъ, который необходимость установила...* Установивъ соразмѣрность монетъ и утвердя оную законнымъ порядкомъ, повелѣть всѣ монеты (по установленнымъ цѣнамъ) въ казну принимать и по онымъ изъ казны выдавать мѣдь, серебро и золото... Получа таковое равновѣсіе, серебро и золото, нынѣ таящіяся, паки войдутъ въ обращеніе, поелику не будетъ никакой опасности мѣнять оное съ потерею, какъ теперь необходимо». На эти предложенія легализаціи биржеваго курса, притомъ весьма низкаго, звонкой монеты, весьма сильное и правильное возраженіе было пред-

ставлено экспедиціею о государственныхъ доходахъ. Въ возраженіи этомъ, между прочимъ, объяснялось: «до введенія въ Россіи государственныхъ ассигнацій, наддача или ажіо при промѣнѣ мѣдныхъ денегъ на серебро было дѣло неизвѣстное... Но въ 1786 г съ учрежденіемъ новаго банка и когда правительство по нуждѣ дѣлало всѣ платежи ассигнаціями, да и по здѣшней торговлѣ курсъ сталъ упадать ниже внутренняго достоинства серебрянаго рубля. установленъ лажъ, который по временамъ возвышался до 60% и упадалъ до 10%. Умноженіе-же государственныхъ ассигнацій и упадокъ вексельнаго курса имѣли за собою то неизбѣжное слѣдствіе, что соразмѣрно онымъ, выходило серебро изъ обращенія или циркуляціи... Только съ открытія новаго банка, по изобилію ассигнацій, установился лажъ... Слѣдовательно, польза государства требуетъ, *чтобъ кредитъ ассигнацій былъ поддержанъ* и всѣ старанія должны обратиться *ко введенію ихъ въ первоначальное достоинство. Уменьшить количество ассигнацій и привесть торговлю въ цвѣтущее состояніе* суть къ тому способы наивѣрнѣйшіе».—Выслушавъ записку Арсеньева, замѣчанія на нее экспедиціи доходовъ и «особливо мнѣніе банкировъ, основанное на вѣрномъ расчетѣ» (до насъ не дошедшее), Совѣтъ призналъ проектъ Арсеньева неудобнымъ къ исполненію и безполезнымъ для выгодъ государственной казны [1]).

IV.

Если первый годъ царствованія императора Александра I ознаменовался такимъ расширеніемъ кругозора на ассигнаціи. который осязательно показывалъ, что вносимое ими разстройство уже чувствуется, какъ тяжкая болѣзнь, требующая радикальнаго леченія сильными средствами,—то слѣдующіе затѣмъ ближайшіе годы до 1805 и даже до 1806 г. были срав-

[1]) Арх. Гос. Сов пзд. Гос. Канц. т. III, ч. I, стр. 421—438.

нительно благопріятны для ассигнацій. Хотя масса ихъ, составлявшая въ концѣ 1800 года 212²/₃ милл. рублей, въ 1801—6 годахъ увеличилась на половину и поднялась до 319¹/₄ милл. рублей [2]), — тѣмъ не менѣе это не только сейчасъ же не сопровождалось никакими видимыми вредными послѣдствіями, но даже не помѣшало въ 1801 — 1803 гг., улучшившимся условіямъ нашей внѣшней торговли благопріятно повліять на возвышеніе курса ассигнацій. Въ 1799 и 1800 гг. курсъ этотъ былъ очень низокъ (въ среднемъ ассигнаціонный рубль сохранялъ лишь ²/₃ своего нарицательнаго достоинства и временами лажъ поднимался до 60%), но съ 1801 г. курсъ сталъ сильно поправляться, а въ 1803 году онъ повысился до блестящаго [3]) состоянія, а въ среднемъ въ 1802—6 годахъ ассигнаціонный рубль опять сохранялъ свыше ³/₄ своего нарицательнаго достоинства. Но затѣмъ начались громадные выпуски ассигнацій: въ 1807 году на 63 милл., въ 1808 г. на 95 милл., въ 1809 г. на 56 милл. и въ 1810 г. на 46 милл. рублей, всего въ эти четыре года новые выпуски простирались на 260 милл. рублей, или столько же, сколько ихъ состояло въ обращеніи къ 1805 г. Естественно, что ассигнаціонный рубль въ началѣ 1807 г. опять стоилъ уже лишь ²/₃ своего нарицательнаго достоинства: въ сильныхъ колебаніяхъ, тщетно стремясь оставаться на болѣе благопріятной высотѣ, рубль ассигнаціонный въ концѣ того же 1807 года упалъ уже до половины этого достоинства, въ первой половинѣ 1808 г.

	Выпущено.	Состояло.	Курсъ бум. рубля.
[2]) въ 1801	8 799 000	221.488.335	71²/₃%
» 1802	8.976.090	230.464 425	80 »
» 1803	19.535.575	250.000.000	79¹ ₃ »
» 1804	10.658.550	260 640 550	77 »
» 1805	31.540.560	292.199.110	73 »
» 1806	27.040 850	319.239.960	67¹/₂ »
1801—1806 .	106.550.620		

[3]) *Корфъ*, Сперанскій, 1, 219. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1803 г. ассигнаціонный рубль по курсу на Лондонъ стоилъ свыше 95 коп. сер., вѣроятно въ связи съ большими субсидіями, которыя тогда Англія платила Россіи.

еще стоилъ немного болѣе половины, а во второй половинѣ 1808 уже стоилъ меньше половины своего названія, въ концѣ 1809 г. онъ едва стоилъ 1/3; на этомъ уровнѣ онъ продержался до осени 1810 г., чтобы опять перейти въ пониженіе и окончить 1810 г. на уровнѣ 1/5 части своего достоинства [1]).

Чрезъ какой потрясающій кризисъ страна должна была пройти, чтобы пережить эти чудовищныя колебанія, — какое безконечное раззореніе кризисъ долженъ былъ причинить,— объ этомъ мы можемъ судить по тому ужасному положенію, въ которое онъ поставилъ государственное казначейство. Необычайному, быстрому и очень сильному, сокращенію подверглись его ординарные рессурсы и потому, даже для обыкновенныхъ расходовъ, налоги представляли все болѣе и болѣе изсякающіе источники; но въ то-же время, какъ разъ при значительныхъ чрезвычайныхъ военныхъ расходахъ, совершенно исключительнаго характера, когда дѣло шло о государственной самообороне въ прямомъ смыслѣ, единственный имѣвшійся рессурсъ экстраординарный стоялъ у предѣла полнаго истощенія.

Изъ такого положенія другія страны въ состояніи были выйти только путемъ открытаго государственнаго банкротства. Примѣръ очень близкій чрезъ годъ показала Австрія, въ которой указомъ 20 февраля 1811 г. масса ассигнацій (банкоцеттелей) въ 678 милл. рублей нарицательныхъ была девальвирована на 1/5 ихъ нарицательнаго достоинства и превращена въ 135 милл. рублей новаго вида бумажныхъ денегъ (Einlösungscheine, выкупныхъ свидѣтельствъ).

Хотя русскихъ ассигнацій въ 1810 г. обращалось на 577 милл. руб., т. е., лишь на 100 милл. руб. меньше, чѣмъ въ Австріи, и онѣ при этой суммѣ упали столь же сильно,

	Выпущено.	Состояло.	Курсъ бум рубля.
[1]) 1807. .	63 089,545	382.329,505	53 3/4 %
1808. . .	95.039,075	477.368,580	44 2/3 »
1809. . . .	55.832,720	533.201,300	43 1/3 »
1810. . . .	46.172,580	579.373,880	25 2/5 »
	260.133.920		

какъ въ Австріи,—тѣмъ не менѣе въ Россіи никому и на мысль не приходило даже только говорить о выходѣ изъ затруднительнаго положенія посредствомъ открытаго или прикрытаго государственнаго банкротства. Напротивъ, тотъ русскій государственный дѣятель, которому выпало на долю играть руководящую роль въ моментъ столь критическій,—котораго императоръ Александръ тогда громко признавалъ и чувствовалъ, какъ свою правую руку [1]), — совершенно ясно сознавалъ, что задача, передъ которою онъ поставленъ, заключается именно въ спасеніи государства отъ банкротства [2]). И потому, дѣйствительно, онъ оказался избранникомъ, призваннымъ совершить великое дѣло: онъ былъ полонъ безграничной вѣры въ возможность спасти государство отъ угрожавшаго ему наитягчайшаго бѣдствія и съ необыкновенною настойчивостью искалъ для этого средствъ, не боясь даже такихъ способовъ, которые по своему существу, по ходу обстоятельствъ и по имѣвшимся въ его распоряженіи силамъ, не безъ основанія, могли быть признаны утопическими, несбыточными, неосуществимыми [3]).

---

[1]) *Корфъ*, Сперанскій, II, 24: «онъ былъ моею правою рукою»— подлинныя слова.

[2]) Тамъ-же, I, 244: «смѣло могу утвердить, что перемѣнивъ систему финансовъ, ваше величество спасли государство отъ банкротства».

[3]) «Огромный журналъ 31 декабря 1811 г., въ коемъ обозрѣвалось все движеніе предпринятыхъ дотолѣ (съ 1810 г.) финансовыхъ операцій и изъ котораго потомъ истекли всѣ дальнѣйшія распоряженія былъ составленъ и написанъ самимъ Сперанскимъ» *Корфъ*, Сперанскій, I, 215. Этотъ журналъ содержитъ, между прочимъ, слѣдующее сжатое резюме сужденій 1810 г. Когда департаментъ экономіи обратился къ разсмотрѣнію способовъ исправленія кредитной системы, то «три способа, или лучше сказать, три системы разныхъ способовъ представились его уваженію. Основаніе первой состоитъ въ томъ, чтобъ *пріумноженіемъ монеты металлической* привести ассигнаціи съ нею въ равновѣсіе, тѣмъ возвысить ихъ достоинство. Но въ опредѣленномъ кругѣ обращенія металлическая монета при избыткѣ ассигнацій не можетъ имѣть мѣста и, появясь на короткое время, должна по необходимости сокрыться. Вторая система состоитъ *въ расширеніи круга обращенія*

Безграничная вѣра Сперанскаго и его утопическія стремленія заключались въ томъ, что «униженныя» ассигнаціи онъ признавалъ возможнымъ не только просто приподнять, но возвысить даже до ихъ нарицательнаго достоинства. Для этого онъ допускалъ возможность приведенія въ порядокъ всего неотвержденнаго государственнаго долга того времени, на громадную (особенно для того момента) сумму 377 милл. руб., т. е., сумму болѣе значительную, чѣмъ на какую было выпущено ассигнацій съ 1801 года. Конечно, при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ той эпохи было несбыточно поставлять себѣ цѣлью — уменьшеніе безпроцентнаго государственнаго долга (по ассигнаціямъ) до 200 милл., изъятіе изъ обращенія ассигнацій на 286 милл. рублей и консолидацію долговъ Воспитательному дому, Заемному Банку и другимъ заведеніямъ на 91 милл. рублей, расчитывая столь огромныя операціи на то: 1) что «наличное имущество Ассигнаціоннаго Банка въ металлахъ, въ капиталахъ и долгахъ (преимущественно помѣщичьихъ) достигало 182 милл. рублей», тогда какъ на дѣлѣ это «имущество» совсѣмъ не могло имѣть серьезнаго значенія для преобразованія ассигнацій; 2) что государственныхъ имуществъ для него возможно будетъ, хотя бы и постепенно, продать на 186 милл. руб. и 3) что ускорить преобразованіе будетъ возможно посредствомъ заключенія займа внутренняго, раздѣленнаго на постепенно реализуемыя части, въ совокупности на 10 милл. рублей [1]). Но

ассигнацій», дѣйствію котораго препятствуютъ какъ исключительныя обстоятельства, такъ особенно значительное «настоящее количество ассигнацій. Третій способъ есть *уменьшеніе массы ассигнацій*. Признавъ, что... средство самое прямое возвратить ассигнаціямъ первое ихъ достоинство есть *уменьшить ихъ количество*, и утвердясь въ сей истинѣ, оставалось избрать путь, коимъ можно бы достигнуть *сей* цѣли. Три пути здѣсь представлялись: 1) избытокъ ассигнацій уничтожить властію правительства, безъ всякаго частнымъ лицамъ возмездія; 2) избытокъ ассигнацій превратить въ государственный долгъ, приносящій ежегодные проценты, 3) принять способы *къ постепенному погашенію ассигнацій*. Изъ сихъ трехъ путей департаментъ избралъ послѣдній». *Архивъ Госуд. Совѣта* изд. Гос. Канц. т. IV ч. 1, стр. 96—97.

[1]) Тамъ же, стр. 98.

если всѣ эти предположенія оказались неправильными [1]), если всѣ они были слабы,—какъ соломенка, за которую хватается утопающій,—то изъ этого слѣдовало лишь, что совсѣмъ не они имѣли рѣшающее значеніе: сила, конечно, была не въ нихъ, а въ самомъ утопающемъ, чувствовавшемъ, что онъ въ состояніи благополучно миновать опасность. Гибель ассигнацій означало государственное банкротство; поэтому, вѣра въ то, что возможно благополучно миновать опасность, свой коренной смыслъ могла почерпать лишь въ убѣжденіи, что спасеніе необходимо и возможно *для ассигнацій*. Вслѣдствіе-же этого—именно въ тогдашній моментъ, при необычайности исключительныхъ обстоятельствъ, подрывавшихъ въ корнѣ всю финансовую силу государства, зависѣвшую всецѣло отъ ассигнацій, признаніе ихъ государственнымъ долгомъ было актомъ величайшей мудрости, выражавшимъ, что, какъ ни велика

[1]) Еще болѣе неправильное предположеніе дѣлалъ департаментъ экономіи, допуская (тамъ же, стр. 556), что въ томъ же 1810 г., въ которомъ въ обращеніи находилось ассигнацій на 577 милл. и вкладныхъ билетовъ (казенныхъ банковъ), которые департаментъ ставилъ наравнѣ съ деньгами, еще на 91 милл. руб., или всего бумажныхъ денегъ, какъ считалъ департаментъ, на 668 милл. руб., кромѣ того, будто бы, еще состояло въ обращеніи серебряной монеты на 150 милл. и золотой на 24 милл. рублей (сверхъ 50 милл. мѣдною монетою). Департаментъ экономіи въ этомъ случаѣ самъ себѣ противорѣчилъ, ибо съ одной стороны онъ признавалъ, что «избытокъ монеты бумажной вытѣсняетъ и выводитъ изъ обращенія монету металлическую» (ib, стр. 95), а съ другой допускалъ, что въ 1810 г. могло состоять въ обращеніи всякаго рода денегъ на 892 милл. руб. или на 674 милл. больше, чѣмъ по предположеніямъ департамента состояло въ обращеніи въ 1780 г.; когда состояло золота на 15 милл., серебра на 136 милл, мѣди на 43 милл. и ассигнацій на 24 милл., причемъ «серебро было во всеобщемъ употребленіи» (ib, стр. 557); а между тѣмъ, самъ департаментъ полагалъ, что наибольшее увеличеніе съ тѣхъ поръ денежнаго обращенія, которое можетъ быть допущено, не должно было-бы превышать 400 милл., т. е. на 276 милл. р. должно было-бы быть меньше, чѣмъ увеличеніе дѣйствительно простиралось; очевидно, что въ составѣ этихъ 276 милл. р. золотая и серебряная монета на 174 милл. руб. никоимъ образомъ въ 1810 г. въ обращеніи состоять не могла

опасность, угрожающая ассигнаціямъ, государство напрягаетъ всѣ усилія къ ихъ спасенію, ясно сознавая обязанность стремиться къ этой цѣли, какъ необходимость *дѣйствительно приступить къ рѣшенію* этой задачи.

Помимо всего того, что по существу дѣла всегда усложняетъ задачу, столь трудную, какъ была поставленная у насъ въ 1810 г, она для Сперанскаго еще особенно усложнялась тѣмъ, что онъ впослѣдствіи называлъ «секретомъ правительства». «Секретъ» заключался въ томъ, что когда государственный совѣтъ въ январѣ, маѣ іюнѣ 1810 г. разсуждалъ о массѣ ассигнацій въ 577 милл. руб. и о пріостановленіи ихъ выпусковъ, то на самомъ дѣлѣ въ обращеніи состояло лишь 534 милл. р., и Сперанскій зналъ, что болѣе значительная на 43 милл. руб. сумма включала выпускъ ассигнацій, который былъ неминуемъ еще въ 1810 году [1]). Департаментъ экономіи въ то время разсуждалъ, исходя изъ того, что ассигнаціи еще сохранили 1/3 своего достоинства [2]), какъ и было тогда на дѣлѣ; но Сперанскій зналъ, что прежде чѣмъ подѣйствуютъ принимавшіяся мѣры,—выпускъ, произведенный въ теченіе 1810 года, еще ухудшитъ положеніе, какъ дѣйствительно и оказалось на дѣлѣ въ концѣ 1810 и въ началѣ 1811 года, когда ассигнаціи понизились до 1/5 части своего нарицательнаго достоинства (паденіе доходило до 520 руб. асс. за 100 руб. серебромъ). Но это ухудшеніе продержалось лишь весьма короткое время и уже съ весны 1811 г. ассигнаціи начали поправляться. Въ 1811 г. не только дѣйствительно не было произведено никакого значительнаго увеличенія ассигнацій, но съ необыкновенною энергіею продолжались старанія

---

[1]) *Корфъ*. Сперанскій, I, 245. Въ журналѣ департаментъ экономіи 31 дек. 1811 г. (Арх. Гос. Сов., I, 1, стр. 97 — 98) говорится объ этомъ безъ приведенія суммы, но объ ней упоминается въ отдѣльномъ мнѣніи князя Чарторижскаго къ журналу 21 января 1810 г (тамъ же, стр. 18).

[2]) Тамъ же, стр. 562. «рубль ассигнаціонный стоитъ 33 копѣйки серебромъ», говорится въ майскомъ журналѣ департамента экономіи 1810 г. (№ 64).

объ усиленіи обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и о поддержаніи цѣнности ассигнацій [1]).

Въ этихъ видахъ проектировалось: во-первыхъ, сдѣлать болѣе успѣшною продажу государственныхъ имуществъ, назначенныхъ для погашенія ассигнацій, и для сего передать ихъ въ вѣдѣніе Коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ, облегчить формальности ихъ продажи и лучше обставить ее вообще [2]); во-вторыхъ, установить особые налоги для погашенія ассигнацій [3]), и, въ-третьихъ, «расширить кругъ обращенія ассигнацій» [4]). Изъ за мѣръ послѣднихъ двухъ категорій уже въ 1811 г начали возникать разногласія между Сперанскимъ и министромъ финансовъ (Гурьевымъ). Съ одной стороны, департаментъ экономіи государственнаго совѣта не одобрялъ всѣхъ предположеній о новыхъ налогахъ, которые представлялъ министръ финансовъ; съ другой стороны, именно поэтому, министръ финансовъ долженъ былъ мало сочувствовать назначенію для изъятія ассигнацій новыхъ налоговъ, которые ему были нужны для сведенія росписи по обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ и расходамъ [5]). Мѣры же для расширенія круга обращенія ассигнацій возбуждали разногласіе, главнымъ образомъ, потому, что въ ихъ составъ входилъ вопросъ объ установленіи принудительнаго курса, по которому Сперанскій и департаментъ экономіи склонялись къ мысли объ узаконеніи какого-нибудь постояннаго курса, тогда какъ министръ финансовъ отдавалъ предпочтеніе узаконенію биржеваго курса.

---

[1]) «Среди паденія ассигнацій, не предаваясь ложнымъ страхамъ, департаментъ постоянно взиралъ на цѣль, ему предназначенную, и въ то время, какъ ассигнаціи наиболѣе понижались, онъ не переставалъ помышлять и назначать способы къ сравненію ихъ съ серебромъ. Нынѣ, когда ассигнаціи начинаютъ возвышаться, не предаваясь скорымъ и обольстительнымъ надеждамъ, онъ считаетъ обязанностью своею не только не ослаблять прежнихъ мѣръ, но признаетъ необходимымъ ихъ усилить». (Журн. деп. экон. 31 дек. 1811 г.. Арх. Гос. Сов. т. VI, ч. 1, стр. 118).

[2]) Тамъ же, стр. 98—101.

[3]) Тамъ же, стр 101—103.

[4]) Тамъ же, стр. 104—105.

[5]) Тамъ же, стр. 142.

Мысль о «расширеніи круга обращенія ассигнацій» первоначально возникла, какъ одна изъ «системъ» для возвышенія ассигнацій; но практически она приводилась въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 3 прибалтійскихъ губерніяхъ, 6 западныхъ и въ Бѣлостокской области, слѣдовательно, во всей западной полосѣ имперіи, съ населеніемъ въ 6 милліоновъ душъ, ассигнаціи почти совсѣмъ не обращались, а сохранился во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ и торговыхъ оборотахъ счетъ на металлическую монету. Это-то вызвало представленіе министра финансовъ отъ 31 октября 1811 года, въ которомъ онъ объяснялъ, что принимаемыя къ основанію прочной системы государственнаго кредита мѣры имѣли бы болѣе быстрые и совершеннѣйшіе успѣхи, если-бъ кругъ дѣйствія этихъ мѣръ единообразно расширялся по всему пространству имперіи, если-бъ въ ея предѣлахъ не существовало столь противнаго понятію, цѣлости и нераздѣльности государства разнообразія въ исчисленіяхъ, сдѣлкахъ, платежахъ и всѣхъ денежныхъ оборотахъ, и если-бъ потому свободное и всеобщее обращеніе ассигнацій не находило себѣ преграды въ 10 пограничныхъ губерніяхъ, производящихъ обширную торговлю и приводящихъ въ движеніе великія массы капиталовъ. Доказывая, что такое положеніе неправильно, министръ финансовъ приходилъ къ заключенію, что къ надежнымъ средствамъ, которыя правительство приняло для возстановленія кредита ассигнацій, необходимо присовокупить еще распространеніе круга свободнаго ихъ обращенія на 10 остальныхъ губерній, истребляя тѣмъ одну изъ причинъ ихъ упадка. Указывая затѣмъ на благодѣтельное дѣйствіе, которое въ Англіи и въ Австріи имѣло установленіе принудительнаго курса, министръ финансовъ полагалъ, что правило равенства и единства мѣръ, вѣсовъ и монетъ, утвержденіе кредита ассигнацій, отвращеніе вывоза звонкой монеты (усиленно производившагося въ пограничныхъ мѣстностяхъ), примѣры народовъ и т. д. «требуютъ: обращеніе банковыхъ ассигнацій учредить единообразно во всѣхъ частяхъ имперіи безъ изъятія *и основать на оныхъ всѣ законные денежные обороты на всемъ пространствѣ государства*».

Собственно говоря, послѣднее заключеніе (чтобы всѣ законные денежные обороты на всемъ пространствѣ государства основывались на ассигнаціяхъ) очень далеко выходило за предѣлы того предмета, котораго касалось представленіе министра финансовъ, и въ этомъ представленіи совсѣмъ нельзя найти никакого объясненія, почему послѣ того, какъ рѣчь шла только о 10 пограничныхъ мѣстностяхъ, заключеніе дѣлается такое, которое касается не однѣхъ только этихъ мѣстностей, но всего пространства государства. Однако, это объясненіе не трудно найдти. Оно заключалось въ томъ, что хотя въ 40 коренныхъ губерніяхъ ассигнаціямъ былъ открытъ «кругъ обращенія», но онъ былъ свободный. И въ этихъ губерніяхъ законъ совсѣмъ не обязывалъ населеніе пользоваться ассигнаціями. Поэтому, если-бы новый законъ установилъ такую обязанность для 10 пограничныхъ областей, то онъ установилъ бы для этихъ областей не единообразіе, а напротивъ, лишь новое исключительное положеніе относительно ассигнацій. «Расширеніе круга обращенія ассигнацій» включеніемъ въ него 10 пограничныхъ областей имѣло практическое значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно было обязательное, ибо на почвѣ «свободнаго обращенія ассигнацій» всякая область могла входить и не входить въ означенный кругъ. Обязательно же включить въ этотъ кругъ одну или нѣсколько частей государства было возможно лишь подъ условіемъ распространенія этой обязательности на «все пространство имперіи».

Поэтому представленіе министра финансовъ отъ 31 октября 1811 г., начинаясь рѣчью о 10 пограничныхъ частяхъ государства, оканчивалось глухимъ переходомъ ко всему пространству государства и проектированіемъ всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя впослѣдствіи вошли въ манифестъ 9 апрѣля 1812 г. [1]).

---

[1]) Архивъ кредитной канцеляріи, дѣло 1811 г. № 1 о распространеніи обращенія ассигнацій и постановленіи курса серебра.

V.

Въ 1810 г. въ числѣ коренныхъ мѣръ по преобразованію кредитной системы признавалось очень важнымъ и новое устройство системы звонкой монеты государства Въ этихъ видахъ вмѣсто дѣйствовавшей съ Екатерины II (на основаніи указа 30 марта 1764 г.) монетной системы, манифестъ 20 іюня 1810 г. установилъ новую систему, основанную на серебряномъ монометаллизмѣ и признающую монетною единицею только серебряный рубль въ 4 золотника и 21 долю чистаго металла. Вмѣстѣ съ тѣмъ манифестъ 20 іюня 1810 г. посвящалъ особый отдѣлъ (IV) постановленіямъ «о единообразіи монетной системы», каковыя постановленія, между прочимъ, опредѣляли, что новая монетная система будетъ имѣть во всей имперіи, единообразную силу и дѣйствіе (ст. 17) и «вслѣдствіе сего съ 1811 г. во всѣхъ губерніяхъ безъ изъятія всѣ законные акты, крѣпости, векселя, условія и сдѣлки имѣютъ быть писаны на россійскую монету» (ст. 18) Кромѣ того, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 29 августа 1810 г. [1]) опредѣлено: всѣ казенные подряды и поставки заключать впредь на серебро съ платежемъ ассигнаціями по среднему петербургскому курсу ближайшихъ къ платежу четырехъ мѣсяцевъ; предположенное же въ «планѣ финансовъ» переложеніе на серебро всѣхъ счетовъ, съ опредѣленіемъ ежегоднаго постояннаго курса ассигнаціямъ, предоставлено еще ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ [2]). Опредѣленія эти показываютъ, что въ 1810 г. существовали нѣкоторыя предположенія сдѣлать обязательною вновь установленную металлическую (серебряную) валюту, хотя въ то же время допускалась и мысль объ обращеніи ассигнацій по установленному курсу. Во всякомъ случаѣ, министръ финансовъ отъ «переложенія счетовъ на серебро» совсѣмъ уклонился и никакихъ по этому предмету объясненій государственному совѣту не представилъ. Когда же въ концѣ 1811 г. онъ входилъ съ вышеизложеннымъ представленіемъ о

[1]) П. С. З. т. XXXI, № 24335.

[2]) *Корфъ*, Сперанскій, I, 209—210.

расширеніи круга обращенія ассигнацій, то его взгляды уже вполнѣ установились. Онъ не только не считалъ полезнымъ переложеніе счетовъ на серебро, но стоялъ за переложеніе ихъ на ассигнаціи, и поэтому проектировалъ осуществившіяся впослѣдствіе въ манифестѣ 9 апрѣля 1812 г. постановленія. Существо ихъ заключалось въ томъ, чтобы всѣ государственныя подати, налоги и сборы взимались не серебромъ, а ассигнаціями по установляемому (т. е. измѣняющемуся по распоряженіямъ финансоваго управленія) курсу; чтобы всѣ условія, договоры и контракты между казною и частными лицами производись и заключались не иначе, какъ на ассигнаціи; чтобы акты и сдѣлки, на серебряную монету между частными лицами заключенныя, оставались въ силѣ, но платежъ по онымъ не могъ быть отринутъ ассигнаціями по курсу въ срокъ платежа, и чтобы по арендным договорамъ и контрактамъ на серебряную монету на волю плательщиковъ предоставлялось производить платежъ серебряною монетою или ассигнаціями по курсу въ срокъ платежа.

Департаментъ экономіи государственнаго совѣта первоначально отнесся къ этимъ предположеніямъ очень сдержанно. Въ журналѣ его отъ 31 декабря 1811 г. написанномъ Сперанскимъ, говорится о нихъ, что сочувствуя задачѣ по ея существу, департаментъ «не можетъ признать средствъ, къ тому предлагаемыхъ, *достаточными*». Въ тѣхъ изъ проектированныхъ постановленій, которыя ввели ассигнаціонную валюту въ отношеніи между казною и частными лицами, департаментъ усматривалъ «одно пожертвованіе со стороны казны, которая обязуется принимать ассигнаціи по низшему ихъ курсу противъ серебра»; по поводу тѣхъ-же, которыя касались отношеній между частными лицами, департаментъ спрашивалъ, справедливо-ли частныхъ людей принуждать на будущее время писать всѣ ихъ обязательства на ассигнаціи, не установивъ законнаго курса? Съ своей стороны департаментъ полагалъ, что расширить ходъ ассигнацій повсемѣстно *иначе невозможно*, какъ установивъ имъ законный курсъ; но установленіе такого курса представляетъ разныя затрудненія, требующія обширныхъ соображеній; по этому департаментъ

призналъ удобнѣйшимъ отложить сей вопросъ [1]). Но вначалѣ 1812 г. произошла очень существенная перемѣна: Сперанскій впалъ въ немилость и вмѣсто его взглядовъ силу получили взгляды его противниковъ, въ ихъ числѣ и министра финансовъ. Поэтому снова обратившись къ вопросу о расширеніи круга обращенія ассигнацій, департаментъ экономіи въ засѣданіяхъ 15—16—17 и 18 февраля 1812 г. руководясь основаніями, едва ли могущими выдержать справедливое испытаніе [2]), выработалъ самъ «проектъ положенія о законномъ курсѣ серебра». Любопытно, что, хотя въ § 1 говорится, что «въ *тѣхъ губерніяхъ и областяхъ*, гдѣ доселѣ долговыя обязательства составлялись серебромъ, учреждается государственный законный оному курсъ на ассигнаціи» и «положеніе» какъ будто имѣетъ лишь мѣстное значеніе, тѣмъ не менѣе въ § 2 объясняется: «цѣль сего учрежденія есть доставить ассигнаціямъ единообразное *во всей имперіи* законное движеніе». Очевидно, подобно министру финансовъ, и департамента экономіи стѣснялся прямо предназначать проектируемый имъ новый законъ для всей страны. Но это касается лишь внѣшней стороны проекта; со стороны внутренней его важнѣйшія правила были слѣдующія. Департаментъ продол-

---

[1]) Арх. Гос. Сов., т. IV, ч. 1, стр. 104—105, 144.

[2]) Исходя изъ того, что «самыя ассигнаціи, даже при избыткѣ ихъ, могли-бы служить вѣрною и удобною монетою, еслибъ можно было дать имъ постоянную цѣну», департаментъ допускалъ возможность рѣшенія этой задачи слѣдующимъ образомъ. «Если два частныя лица, при заключеніи обязательства на серебро, согласятся между собою, что оно можетъ быть исполнено ассигнаціями по извѣстному и опредѣленному курсу, напр. по 3 р. ассигн. за рубль серебряный, то ясно, что силою сего условія они дадутъ ассигнаціямъ постоянное (?) значеніе. Какія-бы впослѣдствіи съ сею монетою ни встрѣтились перемѣны, ни запмодавецъ не получитъ болѣе, ни должникъ не заплатитъ менѣе, нежели онъ занималъ (?). Если вмѣсто сего согласія двухъ лицъ правительство постановитъ общимъ правиломъ, что всѣ обязательства, кои впредь будутъ заключаемы на серебро, могутъ быть уплачиваемы ассигнаціями по опредѣленному курсу, то ассигнаціи въ отношеніи къ симъ обязательствамъ получатъ постоянное значеніе». (Архивъ Государств. Совѣта, т. IV, ч. 1, стр. 392—393).

жаетъ отдавать предпочтеніе «законному курсу». Законный курсъ имѣетъ силу и дѣйствіе, какъ въ платежѣ налоговъ и податей, такъ и въ платежѣ всѣхъ долговъ по контрактамъ, закладнымъ, крѣпостямъ, векселямъ (внутреннимъ) и всякаго рода обязательствамъ, заключеннымъ на серебряную монету (§ 3). Законный курсъ не распространяется на векселя и всякаго рода долги и обязательства, по внѣшней торговлѣ и по другимъ обстоятельствамъ, внѣ имперіи учиненныя (§ 4). Но законный курсъ не распространяется на куплю и продажу, на наличныя деньги производимую (§ 5). Казна платитъ свои долги частнымъ лицамъ тою монетою, какою учиненъ заемъ, за серебро серебромъ и за ассигнаціи ассигнаціями (§ 7). Напротивъ, всѣ долги частныхъ лицъ, какъ казнѣ, такъ и между собою, заключенные въ теченіе минувшихъ лѣтъ до изданія настоящихъ правилъ, платятся ассигнаціями по установляемому нынѣ курсу (§ 11). Курсъ серебра на ассигнаціи установляется на всѣ долги минувшихъ лѣтъ безъ различія времени, когда займы составлены по 3 руб. ассигн. за каждый серебряный рубль (§ 12). Заимодавцу оставляется на волю принять платежъ ассигнаціями по законному курсу, или не принимать; но въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ не можетъ требовать платежа серебромъ, доколѣ дѣйствительная цѣна серебра не сравняется съ цѣною его, опредѣляемою настоящимъ курсомъ (§ 17). Съ изданія сихъ правилъ установляется законный курсъ серебра на ассигнаціи ежегодно доколѣ ассигнаціи не сравняются съ серебромъ (§ 19). Законный годичный курсъ, установляемый на будущее время, имѣетъ силу и дѣйствіе: въ податяхъ казенныхъ, въ долгахъ и обязательствахъ между казною и частными лицами, въ долгахъ и обязательствахъ частныхъ лицъ между собою (§ 21). Казенныя подати, кои взимались серебромъ, отнынѣ взимаемы будутъ ассигнаціями по ихъ годичному курсу (§ 22). Каждый свободенъ заключать контрактъ, писать закладныя крѣпости, векселя, заемныя письма и другія всякаго рода обязательства на ассигнаціи или серебро (§ 27). Обязательства, учиненныя на серебро или золото, могутъ всегда по выбору плательщика быть уплочены или тою-же

монетою, или ассигнаціями по законному курсу того года, когда заемъ состоялся (§ 29). Съ изданія сихъ правилъ законный годичный курсъ на 1812 годъ назначается въ 3 руб. ассигн. за каждый серебряный рубль (§ 30). На будущее время законный курсъ будетъ ежегодно установляемъ въ концѣ каждаго года благовременно (§ 31).—Такимъ образомъ, коренное различіе между проектомъ министра финансовъ и проектомъ департамента экономіи состояло въ томъ, что первый не шелъ далѣе установленія *обязательнаго пріема* ассигнацій; но въ платежахъ между частными лицами онъ *не вмѣшивался въ установленіе курса* ассигнацій, *которому предоставлялась свобода;* при этомъ министръ считалъ болѣе справедливымъ, чтобы при исполненіи частныхъ обязательствъ руководящее значеніе имѣлъ курсъ ассигнацій въ моментъ производства уплаты. Напротивъ, департаментъ экономіи шелъ гораздо дальше, узаконяя не только обязательный пріемъ ассигнацій, но и пріемъ ихъ по *узаконенной цѣнѣ;* при этомъ для всѣхъ обязательствъ, заключенныхъ *до* изданія закона, узаконялся разъ навсегда одинъ произвольный курсъ въ $^1/_3$ нарицательнаго достоинства ассигнацій; для новыхъ же обязательствъ, заключенныхъ послѣ изданія закона, обязательное значеніе долженъ былъ имѣть ежегодно устанавливаемый правительствомъ и измѣняющійся курсъ, съ тѣмъ, чтобъ рѣшающее значеніе при исполненіи обязательствъ имѣлъ курсъ, который закономъ былъ установленъ для того года, когда обязательство было заключено. Для отношеній между казною и частными лицами оба проекта одинаково допускали установленіе для нихъ закономъ курса, по которому казна принимаетъ ассигнаціи вмѣсто серебряной монеты. Наконецъ, нельзя не указать на то, что проектъ департамента какъ-бы самъ сознавался въ своемъ безсиліи вліять на наличныя сдѣлки и на нихъ совсѣмъ не распространялся, т. е. для нихъ молчаливо допускалъ биржевой курсъ (разъ и при нихъ пріемъ ассигнацій оставался обязательнымъ). Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта только 9 членовъ были на сторонѣ проекта департамента (въ томъ числѣ Балашевъ, Дмитріевъ, Козодавленъ, Кампенгаузенъ, Кочубей и Мордвиновъ), а про-

тивъ него высказались 13 членовъ (въ числѣ ихъ государственный канцлеръ графъ Румянцевъ и министръ финансовъ Гурьевъ). Когда затѣмъ (въ воскресенье 17 марта 1812 года) участь Сперанскаго была рѣшена, то о проектѣ департамента уже не было рѣчи [1]), и предположенія министра финансовъ лишь съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями въ ихъ редакціи получили осуществленіе въ манифестѣ 9 апрѣля 1812 года.

VI.

Обстоятельства, предшествовавшія установленію въ Россіи въ 1812 г. обязательнаго хожденія ассигнацій (по устанавливаемому закономъ податному курсу для отношеній между казною и частными лицами и по биржевому курсу для отношеній между частными лицами) требовали болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія не только потому, что они еще никогда не приводились въ ясность, но, главнѣйше—потому, что всѣ остальныя мѣры, которыя принимались въ 1810 и 1811 г.г., могутъ привлекать сочувствіе, возбуждать удивленіе и уваженіе, наконецъ производить впечатлѣніе глубиною мыслей и краснорѣчіемъ ихъ изложенія въ журналахъ государственнаго совѣта, манифестахъ и указахъ, но—онѣ не имѣли никакого практическаго дѣйствія, не представляли собою ничего реальнаго, не выходили изъ предѣловъ благихъ намѣреній, большею частью неосуществимыхъ. Напротивъ, манифестъ 9 апрѣля 1812 г. для всего послѣдующаго времени, вплоть до преобразованія ассигнацій въ 1839—1843 г.г., рѣшилъ ихъ судьбу.

[1]) Измѣненіе въ направленіи было столь сильное, что самъ Совѣтъ въ теченіе 1812 г. неоднократно покушался пересмотрѣть, какъ всѣ финансовыя распоряженія, предпринятыя съ 1810 г., такъ и ихъ результаты, но потомъ эта мысль была брошена. Въ актахъ Совѣта за 1813 и слѣд. годы о ней не упоминается. «Министръ финансовъ сдѣлался всемогущимъ по своей части». (*Корфъ*, Сперанскій, 1, 249).

Онъ создалъ новую денежную систему, совершенно своеобразную, просуществовавшую около 30 лѣтъ и въ теченіе всего этого времени отличавшуюся тѣмъ, что она держалась *вопреки желанію и стремленіямъ правительства*, которое постоянно принимало *противъ* нея самыя различныя мѣры, пока опо не упразднило ее окончательно въ 1839 г.

Уже при своемъ возникновеніи эта новая денежная система не только не соотвѣтствовала намѣреніямъ правительства, *но прямо имъ противорѣчила*. Министръ финансовъ, графъ Гурьевъ, какъ и департаментъ экономіи вмѣстѣ со Сперанскимъ, сочувствовали мысли «о расширеніи круга обращенія ассигнацій» главнымъ образомъ въ надеждѣ на то, что это «расширеніе» будетъ содѣйствовать *возвышенію* курса ассигнацій. «Въ числѣ средствъ, коими можно усилить *погашеніе* ассигнацій», разсуждалъ департаментъ экономіи [1]), «важное занимаетъ мѣсто расширеніе ихъ круга... расширеніе круга ассигнацій *произведетъ тоже дѣйствіе, какое и уменьшеніе ихъ количества*». Также точно разсуждалъ и министръ финансовъ въ своемъ представленіи о расширеніи круга обращенія ассигнацій, усматривая въ этой мѣрѣ способъ «истребить одну изъ причинъ упадка ихъ». Но, на самомъ дѣлѣ, мѣра 1812 г. *этого дѣйствія не произвела* и, напротивъ, послужила могущественнымъ средствомъ, не только для того, *чтобы воспрепятствовать сильному подъему ассигнацій*, но сверхъ того еще для возстановленія обращенія звонкой монеты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы восторжествовалъ проектъ департамента экономіи и ассигнаціи получили-бы узаконенную цѣну въ размѣрѣ одной трети ихъ нарицательнаго достоинства (или въ большемъ размѣрѣ, какъ и предполагалось ее возвышать вплоть до ея уравненія съ нарицательнымъ достоинствомъ), то подобная мѣра также мало содѣйствовала-бы подъему цѣны ассигнацій, какъ мало этому всегда и повсюду содѣйствовало узаконеніе о принудительномъ курсѣ по нарицательной цѣнѣ, даже когда оно безъ

---

[1]) Въ журналѣ 31 дек. 1811 г. (Арх. Гос. Сов., т. IV, ч. 1, стр. 104).

переходовъ вступало въ силу. Но узаконеніе принудительнаго обращенія ассигнацій *по ихъ биржевой цѣнѣ* было во всякомъ случаѣ предоставленіемъ свободы установленію цѣны ассигнацій соотвѣтственно не тому, *чего желало правительство*, а тому, *что было удобно для населенія*. И если для населенія было удобнѣе, чтобы цѣна ассигнацій не дѣлала слишкомъ большихъ, или даже просто большихъ, скачковъ вверхъ (какъ и внизъ), то законъ 9 апрѣля 1812 г. не препятствовалъ свободному воздѣйствію экономическихъ, торговыхъ, промышленныхъ и иныхъ условій *въ ихъ сдерживающемъ колебанія вліяніи*. Практически-же вліяніе это въ концѣ-концовъ выразилось въ томъ, что цѣнность ассигнацій съ 1812 г. очень высоко уже *не поднималась*, а это сдѣлало возможнымъ появленіе звонкой монеты.

Но законъ 9 апрѣля 1812 г. произвелъ еще другое дѣйствіе, *прямо противоположное* тому, которое отъ него ожидалось. Какъ департаментъ экономіи, такъ и министръ финансовъ ожидали, что отъ расширенія круга обращенія ассигнацій «потребность серебра при платежѣ обязательствъ *уменьшится*», «даже въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ нынѣ ходитъ серебро, будутъ ходить ассигнаціи» [2]). На дѣлѣ же послѣ 1812 г. потребность въ серебрѣ *увеличилась*, и даже во внутреннихъ губерніяхъ, въ которыхъ прежде обращались только ассигнаціи, начала обращаться серебряная монета. Манифестъ 1812 г. привелъ къ возстановленію металлическаго денежнаго обращенія въ тогдашней Россіи не только безъ всякихъ стараній правительства, но при стараніяхъ правительства оказывать этому противудѣйствіе.

Короче: новая система денежнаго обращенія, возникшая подъ вліяніемъ манифеста 9 апрѣля 1812 г., состояла въ *совмѣстномъ* обращеніи *сильно понизившихся*, но *мало колеблющихся* въ цѣнѣ ассигнацій *и звонкой монеты*, серебряной и золотой, обращающейся съ очень высокимъ лажемъ.

Предварительно представленія дальнѣйшихъ по этому предмету объясненій, необходимо, однако, упомянуть о собы-

---

[2]) Архивъ Гос. Сов. т. IV. ч. 1, стр. 393.

тіяхъ 1812—16 г г., содѣйствовавшихъ установленію этой новой денежной системы.

Собственно говоря, намъ до сихъ поръ еще недостаетъ полнаго и яснаго знанія тѣхъ ближайшихъ обстоятельствъ, въ силу которыхъ не только пріостановилось сильное паденіе ассигнацій въ концѣ 1810 г. въ началѣ 1811 г. (до 520 руб. ассигн. за 100 р. кр.), но произошло нѣкоторое возвышеніе ихъ курса уже съ весны 1811 г. Враги Сперанскаго приписывали сильный упадокъ ассигнацій до 1/5 части ихъ нарицательнаго достоинства манифестамъ 1810 г, т. е., мѣрамъ Сперанскаго. Но такъ какъ ничего другого, кромѣ этихъ манифестовъ, не было сдѣлано, то одни они только имѣются и для объясненія происшедшей съ весны 1811 г. благопріятной перемѣны, которую всецѣло должно приписать дѣйствію, произведенному пріостановленіемъ ассигнаціонныхъ выпусковъ и необыкновенной энергіи, съ которой «стремились» къ улучшенію финансоваго положенія. Но съ 1812 г. положеніе опять сильно ухудшилось. Не только безслѣдно на нѣкоторое время исчезло все, что даже лишь напоминало Сперанскаго, но наступилъ кризисъ, еще болѣе острый, чѣмъ тотъ, который вызвалъ мѣры Сперанскаго. Выпуски ассигнацій возобновились и къ окончанію отечественныхъ войнъ масса ассигнацій увеличилась до 836 милл., или съ 1811 г. прибавилось новыхъ 256 милл. руб., т. е, сумма болѣе значительная, чѣмъ даже та, которая прибавилась въ 1807—10 г.г. и которая тогда составляла 247 3/4 милл. руб. [1]).

И вотъ эти-то новые выпуски ставятъ насъ передъ фактомъ, совершенно одинокимъ въ исторіи бумажныхъ денегъ.

	Выпущено.	Состояло	Курсъ бум. рубля.
[1]) 1811 . . .	2.020.520	581.394,400	26 2/5 %
1812 . . .	64 500,000	645.894,400	25 1/5 »
1813 . .	103.440,000	749.334,400	25 1/5 »
1814 . . .	48.791,500	798.125,900	20 »
1815 . . .	27 697,800	825.823,700	20 »
1816 . .	5.600,000	831.423,700	25 1/3 »
1817 . . .	4.576.300	836 000,000	25 1/6 »
	256.624.820		

Выпуски 1807—10 г.г. застали массу ассигнацій лишь въ 319 милл. руб. и ассигнаціонный рубль, сохранявшій еще двѣ трети своего достоинства; тѣмъ не менѣе они (выпуски) произвели ужасающее потрясеніе въ стоимости ассигнацій, уменьшивъ ее въ $3^1/_3$ раза ($^2/_3 : {}^1/_5 = 3^1/_3$). Напротивъ, *болѣе значительные* выпуски 1812 и слѣдующихъ годовъ, присоединяясь къ массѣ, которая тогда была *почти вдвое больше,* чѣмъ въ 1807 г., и вліяя на ассигнаціонный рубль, *въ $3^1/_3$ раза болѣе обезсиленный,* имѣли совершенно ничтожное дѣйствіе на стоимость этого рубля Этого нельзя объяснить благопріятнымъ поворотомъ въ ходѣ политическихъ событій, потому что единственный годъ, когда ассигнаціонный рубль временно опять понизился, былъ какъ разъ 1815, обнаруживъ этимъ, что политическія событія вліяли на вексельный курсъ и его колебанія, но не на стоимость ассигнаціоннаго рубля внутри страны [1]). Но если отстранить объясненіе приведеннаго небывалаго явленія политическими вліяніями (дѣйствующими всегда лишь въ короткіе моменты, но не непрерывно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ),—то остается лишь объясненіе—дѣйствіемъ того же манифеста 9 апрѣля 1812 г. Онъ по своему существу долженъ былъ препятствовать не только сильному возвышенію, *но и сильному пониженію стоимости* ассигнаціоннаго рубля.

Узаконяя биржевой курсъ ассигнацій, манифестъ 9 апрѣля 1812 г. какъ-бы *разрывалъ и раздѣлялъ* нарицательное достоинство ассигнацій *на двѣ части:* на ту часть, которая *сохранила свою живую силу* въ биржевомъ курсѣ и которой *законъ давалъ свою охрану и санкцію,* и другую часть, которой, *какъ потерявшей силу,* законъ *отказывалъ въ охранѣ,* и которая этимъ какъ-бы превращалась въ безвозвратную потерю.

[1]) Независимость этой стоимости отъ курса была уже хорошо извѣстна государственному совѣту въ началѣ XIX-го столѣтія Въ журналѣ департамента экономіи 15—18 февраля 1812 г. говорится, между прочимъ: «состояніе коммерческаго курса никакъ нельзя принять постоянною мѣрою во внутреннихъ обязательствахъ. Часто они не имѣютъ между собою связи. Сіе доказывается настоящимъ положеніемъ торговли: по внѣшнему курсу серебряный рубль стоитъ около 3 рублей, а по внутреннему 4 рубля». (Арх. Гос. Сов., т. IV ч. 1, стр 396).

Нарицательное достоинство ассигнаціоннаго рубля отъ этого превращалось въ сложный предметъ изъ живой и мертвой части, о которомъ правильно судить возможно лишь при условія яснаго сознанія, что живое дѣйствіе оказываетъ лишь *живая часть* предмета, но не весь онъ, во всей его цѣлости. А такъ какъ узаконеніе биржеваго курса ассигнацій застало его *на очень низкомъ уровнѣ,* когда живою частью ассигнаціоннаго рубля была лишь одна четверть его нарицательнаго достоинства, то дѣйствіе манифеста 9 апрѣля 1812 г. должно было быть такое-же сильное, какъ если-бъ правительство вдругъ получило возможность *изъять изъ обращенія три четверти* суммы всѣхъ выпущенныхъ до 1812 г., ассигнацій, а съ 1812 г. производить *новые* выпуски только въ размѣрѣ *одной* четверти тѣхъ нарицательныхъ суммъ, на которыя выпуски дѣйствительно производились. Или, иначе говоря: узаконеніе биржеваго курса ассигнацій въ 1812 г. въ то время, когда ассигнаціонный рубль стоилъ 25 коп. сер., означало: во-первыхъ, что живое дѣйствіе оказываетъ не вся сумма обращавшихся тогда ассигнацій, не всѣ 577 милл. руб ихъ нарицательнаго достоинства, а лишь живая одна четверть ихъ, выражавшаяся въ биржевомъ курсѣ, составлявшая не болѣе $144^1/_4$ милл. полноцѣнныхъ рублей, и во-вторыхъ, что въ 1812 и слѣдующихъ годахъ новые выпуски, хотя и простирались на нарицательную сумму 259 милл., но дѣйствіе производили лишь на живую одну четверть этой суммы, или лишь на $64^3/_4$ милл. руб. Такимъ образомъ, узаконеніе биржеваго курса ассигнацій, очень сильно (на три четверти) сокращая дѣйствительныя суммы ассигнацій, какъ состоявшихъ въ обращеніи, такъ и вновь выпускаемыхъ, *расчищало для послѣднихъ почву*, дѣлая ее *болѣе выносливою,* и въ то же время оно *ослабляло дѣйствіе* новыхъ выпусковъ. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, новаго очень сильнаго пониженія въ стоимости ассигнаціоннаго рубля могло и не произойти [1]).

[1]) Само собою разумѣется, что если-бы узаконеніе биржеваго курса ассигнацій застало-бы его на высокомъ уровнѣ, напримѣръ

VII.

Хотя тогдашній министръ финансовъ, графъ Гурьевъ, разсматривая предметъ съ другой стороны, допускалъ, что манифестъ 9 апрѣля 1812 г., распространяя обращеніе ассигнацій на болѣе обширную территорію, содѣйствуетъ ихъ возвышенію, тѣмъ не менѣе онъ далеко не считалъ себя вправѣ удовлетворяться тѣмъ невысокимъ уровнемъ, на которомъ стояла цѣнность ассигнацій. При томъ настроеніи, въ которомъ оканчивались наполеоновскія войны, и при происходившихъ повсюду стараніяхъ возстановить порядокъ въ денежномъ обращеніи, естественно, что и русскій министръ финансовъ признавалъ необходимыми мѣры *къ возвышенію цѣнности* ассигнацій. Въ этихъ видахъ при манифестѣ 16 апрѣля 1817 г. былъ изданъ новый уставъ Коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ, по которому съ 1818 г. назначалось изъ доходовъ государственныхъ имуществъ по 60 милл. руб. ежегодно впредь до уплаты долговъ и *уменьшенія ассигнацій*, соразмѣрно потребности ихъ обращенія. Болѣе опредѣленно относительно ассигнацій новый уставъ содержалъ еще слѣдующія опредѣленія: что *для уменьшенія количества* государственныхъ ассигнацій предполагается *извлекать ихъ постепенно* изъ обращенія, *пока оныя не приблизятся къ достоинству звонкой монеты* (§ 69); что для сего опредѣляются ежегодно: 30 милл. рублей изъ доходовъ государственныхъ имуществъ, всѣ остаточныя суммы отъ по-

---

въ размѣрѣ 2/3 или 1/2 нарицательнаго достоинства, то вліяніе узаконенія, однородное съ вліяніемъ уменьшенія суммы состоящихъ въ обращеніи и вновь въ него выпускаемыхъ ассигнацій, было-бы гораздо болѣе слабое, или даже совершенно пичтожное. Своеобразное вліяніе въ Россіи въ ту эпоху оказало не само по себѣ узаконеніе биржеваго курса, не легализація лажа вообще,—а узаконеніе *очень низкаго* курса ассигнацій, легализація *очень высокаго* лажа на монету. Только это дало практически такое сильное уменьшеніе дѣйствительной суммы обращавшихся ассигнацій, что съ одной стороны, онѣ перестали вытѣснять изъ обращенія звонкую монету, а съ другой—могли уже не продолжать своего понижательнаго движенія.

степенной уплаты срочныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ государственныхъ долговъ, какіе могутъ послѣдовать остатки отъ государственныхъ доходовъ за удовлетвореніемъ общихъ государственныхъ расходовъ и слѣдующія Коммисіи погашенія государственныхъ долговъ суммы за проданныя государственныя имущества (§ 70); что для *скорѣйшаго* уменьшенія количества ассигнацій имѣютъ быть открываемы займы (§ 71) и что все количество имѣющихъ поступить въ Коммисію Погашенія государственныхъ долговъ ассигнацій будетъ публично предаваемо сожженію. Такимъ образомъ, съ возстановленіемъ мира министръ финансовъ почти всецѣло возстановлялъ программу Сперанскаго, то-есть: *цѣлью* онъ ставилъ возвышеніе ассигнацій *до ихъ уравненія* съ серебромъ, слѣдовательно— *возстановленіе ихъ нарицательнаго достоинства;* средствомъ же для достиженія этой цѣли должно было служить *уменьшеніе количества* обращающихся ассигнацій посредствомъ изъятія ихъ изъ обращенія на суммы, которыя должны были доставлять государственныя имущества и займы.

Первоначально болѣе расчитывали на государственныя имущества, чѣмъ на займы. Опытъ, однако, обнаружилъ противоположный результатъ и съ помощью займовъ было изъято изъ обращенія ассигнацій въ 1817 г. на 38.023,875 руб., а въ 1818 г. на 80.229,030 рублей. Вслѣдствіе того, въ журналѣ департамента экономіи государственнаго совѣта отъ 27 іюня 1819 г. между прочимъ, говорилось: «нельзя было предвидѣть, чтобы займы, для сего (для сожженія ассигнацій) открытые, могли быть до такой степени успѣшны. При столь значительныхъ суммахъ пособіе, представляемое суммами за проданныя имущества, становится для сего предмета весьма маловажнымъ» и ему даже дано было другое назначеніе [1]).

[1]) Арх. Гос. Сов., т. IV, ч. 1, стр. 285 —Въ какой мѣрѣ русскій государственный кредитъ высоко поднялся послѣ наполеоновскихъ войнъ, между прочимъ, именно вслѣдствіе заявленнаго правительствомъ намѣренія принимать мѣры для возвышенія ассигнацій, видно изъ одного письма лондонскаго Н. М. Ротшильда къ графу Гурьеву, въ которомъ Ротшильдъ, воскуривъ фиміамъ (honneurs au ministre, qui professe de tels principes, honneur au Souverain

Въ слѣдующіе три года: 1819, 1820 и 1821, изъято изъ обращенія и уничтожено ассигнацій еще на 117.824,745 рублей, такъ что во всѣ пять лѣтъ, въ которыя производилось изъятіе ассигнацій, ихъ сожжено на 236.077,650 рублей. Кромѣ того, вслѣдствіе производившагося въ 1820 г. обмѣна ассигнацій на новый образецъ оказалось не предъявленныхъ къ размѣну (за всѣми по этому предмету расчетами) на 4.146.040 рублей. Поэтому все уменьшеніе ассигнацій въ означенное пятилѣтіе (1817—1821) простиралось до 240.223,690 рублей и по вычетѣ этой суммы изъ 836 милл., на которые ассигнацій состояло въ обращеніи, ихъ оставалось въ обращеніи къ 1822 г. на 595.776,310 рублей. Эта сумма и оставалась безъ измѣненія вплоть до 1843 г., когда ее рѣшено было обмѣнить на кредитные билеты [1]).

Курсъ ассигнацій составлялъ въ 1815 г. 418 коп. асс. за рубль серебромъ, въ 1816 году 403 коп., въ 1817 году 383 коп., въ 1818 году 379 коп., въ 1819 и 1820 годахъ 373 коп. и въ 1821 году 375 копѣекъ. Даже если сравнить возвышеніе курса въ 1819 и 1820 годахъ, когда ассигнаціонный рубль стоилъ 26,81 копѣекъ серебромъ, съ курсомъ 1815 года, когда ассигнаціонный рубль временно упалъ до

---

dont il possède la confiance!) въ очень искательномъ тонѣ предлагаетъ свои услуги при будущихъ займахъ для уничтоженія ассигнацій. Je suis parfaitement disposé, ainsi que ma maison de Paris et celle de Francfort, de faire tout ce qui pourra pour être agréable. Je vous supplie, monseigneur, de ne voir dans cette communication (копіи соглашенія о займѣ прусскаго правительства), ainsi que dans la démarche actuelle, que mon ardent désir d'être utile au gouvernement и т. д. Письмо было послано изъ Лондона, но для вѣрности двѣ его копіи были посланы изъ Парижа и Франкфурта, причемъ парижскій Ротшильдъ отъ себя писалъ nous partageons bien vivement le désir, qu'il (лондонскій Ротшильдъ) exprime, d'être utile и снова выражалось l'admiration la mieux sentie... Арх. Кред. Канцеляріи, дѣло 1818 г. № 18, переписка о кредитныхъ установленіяхъ и о курсѣ въ разныхъ государствахъ).

[1]) Приведенныя суммы взяты изъ дѣла архива Кредитной Канцеляріи 1844 г., № 6 объ обмѣнѣ ассигнацій и депозитныхъ билетовъ на кредитные билеты (свѣдѣнія Ассигнаціоннаго Банка, представленныя Кредитной Канцеляріи 13 іюля 1844 г).

23,92 коп. серебромъ, то возвышеніе составляетъ лишь 12%, тогда какъ сумма ассигнацій уменьшилась на $28^3/_4$%. Если бы курсъ ассигнацій возвысился только на эти-же $28^3/_4$%, то онъ долженъ былъ-бы подняться до 32,18 копѣекъ серебромъ (310,7 коп. асс. за серебряный рубль), и даже тогда покупная сила (биржевая стоимость, имѣвшая обязательную силу) оставшихся въ обращеніи 595.776.310 рублей составляла бы лишь 191.840.000 рублей; но, на дѣлѣ, при курсѣ 373 копѣекъ ассигнаціями за серебряный рубль оставшіяся въ обращеніи ассигнаціи на 595.777.310 рублей дѣйствовали съ покупною силою лишь въ 159.725.000 рублей серебряныхъ. А между тѣмъ, считая по курсу 400 коп. асс., ассигнаціи, обращавшіяся до операцій по ихъ изъятію изъ обращенія на 836 милл. руб., имѣли покупную силу въ 209 милл. рублей серебромъ. Такимъ образомъ, изъятія, которыя графъ Гурьевъ производилъ съ такими большими пожертвованіями, дали самый плачевный результатъ. Они не только не уравнили ассигнаціоннаго рубля съ серебрянымъ, но оказались совершенно безсильными, чтобы дать сколько-нибудь сильное возвышеніе стоимости ассигнаціоннаго рубля, для котораго, очевидно, только и производились весьма значительныя пожертвованія. Для страны это сильное возвышеніе было не только не нужно, но, напротивъ, очень опасно и вредно, угрожая такимъ-же кризисомъ и такими-же потрясеніями, какими сопровождалось сильное паденіе ассигнацій. Страна гораздо болѣе выгадывала отъ сравнительнаго постоянства, которое обнаруживала стоимость ассигнаціоннаго рубля, вопреки стараніямъ правительства. И едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что законъ 9 апрѣля 1812 г., не навязывая населенію никакого, правительствомъ установленнаго, курса, предоставляя самой странѣ устанавливать этотъ курсъ, оказалъ въ этомъ случаѣ могущественное дѣйствіе. На почвѣ этого закона, силою народной привычки принимать ассигнаціонный рубль по мало измѣняющейся цѣнѣ, эта цѣна какъ-бы *незамѣтно фиксировалась* за четверть вѣка прежде, чѣмъ объ этой фиксаціи возникла мысль въ правительственныхъ кругахъ.

Но этого мало. Вслѣдствіе того, что цѣнность ассигнацій

поднялась въ размѣрѣ, *вчетверо* слабѣйшемъ, чѣмъ уменьшилась ихъ масса [1]), ассигнаціи, дѣйствуя въ каналахъ обращенія съ значительно уменьшенною силою (вмѣсто 209 милл. полноцѣнныхъ рублей уже лишь какъ 159³/₄ милл. таковыхъ рублей) *открывали въ нихъ болѣе значительный просторъ для звонкой монеты*, которая и стала *проникать въ нихъ* и *распространяться* въ Россіи очень *скоро* и въ *весьма значительномъ* количествѣ, безъ всякаго содѣйствія правительства, въ Россіи возстановленіе металическаго обращенія происходило само собою, какъ только миръ упрочился.

Такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ финансовое управленіе должно было чувствовать себя разочарованнымъ оно расходилось съ жизнью, какъ въ цѣли, къ которой оно стремилось, такъ и въ средствахъ, къ которымъ оно прибѣгало. Когда правительство ставило себѣ цѣлью *возвышеніе цѣнности* ассигнацій, то жизнь этому противодѣйствовала и удерживала ихъ на *прежнемъ низкомъ* уровнѣ. Когда же оно прибѣгало къ сжатію массы денежнаго обращенія, исходя изъ того, что въ Россіи вообще обращается слишкомъ много денегъ и оттого ихъ цѣнность стоитъ на низкомъ уровнѣ, — то жизнь опять-таки противодѣйствовала, быстро наполняла образовавшуюся пустоту и *замѣняла звонкою монетою сильное сокращеніе бумажныхъ денегъ*.

VIII.

Любопытно, однако, что первоначально финансовое управленіе вовсе не склонно было довольствоваться ролью безучастнаго зрителя этой противоположности между его дѣятельными стремленіями и практически складывавшеюся новою денежною системою въ видѣ совмѣстнаго обращенія сильно

[1]) Масса ассигнацій уменьшилась съ 836 до 595²/₄ милл. или на 28³/₄ %, тогда какъ цѣнность ассигнаціоннаго рубля поднялась лишь съ 25 коп. до 26⁴/₅ коп. или лишь на 7¹/₄ %, слѣдовательно уменьшеніе массы было вчетверо сильнѣе, чѣмъ возвышеніе цѣнности.

обезцѣненныхъ, но мало колеблющихся ассигнацій и звонкой монеты, все болѣе и болѣе проникавшей въ каналы обращенія. Напротивъ, хотя финансовое управленіе и не сознавало ясно, что помимо и вопреки его взглядамъ и дѣйствіямъ въ странѣ устанавливается новая денежная система, но встрѣчаясь съ отдѣльными проявленіями этой новой системы, когда она затрогивала интересы казны, финансовое управленіе расположено было даже къ борьбѣ съ нею. Борьба эта принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ и своеобразныхъ явленій, не только въ русской, но и во всеобщей исторіи денежнаго обращенія. О ней здѣсь разсказывается впервые.

Всего только черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ министръ финансовъ и департаментъ экономіи считали себя совершенно спокойными относительно того, что въ коренныхъ губерніяхъ обращаются однѣ лишь ассигнаціи, не встрѣчая никакого соперничества въ звонкой монетѣ, въ одной изъ самыхъ коренныхъ губерній, въ пензенской, въ двухъ уѣздахъ, пензенскомъ и инсарскомъ, у населенія не только оказалась звонкая серебряная монета, но оно пожелало ею произвести часть причитавшихся отъ него уплатъ въ счетъ податей. Такъ какъ петербургское Статное Казначейство для сборовъ, исчислявшихся въ серебрѣ, но уплачивавшихся ассигнаціями, назначило курсъ въ 300 руб. ассигнаціями за 100 руб серебромъ [1]), то и пензенскіе податные платежи мѣстными и статнымъ казначействами были зачислены по тому же курсу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, даже при чудовищной несправедливости для податныхъ плательщиковъ, приведенный фактъ произвелъ въ Петербургѣ переполохъ; о немъ сдѣланъ 18 мая 1817 г. докладъ министру финансовъ и представлена справка о постановленіяхъ манифеста 9 апрѣля 1812 г., опредѣлявшихъ, что подати уплачиваются ассигнаціями. Въ Петербургѣ было найдено, что пензенскія казначейства поступили неправильно, и 18 же мая 1817 г. отъ министра финансовъ пензенской казенной палатѣ

[1]) То есть, считая по 33⅓ копѣекъ серебромъ за одинъ рубль ассигнаціями. Такого курса не было и онъ очевидно прямо былъ расчитанъ на то, что никто не пожелаетъ и не въ состояніи будетъ платить серебромъ.

дано было предложеніе, въ которомъ ей предписывалось распорядиться, чтобы «впредь по всѣмъ сборамъ требовать и получать однѣ токмо государственныя ассигнаціи или мѣдную монету, серебра же и золота ни въ какомъ случаѣ ни отъ кого не принимать подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ взысканія». Одновременно въ томъ-же смыслѣ былъ разосланъ печатный циркуляръ во всѣ прочія казенныя палаты и казенныя экспедиціи, въ каковомъ циркулярѣ излагалось, что пензенская казенная палата переступила законъ и что ей за это сдѣлано «приличное обстоятельству сему замѣчаніе», а затѣмъ буквально повторялось данное ей предложеніе.

Этотъ случай съ пензенской палатою былъ первымъ поводомъ къ столкновенію казны съ новою денежною системою, складывавшеюся въ странѣ, и такъ какъ онъ не оказался одинокимъ, и въ связи съ нимъ возникла обширная переписка, то изъ нея составилось толстое дѣло подъ страннымъ и необычайнымъ заглавіемъ: «*О непріниманіи въ государственный доходъ золотой и серебряной монеты*» [1]). По однообразному содержанію этого дѣла нѣтъ надобности входить въ подробное его разсмотрѣніе, такъ какъ самое его названіе даетъ уже совершенно ясное понятіе о его содержаніи. Достаточно поэтому привести изъ него нѣсколько указаній о настойчивости, съ которою министерство финансовъ защищало свое право не принимать въ государственный доходъ русскую государственную серебряную и золотую монету. Такъ, отъ 8 іюня 1817 г. министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ министру финансовъ, что петербургская казенная палата категорически заявила почтовому вѣдомству о своемъ намѣреніи «впредь не принимать почтовыхъ доходовъ ни въ золотой, ни въ серебряной монетѣ, но однѣми только ассигнаціями». Еще болѣе любопытно возникшее между сенатомъ и министромъ финансовъ пререканіе по разсматриваемому поводу. А именно, 19 сентября

[1]) Архивъ Кред. Канцеляріи дѣло № 1-й, 1817 — 24 г.г., подъ приведеннымъ въ текстѣ названіемъ.

1818 г. изъ сената посланъ министру финансовъ указъ, въ которомъ объяснялось о рапортѣ тамбовскаго губернскаго правленія, изъяснявшемъ, что борисоглѣбской округи сельскіе начальники и помѣщики, при взысканіи съ нихъ за первую половину сего года податей, отъ уплаты оныхъ отказываются, поставляя причиною сему то, что они за выдаваемый хлѣбъ и прочіе припасы получаютъ деньги серебромъ, считая каждый рубль въ четыре рубля мѣдныхъ, и не находя средствъ къ размѣну оныхъ на ассигнаціи, хотя представляютъ въ уѣздное казначейство серебромъ, но казначейства онаго не принимаютъ, а какъ чрезъ сіе останавливается платежъ податей и накопляются недоимки, то губернское правленіе представляетъ о томъ на благоусмотрѣніе сената, доведя о томъ до свѣдѣнія министровъ финансовъ и полиціи; вслѣдствіе-же сего сенатъ поручаетъ министру финансовъ, разсмотрѣвъ дѣло, сдѣлать на оное разрѣшеніе и донести сенату. Министру финансовъ, конечно, не трудно было выяснить сенату, что онъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ предоставленной ему власти на точномъ основаніи манифеста 9 апрѣля 1812 г. и, вслѣдствіе того, сенатъ его долженъ поддерживать. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ нѣкоторыя губерніи въ своихъ донесеніяхъ министру полиціи ссылались на недостатокъ въ ассигнаціяхъ во ввѣренныхъ имъ мѣстностяхъ и поэтому просили о разрѣшеніи допускать уплату податей серебряною монетою, то дѣло восходило и на разсмотрѣніе комитета министровъ; послѣдній, однако, журналомъ 11 и 25 февраля 1819 г., «убѣдясь доводами, изложенными въ разсужденіяхъ министра финансовъ», призналъ, что недостатка въ ассигнаціяхъ, судя по количеству ихъ, быть не можетъ, и что пріемъ звонкой монеты въ платежъ податей не иначе допускаемъ быть долженъ, какъ постепенно по соображенію министерства финансовъ и по особымъ его о томъ представленіямъ; почему комитетъ полагалъ подтвердить всѣмъ начальникамъ губерній, чтобы платежъ податей производимъ былъ по точной силѣ манифеста 9 апрѣля 1812 года.

Тѣмъ не менѣе самъ министръ финансовъ въ 1818 г. уже

не считалъ возможнымъ оставаться на почвѣ одного только этого манифеста и признавалъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторую уступку новому положенію, вполнѣ уже выяснившемуся. Вслѣдствіе этого онъ въ 1818 г. вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ «о расширеніи обращенія звонкой монеты». Министръ при этомъ указывалъ на то, что «количество звонкой монеты нынѣ постепенно у насъ умножается» и что «народъ нѣкоторымъ образомъ затрудняется въ платежѣ государственныхъ податей»; что съ 1803 г. «со всѣхъ сторонъ до правительства доходили непріятныя свѣдѣнія... звонкая монета въ обращеніи примѣтно исчезла... для облегченія хода бумажныхъ денегъ усиленъ съ 1810 г. выпускъ мелкихъ ассигнацій (100-рублевыхъ въ 1818 г. оставалось въ обращеніи лишь на 4.169,000 р.) и если усиленіе выпуска мелкихъ ассигнацій на мѣсто крупныхъ способствовало къ облегченію ихъ хода, то рѣшительное на сіе дѣйствіе имѣлъ манифестъ 9 апрѣля 1812 г., вслѣдствіе котораго кругъ обращенія ассигнацій ощутительно расширился. Но одновременно *съ 1811 по 1818 гг.* ежегодный выпускъ (изъ монетныхъ дворовъ) серебряной и золотой монеты превышаетъ почти впятеро пропорцію выпуска всѣхъ прошедшихъ годовъ *съ 1762 года*... Наконецъ, появилось у насъ въ обращеніи знатное количество звонкой монеты не токмо въ главныхъ торговыхъ городахъ, какъ-то въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и пр., но и въ самыхъ отдаленныхъ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ прежде она была весьма рѣдка и гдѣ однѣ только ассигнаціи служили средствомъ обращенія... Но приливъ звонкой монеты въ обращеніи соединяется однако же съ нѣкоторыми мѣстными и временными неудобствами Народъ не имѣя вовсе способовъ вносить оныя въ уплаты податей, ни размѣнивать ихъ на ассигнаціи, стѣсняется и встрѣчаетъ затрудненія, которыя становятся ощутительнѣе корыстнымъ дѣйствіемъ внутреннихъ ажіотеровъ... *Неудобства сіи почти повсемѣстны*... Министръ финансовъ, обращая вниманіе государственнаго совѣта на предметъ сей, указываетъ, что съ одной стороны государственныя подати съ 1812 г. взносятся ассигнаціями, а съ другой стороны,

теперь обращеніе звонкой монеты при невозможности вносить никакой суммы оною въ уплату податей становится затруднительно для народа... Возникаетъ вопросъ: постановленіе о платежѣ податей ассигнаціями не должно ли подвергнуться нѣкоторому измѣненію? При предоставленіи сего исключительнаго права ассигнаціямъ, не токмо серебряной, но и мѣдной монеты весьма мало видно было въ обращеніи... Теперь приспѣло время принять правительству дѣятельнѣйшее участіе въ обращеніи звонкой монеты... сообразно настоящему умноженію въ обращеніи серебряныхъ денегъ нужно дать нѣкоторое расширеніе ихъ ходу. Ближайшій къ тому способъ есть допущеніе оныхъ въ платежѣ податей. Но разрѣшеніе сіе не можетъ быть (?) общее, то-есть, онаго нельзя (?) распространить на платежъ всѣхъ налоговъ вообще. Если серебро допустить въ уплату не токмо всѣхъ податей безъ ограниченія, но даже половины оныхъ, то *сіе произведетъ неизбѣжно пониженіе ассигнацій*... Итакъ въ настоящихъ обстоятельствахъ разрѣшеніе платить налоги звонкою монетою *еще невозможно*. Но необходимо открыть истокъ сей монетѣ, въ обращеніи примѣтно скопляющейся, и съ тѣмъ вмѣстѣ небезполезно сдѣлать и начало къ допущенію сей монеты на первый случай въ уплату хотя одного изъ государственныхъ сборовъ... Къ сему представляется удобнѣйшимъ питейный сборъ... Необходимость допущенія звонкой монеты въ пріемъ по питейнымъ сборамъ ощутительна; посему нужно для сего постановить слѣдующее правило: при продажѣ вина изъ казенныхъ магазиновъ виноторговцамъ, допускается пріемъ денегъ за оное, какъ государственными ассигнаціями, такъ и серебряною и золотою монетою, считая каждый рубль по 360 копѣекъ на ассигнаціи впредь до дальнѣйшаго о томъ предписанія» [1]).—Департаментъ экономіи журналомъ 3 декабря 1818 г. мнѣніемъ полагалъ представленіе министра финансовъ утвердить. Въ общемъ же собраніи (9 декабря) 12 членовъ были согласны съ представленіемъ министра финансовъ, а другіе его или

[1]) Считая одинъ ассигнаціонный рубль въ $27^{7}/_{9}$ коп. серебромъ.

совсѣмъ отвергали, или признавали нужнымъ допустить въ немъ измѣненія. пять членовъ стояли за курсъ въ 375 коп. асс. [1]): два члена настаивали на необходимости допустить серебро и въ уплату нѣкоторой части податей, одинъ членъ (графъ Аракчеевъ) стоялъ за ограниченіе опредѣленною частью уплаты серебромъ въ счетъ питейныхъ сборовъ, а два члена оставались при особыхъ мнѣніяхъ, рѣшительно высказавшихся противъ допущенія серебра. Графъ Литта признавалъ это допущеніе мѣрою совершенно неудобною, вредною, противною дѣйствующей системѣ финансовъ и системѣ кредита, а также пользѣ коренной и истинной цѣли правительства, заботившагося о распространеніи круга обращенія ассигнацій. Въ томъ же смыслѣ высказался въ особомъ мнѣніи государственный контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, называвшій «мнимыми», какъ недостатокъ въ ассигнаціяхъ, такъ и обиліе монеты, и указывавшій на то, что перемѣна въ денежномъ обращеніи произошла «противъ желанія» правительства и оттого *не заслуживаетъ поощренія*. Дѣло это Высочайше повелѣно считать рѣшеннымъ согласно съ мнѣніемъ министра финансовъ [2]).

Допущеніе звонкой монеты для нѣкоторыхъ платежей казнѣ было первой брешью, сдѣланною въ той системѣ воззрѣній, которыми департаментъ экономіи и министръ финансовъ руководствовались въ своихъ мѣропріятіяхъ, относившихся къ ассигнаціямъ, въ 1810—12 и въ 1817 гг. Это былъ первый шагъ въ дѣлѣ признанія перемѣны, происшедшей въ денежномъ обращеніи, хотя и «противъ желанія» правительства, но настолько сильно, что оказывать ей систематическое противодѣйствіе представлялось неудобнымъ. Но означенный шагъ не былъ единственнымъ, на который съумѣлъ рѣшиться тотъ-же министръ финансовъ, который игралъ дѣятельную роль въ 1810—12 гг., а 1817 г. возобновилъ доктрины Сперанскаго и, не щадя большихъ жертвъ, въ 1817—21 г.г. настойчиво добивался возвышенія цѣнности ассигнацій. Гурьевъ не оказался глухимъ къ яснымъ указаніямъ опыта

[1]) Считая одинъ ассигнаціонный рубль въ $26^2/_3$ коп. серебромъ.

[2]) Архивъ Госуд. Сов., т. IV, ч. 1, стр. 579—594.

и, убѣдившись въ безплодности усилій, которыя онъ дѣлалъ, расходуя большія суммы на изъятіе ассигнацій въ обращеніи, въ 1822 г. *пріостановилъ* ихъ изъятіе. Существуетъ легенда, будто-бы только его преемникъ по должности, г.-л. Е. Ф Канкринъ, усмотрѣлъ тщету дѣлавшихся усилій и пріостановилъ операціи по уменьшенію суммы обращавшихся ассигнацій; самъ графъ Канкринъ тоже иногда высказывался въ этомъ смыслѣ. Правильно, однако, это можетъ быть понимаемо лишь въ томъ смыслѣ, что въ качествѣ министра финансовъ графъ Канкринъ могъ бы возобновить операціи 1817—21 г.г. и продолжать ихъ, но, признавая ихъ безполезными, не сдѣлалъ этого. Однако, починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ *не ему*. Уже и предшественникъ его въ 1822 году *не продолжалъ* начатыхъ въ 1817 г. операцій. Кромѣ того до насъ дошло прямое свѣдѣніе, сообщаемое Сперанскимъ, что графъ Гурьевъ въ 1822 г. обратился къ мысли замѣнить ассигнаціи билетами, основанными на серебрѣ, т. е. выкупать ассигнаціи на билеты, а не прямо на серебряную монету, но не успѣлъ «привести сего въ дѣйствіе» [1]).

Такимъ образомъ, графъ Гурьевъ, потерпѣвъ неудачу на изъятіи ассигнацій, обратился къ другой мысли, еще болѣе коренной—*преобразовать* ассигнаціи въ бумагу, основанную на серебрѣ. Планъ для такого преобразованія тогда имѣлся готовый: онъ былъ выработанъ англичаниномъ Александромъ Грантомъ [2]). Основныя мысли этого плана заключались въ

[1]) Записка о монетномъ обращеніи (Матеріалы по устр. денежн. обр. изд. Гос. Канц, стр. 157, примѣч.).

[2]) Свѣдѣніе это мы заимствуемъ изъ брошюры Observations sur le papier-monnoie de la Russie par Alexandre Grant, Londres 1823. Нѣкоторыя изъ увѣреній Гранта очевидно неправильны, напр., что второй 5%-ный заемъ былъ заключенъ для образованія размѣннаго фонда по преобразованію ассигнацій; на дѣлѣ этотъ заемъ еще послужилъ для изъятія ассигнацій; но самый планъ Гранта представляетъ большой интересъ, показывая, какія идеи по этому предмету могли быть въ правительственныхъ кругахъ въ обращеніи уже въ началѣ 1820-хъ годовъ. По сильному сходству нѣкоторыхъ идей Гранта съ мнѣніями, которыя въ госуд. совѣтѣ выражалъ баронъ Кампенгаузенъ, тогдашній государственный контролеръ. Надобно думать, что вѣроятно Грантъ имѣлъ какія-либо отношенія къ этому сановнику.

слѣдующемъ. Признавая сильное возвышеніе ассигнацій столь-же вреднымъ, какъ и сильное ихъ пониженіе, авторъ считалъ операціи по изъятію ихъ изъ обращенія безцѣльными и излишними [1]). Ассигнаціи хорошо исполняютъ свою функцію, благодаря тому, что онѣ перестали сильно колебаться. Этимъ необходимо воспользоваться и фиксировать ихъ цѣну [2]). Для этого авторъ считаетъ наиболѣе удобнымъ курсъ въ 375 коп. асс. за серебряный рубль или 400 коп. асс. за золотой рубль. Онъ предлагаетъ измѣнить монетную систему и перейти къ золотому монометаллизму, чтобы воспользоваться начавшеюся тогда усиленною разработкою источниковъ русскаго золота. Такъ какъ тогда (когда писалъ Грантъ) состояло въ обращеніи на 640 милл. руб. ассигнацій, то, по фиксаціи ихъ цѣны, сумма ихъ составила-бы лишь 160 милл. руб. полноцѣнныхъ. Эти-то фиксированныя въ курсѣ ассигнаціи авторъ предполагаетъ постепенно и нечувствительно обмѣнять на новую бумагу («металлическіе билеты»), цѣнность коихъ должна поддерживаться безостановочнымъ ихъ размѣномъ на звонкую монету. (Къ осуществленію такой мысли въ Австріи тогда уже было приступлено). Новые билеты должны выпускаться только въ обмѣнъ на ассигнаціи по мѣрѣ ихъ поступленія въ платежи казнѣ и на звонкую монету. Такъ какъ и ассигнаціи уже обращались совмѣстно съ монетою и ея не вытѣсняли изъ обращенія, не наполняя всѣхъ каналовъ обращенія, то Грантъ тѣмъ болѣе этого ожидаетъ отъ новыхъ билетовъ, основанныхъ на безостановочномъ ихъ размѣнѣ При подобномъ положеніи та ихъ часть, на которую ихъ

---

[1]) Les deux changements, dépréciation et rehaussement, ont la même tendance: celle de dénaturer les engagements existants, de mettre les parties contractantes dans le cas de se trouver à l'echéance de leurs contrats avoir fait ce qu'elles n'avoient pas eu l'intention de faire, de déranger toutes les relations pécuniaires de la société. On fait cela involontairement, lorsque dans des moments de crise on déprécie le papier à force d'en augmenter la masse; mais le relever de cette dépréciation, c'est de propos délibéré occasionner de rechef le même mal, qu'avoient produit des circonstances dont on n'avoit pas été maître. p 11.

[2]) Je regarde cette fixation comme indispensable. p. 43.

сумма можетъ уменьшиться, вслѣдствіе разныхъ неожиданностей, и которая показываетъ, какой наибольшей величины долженъ быть размѣнный фондъ, не можетъ быть очень значительна и едва-ли будетъ превышать одну десятую и никакъ не можетъ быть болѣе одной пятой или 32 милл. рублей, которые авторъ и совѣтуетъ добыть внѣшнимъ займомъ. Обмѣнъ ассигнацій на новые билеты, представляющіе полноцѣнные рубли, авторъ считаетъ особенно важнымъ на случай какой-либо экстраординарной нужды [1]).—Правильно-ли, или неправильно утверждаетъ Грантъ, что уже графъ Гурьевъ предполагалъ осуществить этотъ планъ; планъ его во всякомъ случаѣ показываетъ, что еще до вступленія Канкрина въ управленіе финансами, какъ ему, такъ и вѣроятно многимъ другимъ въ Петербургѣ, уже извѣстны были мысли о преобразованіи ассигнацій, весьма близкія къ тѣмъ, которыя получили осуществленіе въ 1839—43 г.г.

IX.

Къ тому времени, когда во главѣ финансоваго управленія сталъ генералъ-лейтенантъ Е. Ф. Канкринъ, вполнѣ и окончательно опредѣлилось, что денежное обращеніе Россіи составляетъ своего рода уникумъ. Теорія и практика денежнаго обращенія, на западѣ Европы даже до настоящаго времени, знаютъ только три его вида: 1) *исключительно-металлическое,* (a pure metallic currency), когда въ странѣ обращается только звонкая монета (золотая, серебряная, мѣдная или ник-

[1]) C'est dans le cas seulement où les circonstancés obligeroient d'avoir recours à des emmissions de papier pour le service public, que le papier métallique auroit une utilité supérieure au papier déprécié actuel. Pour s'être ménagé une ressource on n'est pas censé en devoir abuser, mais un papier au nivau de la monnaie pourroit, en le cas d'exigence supposé, servir; tandis qu'un déprécié, surtout au point où en est le notre, ne le pourroit guére. Эти замѣчанія автора, конечно, показываютъ большую его дальнозоркость

келевея), 2) *исключительно-бумажное* (a pure paper currency), когда въ странѣ обращаются однѣ только неразмѣнныя и упавшія въ цѣнѣ бумажныя деньги, вытѣсняющія звонкую монету, и наконецъ, 3) *смѣшанное* (a mixed currency), состоящее изъ монеты и равноцѣнной ей, размѣнной на нее бумаги. Этотъ-то послѣдній видъ извѣстенъ теоріи и практикѣ только въ томъ *правильномъ*, нормальномъ (физіологическомъ) его видѣ, въ которомъ онъ получилъ законченную организацію повсюду, гдѣ денежное обращеніе находится въ порядкѣ.

Такимъ образомъ, по господствующимъ въ теоріи и практикѣ Запада Европы взглядамъ, существуютъ два вида денежнаго обращенія (исключительно металлическое и смѣшанное), когда оно состоитъ въ порядкѣ, и *одинъ* патологическій видъ денежнаго обращенія, исключительно бумажное, при которомъ оно разстроено.

Теорія и практика Запада Европы *до сихъ поръ не знаютъ*, что приведенное перечисленіе видовъ денежнаго обращенія *неполно:* что въ Россіи въ теченіе продолжительнаго, почти 30-лѣтняго, періода просуществовалъ еще *четвертый* видъ денежнаго обращенія, какого *нигдѣ никогда не было.* Коренные отличительные признаки этого своеобразнаго четвертаго вида заключаются въ томъ, что онъ, во-первыхъ, образуется *совмѣстнымъ* обращеніемъ звонкой монеты и бумаги и, слѣдовательно, принадлежитъ къ типу *смѣшаннаго* денежнаго обращенія, и, во-вторыхъ, что при немъ *никто не сомнѣвается* въ *глубокомъ разстройствѣ* денежнаго обращенія, ибо обращающаяся при немъ бумага *сильно обезцѣнена*, а звонкая монета обращается съ *высокимъ* лажемъ, выражающимся въ *сотняхъ* процентовъ. Ниже намъ придется еще подробно останавливаться на третьемъ отличительномъ признакѣ четвертаго вида денежнаго обращенія, заключающемся въ томъ, что при немъ не только можетъ, но долженъ существовать лажъ не на одну лишь монету, но и на бумажныя деньги, что и выразилось въ Россіи въ явленіи такъ называемаго «простонароднаго лажа». Такимъ образомъ, нашъ отечественный опытъ восполняетъ господствующія воззрѣнія, показывая, что существуетъ *не одна*, а *двѣ патологическія* формы, въ

которыхъ проявляется разстройство денежнаго обращенія, и что именно смѣшанное денежное обращеніе можетъ существовать не только въ здоровомъ, но и въ больномъ состояніи.

Эту-то *патологическую* форму *смѣшаннаго* денежнаго обращенія Канкринъ засталъ при вступленіи въ управленіе русскими финансами въ *совершенно выяснившемся* и *вполнѣ установившемся* видѣ. Казалось-бы, болѣе, чѣмъ кто-либо иной, Канкринъ, ученый политико-экономъ, былъ тѣмъ государственнымъ дѣятелемъ, которому нетрудно было оріентироваться въ положеніи, которое онъ нашелъ, чтобы сосредоточить всю свою большую энергію и всѣ свои выдающіяся способности на изысканіи способовъ для выхода изъ разстроеннаго положенія и для перехода къ благоустройству въ денежномъ обращеніи. Канкринъ былъ не только практикомъ, но и теоретикомъ-писателемъ, отличающимся глубиною, дальнозоркостью и умѣніемъ симпатизировать всему, заслуживающему сочувствіе. Но, къ сожалѣнію, у него не только теоретическая мысль иногда отдѣлялась отъ практическихъ его стремленій и взглядовъ непроходимою пропастью,—но онъ въ усиленномъ видѣ страдалъ болѣзнью своей эпохи, с т р а х о м ъ всякой, сколько нибудь чувствительной, п е р е м ѣ н ы существующаго, хотя бы страхъ не имѣлъ разумнаго основанія и не имѣлъ права на существованіе. Эти-то обстоятельства воспрепятствовали ему разобраться и въ положеніи денежнаго обращенія, и вмѣсто того, чтобы въ этомъ дѣлѣ принести большую пользу, которую онъ несомнѣнно способенъ былъ принести, онъ оказался не впереди, а позади другихъ, не видѣвшимъ того, что многіе, исключая его, видѣли.

Ближайшія двѣ задачи, къ которымъ г.-л. Канкринъ, по вступленіи въ управленіе финансами, долженъ былъ опредѣлить свое отношеніе въ дѣлѣ денежнаго обращенія, заключались: во-первыхъ, въ рѣшеніи, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать въ вопросѣ о правительственныхъ мѣрахъ къ возвышенію цѣнности ассигнацій, и во-вторыхъ, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать въ вопросѣ о распространеніи обращенія з в о н к о й м о н е т ы. По первому вопросу онъ очень скоро высказался вполнѣ опредѣленно, потому что высказаться ему прии-

лось въ отрицательномъ смыслѣ. что онъ считаетъ безплодными и вредными расходы большихъ суммъ для изъятія изъ обращенія ассигнацій въ видахъ возвышенія ихъ цѣнности. Графъ Канкринъ это сдѣлалъ въ 1824 году и впослѣдствіи въ этомъ усматривалъ большую свою заслугу. Заслуга эта, однако, едва-ли ему стоила большихъ усилій: она по своему существу и по обстоятельствамъ предшествовавшимъ не открывала большаго простора его самостоятельности. Гораздо больше простора для самостоятельнаго образа дѣйствій открывалъ вопросъ о томъ, какъ новый министръ финансовъ будетъ относиться къ обращенію звонкой монеты. Его предшественникъ, графъ Гурьевъ, въ этомъ вопросѣ былъ до извѣстной степени связанъ: онъ въ 1812 г. входилъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о расширеніи круга обращенія *ассигнацій*, и когда онъ въ 1818 г. долженъ былъ входить съ представленіемъ о расширеніи круга обращенія *звонкой монеты,* то въ виду высказанныхъ имъ въ 1812 г. воззрѣній, это было равносильно тому, какъ если бы онъ въ 1818 г. представлялъ о *стѣсненіи* круга обращенія ассигнацій; оттого онъ и согласенъ былъ лишь на *наименьшее* отступленіе отъ прежнихъ его взглядовъ.

Но новый министръ располагалъ полною свободою дѣйствій и могъ идти такъ далеко, какъ желалъ. Поэтому, если и онъ не обнаружилъ желанія идти далеко, то это было осязательнымъ доказательствомъ, что его взгляды существенно не отличались отъ взглядовъ его предшественника.

Это и обнаружилось очень скоро послѣ вступленія его въ должность. Въ министерствѣ находилось достаточно жалобъ начальниковъ губерній на неудобства, чувствуемыя населеніемъ отъ требованія ассигнацій при уплатѣ податей. Особенно настойчивы были представленія Малороссійскаго военнаго губернатора, ссылавшагося на рапортъ маршала дворянства Лохвицкаго повѣта о препятствіяхъ во взносѣ податей, встрѣчаемыхъ помѣщиками и обывателями отъ «непринимания» серебра по курсу. Для удовлетворенія этихъ-то домогательствъ новый министръ придумалъ нѣчто въ родѣ устройства при мѣстныхъ казначействахъ казенныхъ мѣняльныхъ лавокъ.

Изъ поступавшихъ въ ассигнаціяхъ доходовъ министръ предположилъ отдѣлить для названныхъ губерній довольно крупную сумму 2 милл. руб. и ее назначилъ для размѣна звонкой монеты на ассигнаціи, по курсу 370 коп. асс., нуждавшимся въ ассигнаціяхъ.

Написанное по этому поводу министромъ финансовъ 31 января 1824 г. отношеніе его къ Малороссійскому военному губернатору представляетъ большой интересъ, раскрывая не только общіе взгляды министра, при этомъ весьма своеобразно выразившіеся, но и другое очень важное обстоятельство: что уже *при самомъ вступленіи* своемъ въ должность Канкринъ отлично *сознавалъ связь* между вопросомъ объ обращеніи звонкой монеты *и явленіемъ простонародныхъ лажей*. «Сіе весьма важное и затруднительное дѣло, писалъ Канкринъ, подлежитъ особеннымъ соображеніямъ, поелику, во-первыхъ, при дозволеніи принимать серебро въ уплату государственныхъ повинностей,—чего нельзя сдѣлать исключительно въ губерніяхъ, начальству вашему ввѣренныхъ, но должно будетъ распространить и на другія, въ семъ отношеніи въ одинаковомъ положеніи съ ними находящіяся,—*предстоитъ опасность, что звонкая монета совершенно вытѣснитъ изъ обращенія и остальныя ассигнаціи*; во-вторыхъ, нельзя предполагать, чтобы во взносѣ податей обыватели имѣли *значительный* убытокъ отъ вымѣна оныхъ, ибо сбывая съ рукъ свои произведенія, они, конечно, разсчитываютъ *сіе* и увеличиваютъ ихъ цѣну, дабы черезъ то вознаградить потерю, которую несутъ отъ платежа промѣна при *покупкѣ* ассигнацій, и въ третьихъ: самыя представленія г.г. маршаловъ, какъ то изъ опыта дознано, въ семъ отношеніи не всегда бываютъ основательныя и требованія ихъ нерѣдко *затѣйливы*, а именно, они часто употребляютъ настоянія о принятіи податей серебромъ и жалуются на тяжелые промѣны, потому только, что *въ простонародномъ исчисленіи серебряный рубль идетъ за четыре рубля, а ассигнація съ лажемъ*, вовсе не разсуждая, что *сіе выходитъ на одно и тоже съ биржевымъ курсомъ*. Посему я никакъ не могу дозволить по малороссійскимъ

губернiямъ принимать въ уплату государственныхъ повинностей серебро по курсу» [1]).

Такимъ образомъ Канкринъ не только дебютировалъ, какъ охранитель страны отъ *опасности* заключавшейся въ томъ, что «звонкая монета совершенно вытѣснитъ изъ обращенiя ассигнацiи», неизвѣстно куда. но уже съ самаго начала обнаруживалъ, что однѣ лишь жалобы на убытки онъ считалъ не существенными, если онъ не признавалъ этихъ убытковъ значительными, и если эти убытки, вызванные закономъ, разошедшимся съ жизнью, вели къ возвышенiю цѣнъ для возмѣщенiя ихъ. Всего-же важнѣе для будущей дѣятельности новаго министра оказалось то изъ высказанныхъ имъ уже при началѣ его дѣятельности воззрѣнiй, которое касалось связи между «тяжелыми промѣнами» и тѣмъ обстоятельствомъ, что «въ простонародномъ исчисленiи серебряный рубль идетъ за четыре рубля, а ассигнацiя (идетъ) съ лажемъ». Въ этихъ немногихъ словахъ Канкринъ очень удачно выражалъ то, что составляло существо явленiя «простонароднаго лажа», которому суждено было играть столь выдающуюся роль въ теченiе всего времени его финансоваго управленiя.

Но хорошо зная зло, отъ котораго уже тогда страдала жизнь и которое способно было къ большому развитiю и распространенiю, новый министръ удовлетворялся тѣмъ, что онъ имѣлъ готовую по его поводу формулу, которую онъ впослѣдствiи постоянно и повторялъ, когда онъ долженъ былъ объясняться объ этомъ предметѣ. «Сiе выходитъ почти одно и то же съ биржевымъ курсомъ», эта формула, какъ мы ниже увидимъ, составляла *все*, что Канкринъ могъ представить, когда онъ долженъ былъ мотивировать свое пассивное отношенiе къ кореннымъ причинамъ разстройства денежнаго обращенiя. Биржевой курсъ ассигнацiй онъ признавалъ какою-то неприступною твердынею, съ которою совершенно безполезно вести борьбу, разъ она существуетъ. Если «сiе выходитъ почти одно и тоже съ биржевымъ курсомъ», то по мнѣнiю Канкрина оставалось только сложить руки.

[1]) Архивъ Кред. Канц. Дѣло 1824 г., № 2 объ обмѣнѣ ассигнацiй на серебро

X.

Осуществленіе мысли объ устройствѣ въ мѣстныхъ казначействахъ размѣна звонкой монеты на ассигнаціи для доставленія ихъ населенію, нуждавшемуся въ нихъ для уплаты податей, занимало Канкрина довольно продолжительное время. Очень скоро послѣ того, какъ послано было изложенное отношеніе къ Малороссійскому военному губернатору, разосланы были (18-го февраля 1824 года) отношенія министра финансовъ къ гражданскимъ губернаторамъ: пензенскому, курскому, орловскому, тамбовскому, воронежскому, тульскому и рязанскому; въ этихъ отношеніяхъ объяснялось, что поступленіе податей замедляется вслѣдствіе ощущаемаго въ различныхъ мѣстностяхъ недостатка въ ассигнаціяхъ, требуемыхъ закономъ для уплаты податей, тогда какъ населеніе выручаетъ отъ продажи своихъ произведеній только серебро. Посему министръ распорядился, чтобы въ казначействахъ размѣнивали серебро на ассигнаціи по курсу 370 коп. ассигн. за серебряный рубль, но съ тѣмъ, чтобы это дѣлалось только для состояній, обязанныхъ уплатою податей, и чтобы уплата податей производилась непремѣнно ассигнаціями. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ финансовъ спрашивалъ, въ какой мѣрѣ неисправное поступленіе податей зависитъ отъ недостатка въ ассигнаціяхъ и на какую сумму слѣдовало бы допустить пріемъ серебра въ уплату податей

Переписка эта, однако, ни въ 1825, ни въ 1826 году не привела ни къ чему новому, и казначейства продолжали вымѣнивать населенію серебро на ассигнаціи, по операціи размѣна записывать серебро въ доходъ, а ассигнаціи — въ расходъ, чтобы потомъ по сбору податей тѣ-же ассигнаціи опять записывать въ доходъ. Въ концѣ-концовъ, конечно, выходило, что управленіе все-таки получало серебро, а оборотъ по ассигнаціямъ, выданнымъ и вновь принятымъ, представлялъ только излишнюю и обременительную для обѣихъ сторонъ формальность. Тѣмъ не менѣе эта формальность продолжалась съ лишнимъ два года. Только съ 1827 года, по настояніямъ ново-

россійскаго генералъ-губернатора, графа Палена, министръ финансовъ, наконецъ, предложилъ (24 февраля) таврической казенной палатѣ, «временно, впредь до повелѣнія» (конечно, Высочайшаго), принимать въ теченіе года въ уплату податей серебро по 370 к. ассигн. съ выдачею квитанцій, на которыхъ должны были отмѣчаться суммы, какъ серебромъ, такъ и ассигнаціями». Вслѣдъ затѣмъ уже и департаментъ казначейства представилъ 28-го февраля 1827 года министру письменный докладъ о томъ, «чтобъ сколько для облегченія населенія, столько и для большей удобности въ счетахъ» предоставлено было на опредѣленныя суммы въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ принимать серебро въ уплату податей. Это подало поводъ къ ходатайствамъ о распространеніи «сего благодѣтельнаго распоряженія» на губерніи, которыхъ оно не коснулось. Сверхъ того съ мая 1827 г. министръ «призналъ удобнѣе» и въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ съ 1824 г. производили размѣнъ серебра на ассигнаціи, пріемъ отъ всѣхъ вообще плательщиковъ податей *прямо на серебряную монету*.

Но на полную легализацію даже всѣхъ уже сдѣланныхъ имъ въ видѣ опыта распоряженій во всемъ ихъ объемѣ Канкринъ все-таки не рѣшался. Хотя въ своихъ частныхъ распоряженіяхъ по отдѣльнымъ губерніямъ онъ разрѣшалъ пріемъ серебра, иногда на опредѣленную, а иногда и на неограниченную сумму [1]) въ уплату податей вообще, безъ указанія, какихъ именно,—тѣмъ не менѣе именнымъ указомъ, министру финансовъ даннымъ, 11 ноября 1827 г., «для облегченія при взносѣ въ казну денегъ *за паспорты и гербовую бумагу* и для удержанія *мѣдной* монеты въ народномъ обращеніи», дозволенъ пріемъ въ казначейства серебра по 370 коп. асс., конечно, сверхъ ассигнацій и мѣди. Это былъ весьма нерѣшительный шагъ, сдѣланный *чрезъ 10 лѣтъ* послѣ того, какъ *начало уже было сдѣлано* и опытъ такъ наглядно выяснилъ необходимость *болѣе рѣшительнаго* образа дѣйствій. Это впро-

[1]) См. докладную записку (вѣроятно, всеподданнѣйшую) въ вышеприведенномъ дѣлѣ 1824 г. № 2 архива Кред. Канц. объ обмѣнѣ ассигнацій на серебро, листъ 98.

чемъ признавалось и въ министерствѣ финансовъ, въ которомъ уже въ 1828 г. было вполнѣ приготовлено представленіе въ государственный совѣтъ о болѣе широкой постановкѣ дѣла. Но когда оно было доложено Канкрину, то онъ 6 ноября на немъ сдѣлалъ надпись: «я рѣшился это дѣло отложить до будущаго года по обстоятельствамъ войны, торговли, займа и пр., представить мнѣ въ 1829 г., въ августѣ»; 7-го же августа 1829 г. послѣдовала новая отмѣтка: «надобно еще отложить на годъ».

Тѣмъ временемъ въ 1829 г. серебро, не смотря на войну и пр., подешевѣло, и государственному казначейству было невыгодно принимать его по 370 коп. ассигн., когда оно стоило 367 коп. асс.; кромѣ того, истекалъ годовой срокъ, на который Канкринъ разрѣшилъ въ различныхъ губерніяхъ пріемъ серебра въ уплату податей. Поэтому Канкринъ вошелъ 30 марта 1829 г. въ Комитетъ Финансовъ съ представленіемъ, въ которомъ объяснялъ, что, хотя курсъ въ 370 коп. асс. былъ назначенъ тогда, когда ва биржѣ серебряный рубль стоилъ отъ 370 до 375 коп. асс., но такъ какъ курсъ нынѣ на биржѣ понизился и стоитъ 367—367½ коп. асс., такъ какъ «неудобно было бы гнаться, такъ сказать, за каждымъ оттѣнкомъ курса», а «цѣна серебру едва-ли вскорѣ поднимется и частыя перемѣны курса *неудобны*» (для кого?)—то поэтому Канкринъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго пониженія биржевой цѣны, остановился на курсѣ въ 365 коп. асс. и полагалъ по этому курсу разрѣшить пріемъ серебра *въ подати и по питейной части* Состоявшееся въ этомъ смыслѣ постановленіе Комитета Финансовъ удостоилось Высочайшаго соизволенія 5 апрѣля 1829 г.

Вскорѣ послѣ этого Высочайшими указами 19 мая и 24 іюня 1829 г. разрѣшено принимать серебро по 360 коп. ассигн. въ предѣлахъ ¼ суммъ отъ откупщиковъ по питейнымъ сборамъ въ непривиллегированныхъ губерніяхъ, но продажу питей повелѣно производить на ассигнаціи и министру финансовъ предоставлено расширить предѣлы допущенія серебра.

Лишь черезъ годъ, 9 октября 1830 г., Канкринъ, наконецъ, вошелъ въ государственный совѣтъ съ болѣе общимъ

представленіемъ. Вводная часть этого представленія особенно важна, главнымъ образомъ, потому, что въ ней уже совершенно ясно указывается, какое зло произошло отъ того. что пріемъ звонкой монеты въ платежи казнѣ стѣснялся, а именно: *«непринятіе въ казну золота и серебра содѣйствовало по многимъ губерніямъ къ установленію, кромѣ обыкновенныхъ биржевыхъ курсовъ, особенно произвольнаго между частными людьми лажа, не только на золото и серебро, но и на ассигнаціи»*. Указывая на то, что уже съ 1824 г. министръ финансовъ разрѣшалъ «иногда», пріемъ серебра «въ видѣ вымѣна», представленіе дополняетъ этотъ выясненный уже выше фактъ очень характернымъ указаніемъ, что «вымѣнъ» производился «по надобности въ звонкой монетѣ»: очевидно, при этомъ идетъ рѣчь не о надобности *населенія*, которое размѣнивало въ казначействахъ монету на ассигнаціи для взноса ихъ въ казну, а о надобности *казны*. Такимъ образомъ, даже въ томъ видѣ, въ которомъ финансовое управленіе шло на встрѣчу нуждамъ населенія, оно руководствовалось *своими* выгодами, а не интересами податныхъ плательщиковъ. Весьма важно и другое указаніе представленія: что мѣрою 1824 г. и послѣдовавшими за нею мѣрами 1827, 1828 и 1829 г.г. «сдѣлано *нѣкоторое* облегченіе, но на *небольшія* суммы, и какъ мѣры сіи не были общими, а по таможенной части существовалъ еще особый курсъ въ 360 коп. асс., то и не могли онѣ отводить всѣхъ неудобствъ, какія *затрудненію денежныхъ оборотовъ происходятъ отъ различныхъ биржевыхъ, казенныхъ и простонародныхъ курсовъ*». При этомъ, однако, «тамъ, гдѣ разрѣшенъ былъ пріемъ серебра, поступало онаго довольно ограниченное количество, вѣроятно, частію *по причинѣ простонародныхъ курсовъ*, частію потому, что принятое серебро было паки размѣниваемо въ казначействахъ съ прибылью нѣсколькихъ копѣекъ». Это означаетъ на болѣе понятномъ нынѣшнемъ языкѣ: принятаго серебра *накопилось* немного въ казначействахъ, отчасти потому, что серебро принималось казначействами дешевле его стоимости, отчасти-же потому, что казначейства съ прибылью нѣсколькихъ копѣекъ могли его вымѣнивать нуждавшимся въ «ономъ» по болѣе выгодному

курсу. Очень цѣнно и содержащееся въ представленіи указаніе о золотой монетѣ: «золото *вовсе не принималось* въ подати, но съ превращеніемъ большей части уральскихъ богатствъ въ полуимперіалы, *они весьма распространились, возникла особая охота имѣть золотую монету и даже въ простомъ народѣ*». Наконецъ, не лишено значенія, что послѣдовавшее по Высочайшимъ указамъ 19 мая и 24 іюня 1829 г. разрѣшеніе принимать серебро по питейнымъ сборамъ состоялось «по настояніямъ откупщиковъ». Въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, свидѣтельствовавшихъ о «перемѣнахъ въ денежныхъ дѣлахъ государства», Канкринъ осторожно выражалъ убѣжденіе, что «*едва ли не* необходимо допустить *нѣкоторыя* перемѣны въ прежней системѣ относительно исключительнаго пріема ассигнацій» и для этого предлагалъ: разрѣшить вездѣ и по всѣмъ сборамъ, по желанію плательщиковъ, пріемъ въ казну золотой и серебряной монеты, сдѣлать казенные курсы однообразными въ размѣрѣ 360 коп. асс. и допустить, какъ естественное послѣдствіе сей системы употребленіе и въ внутреннихъ государственныхъ расходахъ не однѣхъ ассигнацій, но и звонкой монеты по предназначеннымъ курсамъ.

Изъ всѣхъ этихъ предложеній особенно обращаетъ на себя вниманіе послѣднее, дѣйствительно, представляющее новый шагъ: ибо оно означало, что, по крайней мѣрѣ, для взаимныхъ отношеній между казною и частными лицами, звонкая монета тоже получаетъ не только «свободный ходъ», но и нѣкотораго рода принудительный курсъ: «по предназначеннымъ цѣнамъ» не только казна обязывалась принимать ее отъ частныхъ лицъ, но и частныя лица обязывались ее принимать отъ казны. Это было легализаціею установляемаго въ законодательномъ порядкѣ лажа въ полномъ смыслѣ. Для отношеній между частными лицами сохраняло свою силу опредѣленіе манифеста 9 апрѣля 1812 г., что они обязаны принимать ассигнаціи, но по ихъ *биржевому* курсу; для отношеній же между частными лицами и казною, сверхъ того, еще устанавливалось обязательство пріема звонкой монеты по ея *податному* курсу.

Проектируя длинный рядъ постановленій, въ коихъ Канкринъ формулировалъ подробности своихъ предложеній, онъ пояснялъ, что «послѣдствіемъ сего новаго устройства чрезъ нѣкоторое время будетъ, то, что простонародные курсы, затрудняющіе всѣ внутренніе обороты и подающіе простому народу поводъ думать, что звонкая монета не принимается казною по своей цѣнѣ, исправятся; денежные расчеты освободятся отъ излишней сложности; а съ тѣмъ вмѣстѣ во всѣхъ платежахъ послѣдуетъ болѣе свободы и удобности».

Въ заключеніе, однако, ко всему изложенному Канкринъ дѣлалъ слѣдующее неожиданное добавленіе: «что рѣшимость сдѣлать мѣры, здѣсь предлагаемыя, вдругъ общими, при всей ихъ правильности, *сопряжена съ нѣкоторою отважностью и можетъ имѣть слишкомъ крупное вліяніе на перемѣну простонародныхъ курсовъ*». Но въ чемъ заключается это вліяніе и почему его слѣдуетъ избѣгать, Канкринъ не объяснялъ. Удовлетворяясь однимъ только на него указаніемъ, министръ самъ предлагалъ *пока* не узаконять проектированнаго имъ длиннаго ряда постановленій, а ограничиться болѣе краткимъ указаніемъ, по которому прямо серебро допускалось-бы только по платежамъ, въ указѣ 11 ноября 1827 г., поименованнымъ (за паспорты и гербовую бумагу), по прочимъ же платежамъ казнѣ *предоставить министру финансовъ* разрѣшеніе пріема серебра (по 360 коп. асс.) и распространеніе его на всѣ вообще подати и на прочіе платежи въ казну; вмѣстѣ-же съ тѣмъ министру финансовъ «разрѣшалось» расходовать поступающее въ казну серебро по установленному курсу.

Государственный совѣтъ въ журналѣ общаго собранія 10 ноября 1830 г., принялъ въ соображеніе, что хотя разрѣшеніе повсемѣстно платить звонкою монетою подати по установляемому ежегодно курсу принесло-бы безъ сомнѣнія, великую пользу не только плательщикамъ, но и самой казнѣ, которая менѣе имѣла бы недоимокъ, устранивъ чрезъ то ажіотажъ, но «съ другой стороны министръ финансовъ объяснилъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ государства введеніе общей мѣры повсемѣстнаго пріема въ казну податей

и другухъ платежей звонкою монетою *опасно*». Поэтому государственный совѣтъ согласился со второю, сокращенною «редакціею» предложеній министра финансовъ и въ такомъ видѣ они составили предметъ весьма краткаго Высочайшаго указа 11 декабря 1830 г. (5 января 1831 г.) [1]).

Такъ какъ послѣдующія распоряженія о допущеніи звонкой монеты въ платежи казнѣ имѣли уже довольно отдаленную связь съ излагаемымъ предметомъ, то представляется достаточнымъ вкратцѣ ихъ перечислить. На основаніи указа 11 декабря 1830 г. министръ финансовъ уже 28 декабря того же года предписалъ казеннымъ палатамъ въ 27 губерніяхъ принимать серебряную монету по 360 коп. асс. на всякую сумму въ уплату всѣхъ податей и сборовъ, а затѣмъ распространялъ это предписаніе на другія губерніи. Относительно золотой монеты Канкринъ долго колебался: въ первой редакціи своего представленія въ государственный совѣтъ отъ 9 октября 1830 г. онъ прямо исключалъ золото и находилъ, что въ пріемѣ золотой монеты въ платежи «не предполагается особой надобности и пользы», что она «болѣе составляетъ товаръ» и т. п.,—но въ послѣднюю редакцію онъ все-таки включилъ и золото, хотя въ концѣ-концовъ все-таки отъ нея отказался и указъ 11 декабря 1830 г. оттого объ ней не упоминаетъ. Въ этихъ колебаніяхъ прошло затѣмъ два года и только тогда, когда въ министерствѣ финансовъ накопилось достаточно настойчивыхъ ходатайствъ о допущеніи золотой монеты въ платежи казнѣ въ виду того, что населеніе ею располагаетъ въ большемъ количествѣ, Канкринъ въ мартѣ 1833 г. вошелъ въ государственный совѣтъ съ надлежащимъ представленіемъ, и Высочайшимъ указомъ 10 Мая 1833 г. золото было допущено въ платежи казнѣ, считая золотой рубль по соразмѣрности съ курсомъ на серебро (въ 360 коп. асс.) по 370 коп. асс., что составляло $4^1/_6$% лажа на нарицательную цѣну золотого рубля въ $^1/_5$ часть полуимперіала, содержавшаго 135 долей чистаго золота. Въ 1834 г. Высочайше утвержденнымъ

[1]) Второе П С. З. № 4241 и Архивъ Кред. Канцеляріи, дѣло 1828 г. № 1, о пріемѣ по государству во всѣ подати и сборы золотой и серебряной монеты, въ двухъ частяхъ.

24 іюля мнѣніемъ государственнаго совѣта податной курсъ золотого рубля былъ пониженъ до 365 коп. асс. Въ томъ же 1834 г. Высочайшимъ указомъ 25 іюня временно былъ разрѣшенъ даже пріемъ въ платежи казнѣ иностранной монеты, тогда тоже имѣвшейся у населенія въ замѣтномъ количествѣ; пріемъ этотъ дозволенъ въ видахъ скорѣйшаго изъятія иностранной золотой монеты для переплавки въ русскую монету, но ея пріемъ, впрочемъ, прекращенъ былъ уже 1 сентября 1835 г. Наконецъ, въ ноябрѣ 1836 г. министръ финансовъ напоминалъ казеннымъ палатамъ, что онѣ должны расходовать на мѣстѣ поступающую въ казначейства звонкую монету, ибо получатели *«не имѣютъ права отказываться отъ оной и требовать ассигнацій»*.

Такимъ образомъ, дѣло шло уже не о правѣ казны «отказываться» отъ звонкой монеты и «требовать ассигнацій», а о необходимости *защищать казну* отъ этого страннаго «права», уже ни у кого не имѣвшагося.

XI.

Канкринъ такъ обставилъ исчезновеніе права отказываться отъ русской государственной монеты, что то благое послѣдствіе, которое отъ того должно было произойти, не только не произошло, но составило предметъ потребности, все болѣе и болѣе обострявшейся, все болѣе и болѣе настоятельной и неотложной. Какъ мы видѣли, въ октябрѣ 1830 г., министръ финансовъ писалъ государственному совѣту, что «непринятіе въ казну золота и серебра содѣйствовало къ установленію кромѣ биржевыхъ курсовъ (на монету) особенно произвольнаго между частными людьми лажа не только на золото и серебро, но и на ассигнаціи». Тѣмъ не менѣе, Канкринъ такъ «осторожно» устроилъ пріемъ звонкой монеты во всѣ платежи казнѣ, что когда это «устройство» кончилось, то вся Россія стонала отъ «простонароднаго лажа».

Такъ какъ послѣдующее изложеніе должно сосредоточиться на событіяхъ, вызванныхъ этимъ своеобразнымъ явленіемъ, которое даже въ эпоху своего процвѣтанія едва-ли многими понималось, а большею частью даже тогда считалось загадкою, то представляется умѣстнымъ на время прервать историческое изложеніе для объясненія, въ чемъ собственно заключалось это загадочное явленіе.

Выше уже было упомянуто, что установившаяся въ Россіи послѣ отечественныхъ войнъ (или даже быть можетъ скоро послѣ 1812 г.), денежная система представляла дотолѣ нигдѣ и никогда невиданную болѣзненную (патологическую) форму смѣшаннаго денежнаго обращенія, образовавшуюся отъ совмѣстнаго обращенія звонкой монеты по биржевой цѣнѣ, значительно превышавшей ея нарицательное достоинство, и бумажныхъ денегъ, обращавшихся также по биржевой цѣнѣ, но которая была значительно ниже ихъ нарицательнаго достоинства. Однимъ изъ неизбѣжныхъ послѣдствій *такого* совмѣстнаго обращенія звонкой монеты и бумажныхъ денегъ, является то, что цѣны товаровъ и услугъ должны выражаться въ *различныхъ* суммахъ, смотря по тому, выражаются-ли онѣ въ звонкой монетѣ, или въ обезцѣненныхъ бумажкахъ. И цѣны при этомъ непремѣнно *должны* имѣть *двоякое* выраженіе, въ монетѣ и въ бумагѣ, потому что покупатель можетъ располагать для уплатъ или монетою, или бумажками. Если-же при этомъ курсъ монеты, а слѣдовательно—и бумажекъ, продолжаетъ колебаться, хотя-бы и въ небольшихъ предѣлахъ, то *всякое* въ немъ измѣненіе должно неминуемо отражаться въ платежахъ за товары и услуги. Эта *параллельность измѣненій* въ стоимости товаровъ и услугъ, съ одной стороны, и въ курсахъ монеты и бумажекъ, съ другой, составляетъ *существенную особенность* патологической формы смѣшаннаго денежнаго обращенія, потому что при этой формѣ *совмѣстное* обращеніе монеты и бумажекъ *только на означенной параллельности и держится*. При исключительно-бумажномъ обращеніи (pure paper currency), до тѣхъ поръ, пока неразмѣнныя и упавшія въ цѣнѣ бумажныя деньги еще обладаютъ сколько-нибудь *самостоятельною* покупною силою, она вы-

ражается въ нѣкоторой ея независимости *отъ колебаній курса на звонкую монету, въ способности сопротивляться этимъ колебаніямъ*, то-есть, *не измѣняться* при всякомъ колебаніи курса на звонкую монету, а сохраняться въ своемъ прежнемъ, неизмѣнномъ размѣрѣ: покупать *послѣ* новыхъ колебаній *столько-же* товаровъ и услугъ, сколько *до* нихъ. Вслѣдствіе-же того, что въ этомъ случаѣ покупная сила неразмѣнныхъ и упавшихъ въ цѣнѣ бумажныхъ денегъ имѣетъ способность сопротивляться колебаніямъ курса и, оставаясь отъ нихъ отчасти независимою, дѣйствуетъ, какъ *самостоятельная* покупная сила,—цѣны товаровъ и услугъ, выраженныя въ *такихъ* бумажныхъ деньгахъ, на внутреннихъ (отечественныхъ) рынкахъ *не измѣняются* при всякомъ колебаніи курсовъ на монету. Но *именно только благодаря этому*, неразмѣнныя бумажныя деньги *могутъ вытѣснять изъ обращенія звонкую монету*, то есть· *совмѣстнаго* обращенія звонкой монеты и неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, при независимости покупной силы послѣднихъ отъ колебаній курса на монету, *быть не можетъ*. Ибо при такомъ положеніи бумажки имѣютъ передъ монетою то очень большое преимущество, что ихъ покупная сила внутри страны, на ея рынкахъ, *меньше колеблется* и *болѣе прочна*, чѣмъ покупная сила монеты. Мало того: покупная сила *монеты* при этомъ подвергается *постоянной опасности потерпѣть* болѣе или менѣе крупный *ущербъ* отъ того, что цѣны товаровъ и услугъ не измѣняются при всякомъ колебаніи курса звонкой монеты. Отъ возвышенія этого курса обладатель звонкой монеты долженъ былъ-бы въ ней располагать *увеличившеюся* покупною силою Но отъ неизмѣненія цѣнъ на товары и услуги параллельно происшедшему возвышенію курса, обладатель звонкой монеты не можетъ *ею-же* воспользоваться на внутреннихъ рынкахъ, чтобы покупкою болѣе значительнаго количества товаровъ и услугъ реализовать происшедшее увеличеніе покупной силы въ его звонкой монетѣ. Онъ долженъ *потерять всю выгоду* отъ этого увеличенія, *если* онъ выступитъ на внутреннемъ рынкѣ *такимъ* покупателемъ товаровъ и услугъ, который желаетъ за нихъ уплачивать *звонкою монетою*. По этому онъ *подобнымъ* покупа-

телемъ выступить на внутреннемъ рынкѣ *не можетъ*. Сохранить за собою выгоду отъ возвышенія курса на монету владѣлецъ послѣдней можетъ *только однимъ способомъ*, а именно: онъ долженъ ее *выслать заграницу* (или тамъ ее *оставить*, если она тамъ находится) и заграницею-же пріобрѣсти предметъ, который можно привезти и продать на внутреннемъ (отечественномъ) рынкѣ за такое *увеличенное* количество бумажныхъ денегъ, какое *соотвѣтствуетъ возвышенію курса на монету*. А это онъ *всегда можетъ* осуществить. Такой предметъ составляютъ, напримѣръ, цѣнныя бумаги: акціи, облигаціи, купоны, римессы и т. д [1]). Цѣны этихъ бумагъ,

[1]) Мы намѣренно ставимъ на первомъ мѣстѣ акціи, а не облигаціи, для того чтобъ оттѣнить неправильность распространеннаго у насъ взгляда на присущее будто бы только облигаціямъ внѣшняго государственнаго долга свойство служить той цѣли, о которой говорится въ текстѣ. Страна можетъ *совсѣмъ не имѣть* внѣшняго государственнаго долга и все-таки акціи могутъ съиграть ту-же роль, которая у насъ неправильно приписывается только облигаціямъ внѣшняго государственнаго долга. Такъ, въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки уже очень мало облигацій ихъ государственнаго долга, обращающихся въ Европѣ; но акцій и облигацій ихъ (частныхъ) желѣзнодорожныхъ обществъ въ Англіи, Германіи, Голландіи и Бельгіи, Франціи и т. д. обращается очень много, и кромѣ того обращается много ихъ акцій разныхъ обществъ пивоваренныхъ, горнозаводскихъ, промышленныхъ, сельскохозяйственныхъ и т. д., и эти-то многоразличныя бумаги при случаѣ очень хорошо могутъ замѣнять облигаціи государственнаго долга Но опытъ (Англіи въ началѣ XIX ст. и Франціи въ первую половину 1870-хъ годовъ) показываетъ, что даже когда страна съ исключительно бумажнымъ обращеніемъ (т. н. «бумажно-денежная» страна) *очень и очень богата* и никакія *ея* акціи и облигаціи заграницею *совсѣмъ не обращаются*, но она, именно благодаря своему большому богатству, *составляетъ рынокъ для заграничныхъ акцій и облигацій*, то привозъ этихъ *чужихъ* акцій и облигацій (въ томъ числѣ — облигаціи *чужихъ* государственныхъ долговъ), реализуемыхъ въ бумажно-денежной странѣ, *вполнѣ* разъигрываетъ *ту-же роль*, какую играетъ «притокъ» своихъ акцій и облигацій изъ заграницы. А такъ какъ страна можетъ быть только или богата, или небогата (третьяго положенія не бываетъ) и такъ какъ *въ обрѣзъ* имѣть богатство *только для своихъ* облигацій и акцій тоже еще никакой странѣ не удавалось, то *вредный* притокъ изъ заграницы

именно потому, что онѣ обращаются заграницею, *слѣдуютъ за колебаніями* курса звонкой монеты и колебаніямъ этимъ онѣ подчиняются въ качествѣ предмета привоза изъ заграницы, когда ихъ привозятъ въ страну съ исключительно-бумажнымъ обращеніемъ. Бумаги, поэтому, представляютъ для владѣльца монеты то преимущество, что онѣ его избавляютъ отъ дѣйствія самостоятельности покупной силы бумажныхъ денегъ, независимой отъ колебаній курса звонкой монеты. Въ нихъ, въ этихъ цѣнныхъ бумагахъ, владѣлецъ звонкой монеты находитъ товаръ, котораго *увеличенное* количество онъ можетъ пріобрѣсти, когда покупная сила монеты возвышается, не отражаясь на цѣнахъ товаровъ и услугъ внутри страны [1]). Владѣлецъ монеты (или имѣющій право получить ее изъ заграницы), который не увѣренъ, что ея покупная сила на внутреннихъ рынкахъ соотвѣтствуетъ ея курсу, и котораго убѣждаетъ въ противномъ то, что покупная сила

акцій и облигацій *всегда* оказывался неминуемымъ явленіемъ въ бумажно-денежныхъ странахъ именно при всякомъ благопріятномъ «балансѣ» только отъ того, что звонкая монета въ ней вытѣснялась изъ обращенія неразмѣнными и упавшими въ цѣнѣ бумажными деньгами. Отъ этого *никакое* богатство страны и *никакая* задолженность, активная или пассивная, не можетъ ее избавить. Единственное средство, которое можетъ избавить бумажно-денежную страну отъ вреднаго притока изъ заграницы бумагъ при благопріятномъ балансѣ (и отъ еще болѣе вреднаго притока при неблагопріятномъ балансѣ) заключается въ возстановленіи металлическаго обращенія, при которомъ или *вредный* притокъ становится невозможнымъ (какъ онъ теперь сдѣлался невозможнымъ въ Англіи, Германіи, Франціи и т. д.), или для *успѣшной* борьбы съ нимъ, для уменьшенія его вредности, имѣются *вполнѣ надежныя* средства.

[1]) Если мѣсто бумагъ заступаетъ другой какой-либо привозный изъ заграницы товаръ, то дѣло конечно отъ этого не измѣняется, ибо въ немъ владѣлецъ можетъ находить предметъ, котораго цѣна и на внутреннихъ рынкахъ слѣдуетъ за колебаніями курса монеты и который возвышается въ цѣнѣ, когда курсъ монеты поднимается; а покупая заграницею за свою монету хотя-бы и прежнее количество привознаго товара и продавая его по возвышенной цѣнѣ, владѣлецъ монеты и въ этомъ случаѣ вполнѣ, безъ всякаго ущерба, можетъ извлечь всю пользу отъ увеличенія покупной силы монеты, происшедшаго вслѣдствіе возвышенія ея курса.

бумажныхъ денегъ больше, чѣмъ она должна была-бы быть, судя по курсу на монету, всегда поэтому *поставленъ въ необходимость выслать монету заграницу или оставить ее тамъ*, взамѣнъ бумагъ (или иныхъ товаровъ), дающихъ ему *всю* цѣнность его монеты *безъ всякаго ущерба*. Этимъ-то путемъ *огражденія интересовъ* тѣхъ, для которыхъ независимость покупной силы неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, ея неподчиненіе всѣмъ колебаніямъ монетныхъ курсовъ и, вслѣдствіе того, независимость отъ этихъ колебаній цѣнъ на товары и услуги, установляющихся на внутреннихъ рынкахъ—*были бы источникомъ болье или менье чувствительныхъ потерь и ущербовъ*, и происходитъ общеизвѣстный, присущій исключительно-бумажному обращенію, *процессъ вытѣсненія изъ обращенія звонкой монеты* неразмѣнными и упавшими въ цѣнѣ бумажными деньгами [1]).

Совершенно противоположныя послѣдствія обнаруживаются тогда, когда *упадокъ* неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, (какъ было съ нашими ассигнаціями) *такъ великъ и безповоротенъ*, что ихъ покупная сила совсѣмъ *теряетъ* свою самостоятельность и *способность сопротивляться* колебаніямъ курса на монету, приходя въ прямую зависимость отъ этихъ колебаній, *слѣдуя за ними* и претерпѣвая всѣ ихъ измѣненія. Тогда *цѣны* на товары и услуги тоже приходятъ въ непосредственную зависимость отъ в с ѣ х ъ колебаній курсовъ звонкой монеты и *вслѣдствіе этого* неразмѣнныя бумажныя деньги *теряютъ* ту силу, которою онѣ при другихъ условіяхъ вытѣсняютъ изъ обращенія звонкую монету. Звонкая монета можетъ безпрепятственно проникнуть въ каналы обращенія и въ нихъ дѣйствовать *совмѣстно* съ неразмѣнными и сильно обезцѣненными бумажными деньгами.

Это-то произошло въ Россіи (и Австріи) послѣ отечественной войны, въ началѣ XIX-го столѣтія, когда ассигнаціи потеряли самостоятельность своей покупной силы. Ассигнаціи тоже имѣли свой продолжительный періодъ (приблизительно, до 1810 г.), когда ихъ покупная сила была независима отъ

[1]) Обстоятельно предметъ этотъ авторомъ выясненъ въ его книгѣ «Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе». Спб. 1888.

колебаній лажа на звонкую монету, когда онѣ имѣли силу для вытѣсненія изъ обращенія всей звонкой монеты, и когда онѣ сдѣлали наше денежное обращеніе—исключительно бумажнымъ. Уже Сперанскій указывалъ на то, что тогда «цѣны на вещи не возвышались въ той же мѣрѣ, въ какой упадали ассигнаціи», «возвышеніе цѣнъ у насъ не было соразмѣрно упадку ассигнацій, производительныя силы возрастали быстрѣе» [1]). Но это положеніе *измѣнилось* самымъ кореннымъ образомъ послѣ 1812 г. и послѣ того тяжелаго кризиса, чрезъ который русское народное и государственное хозяйства прошли въ ближайшіе годы передъ тѣмъ. Ассигнаціи пришли въ такой упадокъ, *отъ котораго онѣ уже не въ состояніи были вполнѣ оправиться.* Такъ какъ въ нихъ оставалась уже лишь весьма незначительная часть ихъ прежней жизненности, то она могла выражаться лишь въ ничтожныхъ измѣненіяхъ ихъ цѣнности. Наиболѣе-же явнымъ выраженіемъ ихъ безповоротнаго упадка было то, что *онѣ потеряли способность вытѣснять звонкую монету изъ обращенія,* и она, какъ выше выяснено, къ окончанію Наполеоновскихъ войнъ уже большимъ потокомъ вливалась въ каналы обращенія и въ нихъ дѣйствовала совмѣстно съ ассигнаціями.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого-то положенія явилась необходимость *двоякаго* выраженія стоимости товаровъ и услугъ: въ монетѣ и въ ассигнаціяхъ. Но, такъ какъ ассигнаціи все-таки не представляли безжизненнаго труппа, такъ какъ нѣкоторая жизненность въ нихъ все еще сохранялась, то остатокъ ихъ жизненности въ томъ лишь и могъ обнаруживаться, что цѣнность ассигнацій, хотя она ихъ безсиліемъ и фиксировалась въ очень узкихъ предѣлахъ, но все таки не была, такъ сказать, пригвождена къ одному неизмѣнному уровню, а слабо колебалась подъ вліяніемъ торговыхъ и по-

[1]) *Сперанскій*, Записка о монетномъ обращеніи (изд Мин. Фин. Спб. 1895, стр 17; въ матеріалахъ по вопросу объ устр. денеж. сист., изд. Гос. Канц., Спб., 1896, стр. 145). На томъ-же явленіи неподчиненія цѣнъ колебаніямъ курса ассигнацій останавливался еще подробнѣе, задолго до Тука, на основаніи русскаго опыта, *Storch*, Cours VI 225, sq.

литическихъ обстоятельствъ, сопровождаясь соотвѣтственными измѣненіями въ курсѣ монеты. Эти-то колебанія и измѣненія должны были бы немедленно отражаться на цѣнахъ товаровъ и услугъ, потому что только на этой прямой и непосредственной связи между движеніями товарныхъ цѣнъ, съ одной стороны, и курсовыми колебаніями ассигнацій и звонкой монеты, съ другой, держалось совмѣстное обращеніе монеты и ассигнацій. Но вслѣдствіе этого совсѣмъ былъ-бы невозможенъ какой-бы то ни было установленный уровень цѣнъ товаровъ и услугъ, такъ какъ этотъ уровень непрерывно долженъ былъ-бы усиленно измѣняться не только въ зависимости отъ спроса и предложенія товаровъ и услугъ, но сверхъ того еще въ зависимости отъ всякаго наималѣйшаго колебанія въ курсовой стоимости ассигнацій и звонкой монеты. Даже когда въ странѣ только единовременно, одинъ лишь разъ, должно произойти всеобщее перечисленіе цѣнъ и суммъ товаровъ, имуществъ, услугъ, доходовъ и т. д. — отъ перемѣны въ цѣнности денегъ,—то это производитъ сильнѣйшее потрясеніе въ экономическомъ положеніи всѣхъ и каждаго, богатыхъ и малоимущихъ, производителей и потребителей, внося смуту во всѣ оцѣнки и открывая широкій произволъ ненамѣреннымъ ошибкамъ и злонамѣреннымъ обманамъ. Естественно, что когда вслѣдствіе совмѣстнаго обращенія монеты и бумажныхъ денегъ, основывающагося на тѣсной связи ихъ колебаній съ измѣненіями въ цѣнахъ, означенныя потрясенія должны сдѣлаться нормальнымъ, обычнымъ, повседневнымъ явленіемъ, то странѣ угрожаетъ опасность потери даже сознанія того, что у кого имѣется, какъ велики расходы и затраты и сколько отъ нихъ выручается. Въ этомъ положеніи населеніе не можетъ не искать какого-либо выхода изъ него.

Поиски этого-то выхода и привели у насъ къ «простонароднымъ лажамъ», какъ къ способу, который связанъ былъ съ очень многочисленными неудобствами, но давалъ цѣнамъ товаровъ и услугъ хоть какую-нибудь прочность, — если не дѣйствительную, то хоть кажущуюся, независимость отъ колебаній въ курсахъ монетъ и ассигнацій.

Способъ этотъ заключался въ слѣдующемъ. Цѣны това-

ровъ и услугъ выражались въ ассигнаціяхъ, а слѣдовательно и въ монетѣ, *не по ихъ дѣйствительному*, то-есть, *измѣняющемуся*, курсу, а по *условно-принятому* и *обычаемъ* (народною привычкою) установленному *постоянному* (фиксированному) курсу. Таковымъ у насъ былъ курсъ 4 рублей ассигнаціями за 1 рубль серебромъ, или рубль ассигнаціями за одну четверть серебрянаго рубля (цѣлковаго). Въ этихъ-то *условныхъ или счетныхъ* фиктивно-постоянныхъ «ассигнаціонныхъ рубляхъ» у насъ выражались цѣны товаровъ и услугъ [1]). Ассигнаціонный рубль, какъ *особая денежная единица*, установленная не законодательствомъ, а народною привычкою, такъ глубоко проникъ въ понятія и нравы *всѣхъ классовъ* населенія (а совсѣмъ не одного только «простого народа»), что всякій иной счетъ, не «на ассигнаціи» (въ смыслѣ ассигнаціоннаго рубля, равнаго одной четверти цѣлковаго), у насъ туго при-

[1]) Экономическая исторія знаетъ нѣсколько примѣровъ, когда разстройство денежнаго обращенія приводило къ необходимости пользоваться условными (фиктивными или только счетными денежными единицами, monnaies de compte) не имѣвшими никакой реальности: таковы были т. н. «банковыя валюты» старинныхъ банковъ: гамбургскаго, амстердамскаго и нѣкоторыхъ итальянскихъ. Но что русскій счетъ на условно (фиктивно) постоянный ассигнаціонный рубль *не былъ подражаніемъ* какому-либо иностранному примѣру а возникъ совершенно самостоятельно и независимо отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, это доказывается его существенными отличіями отъ однородныхъ иноземныхъ явленій. Повсюду заграницею «фиктивныя валюты» возникли при разстройствѣ *металлическаго* обращенія и относились *только къ звонкой монетѣ*, онѣ всегда выражали извѣстное, условно-принятое, количество чистаго серебра, онѣ служили только для *банковыхъ* оборотовъ и только въ связи съ ними возникали; наконецъ, онѣ къ *товарнымъ цѣнамъ* совсѣмъ не имѣли *никакого* отношенія Напротивъ, въ Россіи понятіе о «банковой монетѣ» было совершенно произвольно и неправильно усвоено монетнымъ законодательствомъ 1810 г. и въ практикѣ никакого примѣненія никогда не имѣло. Въ противуположность-же къ этому «счетъ на монету» и «счетъ на ассигнаціи» въ смыслѣ *условныхъ счетовъ* возникли совершенно независимо отъ банковыхъ оборотовъ, никакой съ ними связи и никакого для нихъ значенія никогда не имѣли, главнѣйше-же, даже почти исключительно, служили и значеніе имѣли для товарныхъ и имущественныхъ цѣнъ.

вивался вплоть до Крымской войны, хотя счетъ «на ассигнаціи» съ 1839 г. прямо воспрещался положительнымъ закономъ. Правильно и понятно выраженною денежною суммою, или товарною и имущественною цѣною, признавалась лишь та, которая была «на ассигнаціи», но не по ихъ дѣйствительному измѣняющемуся курсу, а по ихъ условно-принятому постоянному курсу въ 400 рублей ассигнаціями за 100 рублей серебромъ. Выраженныя такимъ образомъ денежныя суммы, или имущественныя и товарныя цѣны становились независимыми отъ колебаній курса ассигнацій, а слѣдовательно и монеты, и ихъ измѣненія зависили уже только отъ свойствъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя непосредственно касались предметовъ суммъ, относились только къ спросу и предложенію имуществъ и товаровъ.

Но эта была лишь одна *половина* дѣла, устранявшая независимость товарныхъ и имущественныхъ *цѣнъ* отъ курсовыхъ колебаній, но — на *фиктивной* почвѣ Очевидно. по *такимъ* цѣнамъ *разсчеты* между продавцами и покупателями и реальные *платежи* были бы *совершенно неправильны;* расчеты поэтому *требовали поправки* и эта поправка должна была *соотвѣтствовать дѣйствительному курсу ассигнацій и звонкой монеты.* Если цѣна установлялась по фиктивному курсу 400 руб. асс. за 100 руб. серебр., тогда какъ дѣйствительный курсъ былъ болѣе благопріятенъ для ассигнацій и, слѣдовательно, курсъ монеты для нея менѣе благопріятенъ, то очевидно, что покупатель, расчитываясь по установленной на фиктивной почвѣ товарной цѣнѣ и производя платежъ уже не фиктивными, а реальными ассигнаціями или монетами, уплачивая сполна означенную цѣну, давалъ бы, если онъ уплачивалъ ассигнаціями, *больше цѣнъ съ него слѣдовало*, а если онъ уплачивадъ монетою, то *меньше*, чѣмъ съ него слѣдовало. Въ первомъ случаѣ онъ имѣлъ *право на скидку* съ цѣны, которая отъ него требовалась; онъ имѣлъ право на возвратъ или «сдачу» части этой цѣны. Во второмъ же случаѣ онъ былъ *обязанъ произвести доплату* къ цѣнѣ Эти-то *поправки въ цѣнѣ* и составляли «простонародные лажи»; сдача съ цѣнъ, если покупатель отдавалъ въ уплату ассигнаціи,

составляла «лажъ на ассигнаціи»; доплата же къ цѣнѣ, когда покупатель ее уплачивалъ звонкою монетою, составляла основаніе «лажа на монету». Оба-же вида *этого* «лажа», внося требовавшіяся поправки въ расчетъ, имѣли задачею сдѣлать его правильнымъ, чтобъ никто ни отъ кого не терпѣлъ ущерба.

Выяснимъ изложенное на опредѣленномъ примѣрѣ, на которомъ удобнѣе показать дальнѣйшія подробности состава разсматриваемаго явленія. Положимъ, что дѣло шло о какомъ-нибудь предметѣ (напримѣръ, зеркалѣ), котораго цѣна была 100 рублей «на ассигнаціи». Эти «рубли» были воображаемые или фингированные, соотвѣтствовавшіе курсу 400 рублей ассигн. за 100 рублей серебромъ. Поэтому цѣна зеркала въ 100 руб. асс. (или 25 руб. сер.) имѣла только то значеніе, что она выражала оцѣнку единственно лишь въ зависимости отъ спроса и предложенія зеркалъ, но совершенно независимо отъ колебаній въ курсѣ денегъ, въ которыхъ выражалась цѣна. Очевидно, что расчетъ между покупателемъ и продавцомъ на почвѣ *этой* цѣны, то-есть, уплата за зеркало *реальныхъ* 100 рублей ассигнаціями, или 25 рублей серебромъ, былъ бы лишь въ томъ случаѣ правильнымъ, еслибъ и *дѣйствительный*, а не только условный, курсъ былъ 400 руб. асс. за 100 руб. сереб. Положимъ, однако, что дѣйствительный курсъ былъ *иной* и составлялъ за 100 рублей серебромъ $351^{9}/_{16}$ рублей ассигнаціями. Очевидно, что при такомъ дѣйствительномъ курсѣ и при цѣнѣ зеркала въ 100 рублей ассиг. или 25 руб. сер., покупатель заплатилъ бы *слишкомъ много*, еслибъ онъ далъ за зеркало 100 руб. асс., и заплатилъ бы *слишкомъ мало*, еслибъ онъ за него далъ 25 реальныхъ серебряныхъ рублей. Ибо цѣна зеркала выражена въ 100 такихъ ассигнаціонныхъ рубляхъ, изъ которыхъ каждый стоитъ лишь 25 копѣекъ серебромъ, а реальная 100-рублевая ассигнація при курсѣ въ $351^{9}/_{16}$ содержитъ въ себѣ такіе ассигнаціонные рубли, изъ которыхъ каждый содержитъ $28^{4}/_{9}$ копѣйки серебромъ [1]), т. е., онъ уплатитъ больше, чѣмъ дол-

[1]) $\frac{100 \times 100}{351^{9}/_{16}} = 28^{4}/_{9}$.

женъ. Если-же покупатель уплатитъ за зеркало 25 рублей серебромъ, изъ которыхъ каждый при означенномъ курсѣ стоитъ 351$^{9}/_{16}$ копѣекъ ассигнаціями, тогда какъ цѣна зеркалу назначена въ 25 такихъ серебряныхъ рублей, изъ которыхъ каждый стоитъ 400 копѣекъ асс., то онъ заплатитъ слишкомъ мало. Такимъ образомъ, при цѣнѣ зеркала въ 100 руб асс или 25 руб. сер., установленной по курсу 400 руб. асс за 100 руб. серебр., и при дѣйствительномъ курсѣ въ 351$^{9}/_{16}$ руб. ассигн. за 100 руб. серебр., *ни одинъ изъ этихъ курсовъ*, ни условный, ни дѣйствительный, не можетъ служить основаніемъ для правильнаго расчета между покупателемъ и продавцомъ. Для того, чтобъ никто никого не обидѣлъ, необходимо одно изъ двухъ: или *цѣна вещи* должна измѣниться соотвѣтственно дѣйствительному курсу, или напротивъ, цѣна вещи остается безъ измѣненія, тогда необходимо *вычислить* такой курсъ, который показывалъ-бы, какія *поправки* должны быть внесены въ расчетъ между покупателемъ и продавцомъ, чтобъ этотъ расчетъ *одновременно* соотвѣтствовалъ: *цѣнѣ* вещи, основанной на *условномъ* курсѣ. и *правильному* платежу за нее, долженствующему основываться на *дѣйствительномъ* курсѣ. Такимъ *новымъ* курсомъ,—требующимся собственно для приведенія въ извѣстность поправокъ въ расчетѣ по цѣнѣ и причитающагося по ней платежа.—можетъ быть, очевидно, только средній пропорціональный курсъ между условнымъ и дѣйствительнымъ. Ибо *при цѣнѣ въ 100 руб. ассиг.*, уплата по курсу 400 руб асс. = 100 руб. сер. была бы, при уплатѣ ея ассигнаціями убыточна для покупателя и несправедливо выгодна для продавца; при уплатѣ же ея монетою эта уплата была-бы несправедливо выгодна для покупателя и убыточна для продавца. По курсу-же въ 351$^{9}/_{16}$ руб. асс. за 100 руб. сер. уплата *той же* цѣны въ 100 руб. асс. или 25 рублей сер. была-бы: при уплатѣ ея ассигнаціями убыточна для покупателя и несправедливо выгодна для продавца; при уплатѣ-же ея монетою эта уплата была-бы несправедливо выгодна для покупателя и убыточна для продавца. Поэтому для выясненія требующихся поправокъ въ расчетѣ и правильнаго опредѣленія причитающагося платежа, необходимо исходить

изъ такого курса, который во столько же разъ менѣе благопріятенъ, чѣмъ дѣйствительный, во сколько разъ онъ болѣе благопріятенъ, чѣмъ условный; этотъ курсъ, слѣдовательно, получается изъ пропорціи $351^{9}/_{16} : x = x . 400$. Это даетъ $x = 375$ руб. асс. за 100 руб. сер. Исходя затѣмъ изъ того, что 100 руб. сер. = 375 р. расчетнымъ = 400 руб. условнымъ = $351^{9}/_{16}$ руб. дѣйствительнымъ, мы получимъ, что для уплаты 100 руб. условныхъ цѣны вещи требуется:

$$\frac{351^{9}/_{16}}{375} \times 100 = \frac{375}{400} \times 100 = 93^{3}/_{4} \text{ руб. асс.}$$

и если покупатель даетъ за зеркало продавцу сторублевую ассигнацію, то онъ ему переплатитъ лишніе 100—$93^{3}/_{4} = 6^{1}/_{4}$ руб. асс., каковые $6^{1}/_{4}$ руб. асс. выражаютъ поправку въ ассигнаціонномъ расчетѣ по цѣнѣ зеркала и должны быть въ видѣ «сдачи» *возвращены* покупателю. Эти $6^{1}/_{4}$ на $93^{3}/_{4}$ составляютъ $6^{2}/_{3}$% и выражаютъ въ нашемъ примѣрѣ «лажъ на ассигнаціи». Если же платежъ производился серебряными рублями, то за зеркало должно было уплатить не 25 руб., но

$$\frac{400}{375} \times 25 = \frac{375}{351^{9}/_{16}} \times 25 = 26^{2}/_{3} \text{ руб. сер.},$$

то-есть, въ расчетѣ требуется поправка, составляющая $26^{2}/_{3} - 25 = 1^{2}/_{3}$ руб. сер., а поправка въ $1^{2}/_{3}$ р. на 25 руб. составляетъ тѣ же $6^{2}/_{3}$% и выражаетъ въ нашемъ примѣрѣ «лажъ на монету». Въ томъ же, что расчеты между покупателемъ и продавцомъ, регулируясь при такихъ поправкахъ, которыя приводятъ къ равенству $26^{2}/_{3}$ руб. сер. = $93^{3}/_{4}$ руб. асс., вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительному курсу $351^{9}/_{16}$ руб. асс. = 100 руб. сер., никакихъ сомнѣній быть не можетъ, потому что

$$93^{3}/_{4} : 26^{2}/_{3} = 351^{9}/_{16} : 100.$$

Всѣ эти расчеты здѣсь изложены только *для объясненія существа* предмета и его основаній, но никакъ не *внѣшняго* вида, въ которомъ предметъ представлялся при покупкахъ и продажахъ и при производствѣ платежей. Напротивъ, внѣшній видъ представлялся совершенно *инымъ* и какъ-бы даже не требующимъ никакихъ расчетовъ. Если покупатель, пріоб-

рѣтавшій зеркало, имѣлъ ассигнаціи для уплаты, то продавецъ ему объявлялъ, что зеркало стоитъ 100 р. асс., но *покупатель получитъ* $6^2/_3$% «лажа на ассигнаціи», изъ чего слѣдовало, что покупатель долженъ заплатить

$$\frac{100\times100}{106^2/_3} = 93^3/_4 \text{ руб. асс.;}$$

съ цѣны зеркала онъ получалъ «скидку» въ $100-93^3/_4=6^1/_4$ рубля и эти $6^1/_4$ руб. асс. продавецъ возвращалъ покупателю, какъ «сдачу», если покупатель расчитывался уплатою 100 рублевой ассигнаціи, что̀ составляло *получаемый покупателемъ* «лажъ на ассигнаціи». Если-же покупатель располагалъ для уплаты серебряною монетою, то ему говорили, что зеркало стоитъ 100 руб. ассигнаціями, но расчетъ будетъ производиться *по курсу 375 рублей;* въ такомъ случаѣ отъ покупателя причиталось

$$\frac{100\times100}{375} = 26^2/_3 \text{ руб. сереб.,}$$

которые покупатель уплачивалъ, опять считая себя въ «барышѣ». Ибо онъ зналъ, что биржевой курсъ составляетъ $351^9/_{16}$ руб асс. за 100 руб. сер., а ему продавецъ считалъ его серебряные рубли по курсу 375 к. ассигн.; слѣдовательно, на каждомъ своемъ серебряномъ рублѣ покупатель «выгадывалъ» $375-351^9/_{16}=23^7/_{16}$ коп. асс., а на всѣ уплачиваемые имъ $26^2/_3$ руб. сер. онъ «выгадывалъ»

$$26^2/_3\times23^7/_{16} = 625 \text{ коп. асс.}$$

или, какъ въ первомъ случаѣ, $6^1/_4$ руб. асс., о которыхъ и въ этомъ случаѣ *покупатель* думалъ, что онъ ихъ *получаетъ*, какъ «лажъ на монету», которою онъ расчитывался.

Изложенное объясненіе существа простонародныхъ лажей совпадаетъ съ тѣмъ, которое въ своей «Запискѣ о монетномъ обращеніи» даетъ Сперанскій, изложеніе котораго не только показываетъ, какъ производился расчетъ въ дѣйствительности, но какимъ сбивчивымъ онъ представлялся даже при наилучшемъ его объясненіи, которое несомнѣнно далъ Сперанскій.

Вотъ объясненіе Сперанскаго [1]).

---

[1]) «Записка» въ изд. М. Ф. стр. 21—22 или въ Матеріалахъ изд. Гос. Канц., стр. 149—150.

„При каждой наличной покупкѣ вошло у насъ въ обычай, вмѣстѣ съ объявленіемъ послѣдней цѣны вещей, постановлять между продавцемъ и покупателемъ два вопроса: 1) серебромъ или ассигнаціями долженъ быть произведенъ платежъ и 2) по какой цѣнѣ приняты будутъ продавцомъ серебро или ассигнаціи. Положимъ, что товаръ сторгованъ за 100 рублей и что покупатель рѣшился заплатить сію цѣну серебромъ: продавецъ назначаетъ цѣну серебру выше биржевой. Такъ напримѣръ, когда биржевая цѣна есть 352 коп; продавецъ принимаетъ серебряный рубль (здѣсь въ Петербургѣ) въ 375 коп. и, слѣдовательно, принимаетъ его выше 23 коп. и сія придача, составляющая почти 6% ($^{23}/_{4}$) есть *лажъ*. По тому-же самому расчету онъ принимаетъ платежъ ассигнаціями, полагая каждый ассигнаціонный рубль въ 106 коп. и, слѣдовательно, уступаетъ сторгованную вещь за 94 руб., т. е. уступаетъ изъ цѣны ея 6% и сія уступка есть *лажъ*“.

„Сравнимъ теперь сей расчетъ съ биржевымъ: при покупкѣ товара 100 рублевую ассигнацію принимаютъ за 106 рублей, но въ тоже время 100 рублей серебромъ оцѣниваютъ и принимаютъ не въ 352, какъ на биржѣ, но въ 375. Отсюда слѣдующая пропорція 106 : 100 = 375 : 353 р. 77 к. Слѣдовательно, разность въ цѣнѣ серебра на ассигнаціи между Петербургскою биржею и вольною продажею есть только 1 р. 77 коп. на 100 р.“.

Эта «разность», однако, является лишь оттого, что въ объясненіи Сперанскаго числа слишкомъ округлены; точно взятыя числа *никакой* разности не даютъ. Въ объясненіи Сперанскаго не видно, *почему* «лажъ» оказывается въ 6% и *почему* расчетный курсъ продавца составляетъ 375 коп., и это вноситъ въ объясненіе нѣкоторую темноту. Но въ общемъ объясненіе Сперанскаго охватываетъ очень полно всю внѣшнюю сторону предмета.

Сперанскій не остановился, однако, на одной внѣшней сторонѣ дѣла. Съ тою удивительною основательностью, съ которою онъ глубоко и всесторонне способенъ былъ осиливать самые сложные и разнообразные вопросы, на которыхъ останавливался его пытливый умъ, онъ *одинъ* съумѣлъ вникнуть въ существо «простонародныхъ лажей», какъ *никто* изъ его современниковъ. «Для чего, спрашиваетъ онъ, продавецъ не

слѣдуетъ просто биржевому курсу? Причина очевидна. Если-бы онъ слѣдовалъ биржевому курсу: то ему надлежало-бы *съ переписью его переоцѣнивать* всѣ свои товары, и то, что онъ продавалъ вчера за 100 руб, сегодня долженъ былъ-бы, по возвысившемуся на ассигнаціи курсу, продавать уже за 98; завтра, съ новымъ возвышеніемъ, за 94 и т. д.; *избѣгая сего важнаго неудобства*, онъ предпочитаетъ тѣ самые проценты, кои подлежало-бы ему убавить у товара, вычесть изъ платежа. Въ общемъ видѣ простонародный лажъ есть ничто иное, какъ особеннаго рода счетъ биржеваго курса, введенный для того во-первыхъ, *чтобъ не переоцѣнивать товаръ по измѣненіямъ биржеваго курса*, и во-вторыхъ, для того, чтобъ дать видъ уступки при дѣйствительной цѣнѣ товара и сею дешевизною обольстить покупателя» [1]).

XII.

Хотя «простонародные лажи» представляли только «особеннаго рода счетъ биржеваго курса» и по назначенію своему они должны были вносить правильность въ расчетъ между покупателями и продавцами, оберегая обѣ стороны отъ ущерба,—но на дѣлѣ они открывали чрезвычайный широкій просторъ самымъ разнообразнымъ злоупотребленіямъ. Съ одной стороны, они въ существѣ основывались на довольно сложной ариѳметической «механикѣ», совершенно недоступной для массы населенія [2]) Населеніе не въ состояніи было повѣрять пра-

[1]) Матеріалы по вопр. объ устр ден. сист. изд. Госуд. Канц. стр. 150, 151. Сперанскій пытался даже вникнуть еще глубже и, отчасти, подмѣтилъ связь лажей съ измѣненіемъ въ денежномъ обращеніи, и совмѣстнымъ обращеніемъ звонкой монеты и ассигнацій и т. д., срав. тамъ-же, стр. 151—153 и 165—167.

[2]) Даже когда курсъ расчетный (въ нашемъ примѣрѣ 375) вычислялся какъ средній ариѳметическій между условнымъ и дѣйствительнымъ курсами [въ нашемъ примѣрѣ $^1/_2(351^9/_{16}+400)=375^{25}/_{32}$] онъ еще очень сложенъ, какъ можно видѣть по темному изложенію у Сперанскаго, съ трудомъ до него доходящаго (срав. тамъ-же. стр. 166)

вильность предлагавшихся ему «лажей» и могло только «обольщаться» ими, даже при полной добросовѣстности расчетовъ; съ другой стороны, разнообразные элементы расчета и самое его производство допускали множество способовъ обмана подстановкою чиселъ, несоотвѣтствовавшихъ никакой дѣйствительности, намѣреннымъ запутываніемъ и усложненіемъ расчета, придумываніемъ различныхъ способовъ увеличивать «обольщенія» лажей и всяческою эксплоатаціею довѣрчивости темнаго люда. Придумывались на этой почвѣ самые различные пріемы, чтобъ сбивать простыхъ людей съ толку. «Лажи» существовали не только на монету и на ассигнаціи, но существовали отдѣльные лажи на различные виды монеты и на ассигнаціи различныхъ достоинствъ. И всѣ эти многообразные лажи въ различныхъ мѣстностяхъ были различные,—разнообразясь до безконечности. Такъ въ первой редакціи представленія Канкрина отъ 6 октября 1830 года (о пріемѣ серебра во всѣ платежи казнѣ) приводились слѣдующіе факты: въ Москвѣ и въ окрестныхъ губерніяхъ рубль крупнымъ серебромъ ходитъ ровно въ четыре рубля, рубль мелкимъ серебромъ въ 4 р. 20 к., 10 рублевая ассигнація въ 10 руб. 80 к., даже на рубль мѣди наддаются 8 копѣекъ. И это отчасти еще были лишь основныя или условныя счетныя единицы, въ которыхъ выражались цѣны, а къ нимъ, по мѣстнымъ условіямъ, присоединялись еще и дополнительные «счеты». Въ одномъ позднѣйшемъ представленіи министръ финансовъ приводилъ слѣдующіе удивительные примѣры. Въ Москвѣ, чтобъ усиливать «обольщеніе», лажъ на ассигнаціи составлялъ 17%, при счетномъ курсѣ въ 420, что соотвѣтствовало дѣйствительному курсу въ 358.97 [1]). Въ нижегородской и ярославской губерніяхъ платили еще болѣе высокій лажъ на ассигнаціи, а именно 18%, исходя изъ того-же счетнаго курса, 420, соотвѣтственно дѣйствителькому курсу лишь въ 355,93. Въ астра-

[1]) 100 руб. сер. = 420 руб. счетныхъ и 100 р. ассигн. наличныхъ = 117 р. ассигн. счетныхъ, поэтому

100 руб. сер. = 420 руб. ассигн. счетныхъ $= \frac{420 \times 100}{117} = 358{,}97$ р. ассигн. наличн.

ханской губерніи еще болѣе низкій дѣйствительный курсъ въ 354,54 соотвѣтствовалъ счетному курсу въ 390 при лажѣ въ 10%. Но тотъ же лажъ въ 10% въ вятской губерніи шелъ при счетномъ курсѣ въ 400 рублей, соотвѣтствуя дѣйствительному курсу 363,63. Въ Петербургѣ считали по курсу въ 375 при лажѣ въ 6% соотвѣтственно дѣйствительному курсу въ 353,77. Въ могилевской губерніи принимали рубль серебряный 375 к., а лажъ $3^3/_4$%, чему соотвѣтствовалъ дѣйствительный курсъ 361,44. Въ псковской губерніи рубль серебряный ходилъ 380 коп. при лажѣ въ 5% или наличный рубль сер. = 361,9 коп. асс. и т. д.

Это явленіе хорошо было извѣстно Канкрину со дня его вступленія въ должность министра финансовъ, какъ ясно изъ его отношенія къ малороссійскому военному губернатору отъ 31 января 1824 г., въ которомъ онъ объясняетъ, что «серебряный рубль идетъ за 4 рубля ассигнаціями, а ассигнація съ лажемъ» [1]). Но тогда министръ боялся не столько «лажа» на ассигнаціи», сколько того, что «звонкая монета совершенно вытѣснитъ изъ обращенія ассигнаціи». то-есть неблагопріятно повліяетъ на ихъ курсъ. Когда это оказалось очень стѣснительнымъ для населенія, то Канкринъ сталъ осторожно и медленно расширять допущеніе звонкой монеты въ платежи казнѣ. Возможно, что при этомъ онъ руководствовался не однимъ только страхомъ за ассигнаціи, но и сознаніемъ,

[1]) Какъ рано финансовое управленіе ознакомилось съ явленіемъ, о которомъ идетъ рѣчь, видно изъ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ министру финансовъ отъ 31 мая 1817 г., въ которомъ увѣдомляется, что по почтовому вѣдомству сдѣлано распоряженіе, «дабы поступающее въ доходъ серебро считаемо было на ассигнаціи по 4 руб. за каждый серебряный рубль и дабы прибыль или потеря противъ курса записываема была въ дебетъ или кредитъ согласно съ прежнимъ отношеніемъ министра финансовъ отъ 9 мая 1812 г.», слѣдовательно, уже съ 1812 г сама казна признала условный курсъ 400 асс за 100 сер., съ зачетомъ въ дебетъ или кредитъ (что составляетъ нѣкоторую аналогію лажа на ассигнаціи и монету) отклоненій дѣйствительнаго курса отъ условнаго. (Дѣло о непринимании въ госуд. доходъ золотой и серебряной монетъ, листъ 51).

что чѣмъ больше распространяется обращеніе звонкой монеты въ странѣ, тѣмъ больше умножаются поводы къ «счету на монету» и «простонародному лажу». Но прямо подойти къ этому явленію онъ еще не усматривалъ повода. Выжидательно онъ къ нему отнесся даже тогда, когда другое вѣдомство, военное, въ качествѣ важнѣйшаго казеннаго вѣдомства, заключающаго отъ имени казны наизначительнѣйшую массу договоровъ съ частными лицами, признало для себя стѣснительнымъ постановленіе манифеста 9 апрѣля 1812 года, предписывавшаго, чтобы всѣ договоры съ казною были заключаемы не иначе, какъ на ассигнаціи. Оно желало имѣть туже свободу ограждать свои интересы, которою пользовались частныя лица, и по его представленію государственный совѣтъ въ октябрѣ 1826 г. слушалъ дѣло по соображеніямъ купца Зубчанинова о выгодахъ, какія казна можетъ пріобрѣсть по коммиссаріятскому и провіянтскому вѣдомствамъ отъ платежа за хлѣбъ, матеріалы и работы *серебромъ*, считая серебряный рубль въ четыре рубля, *ассигнаціями въ одинъ рубль восемь копѣекъ* [1]). Вслѣдствіе этого Высочайше утвержденнымъ 28 октября 1826 года мнѣніемъ государственнаго совѣта «согласно съ мнѣніемъ начальника главнаго штаба, совѣта военнаго и правительствующаго сената», но *въ противность мнѣнію министра финансовъ* [2]), опредѣлено, чтобъ начальникамъ губерній, гдѣ «лажъ существуетъ», было предписано приводить въ извѣстность цѣны на продукты, вещи и проч., по уѣздамъ, городамъ, пристанямъ и т. д. и изъ сихъ цѣнъ выведенныя среднія цѣны на ассигнаціи показывать *съ вычетомъ лажа или безъ онаго*, равнымъ образомъ при наймѣ рабочихъ, при расчетахъ съ коммиссіонерами, продавцами,

[1]) Этотъ 8%-ный лажъ на ассигнаціи соотвѣтствуетъ дѣйствительному курсу въ 360,37 асс. за 100 руб. серебр., или рубль асс. = 27 коп. серебромъ, какъ и въ самомъ дѣлѣ былъ тогда курсъ, по показанію министра финансовъ въ его представленіи Комитету Финансовъ въ 1829 г.

[2]) Впослѣдствіи графъ Канкринъ въ своемъ обозрѣніи 20-лѣтія управленія финансами вспоминалъ (цитируемъ по нѣмецкому изданію въ Tagebücher Beilage II p 60), что онъ по этому поводу сдѣлалъ dringendste Gegenvorstellung.

поставщиками, подрядчиками, перевозчиками и т. д., при взиманіи росписокъ въ полученіи суммъ, при веденіи бухгалтерскихъ счетовъ, и при составленіи отчетовъ всегда имѣть въ виду «цѣны на ассигнаціи съ вычетомъ лажа или безъ онаго». Всѣ эти правила подлежали исполненію не только въ провіянтскомъ и коммиссаріятскомъ вѣдомствахъ, но во всѣхъ казенныхъ мѣстахъ, гдѣ покупки и подряды совершаются [1]).

Такимъ образомъ, сила вещей брала свое и то, что составляло существенную принадлежность установившагося и развившагося въ Россіи разстройства денежнаго обращенія, распространялось все дальше и глубже. Съ «лажами» борьба была возможна лишь на одной единственной почвѣ признанія, что русское денежное обращеніе — разстроенное, требующее коренного преобразованія, и что «лажи» суть выраженіе разстройства, могущее исчезнуть лишь вслѣдствіе этого преобразованія. Но по этому предмету, какъ ниже будетъ показано, министръ финансовъ былъ *противуположнаго* мнѣнія Надобность въ преобразованіи онъ категорически отрицалъ, а противъ лажа онъ считалъ достаточнымъ полицейскія и «пенальныя мѣры». Эти взгляды свои Канкринъ тѣмъ увѣреннѣе могъ считать способными восторжествовать надъ всякими иными, что до начала 1830-хъ годовъ, когда жалобы по поводу лажей начали производить все болѣе и болѣе усилившійся шумъ,—ему удавалось благополучно миновать даже такія подводные камни, которые наиболѣе опасны для вопросовъ о благоустройствѣ денежнаго обращенія: требованія экстроординарныя для чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ. Для этихъ расходовъ въ 1828—32 г.г. (по турецкой и персидской кампаніямъ и по усмиренію польскаго мятежа) требовалось, по показанію Канкрина, до 600 милл. руб асс. И если эту весьма значительную для того времени сумму министру удалось найти безъ бумажно-денежныхъ выпусковъ то могло казаться, что для него вопросъ о рессурсѣ, предста-

---

[1]) Второе П. С. З. № 636. Высоч утвержд. 27 окт. 1826 г. мнѣніи гос. сов. «о обращеніи лажныхъ денегъ на серебро въ пользу казны при всѣхъ подрядахъ и поставкахъ».

вляемомъ такими выпусками, не имѣлъ существеннаго значенія, и онъ могъ этотъ трудный, непріятный и неудобный вопросъ «предоставить времени и обстоятельствамъ», какъ тогда говорили.

На дѣлѣ, однако, положеніе было нѣсколько иное. Для того, чтобы добыть вышеуказанные 600 милл. руб. асс., всѣ экстроординарные финансовые рессурсы были доведены почти до полнаго истощенія. Государственный кредитъ въ его правильномъ видѣ могъ доставить: отъ второго голландскаго 1828 г., третьяго и четвертаго 5%-ныхъ займовъ 1831 и 1832 годовъ, всего около 200 милл. руб. асс.; кромѣ того, первые выпуски билетовъ государственнаго казначейства (серіи) дали 300 милл. руб. асс., затѣмъ вся остальная громадная сумма 370 милл. руб. могла быть добыта лишь позаимствованіями изъ безсрочныхъ вкладовъ казенныхъ банковъ. Это выражало такое положеніе экстраординарныхъ государственныхъ финансовъ, при которомъ Канкринъ при всякомъ новомъ, предъявленномъ къ нему, сколько-нибудь чувствительномъ, требованіи поставлялся въ необходимость отвѣчать самыми категорическими отказами. И дѣйствительно, послѣ 1832 г. вплоть до 1840 г. правильные займы совсѣмъ уже не заключались, и слѣдовательно, рессурсъ ими представляемый, ничѣмъ не отличался отъ временно изсякшаго. Серіи были учреждены послѣ весьма тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія вопроса «объ отысканіи денежныхъ рессурсовъ на случай войны» въ засѣданіяхъ Финансоваго Комитета 9 ноября 1830 г., 15 и 23 января, 18 февраля, 15 и 22 марта 1831 г., причемъ ясно сознавалось, что «только одна крайность можетъ оправдать допущеніе таковыхъ» и что представляемый ими новый рессурсъ можетъ служить только для самыхъ настоятельныхъ нуждъ и притомъ далеко не въ очень большихъ размѣрахъ (и онъ, дѣйствительно, кромѣ вышеупомянутыхъ 30 милл., только въ 1834 г. доставилъ еще 40 милл. руб. асс., но при этомъ въ 1836 г. 10 милл. руб. были изъяты изъ обращенія). Кстати, при этомъ пересмотрѣ положенія экстраординарныхъ финансовыхъ рессурсовъ государства Канкринъ считалъ обязанностью выяснить, что выпускъ новыхъ ассигнацій былъ-бы для государ-

ства *гибелен*», а Комитетъ Финансовъ по этому поводу разсуждалъ, что «при изысканіи средствъ для чрезвычайныхъ издержекъ на войну невозможно ни въ какомъ случаѣ прибѣгнуть къ выпуску новыхъ ассигнацій, какъ къ мѣрѣ, послѣдствій коей исчислить невозможно, ибо увѣренность, что правительство не умножаетъ оныхъ, способствовало существенно къ сохраненію кредита нашего, упадокъ коего не только въ военное время, но и всегда могъ бы имѣть самыя вредныя послѣдствія... Умноженіе ассигнацій неминуемо подавить всю массу бумажныхъ денегъ въ самой значительной степени».

Самый взглядъ министра финансовъ и Финансоваго Комитета на билеты государственнаго казначейства, какъ на рессурсъ, котораго допущеніе можетъ оправдываться лишь одною крайностью, коренился главнымъ образомъ въ томъ, что серіи признавались могущими «подобно ассигнаціямъ, имѣть послѣдствіемъ разстройство денежной системы».

Что касается, наконецъ, третьяго рессурса, позаимствованій изъ вкладовъ казенныхъ банковъ, произведенныхъ тогда въ столь необыкновенныхъ для той эпохи размѣрахъ, то по ихъ поводу Канкрину суждено было перенять очень тяжелое указаніе опыта, наглядно ему показавшее, какъ опасны означенныя позаимствованія и какъ близко они соприкасаются съ интересами обращенія ассигнацій. Позаимствованія изъ безсрочныхъ вкладовъ казенныхъ банковъ, какъ извѣстно, начались очень скоро послѣ учрежденія банковъ [1]) и особенно усиленно производились въ годы, предшествовавшіе кризису 1810 г. Въ этомъ году государственное казначейство состояло въ долгу за произведенныя въ казенныхъ кредитныхъ установленіяхъ позаимствованія на 91 милл. рублей, которые тогда

---

[1]) «Наставшія войны, представили необходимымъ *распространить кредитъ банковъ на пособіе чрезвычайнымъ государственнымъ нуждамъ*. Симъ образовались внутреннie государственные долги. Воспріявъ начало свое *вскорѣ послѣ 1786 г.* они пріумножались по мѣрѣ того, какъ чрезвычайныя обстоятельства требовали чрезвычайныхъ мѣръ». Манифестъ 2 февр. 1810 г., о уменьшеніи государств. долговъ и т. д.

предполагалось урегулировать вмѣстѣ съ бумажно-денежнымъ государственнымъ долгомъ. Въ 1810 г Государственный Заемный Банкъ (черезъ посредство котораго преимущественно производились позаимствованія) постигнутъ былъ тяжкимъ кризисомъ: «по истощенію всѣхъ наличныхъ суммъ, находился онъ въ невозможности сохранить къ себѣ довѣріе безостановочнымъ платежемъ по востребованію вкладовъ» [1]). Ему, конечно, нетрудно было помочь, пока выпускъ ассигнацій продолжался, но кризисъ такъ сильно повліялъ на положеніе Заемнаго Банка, что съ 1812 г. въ немъ совсѣмъ прекращена выдача ссудъ и онъ занимался только пріемомъ вкладовъ [2]). Въ началѣ 1822 г. графъ Гурьевъ, «признавая настоящее положеніе Заемнаго Банка несоотвѣтственнымъ ни первоначальной его цѣли, ни общимъ правиламъ кредитной системы», «потому что банкъ долженъ производить ссуды на отдаленные сроки, а самъ возвращать вклады по востребованію» [3]), вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о совершенномъ закрытіи Заемнаго Банка [4]). Весьма вѣроятно, что эта мѣра находилась въ связи съ предположеніями о преобразованіи ассигнацій, о коихъ выше упоминалось; естественно, что если графъ Гурьевъ рѣшался на это преобразованіе, то приводя въ порядокъ бумажно-денежный рессурсъ для экстраординарныхъ государственныхъ нуждъ, онъ не только не нуждался въ позаимствованіяхъ изъ вкла-

[1]) Архивъ Гос. Сов. т. IV, ст. 1, стр. 303.

[2]) Тамъ-же, стр. 319—320, 349—350.

[3]) Тамъ-же, 320, 349.

[4]) Мѣру эту сильно поддерживалъ тогдашній государственный контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, который при этомъ, по поводу выражавшихся опасеній, что дворянское землевладѣніе потеряетъ источникъ для ссудъ, высказалъ, что для этого должны служить не безсрочные вклады, а долгосрочные займы, «ибо обращеніе вкладовъ, кои ежедневно вкладчиками могутъ быть требованы, на срочныя ссуды имѣетъ важныя неудобства, *кои только тогда не существовали, когда дальнѣйшій выпускъ ассигнацій еще не былъ прекращенъ и заемный банкъ имѣлъ право требовать отъ ассигнаціоннаго (банка) пособія во всякомъ случаѣ, когда касса его оказывалась недостаточною для удовлетворенія вкладчиковъ*». (Тамъ же, стр 354)

довъ, но самое существованіе Заемнаго Банка являлось опасностью для успѣха преобразованія. Канкринъ, однако, не только пріостановилъ осуществленіе предположеній своего предшественника о закрытіи Заемнаго Банка, но даже усовершенствовалъ сосредоточеніе въ Заемномъ Банкѣ вкладовъ прочихъ государственныхъ кредитныхъ установленій и развилъ пользованіе ими въ систему, при которой оно достигло невиданныхъ прежде размѣровъ. Этимъ, однако, онъ лишь широко раскрылъ двери той опасности, которая хорошо была извѣстна его предшественнику. Въ началѣ 1831 года онъ поставленъ былъ въ необходимость войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, который по необычайности его содержанія и сугубой секретности весь отъ начала до конца былъ написанъ собственною рукою Канкрина. Въ докладѣ этомъ доводилось до Высочайшаго свѣдѣнія, что «истребованія изъ банковъ усилились до такой степени, что дѣйствіямъ ихъ грозитъ остановка и надлежитъ приспособить чрезвычайныхъ для нихъ рессурсовъ. Сіе тѣмъ болѣе нужно, что если-бы пріостановить ссуды и разсрочить удовлетвореніе вкладчиковъ, то такое потрясеніе кредита банковъ имѣло-бы послѣдствіемъ крайнее усиленіе требованій и даже несостоятельность банковъ». Одною изъ причинъ усиленія востребованій указывалось, что «произошелъ упадокъ фондовъ по случаю безпокойствъ въ Европѣ» и это вызвало «выгодность покупки фондовъ», очевидно, отечественными капиталистами; иными словами это значитъ, что кризисъ отчасти былъ вызванъ «притокомъ» нашихъ фондовъ изъ заграницы. Кризисъ видимо произвелъ потрясающее впечатлѣніе на Канкрина и онъ совсѣмъ растерялся; это усматривается изъ мѣръ, къ коимъ онъ желалъ прибѣгнуть. Онъ предлагалъ, конечно, прежде всего сокращеніе казенныхъ позаимствованій, предписаніе различнымъ казеннымъ вѣдомствамъ не трогать своихъ вкладовъ; но не ожидая отъ этихъ мѣръ большой пользы и находя положеніе безвыходнымъ, Канкринъ предлагалъ произвести выпускъ ассигнацій, «на первый разъ до семи милліоновъ рублей», подъ залогъ фондовъ, принадлежащихъ Коммерческому Банку, и подъ залогъ золота Коммиссіи Погашенія долговъ; «выпущенныя на семъ

основаніи ассигнаціи истребить немедленно, если усилятся паки вклады, или пополнить» посредствомъ предполагаемыхъ билетовъ казначейства. Канкринъ предполагалъ, повидимому, осуществить эти предположенія посредствомъ Высочайшаго повелѣнія, но на докладъ его соизволенія не послѣдовало, а повелѣно передать его на разсмотрѣніе Финансоваго Комитета. Послѣдній въ засѣданіи 10 февраля 1831 г., разсмотрѣвъ предположенія министра финансовъ, одобрилъ всѣ, кромѣ выпуска ассигнацій, «по величайшей важности онаго предоставивъ себѣ сужденіе имѣть впослѣдствіи».

По заявленію, впослѣдствіи сдѣланному Канкринымъ, «лажъ на ассигнаціи» въ размѣрѣ 8% [1]), «единажды установившись былъ единообразенъ и постояненъ до 1830 г. и съ сего времени началъ безпрерывно измѣняться» [2]).

XIII.

Къ 1834 г. жалобы на разнообразіе и произвольность простонародныхъ курсовъ, на многочисленныя злоупотребленія, съ которыми они были связаны, и на безучастное отношеніе къ нимъ правительства—стали уже столь громкими и всеобщими, что министръ финансовъ призналъ необходимымъ войти объ этомъ съ представленіемъ въ Комитетъ Финансовъ. Не усматривая особенно большой сложности въ задачѣ, подлежавшей рѣшенію, Канкринъ полагалъ, это рѣшеніе это можетъ быть достигнуто простымъ законодательнымъ *запрещеніемъ* счета по простонароднымъ курсамъ, или (какъ еще

[1]) Этотъ лажъ соотвѣтствовалъ курсу за 100 руб. серебромъ $370^{10}/_{27}$ руб. асс. ($400 . 108 = 370^{10}/_{27}$) то-есть, почти совпадалъ съ курсомъ, по которому въ казначействахъ населенію размѣнивали серебро на ассигнаціи

[2]) Матер. по вопросу объ устр. ден. системы изд Госуд. Канц., стр. 122.

иначе тогда выражались), «счета на монету» [1]). По мысли министра финансовъ запрещеніе должно было распространяться не только на письменныя, но и на устныя сдѣлки. Но Финансовый Комитетъ затруднился такъ широко поставить задачу: даже исключивъ устныя сдѣлки и разсмотрѣвъ 8 октября 1834 г. мѣры, изложенныя въ составленномъ министромъ финансовъ проектѣ указа, Комитетъ все еще не предполагалъ, «чтобы оныя могли вдругъ прекратить неудобства, отъ счета на монету происходящія»; но ожидалъ, что «распоряженія, въ указѣ содержащіяся, поведутъ исподволь *и косвенно* къ желаемой цѣли». Изданный соотвѣтственный этому высочайшій указъ 8 октября 1834 г., напоминаетъ, «что въ манифестѣ 20 іюня 1810 г., постановлено: всѣ законные акты, крѣпости,

[1]) По всѣмъ вѣроятностямъ это выраженіе (счетъ на монету) выработалось въ противуположность терминологіи манифеста 9 апрѣля 1812 г, по которому договоры должны были исполняться *на ассигнаціи* и расчетомъ по ихъ *биржевому курсу*. Эта терминологія предполагала, что платежи производятся только ассигнаціями и только въ нихъ-же выражается стоимость имуществъ, товаровъ и услугъ Но когда ассигнаціи стали обращаться совмѣстно со звонкою монетою, когда платежи стали производиться не только ассигнаціями, но и звонкою монетою, и наконецъ, когда вслѣдствіе этого нужно было знать, какъ выражается всякая стоимость, не только въ ассигнаціяхъ, но и въ монетѣ,—тогда необходимо было придумать и выраженіе, которое означало-бы *совмѣстный* счетъ, какъ на ассигнаціи, такъ и на монету. Для этого и послужило выраженіе «счетъ на монету» Оно никоимъ образомъ не означало счета на *звонкую монету*, въ противуположность счету *на ассигнаціи*, ибо при счетѣ на монету всякій ясно зналъ всегда, какую слѣдуетъ уплатить сумму *не только* въ звонкой монетѣ, *если* она служила для золота, *но и въ ассигнаціяхъ*, если плательщикъ ими желалъ произвести уплату. Независимо отъ этого понятіе счета на монету служило еще для противупостановленія платежа ассигнаціями *по ихъ биржевому курсу*, не имѣвшаго никакого отношенія къ тому, какъ установляются цѣны на имущества, товары и услуги, къ платежу ассигнаціями (или монетою) по своеобразному «простонародному» курсу, который коренился въ такомъ установленіи цѣнъ на ассигнаціи по условному ихъ курсу, при которомъ сами цѣны какъ бы освобождались отъ подчиненія колебаніямъ биржеваго курса, а платежи все-таки производились въ соотвѣтствіи съ означенными колебаніями.

векселя, условія и сдѣлки писать на россійскую монету; что по точному разуму сего закона всѣ внутреннія обязательства должны быть заключаемы или на мѣдную монету, или на банковыя ассигнаціи, или на серебряную, или золотую, россійскаго чекана монету по наименовательному каждой изъ нихъ достоинству»; ссылаясь при этомъ на «разнообразное и непомѣрное возвышеніе денежныхъ промѣновъ (лажей) при платежѣ по обязательствамъ, составляемымъ по курсу на монету», и указывая на то, что «*вошло въ обычай* при заключеніи обязательствъ на ассигнаціи вмѣщать условія о платежѣ по курсу на монету, разумѣя подъ симъ промѣнъ (лажъ), какой во время платежа состоится» и «отсюда неопредѣлительность и смѣшеніе въ количествѣ платежей, многосложные расчеты, затрудненія въ отчетности и, что всего важнѣе, корыстолюбивые и непомѣрные промѣны тамъ, гдѣ лажъ опредѣляется не биржевымъ курсомъ, но произвольнымъ дѣйствіемъ малаго числа лицъ»,—указъ предписываетъ: 1) всѣ внутреннія денежныя обязательства, какого-бы рода они ни были, какъ между частными лицами, такъ и при казенныхъ подрядахъ, поставкахъ и заготовленіяхъ, заключать и писать не иначе, какъ по точнымъ словамъ закона, россійскою монетою на ассигнаціи, мѣдь, золото, или серебро по именовательному достоинству, не допуская въ оныхъ никакихъ условій о платежѣ по курсу на монету; обязательства, съ таковыми условіями написанныя, считать ничтожными; 2) правило это относится къ письменнымъ условіямъ, купля-же и продажа наличная, бывъ совершенно свободною, зависитъ отъ взаимныхъ добровольныхъ условій и словеснаго соглашенія продавца и покупщика Но расчеты по наймамъ рабочихъ людей и по словеснымъ съ ними договорамъ должны быть производимы не по курсу на монету, какой при расчетѣ состоится, но тою самою монетою, на какую составленъ былъ договоръ безъ всякаго вычета лажа.

Указъ этотъ никогда никакого примѣненія не получилъ и остался мертвою буквою, потому что для его осуществленія требовалась малость: чтобъ сначала въ Россіи было преобразовано денежное обращеніе и исчезли тѣ причины, которыя

вызываютъ лажъ въ какомъ бы то не было видѣ, особенно-же—всякаго рода высокій лажъ. Не говоря уже о томъ, что ссылка на манифестъ 20 іюня 1810 г. была вся неправильная [1]), новый указъ 8 октября 1834 г. умалчивалъ о манифестѣ 9 апрѣля 1812 г. и *тѣмъ его оставлялъ въ полной силѣ*, а между тѣмъ указъ находился къ этому манифесту въ самомъ полномъ противорѣчіи, такъ какъ манифестъ 9 апрѣля 1812 г. *допускалъ* заключеніе договоровъ на ассигнаціи и на монету съ платежемъ по ними ассигнаціями или-же монетою *не по именователной цѣнѣ*, а *именно по курсу*. Конечно, собственно *этого* указъ 8 октября 1834 г. и не имѣлъ въ виду отмѣнить. не могъ-же онъ вдругъ потребовать, чтобы ассигнаціи и монеты вдругъ стали обращаться не по курсу, а по нарицательной цѣнѣ; указъ добивался иного. Онъ желалъ, чтобъ уже *при заключеніи* договоровъ вполнѣ ясно опредѣлялось, какъ и чѣмъ будетъ по нимъ произведенъ платежъ: чтобы въ каждомъ договорѣ прописывалось, что уплата по нему должна быть произведена въ *такой-то* суммѣ и *такими-то* деньгами; напримѣръ, обязуюсь уплатить сто рублей ассигнаціями, или сто рублей серебряною монетою, или сто рублей золотою монетою [2]). Но

---

[1]) Въ этомъ манифестѣ *совсѣмъ не упоминается* ни объ ассигнаціяхъ, ни о золотой монетѣ, ни объ обращеніи по именователной (нарицательной) цѣнѣ. Манифестъ 20 іюня 1810 г. относился только къ звонкой монетѣ и въ § 3 опредѣлялъ россійская металлическая монета, впредь издаваемая, имѣть будетъ *три* слѣдующія раздѣленія 1) монета банковая или торговая: серебряный рубль или полтина, 2) монета серебряная размѣнная въ 20, 10 и 5 копѣекъ, 3) монета мѣдная. — Монета золотая и ассигнаціи должны были бы составить еще четвертое и пятое «раздѣленія», если бы онѣ входили въ число «монеты» по манифесту 20 іюня 1810 г., но тогда онъ не допускалъ-бы только «три» раздѣленія.

[2]) Гораздо правильнѣе было-бы, еслибъ указъ 8 октября 1834 г., ссылался на то, что по ст. 978 свода законовъ гражданскихъ изд. 1832 г денежный платежъ производился тою монетою, которая въ договорѣ условлена, и требовалъ-бы, чтобы въ каждомъ договорѣ ясно указывалось бы, какою монетою по нему платежъ долженъ быть произведенъ (конечно, не допуская при этомъ альтернатив-

очевидно, что при томъ положеніи, въ которомъ тогда находилось денежное обращеніе въ Россіи, это требованіе сводилось лишь къ тому, чтобы всѣ тѣ «счеты на монету» и расчеты по «простонароднымъ лажамъ», которые производились *при исполненіи договоровъ*, въ видахъ подчиненія закону производились бы *до ихъ заключенія*. Счетъ на монету, или «умственный лажъ», какъ его очень удачно называлъ Канкринъ, былъ прежде всего *расчетомъ*, умственною операціею, имѣвшею реальное основаніе, касавшеюся осязательныхъ предметовъ, и пока эти основанія продолжали существовать и дѣйствовать, а означенные предметы возбуждали противуположные интересы, о нихъ нельзя было *не думать* и о нихъ конечно не перестали бы думать и не переставали бы соотвѣтственно тому дѣйствовать, какіе бы противъ этого ни издавались-бы указы, какъ и вышло на дѣлѣ. Указъ существовалъ на бумагѣ, а въ жизни продолжали производить «счетъ на монету» и не прекратились «простонародные лажи».

Канкринъ могъ добиваться уничтоженія счета на монету по курсу и простонародныхъ лажей посредствомъ законодательнаго запрещенія единственно потому, что онъ въ нихъ усматривалъ одно лишь порожденіе алчности и корыстолюбія. Въ ученой литературѣ, однако, давно уже отмѣчено, какъ замѣчательный фактъ, что не смотря на свое положеніе, какъ министра финансовъ, не смотря на свою дѣятельность, какъ ученаго писателя, не смотря, наконецъ, на то, что въ теченіе 10 лѣтъ обстоятельства принуждали его постоянно имѣть дѣло съ «лажами»,—Канкринъ тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ, высказывавшихъ свои сужденія о простонародномъ лажѣ, долженъ быть признанъ *наименѣе удачно* высказавшимся [1]). Ко-

---

ности). Но это было-бы лишь въ формально-юридическомъ смыслѣ правильнѣе; существо-же дѣла отъ этого не измѣнилось-бы.

[1]) Сужденіе это высказано въ наилучшей монографіи, посвященной преобразованію ассигнацій и составленной на основаніи изученія матеріаловъ архива государственнаго совѣта: Das russische Geldwesen während der Finanzverwaltung des Grafen Cancrin von *Alfred Schmidt*, St.-Petersb 1875. Хотя авторъ преклоняется передъ Канкриномъ, тѣмъ не менѣе, пересмотрѣвъ тщательно всѣ, выра-

нечно, въ этомъ отношеніи Канкринъ только не былъ исключеніемъ изъ правила, такъ какъ изъ его современниковъ едва-ли кто-либо, кромѣ Сперанскаго, съумѣлъ проникнуть въ природу «простонароднаго лажа» и уразумѣть его, не только какъ уродливую загадку жизни.

Но многіе современники Канкрина, подобно ему несъумѣвшіе уловить внутренняго смысла «уродливой загадки», не сомнѣвались, однако, въ ея значеніи безспорнаго симптома *разстройства* денежнаго обращенія и неотложной необходимости его преобразованія. И они не только такъ думали, но о томъ писали докладныя записки и старались ихъ доводить до Высочайшаго свѣдѣнія. Что императоръ Николай I ими очень интересовался, явствуетъ изъ того, что 22 іюня 1834 г. на Елагиномъ островѣ такія записки разсматривались въ особомъ комитетѣ въ присутствіи государя и при этомъ Высочайше повелѣно передать ихъ въ Финансовый Комитетъ [1]). Вслѣдствіе этого въ засѣданіи Финансоваго Комитета 28 Сентября 1834 г. разсматривались записки: *графа Палена* «о необходимости установленія настоящей стоимости ассигнацій» (вѣроятно, о фиксаціи ихъ) и государственнаго контролера *Хитрово* «объ увеличеніи количества ассигнацій или выпускѣ новыхъ на серебряную монету». Изъ этого видно, что два коренныхъ основанія преобразованія, на которыя уже въ 1822 г. указывалъ англичанинъ Грантъ (фиксація ассигнацій и созданіе новыхъ, размѣнныхъ на серебряную монету, денежныхъ знаковъ) составляли предметъ разсужденій уже въ 1834 г. Но въ какой мѣрѣ Канкринъ имъ не сочувствовалъ, видно изъ резолюціи Финансоваго Комитета, очевидно выраженной

женныя о простонародномъ лажѣ сужденія онъ (p. 68) приходитъ къ заключенію: die *misslungenste* (Erorterung) ist die des Grafen Cancrin, *der auf den Ursprung und das Wesen der Erscheinung gar nicht eingeht*.. Er hat sich nie die Zeit genommen, der Sache auf den Grund zu gehen.

[1]) Баронъ (впослѣдствіи графъ) *М. А. Корфъ* въ своемъ трудѣ «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» (Сборникъ И. Р. И. О. т. 98) объ этомъ собраніи 22 іюня 1834 г. ничего не сообщаетъ, но о немъ упоминается въ журналѣ Финансоваго Комитета 28 сентября 1834 г.

въ духѣ воззрѣній министра финансовъ. Комитетъ полагалъ, что «какъ послѣ написанія означенныхъ записокъ состоялись уже новыя постановленія, а именно—о вымѣнѣ иностранной монеты, о пріемѣ оной въ подати, объ отвращеніи неудобствъ отъ ея обращенія въ народѣ и *сверхъ того* о неписаніи обязательствъ по счету на монету, то относительно денежной системы *остается къ разсмотрѣнію одинъ предметъ о мѣрахъ къ отвращенію излишняго возвышенія ассигнацій*, о чемъ и предоставить *членамъ Финансоваго Комитета*, которые того п о ж е л а ю т ъ, составить предположенія». Очевидно, въ угоду Канкрину составлена первая половина этой резолюціи, но и онъ долженъ былъ согласиться, хотя въ скромномъ видѣ *остающагося къ разсмотрѣнію одного предмета*, допустить, что не все еще сдѣлано; однако—*на себя* Канкринъ *не пожелалъ* взять разработку не рѣшенной части вопроса, а вопреки обычаю предоставлялъ ее членамъ Комитета, *еслибъ* между ними нашлись *желающіе* взять на себя этотъ трудъ, который, такимъ образомъ, ни для кого не являлся обязательнымъ.

XIV.

Въ сентябрѣ 1836 г., по Высочайшему повелѣнію, начальникамъ губерній были разосланы секретныя циркулярныя предписанія, которыхъ «главнѣйшею цѣлью», по объясненію министра финансовъ, было то, чтобы «на ярмаркахъ, на пристаняхъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ закупки разныхъ произведеній, остановить дальнѣйшее возвышеніе лажа». «Съ того времени мѣстные гражданскіе губернаторы находятся въ непрерывныхъ сношеніяхъ» съ министерствомъ финансовъ. Разсматривая лажъ, какъ зло, которое можно побороть полицейскими мѣрами, министръ нуждается въ этихъ непрерывныхъ сношеніяхъ, чтобы *выслѣдить виновниковъ* въ нарушеніи порядка, которое представляется лажами. «Изъ до-

несеній оказывается», что нѣкоторыя внутреннія губерніи и Москва взаимно другъ друга обвиняютъ «въ возвышеніи лажа», но что главнѣйше въ томъ виновны мелочные торговцы, ходебщики и мѣнялы [1]). Тѣмъ временемъ продолжается и все громче раздается стонъ, сопровождающій хаосъ простонародныхъ лажей. Послѣднею каплею, переполнившею чашу, суждено было быть жалобамъ этого рода, изложеннымъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Курскаго военнаго губернатора. По ихъ поводу государю императору Николаю Павловичу благоугодно было положить Высочайшую резолюцію: «*сей предметъ повсемѣстной жалобы требуетъ необходимо разсмотрѣнія*». Вслѣдствіе этого министръ финансовъ входилъ со всеподданнѣйшемъ докладомъ, въ которомъ послѣ упоминанія о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ съ осени 1836 г., заявлялось и со стороны министра финансовъ убѣжденіе, что «наступило время принять рѣшительныя мѣры къ искорененію сего зла». На эти слова послѣдовала 25 апрѣля 1837 г. повторительная Высочайшая резолюція: «*будетъ весьма полезно*». Такимъ образомъ, *по прямому и непосредственному почину Высочайшей власти*, по *ея категорическому требованію* вопросъ «о рѣшительныхъ мѣрахъ къ искорененію зла» былъ *поставленъ на очередь*.

Естественно, что такая необычайная постановка вопроса сообщала исключительный характеръ и его дальнѣйшему движенію: независимо отъ того, какъ предметъ понимался въ министерствѣ финансовъ, и отъ мѣръ, въ немъ признаваемыхъ достаточными для искорененія зла,—для государственнаго совѣта во всякомъ случаѣ на первомъ планѣ уже стояла только *задача*, поставленная на очередь Государемъ, и ея *рѣшеніе*, если не тѣми мѣрами, которыя предложены будутъ министерствомъ финансовъ, то другими, лучшими способами.

Представленіе Канкрина въ государственный совѣтъ было отослано 29 іюля 1837 г.; оно, какъ и вызвавшее указъ 8 октября 1834 г., посвящено вопросу «о необходимости прекращенія счета на монету и ассигнаціи по простонароднымъ

[1]) «Матеріалы» Гос. Канц., стр. 8, № 2.

курсамъ» и непосредственно примыкаетъ къ указу 1834 г. требованіемъ, чтобы мысль *о воспрещеніи* счета на монету по простонароднымъ курсамъ была принята во всей ея цѣлости, какъ она тогда была предложена министромъ финансовъ, то-есть съ распространеніемъ ея не только на письменныя, но и на словесныя сдѣлки,—съ установленіемъ полицейскаго надзора за неукоснительнымъ исполненіемъ этого предписанія и съ назначеніемъ строгихъ наказаній за нарушеніе предписанія. Гораздо больше интереса, однако, представляютъ общія (теоретическія) мысли, изложенныя въ представленіи и объясняющія, почему министръ финансовъ ограничивался и въ этомъ случаѣ только запретительными мѣрами. Восходя «къ первымъ началамъ сего дѣла, къ причинамъ продолженія и возвышенія столь страннаго образа счета», какимъ представляется счетъ на монету и ассигнаціи по простонародному курсу,—Канкринъ указывалъ на происшедшій въ Россіи «переворотъ» въ денежныхъ дѣлахъ, на «возобладаніе серебра въ мелкихъ оборотахъ и переходъ ассигнацій въ крупную циркуляцію»; но не въ этомъ переворотѣ Канкринъ усматривалъ главную причину «произвольнаго и ни на чемъ не основаннаго» счета на монету «Главная причина введенія и постепеннаго возвышенія простонароднаго лажа есть *не иная*, какъ корыстолюбивое намѣреніе воспользоваться простотою и невѣжествомъ простого народа». «Простонародные курсы не заключаютъ въ себѣ ничего существеннаго», въ нихъ «нѣтъ ни удобства, ни истины, а одно заблужденіе, невѣжество и обманъ»; «мѣрами благоразумія втунѣ дѣйствовать противъ безразсудства и обмана»; «правительство должно бороться съ однимъ невѣжествомъ и корыстолюбіемъ, противъ коихъ были бы недѣйствительны мѣры систематическія и возможны только однѣ мѣры запретительныя»; поэтому «для прекращенія зла возможны однѣ запретительныя мѣры, такъ точно, какъ противъ обмана, фальшей и другихъ преступленій». Даже если бы «рѣшительныя мѣры правительства и несовершенно удались, то по крайней мѣрѣ сдѣлано *все, что было возможно,* неудача же была-бы доказательствомъ, что одно время можетъ исправить сіе заблужденіе». Это послѣд-

нее замѣчаніе особенно любопытно содержащимся въ немъ указаніемъ, что Канкринъ усматривалъ «рѣшительныя мѣры для искорененія зла» въ такомъ образѣ дѣйствій, который даже по его собственному сознанію могъ снова потерпѣть такую же неудачу, какая обнаружилась въ 1834—1837 г.г. Но Канкрину было извѣстно, что существуютъ и иные взгляды на «рѣшительныя мѣры для искорененія зла», и онъ признавалъ необходимымъ высказаться *противъ* такихъ взглядовъ. Въ этихъ видахъ онъ выражалъ убѣжденіе, что «простонародный курсъ на монету *не происходитъ* отъ какихъ либо *важныхъ недостатковъ нашей денежной системы, которые требовали бы неотложной перемѣны*» [1]). «Министръ финансовъ *не имѣетъ убѣжденія*, чтобы наша денежная система имѣла какой-либо *коренной недостатокъ*, влекущій за собою *необходимость* коренной перемѣны» [2]). Хотя «у насъ есть ассигнаціи, которыя не ходятъ наравнѣ съ серебромъ», но «онѣ исправляются исподволь, такъ что никому нѣтъ чувствительнаго вреда» [3]). Очевидно, Канкринъ отвергалъ всякую связь между «чувствительнымъ вредомъ» отъ простонародныхъ курсовъ, и тѣмъ, что «ассигнаціи не ходятъ наравнѣ съ серебромъ». Но въ какомъ видѣ могли-бы возникнуть простонародные курсы, если-бы ассигнаціи не ходили по биржевому курсу, этого Канкринъ, конечно, не объясняетъ, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою: ему очень хорошо извѣстно, и онъ самъ разъясняетъ въ своемъ представленіи, что если ближе разсмотрѣть простонародные курсы, то по нимъ «цѣна серебру выходитъ около биржеваго и податнаго курса» [4]). На биржевыя же колебанія Канкринъ не только смотритъ снисходительнѣе, но считаетъ невозможнымъ къ нимъ прикасаться. «*Нѣкоторая перемѣна* въ курсѣ ассигнацій», говоритъ онъ мягко о биржевыхъ колебаніяхъ, «бываетъ обыкновенно тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, и *безъ величайшихъ пожертвованій и риска неудачи устранена быть не можетъ*.

---

[1]) Матер объ уст. ден. сист., изд. Гос. Канц., стр. 3.
[2]) Тамъ-же, стр. 4
[3]) Тамъ-же.
[4]) Тамъ-же, стр. 3.

Рѣшимость же предпринять *огромныя мѣры* для избѣжанія *небольшого* неудобства—ни въ какомъ случаѣ не должна бы имѣть мѣста» [1]). «Биржевой курсъ, по видамъ операцій оптовой торговли и по связи съ вексельными заграничными дѣлами, всегда подлежитъ нѣкоторымъ измѣненіямъ, что и можетъ дать поводъ къ ажіотажу при какой либо *системѣ фиксаціи*. Впрочемъ, самъ по себѣ успѣхъ *новой какой-либо* мѣры весьма сомнителенъ» [2]). Министръ финансовъ шелъ еще далѣе и полагалъ, что, «если бы и *перемѣнить* нынѣшнія ассигнаціи и *переложить ихъ вдругъ и обязательнымъ порядкомъ на серебро*, то, умалчивая о другихъ *непомѣрныхъ* затрудненіяхъ, нельзя быть увѣреннымъ, чтобы установился навсегда постоянный курсъ между обоими; напротивъ, смотря по обстоятельствамъ, *новыя ассигнаціи стали бы упадать или по удобности своей возвышаться*. Всякое, однако, умноженіе ихъ числа, даже маловажное, повело бы къ упадку [3]).

XV.

Одновременно съ представленіемъ «о необходимости прекращенія счета на монету и ассигнаціи по простонароднымъ курсамъ» Канкринъ вошелъ въ государственный совѣтъ еще съ другимъ представленіемъ, которое онъ начиналъ напоминаніемъ, что онъ уже «коснулся затрудненій, сопряженныхъ съ какою либо перемѣною настоящей нашей денежной системы. Засимъ остается, однако, объясниться о другомъ *обстоятельствѣ, имѣющемъ отношеніе* къ денежному обращенію» [4]). Указывая на то, что вслѣдствіе сильно развившагося и продолжающаго развиваться обращенія серебра, «всѣ внутренніе обороты затрудняются тѣми *неудобствами,*

[1]) Тамъ-же, стр. 4.
[2]) Тамъ-же, стр. 5—6.
[3]) Тамъ-же, стр. 4
[4]) Тамъ-же, стр. 10.

съ коими сопряжена перевозка *серебра*, которая посредствомъ почтъ и дорога, и медлительна, а посредствомъ вольныхъ транспортовъ опасна и также дорога». министръ финансовъ полагалъ, что «къ отклоненію *сихъ* затрудненій открывается способъ, самъ по себѣ весьма легкій, въ родѣ своемъ *различнаго*—съ бумагами, на одномъ кредитѣ основанными,—свойства, и заключающійся только въ перемѣнѣ нѣкоторыхъ правилъ Коммерческаго Банка относительно пріема на храненіе драгоцѣнныхъ металловъ и монетъ, слѣдовательно, *не представляющій какого-либо новаго учрежденія* [1]). Въ *этихъ-то* видахъ Канкринъ представлялъ объ учрежденіи при Государственномъ Коммерческомъ Банкѣ депозитной кассы по серебрянымъ вкладамъ, взамѣнъ коихъ она должна была выпускать депозитные билеты.

Такимъ образомъ и учрежденіе этой кассы и ея билетовъ Канкринъ старался такъ обставить, чтобы никто въ нихъ не могъ усматривать выраженія какого либо *согласія* его на преобразованіе денежной системы. Въ этихъ-то видахъ онъ напоминалъ, что онъ уже выразилъ свое несочувствіе «какой-либо перемѣнѣ въ настоящей нашей денежной системѣ», коснувшись «сопряженныхъ съ такою перемѣною затрудненій», и въ этихъ-же видахъ онъ такъ опредѣленно указывалъ, что депозитные билеты *имъ* предназначаются лишь для устраненіе «неудобствъ, съ коими сопряжена перевозка серебра». Тѣмъ не менѣе, изложивъ проектируемыя имъ правила о депозитной кассѣ и депозитныхъ билетахъ, Канкринъ въ заключеніе своего представленія о нихъ «*не можетъ умолчать*, что введеніе таковыхъ билетовъ должно имѣть еще *важнѣйшую пользу* другого рода, служа *приготовленіемъ* къ введенію серебряныхъ ассигнацій, *если-бы* правительство *современемъ* сочло необходимымъ перемѣнить нынѣ существующія, *по преодолѣніи затрудненій съ сею мѣрою сопряженныхъ* [2]).. Сіе будетъ несравненно легче, когда публика

[1]) Тамъ-же, стр. 10.

[2]) Въ частности изъ этихъ «затрудненій» министръ указывалъ при этомъ лишь на большія счетныя работы «съ сею мѣрою сопряженныя».

уже привыкнетъ къ ходячей бумагѣ, на серебрѣ учрежденной, ибо тогда мѣру сію можно распространить съ *постепеннымъ* уничтоженіемъ нынѣшнихъ ассигнацій» [1]).

Мысль о новыхъ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, «на серебрѣ основанныхъ», уже въ 1810 и 1815 г.г. неоднократно составляла предметъ сужденій государственнаго совѣта; предшественникъ Канкрина, Гурьевъ, еще разъ «обратился къ сей мысли» наканунѣ своего ухода, въ 1822 г., и затѣмъ съ нею, такъ сказать, отождествилось самое существо преобразованія ассигнацій. Поэтому естественно, что соединенное присутствіе департаментовъ экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ о депозитной кассѣ и депозитныхъ билетахъ, журналомъ 18 августа 1837 года вполнѣ утвердило предположенія министра, признавъ ихъ мѣрою «весьма полезною, какъ въ видахъ облегченія денежныхъ оборотовъ въ губерніяхъ, такъ и потому, что она *дѣйствительно можетъ послужить приуготовленіемъ ко введенію у насъ серебряныхъ ассигнацій* [2]).

Задача преобразованія денежной системы заключалась тогда не въ возстановленіи металлическаго обращенія. Обращеніе звонкой монеты, серебряной и золотой, въ Россіи послѣ 1815 г. возстановилось безъ всякихъ стараній со стороны правительства и даже при несочувствіи и противудѣйствіи со стороны правительства. Но вслѣдствіе этого звонкая монета обращалась въ Россіи при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ для населенія особенно потому, что рядомъ и совмѣстно съ золотою и серебряною монетою обращались сильно обезцѣненныя ассигнаціи, которыя своимъ разстройствомъ заражали и разстраивали и обращеніе звонкой монеты. Поэтому задача преобразованія состояла въ измѣненіи постановки бумажныхъ денегъ (въ частности, ассигнацій) въ денежной системѣ Россіи. Этого не желалъ признавать Канкринъ, но именно въ этомъ смыслѣ понималъ задачу департаментъ экономіи государственнаго совѣта уже въ засѣданіяхъ 18 августа, 3 сентября и

---

[1]) Тамъ-же, стр. 14.
[2]) Тамъ-же, стр. 15.

26 октября 1837 г., когда разсматривались представленія Канкрина о прекращеніи счета на монету и на ассигнаціи по простонароднымъ курсамъ.

Не смотря на эти длинные промежутки между засѣданіями, соглашеніе между взглядами департамента и министра финансовъ не могло еще быть достигнуто. На предложенную Канкриномъ запретительную мѣру департаментъ не согласился, полагая, что, «она не обѣщаетъ вѣрнаго успѣха». Затѣмъ, «обращаясь къ источникамъ простонародныхъ курсовъ и непрерывнаго возвышенія лажа и не убѣждаясь въ томъ, чтобы они заключались въ корыстолюбіи, департаментъ не могъ не остановиться на сомнѣніи: не лежитъ-ли корень зла глубже» [1]). Въ виду этаго департаментъ приходилъ къ инымъ предположеніямъ, существенно отличавшимся отъ представленныхъ министромъ финансовъ, и въ числѣ ихъ полагалъ: «не полезнѣе-ли было-бы, вмѣсто частныхъ воспособленій, приступить къ болѣе удовлетворительной мѣрѣ: установить ассигнаціи на серебро по опредѣленному единожды курсу, въ уровень съ нынѣшними ассигнаціями, выпуская первыя по мѣры только вступленія въ казну серебряной монеты и извлекая изъ обращенія послѣднія постепенно, съ разрѣшеніемъ пріема серебряныхъ ассигнацій во всѣ казенные и банковые платежи и съ допущеніемъ обмѣна ихъ въ казначействахъ на звонкую монету. По мнѣнію департамента, мѣра сія едва-ли не есть существенная и введеніе оной не представляетъ, кажется, важныхъ затрудненій» [2]).

Такимъ образомъ, департаментъ экономіи съ перваго-же приступа къ дѣлу не только призналъ необходимость коренного преобразованія денежной системы, но указалъ на направленіе, въ которомъ осуществленіе не встрѣчалось, по его мнѣнію, съ сильными затрудненіями. Основанія преобразованія заключались по мнѣнію департамента: въ фиксаціи

---

[1]) Матер. объ устр. денеж. сист, стр. 17

[2]) Матеріалы объ устр. ден. сист., стр. 19.

курса ассигнацій и въ обмѣнѣ ихъ по этому курсу на новыя серебряныя ассигнаціи.

Тѣмъ не менѣе, въ интересахъ соглашенія съ министромъ, департаментъ полагалъ предоставить Канкрину, подвергнувъ предметъ новому разсмотрѣнію, дальнѣйшія свои предположенія представить государственному совѣту. Заключеніе это предварительно было сообщено Канкрину; но онъ, не согласясь съ департаментомъ [1]), представилъ особое мнѣніе, въ которомъ онъ, между прочимъ, утверждалъ, «что если-бъ согласиться на правила, изложенныя въ проектѣ заключенія, то оставалось-бы только приступить вновь къ умноженію ассигнацій» (хотя къ подобному упреку департаментъ совсѣмъ не подалъ никакого повода), а въ заключеніе «министръ финансовъ остается въ томъ убѣжденіи, что простонародные курсы не имѣютъ ничего общаго съ фиксаціею курса ассигнацій, что причина сихъ (простонародныхъ) курсовъ обманъ и корысть, что фиксаціи курса ассигнацій, которая въ существѣ есть основа предположеній департамента, никакими вымѣнами достигнуть нельзя, когда дѣло идетъ о поправляющихся ассигнаціяхъ, и что если не довольствоваться настоящимъ успокоительнымъ положеніемъ нашихъ денежныхъ дѣлъ, то надобно обратить нынѣшнія ассигнаціи на другія, равныя съ серебромъ, мѣра огромная, для которой однако на всякій случай министромъ финансовъ представленъ пріуготовительный способъ посредствомъ депозитныхъ билетовъ». Засимъ Канкринъ не считалъ возможнымъ отступить отъ существа сдѣланныхъ имъ предположеній и полагалъ, «что во всякомъ случаѣ лучше было-бы довольствоваться паліятивомъ» [2])

По выслушаніи особаго мнѣнія министра финансовъ, департаментъ экономіи «не убѣдился въ надобности отступить отъ прежней основной мысли своей, что для рѣшительнаго уничтоженія простонародныхъ курсовъ необходимо принять болѣе существенныя пособія, которыя, дѣйствуя на прямыя

[1]) Тамъ-же, стр. 20.

[2]) Тамъ-же, стр. 24—26—27.

причины зла, отразили-бы всякую возможность возобновленія онаго». Департаментъ считалъ «полезнѣе подвергнуть настоящій предметъ новому разсмотрѣнію въ министерствѣ финансовъ въ видахъ установленія самой денежной системы нашей на основаніяхъ болѣе положительныхъ». Съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ департаментъ указывалъ лишь на то, что «польза установленія ассигнаціи на серебро взамѣнъ нынѣшнихъ не отвергается министерствомъ финансовъ» [1]).

Съ своей стороны Канкринъ признавалъ необходимымъ еще разъ представить свои объясненія департаменту экономіи. Въ нихъ онъ, между прочимъ, утверждалъ, что «зло сего образа счета (по простонароднымъ курсамъ), хотя и значительно, но не столь важно, чтобы имѣть вредныя послѣдствія для общаго благосостоянія; что фиксація курса серебра при ассигнаціяхъ, поправляющихся въ своемъ достоинствѣ, есть мѣра невозможная». Министръ финансовъ допускалъ, что «обращеніе всѣхъ ассигнацій на серебро желательно», но онъ утверждалъ, что оно «трудно» и лишь «со временемъ не невозможно, тогда, когда народъ къ тому будетъ приготовленъ чрезъ депозитные билеты; въ настоящее-же время оно не будетъ имѣть на простонародные курсы ни малѣйшаго вліянія, ибо на депозитные билеты могутъ наложить лажъ, какъ на цѣлковые». Потому Канкринъ «видитъ только двѣ возможности въ семъ дѣлѣ: или принять рѣшимость запретить простонародные курсы, или дѣло сіе до времени оставить въ нынѣшнемъ положеніи [2]). Для приведенія-же въ исполненіе запрещенія Канкринъ въ дополненіе къ проектированнымъ уже имъ мѣрамъ предлагалъ еще: предоставить ему распорядиться, чтобы въ губерніяхъ, гдѣ существуетъ народный лажъ, «въ одинъ предназначенный день собрать купечество во всѣхъ городахъ и, внушивъ ему о вредности означеннаго лажа, взять общую подписку впредь по истеченіи 8 дней прекратить всякій счетъ

[1]) Тамъ-же, стр. 20.
[2]) Тамъ-же, стр. 27, 29.

на монету. Мѣра эта могла-бы служить приготовленіемъ къ другимъ болѣе строгимъ впослѣдствіи времени, если окажется надобность» [1]).

Государственный совѣтъ въ общемъ собраніи 29 ноября 1837 г., разсмотрѣвъ журналъ департамента экономіи по представленію министра финансовъ, находилъ, что предполагаемыя къ уничтоженію лажа мѣры раздѣляются на запретительныя и финансовыя. Запретительныя мѣры, проектируемыя министромъ финансовъ, общее собраніе, согласно заключенію департамента, категорически отвергло. Финансовыя-же мѣры выработанныя департаментомъ, вызвали сужденія, коихъ дальнѣйшее развитіе вело къ результату, что «для уничтоженія простонародныхъ курсовъ необходимо измѣненіе или переворотъ въ самой денежной системѣ». Государственный Совѣтъ, однако, не рѣшился приступить къ окончательному заключенію особенно въ виду того, что нѣкоторые его члены вызвались ему представить свои по этому предмету соображенія.

Разработка этихъ соображеній, замѣчаній на нихъ министра финансовъ и наконецъ частыя совѣщанія съ министромъ финансовъ наполнили не только весь 1838 г., но и начало 1839 г. Первый представилъ (9 декабря 1837 г.) государственному совѣту свой проектъ адмиралъ Грейгъ; затѣмъ (18 февраля 1838 года) сталъ извѣстенъ государственному совѣту проектъ адмирала Мордвинова; 28 апрѣля 1838 г. государю представилъ свою большую записку князь Друцкой-Любецкій и не ранѣе 22 января 1839 г. была сообщена Канкрину (для устныхъ съ нимъ переговоровъ) записка Сперанскаго. Замѣчанія Канкрина на соображенія отдѣльныхъ членовъ государственнаго совѣта слѣдовали всегда очень скоро вслѣдъ за ихъ представленіемъ; но особыхъ своихъ новыхъ предположеній, отдѣльныхъ отъ этихъ замѣчаній на составленные членами проекты, самъ Канкринъ не представлялъ государственному совѣту до мая 1839 г.

Адмиралъ Грейгъ полагалъ, что «никакая система не мо-

[1]) Тамъ-же, стр 30.

жетъ быть признаваема совершенно постоянною и непоколебимою, которая не будетъ имѣть главнаго основанія въ томъ, чтобы ассигнаціи были обращаемы казною въ монету и обратно по произволу каждаго», т. е., чтобы онѣ были размѣнны на звонкую монету. «Но какъ сіе въ нынѣшнемъ положеніи финансовъ имперіи вѣроятно невозможно, то остается изыскивать какіе-либо другіе способы». «Таковая мѣра должна имѣть основаніемъ слѣдующее: 1) чтобы она не чинила вовсе или сколь возможно меньше перемѣны въ нынѣ существующемъ; 2) чтобы она не имѣла вліянія на иностранные курсы и 3) чтобы она не причинила большихъ издержекъ казнѣ» [1]). Строясь на этихъ основаніяхъ, существо проекта адмирала Грейга заключалось въ фиксаціи стоимости ассигнацій не посредствомъ прямаго узаконенія (легализаціи) какого либо ихъ биржеваго курса, а устраненіемъ серебрянаго рубля (цѣлковаго въ 405 долей чистаго металла), отъ стремленія къ которому происходило возвышеніе цѣнности ассигнацій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возникновеніе лажей. Такъ какъ тогда рубль въ 405 долей чистаго серебра стоилъ 355 коп. асс., слѣдователь- 400 коп. асс. $= 405 \times {}^{400}/_{355} = 462^{3}/_{71}$ долямъ чистаго серебра, то изъ одной четверти этаго послѣдняго количества (или изъ $115^{1}/_{2}$ долей чистаго серебра, но съ вычетомъ 3% на расходы чеканки) адмиралъ Грейгъ предлагалъ чеканить новую монету, которой и присвоить наименованіе рубля. Такъ какъ этотъ новый рубль изъ серебра былъ-бы вполнѣ равенъ ассигнаціонному и никакихъ перемѣнъ въ цѣнахъ и стоимости не произвелъ-бы, то онъ нечувствительно устранилъ-бы поводъ къ лажу во всѣхъ его видахъ.—Возраженія министра финансовъ противъ этого проекта впослѣдствіи были усвоены соединеннымъ присутствіемъ департаментовъ экономіи и законовъ и лишь мягче выражены слѣдующимъ образомъ: признавая, что проектъ адмирала Грейга имѣетъ свои правильныя основанія, онъ не могъ-бы быть обойденъ, во-первыхъ, еслибъ предстояло полное убѣжденіе, что перемѣна въ величинѣ монеты не будетъ имѣть никакого невыгоднаго вліянія

[1]) Матер. по устр. ден. сист., стр. 40, 41.

на ходъ нашихъ заграничныхъ торговыхъ сношеній и на дѣла внѣшняго кредита, и во-вторыхъ, еслибъ неоспоримо устранено было-бы всякое опасеніе о необходимости новаго впослѣдствіи перечекана монеты въ случаѣ измѣненія цѣны ассигнаціоннаго рубля за что при совокупномъ хожденіи звонкихъ денегъ и нынѣшнихъ ассигнацій отвѣчать нельзя. По этимъ соображеніямъ проектъ адмирала Грейга остался безъ дѣйствія.

Проектъ адмирала Мордвинова довольно сильно уклонялся отъ предмета сужденій и поэтому тоже остался безъ дѣйствія.

Напротивъ обширная записка князя Друцкого-Любецкаго съ весны 1838 г. представляла, такъ сказать, главный матеріалъ, на почвѣ котораго путемъ полемики, переговоровъ и совѣщаній съ министромъ финансовъ могла происходить положительная разработка дѣла и приближеніе ея къ опредѣленнымъ заключеніямъ [1]).

Впрочемъ, для совершенно точнаго констатированія фактовъ, необходимо отмѣтить, что уже при разборѣ проекта адмирала Грейга, Канкринъ, при всемъ стремленіи стоять только на критической (отрицательной) точкѣ зрѣнія, въ концѣ-концовъ все-таки не могъ на ней удержаться подъ вліяніемъ тщательно продуманнаго и строго послѣдовательнаго изложенія означеннаго проекта. Такъ, Канкринъ указываетъ, что если добиваться твердой и постоянной денежной системы, то «должно держаться серебра и къ сей единицѣ надобно привести бумажныя деньги, а не сіи послѣднія взять за единицу», но въ такомъ случаѣ «осталось-бы только обратить ассигнаціи на серебро, то-есть, умень-

---

[1]) Въ своемъ трудѣ «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» баронъ М. А. Корфъ, тогдашній государственный секретарь, высказываетъ слѣдующее сужденіе о значеніи, которое въ это время имѣла записка князя Друцкого-Любецкаго, «ему одному Россія обязана, что дѣло тронулось съ мѣста; одна его настойчивость и упорная дѣятельность заставила всѣхъ очнуться и вывести самого министра изъ той апатіи, съ которою онъ дотолѣ смотрѣлъ на этотъ важный предметъ», (Сборн. И. Р. И. О., т. 98, стр. 134). Это сужденіе, однако, нѣсколько преувеличено, кажется.

шить ихъ количество до того, чтобъ при выпускѣ другихъ ассигнацій достоинство ихъ сравнялось съ серебромъ. Но таковая огромная операція требуетъ особенной осторожности. Здѣсь не разумѣется тотъ случай, чтобъ ассигнаціи сами по себѣ въ теченіе долгаго времени уравнялись съ серебромъ». Канкринъ объясняетъ, что для этого по указаніямъ истекшихъ 15 лѣтъ пришлось-бы ожидать еще 180 лѣтъ. «Однако, скорое и насильственное уменьшеніе лажа также не полагается, ибо сіе имѣло-бы весьма невыгодныя послѣдствія. Но переложеніе ассигнацій на серебро есть дѣло другое: тогда всякъ остается при своемъ» [1]). Такимъ образомъ, среди сомнѣній и колебаній Канкринъ приходитъ все-таки къ нѣкоторому положительному результату, и это дѣйствіе оказалъ уже проектъ адмирала Грейга, еще до появленія записки князя Друцкого Любецкаго.

Записка князя Друцкого-Любецкаго своею обширною объяснительною частью, въ которой собрана въ нѣсколько хаотическомъ видѣ значительная масса историческихъ, критическихъ и теоретическихъ замѣтокъ, большею частью сомнительной правильности, едвали въ состояніи была произвести серьезное дѣйствіе, еслибъ она неожиданно не заканчивалась длиннымъ рядомъ заключеній, которыя касались не только общихъ основаній, но и подробностей дѣла, и которыя большею частью очень удачно представляли выходъ изъ затрудненій, сосредоточивавшихъ тогда на себѣ вниманіе. Канкрину было весьма нетрудно полемизировать съ объяснительною частью записки князя Друцкого-Любецкаго. Но когда редакція ея заключеній была въ министерствѣ финансовъ упрощена и улучшена, то большею частью они даже не могли вызвать замѣчаній Канкрина. Такъ, князь Друцкой-Любецкій предлагалъ: возстановить серебряный рубль монетною единицею, сохранить его подраздѣленія, сдѣлать обязательнымъ совершеніе всѣхъ счетовъ, платежей и сдѣлокъ на серебро, переложить всѣ подати на серебро, учредить депозитные билеты, размѣнные на серебро, и ими постепенно замѣнять ассигна-

[1]) Матер. по устр. ден. сист., стр. 58

ціи;—конечно, противъ всѣхъ этихъ предложеній князя Друцкого-Любецкаго министръ финансовъ возражать не могъ. Раздѣливъ дѣло преобразованія на его составные элементы, князь Друцкой Любецкій оказалъ ту большую услугу, что этимъ безспорные элементы отдѣлились отъ спорныхъ и возражать можно было уже не вообще противъ преобразованія, а только противъ спорныхъ его элементовъ. Такъ, Канкринъ могъ еще спорить противъ фиксаціи курса ассигнацій, противъ переложенія на серебро долговъ и платежей кредитнымъ установленіямъ, или противъ очевидно неправильныхъ заключеній князя Друцкого-Любецкаго (напр. золоту ходить наравнѣ съ серебромъ, или въ значительной мѣрѣ выпускать рублевыя бумажныя деньги и т. п.). Но не смотря на всю рѣзкость враждебныхъ отношеній между княземъ Друцкимъ-Любецкимъ и Канкринымъ, послѣдній не могъ уже категорически только отвергать предложенія князя Друцкого-Любецкаго, а поставленъ былъ въ необходимость проводить пограничную черту между тѣмъ, что онъ отвергалъ и что онъ признавалъ. Напримѣръ, когда рядомъ съ его собственнымъ проектомъ депозитной кассы и депозитныхъ билетовъ оказался о томъ-же проектъ князя Друцкого-Любецкаго, то по необходимости Канкринъ долженъ былъ выяснить, чѣмъ они различаются, и это не могло не побудить его смягчить свою неуступчивость, ибо иначе проектъ, независимо отъ него составленный, восторжествовалъ-бы надъ его собственнымъ. Въ этихъ видахъ Канкринъ указывалъ, что князь Друцкой-Любецкій «предполагаетъ вдругъ издать новыя узаконенія о переложеніи ассигнацій на серебро и денежной системѣ вообще; напротивъ, министръ финансовъ ограничивается введеніемъ напередъ серебряныхъ ассигнацій въ видѣ денежныхъ билетовъ въ коммерческомъ видѣ; когда же народъ привыкнетъ къ онымъ, приступить къ переложенію ассигнацій на серебро, тѣмъ болѣе, что между тѣмъ нужно приготовить соразмѣрный серебряный фондъ для составленія твердаго базиса новымъ ассигнаціямъ». Это, конечно, была очень важная новая уступка со стороны Канкрина, и онъ какъ-бы оправдывалъ медлен-

ность, съ которою онъ на нее согласился, ссылаясь на то, что «министръ финансовъ не можетъ отстать отъ мысли, что на первый разъ одна сія переходная мѣра можетъ быть допущена и что слишкомъ трудно и опасно приступить вдругъ къ огромному перелому, за послѣдствія коего ручаться нельзя. И почему рѣшаться вдругъ на мѣры крайнія, когда ходъ дѣлъ въ Россіи никакой крайности не представляетъ». Послѣднія слова, очевидно, показываютъ, что Канкрину трудно было дѣлать уступки; но онъ уже оправдывалъ это, ссылаясь на свое несочувствіе «скороспѣшности» преобразованія, а не его существу [1]). И хотя Канкринъ заключалъ свои замѣчанія на предложенія князя Друцкого-Любецкаго словами: «министръ финансовъ остается при прежнемъ мнѣніи, чтобъ дѣло сіе начать учрежденіемъ одной депозитной кассы, не касаясь нынѣ фиксаціи ассигнацій», но на самомъ дѣлѣ никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ вліяніи, которое на его мнѣнія оказали помимо него составленные членами государственнаго совѣта проекты. Въ проектахъ адмирала Грейга и князя Друцкого-Любецкаго было видно большое знаніе предмета, о чемъ судить Канкринъ могъ очень компетентно, и этому глубокому знанію дѣла онъ не могъ не сдѣлать нѣкоторыхъ уступокъ [2]).

[1]) Матеріалы, стр. 129—130.

[2]) Само собою разумѣется, однако, что преувеличивать этихъ уступокъ тоже не слѣдуетъ. Не безъ основанія Канкринъ въ заключеніи своихъ замѣчаній на предложеніе князя Друцкого-Любецкаго упоминалъ о томъ, что онъ остается при своемъ прежнемъ взглядѣ на лажъ, происходящемъ не отъ чего либо существеннаго, но единственно отъ корыстолюбія и невѣжества. Этотъ взглядъ опредѣлялъ коренное различіе и между депозитными билетами по проектамъ графа Канкрина и князя Друцкого-Любецкаго. По обоимъ проектамъ депозитные билеты должны были обращаться «безъ лажа»; но по проекту князя Друцкого-Любецкаго—вслѣдствіе коренного преобразованія денежной системы, вслѣдствіе фиксаціи курса ассигнацій и ихъ замѣны новыми бумагами; по проекту же графа Канкрина, откладывавшему преобразованіе, но не откладывавшему обращеніе депозитныхъ билетовъ безъ лажа, послѣднее было возможно только на основаніи запретительныхъ мѣръ, которыя онъ оттого такъ продолжалъ отстаивать, повторяя свой взглядъ на лажъ.

Но на еще болѣе важный шагъ впередъ дѣло подвинулось, благодаря запискѣ Сперанскаго о монетномъ обращеніи. Изъ препроводительнаго письма, при которомъ она 22 января 1839 г. была послана министру финансовъ, ясно, что послѣднему уже были извѣстны мысли Сперанскаго, въ запискѣ котораго «многое противъ прежняго дополнено». Эти «мысли» вѣроятно уже были въ обращеніи въ частныхъ совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ окончательному обсужденію предмета въ государственномъ совѣтѣ. Но въ «запискѣ» онѣ являются такъ обставленными, что ихъ вліяніе должно было имѣть рѣшающее значеніе для успѣха дѣла, которому она была посвящена. Въ противоположность къ запискѣ князя Друцкого-Любецкаго, записка Сперанскаго уже въ объяснительной своей части представляла блестящее изложеніе глубокихъ замѣчаній, теоретическихъ и историческихъ, противъ которыхъ неудобно было возражать, потому что въ нихъ содержалась—неоспоримая истина. Въ практической же части она сильно подвигала впередъ дѣло тѣмъ, что всѣ мѣры по преобразованію денежной системы она раздѣляла на группы, допуская постепенность въ ихъ осуществленіи, признавая однѣ—пріуготовительными (установленіе размѣнныхъ на звонкую монету кредитныхъ билетовъ, основанныхъ на серебряныхъ вкладахъ, пріемъ ихъ въ казначействахъ по нарицательной цѣнѣ, фиксація ассигнацій, отмѣна манифеста 9 апрѣля 1812 г. и возстановленіе обязательности серебряной валюты), а другія окончательными (постепенное переложеніе ассигнацій на кредитные билеты, заключеніе займа для образованія размѣннаго фонда и установленіе механизма размѣна), при этомъ «пріуготовительныя мѣры» тоже различались въ порядкѣ постепенности ихъ осуществленія, хотя признавались одинаково настоятельными; относительноже окончательныхъ мѣръ Сперанскій простиралъ свою уступчивость до готовности признать ихъ лишь желательными, но могущими быть отсроченными на неопредѣленное время.

XVI.

На столь хорошо подготовленной почвѣ соглашеніе взглядовъ предоставлялось уже совсѣмъ нетруднымъ и оно вѣроятно скоро состоялось-бы въ мирномъ видѣ, какъ и надѣялся Сперанскій, еслибъ онъ не скончался 11 февраля 1839 года. Но на дѣлѣ Канкринъ въ своихъ замѣчаніяхъ на записку Сперанскаго довольно жестко выразилъ свои несогласія съ ней, хотя спорилъ Канкринъ только противъ несущественныхъ подробностей и отъ своихъ замѣчаній скоро долженъ былъ отказаться. Не смотря на то, что самъ Сперанскій совсѣмъ не предполагалъ спѣшить съ «переложеніемъ ассигнацій», то-есть, ихъ замѣною новыми знаками, тѣмъ не менѣе Канкринъ уже въ началѣ своихъ замѣчаній заявлялъ: «я предлагалъ депозитные билеты, какъ невинный и безопасный способъ для облегченія оборотовъ и какъ пріуготовительную мѣру для введенія серебряныхъ ассигнацій, если бы разсуждено было впослѣдствіи къ тому приступить; но чтобы настояла неотложная надобность уничтоженія нынѣшнихъ ассигнацій теперь въ совокупности съ изданіемъ депозитныхъ билетовъ, я въ томъ не убѣжденъ и полагаю удобнѣйшимъ ближайшее мѣроположеніе объ ассигнаціяхъ предоставить времени и обстоятельствамъ». Также рѣшительно Канкринъ высказался противъ фиксаціи ассигнацій посредствомъ узаконенія податнаго курса. по его мнѣнію «едва ли возможно допустить, чтобъ даже и по податному курсу, ежегодно назначаемому, банки принимали серебряные билеты, вмѣсто ассигнацій»; «депозитнымъ билетамъ на первый разъ нѣтъ ни удобности, ни надобности дать принужденный курсъ» [1]). Канкринъ продолжаетъ думать, что простонародный курсъ «не

[1]) Выраженіе «принужденный курсъ» здѣсь взято лишь въ смыслѣ фиксаціи; обязательный-же пріемъ депозитныхъ билетовъ по ихъ нарицательной цѣнѣ и ихъ обращеніе «безъ лажа» Канкринъ предполагалъ во всякомъ случаѣ.

можетъ быть прекращенъ какими либо другими мѣрами, какъ развѣ пенальными законами». По поводу-же «окончательныхъ мѣръ» Сперанскаго Канкринъ весьма рѣшительно высказывался слѣдующимъ образомъ: «я не полагаю возможнымъ назначить теперь ассигнаціямъ неизмѣнный курсъ; фиксація курса можетъ имѣть невыгодное вліяніе на внѣшній кредитъ нашъ; я не считаю удобовозможнымъ предначертать теперь рѣшительный планъ для переложенія ассигнацій... Курсъ простонародный предполагаемыми мѣрами едва ли уничтожится» [1]).

Какъ ни рѣшительны кажутся эти отрицательные взгляды, но они означали въ этомъ случаѣ уже лишь, что, критикуя проектъ Сперанскаго, Канкринъ совсѣмъ не въ принципѣ возражаетъ противъ преобразованія денежной системы, а имѣетъ для него свой проектъ, который онъ по тому-же случаю замѣчаній на предложенія Сперанскаго и раскрывалъ. Основанія этого проекта были слѣдующія: 1) ограничиться на первый разъ учрежденіемъ депозитныхъ билетовъ, «кои суть дѣло невинное и неопасное», и принимать ихъ въ казенные платежи, но—только по питейнымъ сборамъ; 2) податной курсъ назначать возможно ближе къ биржевому; 3) когда учредятся депозитные билеты, постепенно переложить налоги и казенные платежи на серебро; 4) когда вполнѣ установится ходъ депозитныхъ билетовъ, то по соображенію обстоятельствъ того времени рѣшить дальнѣйшія мѣры по настоящему предмету; въ семъ отношеніи только будетъ нужно: переложить окончательно доходы и расходы казны на серебро, образовать, когда наступитъ время, размѣнный фондъ въ размѣрѣ 1/5 или 1/6 массы бумажныхъ денегъ и по мѣрѣ поступленія нынѣшнихъ ассигнацій въ казначейства и банки обмѣнивать оныя на серебряныя ассигнаціи, или депозитные билеты, или подъ другимъ названіемъ, по тогдашнему податному или особо назначенному курсу, вмѣстѣ

---

[1]) Матеріалы объ устр. ден. сист., стр. 178, 180, 183, 184.

съ тѣмъ переложатся по тому же курсу банковые долги и вклады [1]).

Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ поводы къ разногласію даже настолько уменьшились, что и вопросъ о фиксаціи курса ассигнацій уже былъ лишь вопросомъ времени: удобнѣе-ли его рѣшить сейчасъ, или при обмѣнѣ ассигнаціи на новые размѣнные денежные знаки.

Въ такомъ видѣ находилось дѣло, когда оно вновь поступило на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія департаментовъ экономіи и законовъ Разсмотрѣніе это происходило въ 1839 г. въ продолженіи 12 засѣданій, въ мартѣ (18 и 29), въ апрѣлѣ (5, 9, 12, 14 и 26) и въ маѣ (3, 5, 13, 15 и 31).

Соединенное присутствіе департаментовъ экономіи и законовъ, обозрѣвая сдѣланныя ему предложенія (помимо отклоненныхъ) констатировало, что мнѣнія графа Сперанскаго и князя Друцкого-Любецкаго настолько сходствуютъ между собою и съ проектомъ министра финансовъ, «если слѣдовать не однимъ лишь первообразнымъ, но и присоединившимся къ нимъ впослѣдствіи предположеніямъ его», что отдѣльное по каждому изъ нихъ заключеніе не представлялось необходимымъ. Перечисливъ затѣмъ признаваемыя ими основныя начала [2]) и, для убѣжденія въ правильности этихъ началъ, войдя предварительно въ личныя объясненія съ княземъ Друцкимъ-Любецкимъ и «въ ближайшія, многократно повторявшіяся, совѣщанія съ министромъ финансовъ», соединенное присутствіе, соображая событія, которыми вызывалась необходимость преобразованія, съ своей стороны изъ нихъ дѣлало слѣдующіе основные выводы: 1) что необходимо возстановить монетную единицу и единство монетъ; 2) для твердости и постоянства денежной системы нашей необходимо ее основать на серебрѣ,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 185—187.

[2]) Серебряную монету признать платежною, а серебряный рубль—монетною единицею, разрѣшивъ пріемъ этой монеты въ казенные и банковые платежи по опредѣленному курсу, 2) учредить депозитную кассу для выпуска билетовъ или ассигнацій, представляющихъ серебро и имъ обезпеченныхъ; 3) ассигнаціи замѣнить новыми серебряными бумагами.

присвоивъ свободное хожденіе ассигнаціямъ, доколѣ онѣ будутъ оставаться въ обращеніи; 3) что для рѣшительнаго уничтоженія источника лажей и для облегченія денежныхъ оборотовъ, необходимо установить новыя бумажныя деньги, основанныя на серебрѣ и обмѣнить ими же нынѣшнія ассигнаціи, и наконецъ 4) для устраненія недостатка въ денежныхъ знакахъ надлежитъ впослѣдствіи прискать средства къ усиленію числа ихъ. Признавая, что только этими коренными мѣрами можно достигнуть цѣли постоянныхъ, но доселѣ безуспѣшныхъ намѣреній правительства, соединенные департаменты полагали, что начала, «изложенныя въ мнѣніяхъ графа Сперанскаго и князя Друцкого-Любецкаго и принимаемыя министромъ финансовъ», ведутъ къ этой именно цѣли и вполнѣ подлежатъ утвержденію. Обращаясь затѣмъ къ предметамъ, по которымъ сдѣланныя государственному совѣту предложенія еще вызывали разногласія, соединенное присутствіе ихъ раздѣляло слѣдующимъ образомъ: 1) о времени введенія въ дѣйствіе предложенныхъ мѣръ и объ опредѣленіи курсамъ ассигнаціямъ при разрѣшеніи пріема серебра въ казенные и банковые платежи; 2) о названіи и нарицательномъ достоинствѣ новыхъ бумажныхъ денегъ; 3) о порядкѣ ихъ выпуска и пріема въ платежи и 4) объ измѣненіяхъ въ системѣ звонкой монеты. По вопросу о постепенности исполненія различныхъ мѣръ министромъ финансовъ представленъ былъ 1 мая 1839 г. предсѣдателю департамента экономіи подробный планъ «о новомъ устройствѣ денежныхъ дѣлъ»; по этому плану предполагаемыя мѣры распредѣлялись между слѣдующими періодами: пріуготовительный (1839 г.), первый исполнительный (1840), второй исполнительный (1841) и третій (съ 1842 и, буде нельзя успѣть, съ 1843 г.). Съ своей стороны департаменты, признавая, что въ дѣлѣ измѣненія цѣлой системы неизбѣжна постепенность, не считали возможнымъ согласиться на сдѣланныя министромъ финансовъ предложенія и заключили (вопреки этимъ предложеніямъ), что курсъ долженъ быть назначенъ единожды навсегда и оставаться постояннымъ и неизмѣннымъ. Послѣдствіемъ же «новыхъ многократныхъ со-

вѣщаній съ министромъ» было то, что «изъявивъ съ своей стороны согласіе на мнѣніе департаментовъ» [1]), министръ представилъ 11 мая 1839 г. новый планъ своихъ предположеній съ раздѣленіемъ исполненія на два періода: къ первому періоду, съ 1 января 1840 г., онъ относилъ всѣ мѣры, кромѣ обмѣна ассигнацій, а именно: признаніе серебра главною платежною монетою и разрѣшеніе его пріема во всѣ казенные банковые платежи, переложеніе всѣхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, а также банковыхъ ссудъ и вкладовъ; опредѣленіе постояннаго курса и учрежденіе депозитной кассы. При дальнѣйшемъ обсужденіи этого предмета девять членовъ признавали необходимымъ о всѣхъ предполагаемыхъ мѣрахъ, за исключеніемъ лишь обмѣна ассигнацій, издать высочайшій манифестъ безъ всякаго отлагательства съ тѣмъ, чтобъ пріемъ серебра въ казенные банковые платежи и дѣйствіе постояннаго курса возымѣли начало свое вмѣстѣ съ изданіемъ манифеста, а все прочее съ 1 января 1840 г; а три члена поддерживали предложеніе Канкрина начать осуществленіе мѣръ лишь съ 1840 г. Относительно курса тоже произошло разногласіе: девять членовъ стояли за податной курсъ въ 3 р. 60 коп. (1 руб. асс. = $27^{7}/_{9}$ коп. сер.), а три члена съ Канкринымъ стояли за круглый средній курсъ по соображенію сложности биржеваго курса 1839 г (оказавшагося потомъ въ 3 р. 50 к. асс. за 1 руб. сереб. или 1 руб. асс. = $28^{4}/_{7}$ коп. сереб., на $^{50}/_{63}$ коп. сер., или $2^{6}/_{7}$% больше, чѣмъ по податному курсу). Любопытно, что настаивая на своемъ мнѣніи, Канкринъ противупоставлялъ биржевой курсъ (въ $28^{4}/_{7}$ коп. сер.), какъ истинный и справедливый, курсу податному ($27^{7}/_{9}$ коп. сер.), какъ «произвольному и принужденному», руководство которымъ равносильно неисполненію обязательствъ, даже банкротству, и несовмѣстимо съ достоинствомъ правительства; 2) относительно названія будущихъ новыхъ бумажныхъ денегъ департаментъ принялъ предложеніе Канкрина наименовать ихъ депозитными билетами; 3) относительно способа выпуска депозитныхъ би-

[1]) Матеріалы объ устр. ден. сист., стр. 201.

летовъ (до обмѣна на нихъ ассигнацій) департаменты предлагали ихъ основывать на серебряныхъ вкладахъ, все равно, частныхъ или казенныхъ; что-же касается пріема депозитныхъ билетовъ въ казенные платежи, то въ виду того, что «послѣ внесенія министромъ финансовъ проекта о депозитной кассѣ принята имъ мысль не только разрѣшить пріемъ серебра во всѣ казенные и банковые платежи, но и обмѣнять ассигнаціи, — мысль не входившая въ прежнія его соображенія» [1]), то вслѣдствіе этого допускавшіяся Канкринымъ ограниченія въ пріемѣ казною депозитныхъ билетовъ, а также ихъ недопущеніе къ банковымъ платежамъ, должны потерять силу; 4) относительно порядка вымѣна ассигнацій на новыя бумажныя деньги департаменты приняли предложенія Канкрина: довольствоваться въ установленной пропорціи размѣннымъ фондомъ и дополнительнымъ ручательствомъ государственнаго казначейства, размѣнъ въ уѣздныхъ казначействахъ допустить въ размѣрахъ ихъ наличныхъ средствъ, 5) наконецъ относительно измѣненій въ монетной системѣ департаменты признавали нужнымъ принять нѣкоторыя предложенія Канкрина о мѣдной монетѣ, оставивъ въ силѣ все законодательство о серебряной и золотой монетѣ.

На основаніи всего вышеизложеннаго соединенные департаменты экономіи и законовъ «по соглашенію во всѣхъ частяхъ съ министромъ финансовъ» полагали для устраненія затрудненій въ денежномъ обращеніи и уничтоженія простонароднаго лажа принять слѣдующія мѣры: 1) возстановить согласно манифесту 20 іюня 1810 г. серебряную монетную единицу и съ 1 января 1840 г. сдѣлать серебряную валюту обязательною для всѣхъ вообще платежей, счетовъ, условій и всякаго рода письменныхъ и словесныхъ сдѣлокъ, что было равносильно отмѣнѣ манифеста 9 апрѣля 1812 г.; 2) ассигнаціи оставить лишь какъ вспомогательный знакъ, опредѣливъ имъ постоянный курсъ на серебро и на золото и по этому курсу считать платежи ими обязательными

[1]) Тамъ-же, стр. 209.

къ пріему; 3) пріемъ золотой монеты взамѣнъ другой монеты между частными лицами предоставить добровольному соглашенію [1]), 4) по установленному курсу разрѣшить мѣстнымъ казначействамъ размѣнивать ассигнаціи на монету и обратно до 100 руб. въ однѣ руки ;5) «строжайше воспретить присвоеніе ассигнаціямъ какого-либо иного курса или надбавки на оныя и на серебро, а также показаніе на биржахъ курса ассигнаціямъ»; 6) вексельные курсы и цѣны въ биржевыхъ бюллетеняхъ показывать на серебряную монету; 7) по установленному курсу принимать серебряную монету въ уплату всѣхъ платежей казнѣ и кредитнымъ установленіямъ; 8) на томъ-же основаніи производить всѣ платежи изъ казны; 9) предоставить министру финансовъ переложить на серебро всѣ государственные доходы и расходы и обороты по кредитной части, которые производились на ассигнаціи; 10) учредить депозитную кассу для серебряныхъ вкладовъ съ выпускомъ взамѣнъ ихъ депозитныхъ билетовъ; 11) для достиженія окончательной цѣли настоящаго дѣла съ 1 января 1841 г. или позже приступить къ вымѣну ассигнацій на депозитные билеты съ составленіемъ особаго фонда серебряной и золотой монеты въ размѣрѣ, достаточномъ для ихъ безостановочнаго размѣна, съ дополнительнымъ ручательствомъ казны въ безостановочномъ размѣнѣ; 12) по всѣмъ мѣропріятіямъ, кромѣ обмѣна ассигнацій на депозитные билеты, издать манифестъ по мнѣнію 12 членовъ немедленно, а по мнѣнію трехъ членовъ не позже ноября 1839 г.

При подписаніи журнала Канкринъ считалъ необходимымъ оговорить во-первыхъ, что предположенія департаментовъ «не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо отступленій отъ первоначальныхъ его предположеній, за два года предъ симъ представленныхъ» (хотя въ журналѣ многократно удостовѣрялось противуположное), «а только что прежде полагалъ онъ разрѣшить нужныя мѣры постепенно, а теперь, слѣдуя убѣжденіямъ департаментовъ, далъ имъ полное единовременное развитіе, хотя первоначаль-

[1]) Тамъ-же, стр. 214.

ное предположеніе было-бы облегчительнѣе и достовѣрнѣе»; и во-вторыхъ, Канкринъ продолжалъ настаивать, что «опасно принять иной курсъ, нежели ближайшій къ биржевому или истинному»; равнымъ образомъ по поводу предположенія разрѣшить теперь повсемѣстный пріемъ серебра по установленному курсу Канкринъ повторялъ, что онъ «считаетъ сіе невозможнымъ» [1]).

Въ общемъ собраніи государственный совѣтъ посвятилъ дѣлу три засѣданія (10, 12 и 19 іюня 1839 г.) и по его разсмотрѣніи «убѣдился, что существующій безпорядокъ въ денежномъ обращеніи и зло простонародныхъ лажей долѣе терпимы быть не могутъ и къ ихъ устраненію необходимо принять коренныя и рѣшительныя мѣры безъ дальнѣйшаго отлагательства». Въ этихъ видахъ государственный совѣтъ призналъ выработанныя департаментами мѣры «единственнымъ средствомъ, которымъ можно выдти изъ настоящаго затруднительнаго и долѣе нетерпимаго положенія». Въ частностяхъ въ общемъ собраніи состоялись отдѣльныя постановленія по слѣдующимъ предметамъ: 1) по вопросу о курсѣ для фиксаціи ассигнацій 7 членовъ были съ Канкринымъ за биржевой курсъ, а 19 членовъ за податной курсъ; 2) предположеніе департаментовъ о назначеніи постояннаго курса ассигнаціямъ не только на серебро, но и на золото, измѣнено въ томъ смыслѣ, что курсъ ассигнацій на золото признанъ излишнимъ, потому что государственный совѣтъ, принявъ во вниманіе «повсемѣстное обращеніе золота, какъ товара», признавалъ «ближайшею мѣрою пріемъ золота вмѣсто другой монеты, между частными лицами, согласно съ заключеніемъ департаментовъ, представить добровольному соглашенію, но для пріема въ казну и въ банковые платежи опредѣлить относительную цѣнность его, но не къ ассигнаціямъ, а къ серебру и назначить его цѣну на 3% выше нарицательной, т.-е полуимперіалъ 5 р. 15 коп. серебромъ» [2]). Въ остальныхъ вопросахъ общее собраніе согла-

[1]) Матеріалы по устр. ден. сист., стр. 220—221.

[2]) Матеріалы по устр. ден. сист., стр. 235—236.

силось съ департаментомъ и соотвѣтственно постановило свои заключенія.

Князь Друцкой-Любецкій, «не имѣя убѣжденія, чтобъ принятыя въ государственномъ совѣтѣ предположенія вполнѣ соотвѣтствовали бывшей въ виду цѣли правительства», остался при особомъ мнѣніи съ приложеніемъ весьма обширнаго проекта, въ которомъ повторялъ свои прежнія предложенія. Адмиралъ Грейгъ также признавалъ необходимымъ оговорить, что доводы, на основаніи которыхъ департаменты отклонили его проектъ, ему не представляются достаточными, и онъ противъ нихъ представилъ возраженія. не лишенныя силы и значенія Между прочимъ, онъ выразилъ свое опасеніе по поводу рѣшенія «установить нынѣшній серебряный рубль единицею и переложить всѣ денежные обороты на серебро»; адмиралъ Грейгъ полагалъ, что «введеніе таковой системы, хотя нѣкогда существовавшей, но давно уже обстоятельствами измѣненной и большей части нынѣшняго народонаселенія неизвѣстной. можетъ при сильномъ переломѣ въ общенародныхъ мысляхъ и обычаяхъ произвести чрезвычайную запутанность въ переложеніи стоимости всѣхъ вещей, непредвидимыя затрудненія всякаго рода, потрясенія кредита и другія важныя и непріятныя послѣдствія». Любопытно, что въ этомъ пунктѣ мысли адмирала Грейга совпадали съ мыслями Канкрина, который тоже считалъ необходимымъ «предварить» департаменты, «что какъ единица цѣлковаго имѣетъ нѣкоторое неудобство въ томъ, что она нѣсколько велика, то отъ сего и отъ самой перемѣны системы сначала могутъ возникать въ цѣнахъ вещей нѣкоторыя несоразмѣрности, которыхъ теперь въ подробности предугадать нельзя» [1]).

Въ засѣданіи 30 іюня государственный совѣтъ въ общемъ собраніи слушали собственноручную Высочайшую резолюцію по вопросу о курсѣ для фиксаціи ассигнацій слѣдующаго содержанія: «желательно мнѣ, чтобы принято было среднее между двухъ мнѣній, и полагаю, опредѣливъ курсъ въ

[1]) Матеріалы по устр. ден. сист. изд. Гос Канц., стр. 228 и 247.

350 коп. нынѣ-же издать о семъ манифестъ съ нужными перемѣнами, податный-же курсъ въ 360 коп. оставить до 1 января 1840 г.».

На слѣдующій день были обнародованы Высочайшій манифестъ 1 іюля 1839 г. «объ устройствѣ денежной системы» и указъ «объ учрежденіи депозитной кассы для серебряной монеты».—Узаконенія эти неоднократно излагались и поэтому здѣсь было-бы излишне повторять ихъ содержаніе.—Менѣе общеизвѣстно, что одновременно (1 іюля 1839 г.) удостоилось Высочайшаго утвержденія мнѣніе государственнаго совѣта, имѣвшее предметомъ дальнѣйшія распоряженія по осуществленію преобразованія. Первая часть этаго узаконенія предоставляетъ министру финансовъ распорядиться о переложеніи на серебро всѣхъ оборотовъ, связанныхъ съ составленіемъ и исполненіемъ государственной росписи и т. п. Вторая-же часть, болѣе интересная по своему содержанію, предписывала: «для достиженія окончательной цѣли настоящихъ мѣръ съ 1 января 1841 г. или и позже, смотря по обстоятельствамъ, приступить къ вымѣну нынѣшнихъ государственныхъ ассигнацій, предположивъ къ тому, впредь до ближайшаго разсмотрѣнія подробнаго положенія, отъ министра финансовъ ожидаемаго, слѣдующія главныя основанія: 1) вымѣнъ ассигнацій производить на депозитные билеты, 2) ихъ количество должно соотвѣтствовать суммѣ ассигнацій по опредѣленному ихъ курсу на серебро, 3) для ихъ обезпеченія и для утвержденія ихъ кредита долженъ быть составленъ фондъ изъ серебряной и золотой монетъ, достаточной для ихъ безостановочнаго размѣна, каковой размѣнъ долженъ производиться на всякую сумму; кромѣ того казна ручается въ безостановочной выдачѣ по билетамъ серебра и золота; ассигнацій, поступающихъ въ главное казначейство, уже не выпускать въ обращеніе и обмѣнивать на билеты. 5) для частныхъ лицъ назначить мѣста для обмѣна ассигнацій на билеты, 6) ассигнаціи обращаются по назначенному имъ курсу до истеченія срока ихъ обмѣна на билеты.

Такимъ образомъ, рѣшительно все, что касалось преобразованія денежной системы, не только общія его начала,

но даже очень большія и отдаленныя подробности его осуществленія составили въ 1839 г. предметъ законодательныхъ опредѣленій прежде, чѣмъ какія-бы то ни было связанныя съ нимъ и приготовительныя по нему мѣры были приняты.

XVII.

Депозитная касса открыла свои дѣйствія 8 января 1840 г. и къ концу перваго года ея операцій уже состояло въ обращеніи депозитныхъ билетовъ на 24.169,400 руб. Хотя при этой суммѣ три четверти были выпущены подъ серебряную монету, внесенную «казенными мѣстами», но такъ какъ билеты удерживались въ обращеніи, то это доказывало, что публика ими пользуется, признавая ихъ удобство. Въ 1841 г. дѣло преобразованія денежнаго обращенія неожиданно осложнилось новымъ обстоятельствомъ, имѣвшимъ весьма существенное вліяніе на дальнѣйшій ходъ его осуществленія. Вслѣдствіе большого неурожая 1840 г. и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, положеніе государственнаго казначейства сильно ухудшилось; одновременно и казенные банки въ 1840 г. отъ значительнаго востребованія вкладовъ опять пережили, на этотъ разъ особенно въ Москвѣ, кризисъ, какъ въ 1810 и въ 1831 г.г. [1]). Такимъ образомъ, государственное казначейство нуждалось въ средствахъ, какъ для покрытія значительнаго дефицита по росписи, такъ и для помощи кредитнымъ установленіямъ, которыя должны были замедлить выдачу ссудъ землевладѣльцамъ какъ-разъ тогда, когда неурожай обострилъ въ нихъ потребность Въ этомъ-то затруднительномъ положеніи князь Друцкой-Любецкій снова высту-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О, т. 98, стр 147, 152, 162, 164; до какой степени средства московскаго ломбарда истощились при этомъ кризисѣ, можно судить по тому, что его оборотная касса, въ которой наличность обыкновенно достигала 15 милл. рублей, уменьшилась до 30 тысячъ рублей. (Тамъ-же, стр. 149).

пилъ съ проектомъ кредитной операціи, заключавшейся въ выпускѣ новыхъ билетовъ казначейства, которымъ онъ предлагалъ присвоить качество процентныхъ денегъ, т. е. чтобы ихъ всякій обязанъ былъ принимать въ платежи и чтобы они приносили по $^1/_{100}$% въ день, или 3,65% въ годъ Предположеніе это не столько само по себѣ было важно, сколько по совершенно исключительному порядку, въ которомъ оно обсуждалось, и по послѣдствіямъ, которыя съ нимъ были связаны для преобразованія денежной системы. А именно, оно сначала разсматривалось въ Особомъ Комитетѣ, собиравшемся 9 и 18 января и 3 февраля 1841 г. въ рабочемъ кабинетѣ Государя и подъ его предсѣдательствомъ, а впослѣдствіи было передано для окончательнаго его разсмотрѣнія въ департаментъ экономіи, усиленный означеннымъ Комитетомъ, съ представленіемъ его заключенія Государю, помимо общаго собранія государственнаго совѣта [1]).

Изъ хода его разсмотрѣнія въ Особомъ Комитетѣ представляютъ для настоящаго изслѣдованія особенный интересъ тѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ дѣло пришло въ соприкосновеніе съ вопросами денежной системы и которыя поэтому требуютъ здѣсь упоминанія. Въ этомъ отношеніи очень важно сдѣланное императоромъ Николаемъ I слѣдующее перечисленіе способовъ для покрытій дефицита 1841 г. и Высочайшія объясненія, сопровождавшія это перечисленіе [2]): 1) позаимствованіе изъ военнаго капитала; 2) передача въ распоряженіе государственнаго казначейства хранящихся въ депозитной кассѣ звонкихъ денегъ, которыя можно бы замѣнить соразмѣрнымъ количествомъ золотыхъ и серебряныхъ слитковъ съ монетныхъ дворовъ, «какъ я самъ видывалъ подобное въ англійскихъ банкахъ»; 3) выпускъ новыхъ ас-

---

[1]) Кромѣ свѣдѣній, объ этомъ предметѣ, содержащихся въ посмертномъ трудѣ барона М. А. Корфа «Императоръ Николай I въ совѣщательныхъ собраніяхъ» (Сбор. И. Р. И. О., т. 96, стр 128—159—) см. еще въ архивѣ Государственнаго Совѣта дѣло департамента экономіи о кредитной операціи по плану д. т. с. князя Друцкого-Любецкаго, 1841 г. №№ 42, 43, 46 (вмѣстѣ сшиты).

[2]) Сборн. И Р. И О., т. 96, стр. 141.

сигнацій; 4) выпускъ новыхъ билетовъ казначейства. «Первымъ изъ этихъ способовъ отвратилось-бы только минутное затрудненіе, потому что послѣ все-же надобно было-бы возвратить позаимствованныя изъ военнаго капитала суммы. Второй способъ казался-бы мнѣ всѣхъ удобнѣе и я уже говорилъ объ немъ съ графомъ Канкринымъ, но остановился за его возраженіемъ, что такая мѣра, при новости у насъ дѣла, могла-бы родить въ публикѣ недовѣріе [1]). Третій способъ, сказалъ Государь, «выпускъ ассигнацій я никогда не допущу» [2]). Такимъ образомъ, оставался только рессурсъ билетовъ государственнаго казначейства и этотъ-то рессурсъ Государемъ былъ предложенъ къ обсужденію въ томъ видѣ, въ какомъ проектировалъ свои новые билеты князь Друцкой-Любецкій [3]). Такъ какъ возраженія противъ нихъ для Государя были неубѣдительны, хотя въ числѣ возражавшихъ былъ и Канкринъ, то Государь и большинство присутствовавшихъ начали уже склоняться къ идеямъ князя Друцкого-Любецкаго. А между тѣмъ, слабость возраженія графа Канкрина была кажущаяся только. Онъ спрашивалъ: «можно ли имѣть увѣренность, что одно повелѣніе правительства дастъ билетамъ, старымъ или новымъ, обязательное или безусловное вездѣ обращеніе?» [4]). Очевидно, это замѣчаніе только потому могло показаться «слабымъ», что ему недоставало его естественнаго конца. Въ томъ неокончен-

---

[1]) Не смотря на означенное «возраженіе», министръ финансовъ 28 января 1841 г. вошелъ въ госуд. совѣтъ съ представленіемъ о пріемѣ въ депозитную кассу золота и серебра въ слиткахъ и оно удостоилось Высочайшаго утвержденія 10 февраля 1841 г Но во все время дѣйствія депозитной кассы слитковъ въ нее внесено лишь на 4 733.295 руб. (Архивъ Кред. Канц., дѣло 1839 г. № 16, объ открытіи при Коммерческ. Банкѣ депозитной кассы, часть I, листъ 338. 344, 358 и часть VI, листъ 64 и 71).

[2]) Сборн. Р И. И О., т. 96, стр. 141, 164

[3]) Любопытно, что князь Друцкой-Любецкій совмѣщалъ свой странный проектъ процентныхъ бумажныхъ денегъ съ очень раціональными мыслями о необходимости преобразованія казенныхъ банковъ, каковыя мысли онъ отстаивалъ уже въ 1839 г. и возобновилъ въ своемъ проектѣ 1841 г.

[4]) Сборн. И. Р. И. О., т. 96, стр. 145.

номъ видѣ, въ какомъ его выразилъ графъ Канкринъ, оно подвергало сомнѣнію свойство обращаемости билетовъ, а такъ какъ это свойство имъ обезпечивалось обязательностью ихъ пріема, то замѣчаніе графа Канкрина могло показаться лишеннымъ силы. Но графъ Канкринъ, конечно, отлично зналъ, что бумага, которой пріемъ обязателенъ, имѣетъ обезпеченное обращеніе, и сомнѣвался онъ не въ этомъ, а въ томъ, обезпечено-ли ей обращеніе по нарицательной цѣнѣ? При такой обстановкѣ вопроса графъ Канкринъ имѣлъ-бы право выражать не только сомнѣніе, но полную увѣренность, что подобное обезпеченіе также чуждо процентнымъ, какъ и безпроцентнымъ бумажнымъ деньгамъ.

Такъ какъ графъ Канкринъ не закончилъ своей правильной мысли, то нашлись другіе, которые въ сущности ту-же мысль, но въ другомъ ея видѣ, выразили иначе. Это сдѣлалъ графъ Нессельроде, указавшій на то, что цѣль достигнется «тогда только, когда изыщется возможность положить въ основаніе билетовъ неприкосновенный фондъ звонкой монеты, чтобы обезпечить и удостовѣрить публику въ безостановочномъ, во всякое время и по желанію каждаго, промѣнѣ ихъ на звонкія деньги». Мысль эта, поддержанная графомъ Киселевымъ, имъ была развита объясненіемъ, что «безъ того участь всей операціи подвергнута будетъ опасному риску, при отсутствіи всякой увѣренности, чтобы новые билеты получили натуру наличныхъ денегъ, или войдя въ обращеніе, не упали подобно ассигнаціямъ. Но такъ какъ самая операція предполагается именно за недостаткомъ денегъ, слѣдственно — не только не откуда взять помянутаго фонда для обезпеченія билетовъ, но нѣтъ даже суммъ, достаточныхъ для текущихъ расходовъ, то лекарство не будетъ ли здѣсь хуже самой болѣзни?» [1])

Эти замѣчанія на время ослабили расположеніе въ пользу проекта князя Друцкого-Любецкаго, а когда въ слѣдующемъ собраніи гр. Канкринъ заявилъ, что онъ въ состояніи по-

[1]) Тамъ-же, стр. 145, 164.

крыть дефицитъ по росписи иными способами, то это устраняло одинъ изъ поводовъ, вызвавшихъ означенный проектъ.

Но предложенія князя Друцкого-Любецкаго вызваны были еще и другимъ поводомъ; неправильнымъ положеніемъ и устройствомъ казенныхъ банковъ. На эту сторону предмета обратилъ вниманіе и Государь, заявляя, что «нужно, наконецъ, вникнуть въ положеніе нашихъ кредитныхъ установленій, обезпечить ихъ будущность». Независимо отъ того Государя озабочивало, что «нельзя не желать улучшенія финансоваго положенія вообще» [1]).

«Оставаясь въ колебаніи насчетъ вопроса о лучшей системѣ для билетовъ государственнаго казначейства» [2]), императоръ Николай I самъ пришелъ къ мысли: вмѣсто выпуска билетовъ казначейства, прежнихъ или по новой системѣ, учредить совершенно новые билеты-ассигнаціи съ выпускомъ ихъ чрезъ сохранныя казны, то-есть, чрезъ тѣ мѣста, которымъ въ ту минуту болѣе всего было нужно вспоможеніе. Эту идею Государь изложилъ въ собственноручной запискѣ, въ которой первоначально предполагалось новые билеты назвать «сохранными»,— сдѣлать ихъ приносящими 3,65% и выдавать ими ссуды изъ сохранныхъ казенъ, просвопвъ имъ хожденіе наравнѣ со звонкой монетою и разрѣшивъ пріемъ ихъ во всѣхъ податяхъ [3]).

По этой запискѣ высочайше поручено было составить проектъ манифеста сначала князю Друцкому-Любецкому, а потомъ статсъ-секретарю по учрежденіямъ императрицы Маріи, Вилламову. Оба проекта, однако, не удовлетворили Государя, потому что въ нихъ слишкомъ мрачными красками изображалось положеніе кредитныхъ установленій [4]). Съ своей сто-

[1]) Тамъ-же, стр. 153.

[2]) Тамъ-же, стр. 160.

[3]) Ibid.

[4]) Даже въ проектѣ Вилламова говорилось, что «извлеченіе въ необыкновенномъ количествѣ наличныхъ суммъ изъ сохранныхъ казенъ поставило ихъ въ самое затруднительное положеніе». (Сборн. И. Р. И. О, т. 96, стр. 162).

роны гр Канкринъ возражалъ на предположенія Государя указаніемъ на то, что проектируемымъ билетамъ угрожаетъ опасность упадка подобно ассигнаціямъ, что, принося болѣе низкій процентъ, нежели вклады, они будутъ служить для вноса ихъ въ кредитныя установленія на вклады, въ видахъ или полученія болѣе высокаго процента, или востребованія денегъ [1]).

Мысль Государя о новыхъ билетахъ подвергалась новому обсужденію въ собиравшемся у него въ его присутствіи Особомъ Комитетѣ 26 февраля и 6 марта 1841 г. Такъ какъ возраженія гр. Канкрина признаны были правильными остальными членами Комитета, то Государь заявилъ, что у него «была совсѣмъ другая мысль, которую онъ покамѣсть оставлялъ про себя», но теперь отдаетъ на судъ Комитета. «На выпускъ ассигнацій», снова сказалъ Государь, «я никогда не соглашусь». Билеты казначейства отвергаются, старые одними членами Комитета, а новые — другими. «Между тѣмъ, необходимость придти чѣмъ нибудь на помощь ломбардамъ, или лучше сказать, въ лицѣ ихъ самой казнѣ, потому что она главная ихъ должница— очевидна. Итакъ, въ этомъ положеніи, не выпустить ли намъ предложенные мною сохранные билеты совсѣмъ безъ процентовъ?» [2]) Хотя Государь отстаивалъ различіе между предложенными имъ билетами и ассигнаціями указаніемъ на то, что билеты будутъ не только приниматься въ платежи податей, подобно ассигнаціямъ, но, сверхъ того, еще будутъ обезпечиваться ссудами, для которыхъ они и будутъ выпущены, но другими членами (графомъ Нессельроде и предсѣдателемъ департамента экономіи, графомъ Левашевымъ) было указано на желательность, чтобы новые билеты были размѣнны на звонкую монету. Къ этой мысли присоединились графъ Канкринъ и графъ Киселевъ, и Государь, усвоивъ ее, поставилъ вопросъ о томъ, какъ великъ долженъ быть размѣнный фондъ?

---

[1]) Сборн. И. Р. И. О., т. 96, стр. 163.

[2]) Тамъ-же, стр. 164.

Нѣкоторые члены полагали, что фондъ долженъ равняться всей суммѣ выпуска, но на это Государь возразилъ, «что тогда перемѣнилась-бы вся натура билетовъ и, сдѣлавшись депозитными, они уже не принесли-бы никакой пользы ни ломбардамъ, ни казнѣ. «Я согласенъ, сказалъ Государь. на всѣ возможныя обезпеченія и самъ ихъ желаю, но они должны быть именно возможны, а откуда намъ взять такой огромный фондъ, когда и всю операцію мы предпринимаемъ только для того, что денегъ нѣтъ и что надобно какъ нибудь замѣнить ихъ неимѣніе» [1]).

Такъ какъ другіе члены признавали достаточнымъ фондъ въ размѣрѣ 1/5 или 1/6 части выпуска, причемъ одни полагали только упомянуть въ манифестѣ, что фондъ будетъ достаточный для размѣна, а другіе признавали болѣе правильнымъ ясное означеніе, что фондъ будетъ составлять 1/6 выпуска, то Государь полагалъ, что «шестая часть совершенно будетъ достаточна впослѣдствіи, когда билеты совершенно окрѣпнутъ въ общемъ довѣріи; но для начала необходима особенная осторожность, именно выпускать билеты только понемногу, отнюдь не на всю сумму просимыхъ ссудъ, а въ небольшихъ лишь частяхъ... Итакъ, намъ необходимо два фонда, по эпохамъ, одинъ для начала, временный, соотвѣтствующій всему количеству выпуска, потому что и билетовъ мы выпустимъ сначала немного; другой—для будущаго, постоянный, всегдашній. Опредѣлить мѣру выпуска билетовъ въ началѣ и составить для него временный фондъ будетъ дѣломъ внутренняго распорядка и публикѣ нечего объ этомъ знать; ей дѣло только до того, какъ будетъ впередъ и навсегда, а въ этомъ отношеніи мнѣ кажется непремѣнно нужнымъ теперьже огласить въ манифестѣ, что металлическій размѣнный фондъ составится именно въ шестую часть противъ количества выпускаемыхъ билетовъ».

Согласно съ этими Высочайшими предначертаніями (въ добавленіе къ которымъ и названіе билетовъ было измѣнено и рѣшено ихъ называть билетами кредитными, а не сохран-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 165.

ными), дѣйствительно состоялся по манифесту 1 іюля 1841 г. выпускъ кредитныхъ билетовъ сохранныхъ казенъ и Заемнаго Банка. Въ манифестъ этотъ, конечно, вошли тѣ изъ Высочайшихъ предначертаній, которыя предназначались для свѣдѣнія публики: что кредитные билеты обезпечиваются всѣмъ достояніемъ (активомъ) государственныхъ кредитныхъ установленій и безостановочнымъ ихъ размѣномъ на звонкую монету; что имъ присвояется хожденіе наравнѣ съ серебряною монетою; что размѣнъ ихъ на звонкую монету производится на всякую сумму, безъ ограниченія, въ обѣихъ сохранныхъ казнахъ и въ Заемномъ Банкѣ, и, наконецъ, что безостановочность ихъ размѣна обезпечивается фондомъ въ размѣрѣ не менѣе одной шестой части суммы выпускаемыхъ билетовъ.

Что-же касается тѣхъ изъ Высочайшихъ предначертаній, которыя касались «внутренняго распорядка», то они составили предметъ секретной инструкціи, выработанной по соглашенію министра финансовъ (которому подчинялся Заемный Банкъ) и статсъ-секретаря по учрежденіямъ императрицы Маріи (которому были подвѣдомственны Сохранныя Казны). «Правилами 2 іюля 1841 г. для внутренняго дѣйствія Опекунскихъ Совѣтовъ и Заемнаго Банка по выпуску кредитныхъ билетовъ» опредѣлялось (въ ст. 2), что ссуды выдаются такъ, чтобы ихъ часть, выдаваемая кредитными билетами, составляла сначала 1/8, потомъ 1/4, потомъ 1/2 и болѣе, по соглашенію графа Канкрина съ Вилламовымъ; далѣе (въ ст. 4) опредѣлялось: «ежедневно при закрытіи кассы въ Сохранныхъ Казнахъ и Заемномъ Банкѣ отчисляется изъ оной звонкою монетою сумма, равная количеству кредитныхъ билетовъ, которое въ тотъ день выдано было по опредѣленной каждому мѣсту пропорціи; сіе должно продолжаться, не смотря на нѣкоторую потерю интересовъ отъ празднаго лежанія суммы, дотолѣ, пока билеты не войдутъ во всеобщее свободное употребленіе; затѣмъ, когда опытъ укажетъ, что билеты будутъ вносимы для обмѣна въ маломъ количествѣ, то фондъ приводить постепенно въ размѣрѣ 1/6 части; впослѣдствіи-же оный всегда долженъ равняться 1/6 части остающихся въ об-

ращеніи кредитныхъ билетовъ». Отчисленія звонкой монеты въ размѣнный фондъ, въ размѣрѣ, равномъ всему выпуску кредитныхъ билетовъ, производились до конца 1841 г. Только въ концѣ этого года статсъ-секретарь Вилламовъ, письмомъ отъ 15 декабря 1841 г., предложилъ съ начала 1842 г. вмѣсто 100% отчислять уже лишь 80%, съ тѣмъ, чтобы чрезъ трехмѣсячные промежутки отчисленія уменьшались до 60%, до 40%, до 20% и наконецъ (съ начала 1843 г.) до 1/6. Графъ Канкринъ на это согласился, но съ тѣмъ, чтобы не обязываться сроками [1]).

Такимъ образомъ, обстоятельства, при которыхъ состоялся въ 1841 г. первый выпускъ кредитныхъ билетовъ, показываютъ, что распространенный на этотъ выпускъ взглядъ, по которому его считали однородною съ выпускомъ депозитныхъ билетовъ подготовительною мѣрою къ осуществленію преобразованія ассигнацій, н е п р а в и л е н ъ. По означенному взгляду обыкновенно полагали, что выпускъ кредитныхъ билетовъ 1841 года былъ нѣкотораго рода испытаніемъ, могутъ-ли удерживаться въ обращеніи кредитные билеты при обезпеченіи ихъ размѣннымъ фондомъ въ размѣрѣ 1/6 суммы кредитныхъ билетовъ. Но взглядъ этотъ основанъ на мнѣніи, что выпускъ 1841 г. состоялся по мысли министра финансовъ и государственнаго совѣта. Это мнѣніе, однако, дѣйствительности не соотвѣтствуетъ. Выпускъ кредитныхъ билетовъ 1841 года состоялся по личному и непосредственному почину Высочайшей власти, по собственной мысли Государя, которая въ государственномъ совѣтѣ совсѣмъ не обсуждалась [2]) и въ разработкѣ которой министру финансовъ принадлежало лишь такое-же участіе, какъ министру иностранныхъ дѣлъ и министру государственныхъ имуществъ. Только одинъ—единственный че-

---

[1]) Архивъ Кред. Канц., дѣло 1841 г. № 10 (тоже № 42/134) о кредитныхъ билетахъ выпуска 1841 г., особ. листъ 114.

[2]) Государственному совѣту лишь представленъ былъ проектъ манифеста въ томъ окончательномъ видѣ, въ которомъ онъ былъ одобренъ при его разсмотрѣніи по статьямъ въ засѣданіи Особаго Комитета 6-го марта 1841 г. (См. Сборн. И. Р. И. О., т. 96, стран. 167—169).

ловѣкъ зналъ о существованіи связи между выпускомъ 1841 г. и предстоявшею окончательною мѣрою по изъятію ассигнацій изъ обращенія: это былъ самъ Государь, но и онъ въ 1841 году этой мысли никому не высказалъ.

XVIII.

Въ январѣ 1843 года гр. Канкринъ внесъ въ государственный совѣтъ свои предположенія о замѣнѣ ассигнацій новыми бумагами, основанными на серебрѣ. Государь съ ними не согласился и дѣло это тоже разсматривалъ у себя, въ Особомъ Комитетѣ, въ составѣ тѣхъ-же лицъ, которыя участвовали въ обсужденіи выпуска кредитныхъ билетовъ 1841 г. Комитетъ этотъ имѣлъ пять засѣданій: 25 января, 11 и 17 февраля, 24 и 31 марта 1843 г. Министръ финансовъ, согласно Высочайше утвержденному 1 іюля 1839 года мнѣнію государственнаго совѣта предполагалъ замѣнить ассигнаціи новыми депозитными билетами, отличавшимися отъ депозитныхъ билетовъ, выпускавшихся депозитною кассою, тѣмъ, что эти послѣдніе обезпечивались серебряною и золотою монетою рубль за рубль, тогда какъ новые депозитные билеты должны были обезпечиваться размѣннымъ фондомъ лишь въ размѣрѣ $^1/_6$ части ихъ суммы. Для образованія-же размѣннаго фонда гр. Канкринъ его раздѣлялъ на двѣ части, текущую и резервную, съ тѣмъ, чтобы текущая часть составилась изъ $10^1/_2$ мил. р., заимствованныхъ у коммисіи погашенія государственныхъ долговъ, а для резервной имѣть въ запасѣ шесть серій билетовъ государственнаго казначейства на 18 мил. рублей.

Этихъ предположеній Государь не одобрилъ, полагая, что «нѣтъ никакого удобства имѣть два рода депозитныхъ билетовъ, обезпеченные въ полной ихъ суммѣ и вновь предполагаемые съ фондомъ только въ $^1/_6$ ихъ части. Ясно, что тутъ не только была-бы странность согласить и связать между со-

бою эти двѣ системы, а на какія-нибудь тайныя продѣлки я никогда не соглашусь. Въ такого рода дѣлахъ, гдѣ въ виду у насъ общая польза и предметъ ежедневной потребности народа, и гдѣ намѣренія наши разумѣется совершенно добросовѣстны. не вижу я никакого повода скрывать и маскировать наши дѣйствія. Ихъ, напротивъ, должно оглашать передъ народомъ, иначе всякое умолчаніе дало-бы дѣлу видъ тайной и какъ-бы своекорыстной цѣли... На выпускъ для ломбардовъ и банка кредитныхъ билетовъ въ видѣ безпроцентныхъ я согласился въ 1841 году потому только, что тогда уже имѣлъ въ виду возможность и пользу обратить эти-же билеты на замѣнъ ассигнацій... Основаніе моего плана самое простое. Кредитные билеты будутъ фондироваться на равнѣ съ выпущенными для ломбардовъ и банка, въ 1/6 ихъ части, а чтобы составить фондъ, мы прекратимъ выпускъ вновь депозитныхъ билетовъ и всѣ прежніе, поступающіе разными путями въ казну и въ банки, будемъ уничтожать, послѣ чего изъ остающагося отъ нихъ металлическаго депозита и образуется именно сказанный фондъ Съ моей стороны я предпочитаю такую мѣру предложенной министромъ финансовъ и вотъ почему: во-первыхъ, вмѣсто теперешнихъ трехъ родовъ бумажныхъ денегъ у насъ останется только одинъ, который притомъ будетъ вполнѣ соглашенъ съ системою звонкой монеты; во-вторыхъ, покамѣсть находятся еще въ обращеніи депозитные билеты, всѣ они будутъ фондированы одинаково, слѣдовательно, не явится повода къ лажу; въ-третьихъ, слово мое, которымъ я единожды фондировалъ депозитные билеты рубль за рубль, останется ненарушимымъ. Но Егоръ Францовичъ Канкринъ не согласенъ со мною и представилъ свои возраженія, на которыя и я, однако, согласиться не могу» [1]).

Мнѣніе свое Государь подробно излагалъ и обосновывалъ въ собственноручно имъ написанной запискѣ, въ которой кромѣ вышеизложеннаго еще предполагалось: 1) кредитные

[1]) Сборн. И. Р. И. О., т. 96, стр. 177.

билеты для замѣны ассигнацій выпускать достоинствами въ 1, 2, 3, 4, 5, 10, 15, 20 и 25 рублей (кредитные билеты выпуска 1841 г. были достоинствомъ только въ 50 руб.) и 2) по мѣрѣ поступленія депозитныхъ билетовъ въ платежи казнѣ и банкамъ и по мѣрѣ высвобожденія обезпечивающей эти билеты звонкой монеты. замѣнять депозитные билеты кредитными билетами, причемъ ихъ обезпеченіе должно было составиться изъ $^1/_6$ части освободившейся звонкой монеты, а остальныя ея $^5/_6$ должны были обращаться въ резервный капиталъ на выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ для замѣны ими ассигнацій [1]).

Главное возраженіе министра финансовъ на эти предположенія императора Николая I состояло въ томъ, что если обнародовать о вымѣнѣ поступающихъ въ казну и банки депозитныхъ билетовъ на кредитные, съ употребленіемъ звонкой монеты, обезпечивающей первые, на фондъ для послѣднихъ, то публика можетъ подумать, что такой обмѣнъ дѣлается на ея счетъ; министръ давалъ разумѣть, что подъ этимъ будетъ крыться нѣкотораго рода обманъ [2]). Естественно, что Государь не могъ согласиться на это возраженіе, потому что оно представляло двойной софизмъ: одинъ софизмъ заключался въ томъ, что гр. Канкринъ не примѣнялъ своего возраженія къ тѣмъ предложеніямъ, которыя онъ самъ дѣлалъ, отстаивая замѣну ассигнацій депозитными билетами, къ которой (замѣнѣ) его возраженіе было вполнѣ примѣнимо. На означенную замѣну государственный совѣтъ въ 1839 г. могъ еще согласиться, чтобъ уступить настояніямъ графа Канкрина, потому что тогда никакихъ депозитныхъ билетовъ не было въ реальномъ видѣ, а были только предположенія на бумагѣ. Но въ началѣ 1843 г., когда въ обращеніи уже состояло депозитныхъ билетовъ на $43^3/_4$ милл. руб., обезпеченныхъ равнымъ фондомъ звонкой монеты, присоединить къ нимъ для замѣны ассигнацій еще 171 милл. руб., обезпеченныхъ фондомъ звонкой монеты лишь въ $28^1/_2$ милл.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 179, 180.

[2]) Тамъ-же, стр. 180—181.

руб.,—очевидно значило прямо обнаруживать, что на бумагѣ предположенія пишутся одни, а на дѣлѣ масса депозитныхъ билетовъ въ $43^{3}/_{4} + 171 = 214^{3}/_{4}$ милл. рублей обезпечивается размѣннымъ фондомъ въ $43^{3}/_{4} + 28^{1}/_{2} = 72^{1}/_{4}$ милл. рублей, составлявшимъ не 100% и не $^{1}/_{6}$ часть суммы обращавшихся депозитныхъ билетъ, а ровно одну треть этой суммы. И поручиться нельзя за то, что графъ Канкринъ не стремился именно къ этому: ибо весьма подозрительною въ этомъ случаѣ является какъ-разъ пропорція $^{1}/_{3}$, за которою въ то время признавалось нѣкоторое каббалистическое значеніе для размѣнныхъ фондовъ. Но въ такомъ случаѣ замѣна ассигнацій депозитными билетами, дѣйствительно, являлась связанною съ «тайною продѣлкою», какъ и показалось Государю при первомъ ознакомленіи съ предложеніями графа Канкрина.

Но не довольствуясь тѣмъ софизмомъ, который заключался въ представленіи своихъ предложеній какъ-бы не допускающими того возраженія, которое къ нимъ вполнѣ примѣнялось, графъ Канкринъ прибѣгалъ еще къ другому софизму, примѣняя означенное возраженіе къ предложеніямъ императора Николая I, къ которымъ оно было совершенно неприменимо. Ибо императоръ Николай I оставлялъ депозитные билеты и все, имъ присвоенное, въ размѣрѣ 100% ихъ суммы, обезпеченіе въ неприкосновенномъ видѣ до тѣхъ поръ, пока публика оставалась въ обладаніи депозитными билетами. Но очевидно, что съ той минуты, какъ публика пользовалась депозитными билетами для передачи ихъ казнѣ и казеннымъ банкамъ, производя ими платежи казнѣ и казеннымъ банкамъ,—эти билеты и обезпечивающій ихъ размѣнный фондъ становились «полною собственностью казны», какъ совершенно справедливо и утверждалъ Государь. И съ этой минуты, конечно, правительство имѣло уже полное право распорядиться ими на новыхъ основаніяхъ: замѣнять ихъ кредитными билетами, обезпеченными размѣннымъ фондомъ въ $^{1}/_{6}$ часть ихъ суммы. Правительство при этомъ тѣмъ менѣе нарушало чьи-бы то ни было права, что оно принимало на себя отвѣтственность

за безостановочный размѣнъ, и размѣнный фондъ считался обезпеченіемъ не билетовъ, а только ихъ безостановочнаго размѣна [1]). Неудивительно, что аргументація Государя въ этомъ направленіи привлекла на его сторону всѣхъ участниковъ комитета, обсуждавшихъ два противоположныя мнѣнія, Государя и Канкрина. Даже товарищъ министра финансовъ, Вронченко, отъ него отдѣлился. Самъ-же Канкринъ, «когда выразилось единодушное заключеніе прочихъ членовъ, отозвался, что считаетъ неправильнымъ оспаривать общее мнѣніе и поэтому, но единственно поэтому, также съ нимъ соглашается» [2]). Черезъ недѣлю однако и гр. Канкринъ сдѣлался горячимъ сторонникомъ мнѣнія Государя.

Но любопытно, что хотя всѣ члены Комитета, и въ томъ числѣ самъ Государь, сознавали, что предложенная имъ мысль представляетъ единственный путь для рѣшенія задачи, тѣмъ не менѣе всѣ въ очень преувеличенномъ видѣ представляли себѣ затрудненія при ея осуществленіи и придавали преувеличенное значеніе техническимъ подробностямъ этого осуществленія (которыя на самомъ дѣлѣ впослѣдствіи оказались совсѣмъ не заслужившими оказаннаго имъ высокаго и Высочайшаго вниманія). Министръ иностранныхъ дѣлъ совѣтовалъ «не стѣснять себя преждевременными обѣщаніями»; такого-же мнѣнія были военный министръ и государственный контролеръ; князь Меньшиковъ слѣдовалъ «отлагательной системѣ», рекомендуя осуществленіе дѣла малыми суммами; даже смѣлый министръ государственныхъ имуществъ (гр. Киселевъ) полагалъ, что «едва-ли должно говорить» въ манифестѣ «о назначеніи только $^1/_6$ части звонкой монеты и объ отдѣленіи ея изъ депозитной кассы», опасаясь этой «огласки», какъ могущей «внушить недовѣріе». Князь Друцкой-Любецкій въ обширной запискѣ на этотъ разъ тоже обнаруживалъ необычайную осторожность, между прочимъ, совѣтуя всѣ суммы, вносимыя въ казну звонкою монетою или депозитными биле-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 168, объясненія къ статьѣ V проекта манифеста 1 іюля 1841 г.

[2]) Тамъ-же, стр. 182.

тами, употребить для образованія металлическаго фонда и, замѣнивъ ихъ кредитными билетами, ждать: когда $^3/_4$ этого фонда сдѣлаются постоянно неподвижными. тогда «считать сіе указаніемъ, что наступило время для выпуска билетовъ на выкупъ ассигнацій». Гр. Канкринъ предлагалъ, образовавъ размѣнный фондъ на $14^1/_2$ милл руб. сереб. изъ казенныхъ суммъ (военнаго капитала и коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ), «операцію обмѣна ассигнацій на билеты отложить по крайней мѣрѣ на годъ», затѣмъ, «не приступать ни къ какому дальнѣйшему обнародованію», продолжая выпускъ кредитныхъ билетовъ 1841 г., пока не будетъ достигнутъ назначенный ихъ предѣлъ 30 милл. руб., не выпускать вообще кредитныхъ билетовъ ниже 3 рублеваго достоинства, даже къ составленію общаго плана всей операціи приступить только тогда, когда у него поспѣетъ заготовка билетовъ 25 рублеваго и другихъ низшихъ достоинствъ. Товарищъ министра финансовъ (Вронченко) дѣлилъ всю операцію на пять послѣдовательныхъ періодовъ, неопредѣленной продолжительности, такъ какъ онъ полагалъ, что «обстоятельства и самый ходъ дѣла укажутъ переходъ отъ одного къ другому». Только предсѣдатель департамента экономіи (графъ Левашевъ) не видѣлъ причины ни къ отсрочкѣ дѣла, ни къ назначенію опредѣленныхъ сроковъ его осуществленія, но и онъ предложилъ «полный планъ» всей «операціи» [1]).

Императоръ Николай I составилъ новую записку, переписанную рукою цесаревича, впослѣдствіи императора Александра II. Въ этой запискѣ, начинавшейся указаніемъ, что «цѣль» предлагаемой мѣры «есть замѣнъ трехъ существующихъ денежныхъ представителей (ассигнацій на 170 милл., депозитныхъ билетовъ на 44 милл. и кредитныхъ билетовъ Сохранныхъ Казенъ и Заемнаго Банка на 30 милл. руб.) однимъ», предлагалось всю операцію «исполнить на первый случай въ 5 лѣтъ»; для одной пятой части суммы всѣхъ обращавшихся «денежныхъ представителей» или для $^1/_5$ $(170 + 44 + 30) = 34$ милл. казна должна была дать изъ сво-

[1]) Тамъ-же, стр. 184—186.

ихъ средствъ (изъ военнаго капитала) звонкою монетою 1/6 или 5 2/3 милл., круглымъ числомъ 6 милл. руб. По мѣрѣ поступленія депозитныхъ билетовъ въ казну и въ банки они подлежали замѣнѣ кредитными билетами съ отчисленіемъ изъ обезпечивавшей депозитные билеты звонкой монеты 1/6 въ капиталъ обезпеченія и 5/6 въ резервный капиталъ, каковой резервный капиталъ предназначался для образованія фонда обезпеченія «для будущихъ выпусковъ, доколѣ всѣ 170 милл. ассигнацій и 44 милл. депозитныхъ билетовъ не выбраны будутъ изъ обращенія». Кромѣ того въ этотъ-же резервный капиталъ должны были обращаться 5/6 всего серебра и золота, которое желающими вкладчиками будетъ внесено взамѣнъ полученія кредитныхъ билетовъ. Эти предложенія Государя въ концѣ концовъ восторжествовали надъ остальными. «Личныя объясненія Государя съ графомъ Канкринымъ успѣли совершенно переубѣдить послѣдняго и онъ, изъ жаркаго противника этой мѣры, отъ которой даже прежде предвѣщалъ государственное бѣдствіе, сдѣлался вдругъ ея поборникомъ» [1]). Совершенно правильно Государь одинъ понималъ существо дѣла, когда онъ полагалъ, что только по «недоразумѣнію» можно смотрѣть на предложенную имъ мѣру «какъ на что-то новое, тогда какъ она только немного расширенное и развитое примѣненіе того, что уже существуетъ. «Въ моемъ понятіи это-то именно составляетъ одно изъ важныхъ достоинствъ операціи. Она такъ проста и малосложна, что и совершится, навѣрное, легко и удобно». «Надо только идти, не сворачивая, по той дорогѣ, которую мы единожды проложили, идти твердо, безостановочно, но съ нужною осторожностью и постепенностью». «Въ добромъ дѣлѣ, гдѣ правительство, непринужденно и по собственной волѣ, фондируетъ огромную, теперь ничѣмъ не обезпеченную массу бумажныхъ денегъ, слѣдственно приноситъ жертву на благо общее, цѣль операціи должна, по мнѣнію моему, объявлена быть всенародно и торжественно».

Противъ подобныхъ общихъ началъ, конечно, возражать

[1]) Тамъ-же, стр 190—191

было невозможно, и дальнѣйшія сужденія, поэтому, сосредоточивались только на подробностяхъ. Такъ, Канкринъ, при всей уступчивости, не могъ долго согласиться на предложенное Государемъ введеніе кредитныхъ билетовъ рублеваго достоинства и полагалъ, что они «будутъ гибелью для Россіи» вслѣдствіе того, что они вытѣснятъ изъ обращенія «цѣлковики» [1]). Ихъ всетаки рѣшено было оставить. Прочія подробности были менѣе существеннаго свойства; онѣ всѣ разсмотрѣны и установлены въ томъ видѣ, въ которомъ они впослѣдствіи вошли въ манифестъ 1 іюня 1843 года «о замѣнѣ ассигнацій и другихъ денежныхъ представителей кредитными билетами», такъ что окончательно установленный при такихъ условіяхъ проектъ манифеста, внесенный «для формы» [2]), при представленіи министра финансовъ отъ 4 апрѣля 1843 г., въ государственный совѣтъ, въ послѣднемъ уже не вызвалъ никакихъ измѣненій.

О послѣднемъ нельзя не сожалѣть, потому что въ манифестѣ еще остались пробѣлы, требовавшіе дополненія. Такъ упущено опредѣленіе о хожденіи государственныхъ кредитныхъ билетомъ наравнѣ съ серебряною монетою; ст. VII манифеста начинается совершенно правильно, что «для обезпеченія безостановочнаго размѣна кредитныхъ билетовъ (очевидно, всѣхъ) на звонкія деньги учреждается постоянный фондъ» и т. д., а оканчивается она совершенно неправильно опредѣленіемъ, что фондъ этотъ долженъ быть «не менѣе шестой части всей выпущенной въ замѣнъ ассигнацій суммы кредитныхъ билетовъ», т. е., съ упущеніемъ изъ виду кредитныхъ билетовъ, подлежавшихъ выпуску взамѣнъ депозитныхъ билетовъ и кредитныхъ билетовъ 1841 г. Тотъ-же пробѣлъ повторенъ и въ ст. VIII манифеста, въ которой уже говорится лишь объ обезпеченіи размѣна выпускаемыхъ вмѣсто ассиг-

[1]) Тамъ-же, стр. 194; даже при составленіи журнала засѣданія графъ Канкринъ счелъ необходимымъ оговорить по поводу допущенія рублеваго достоинства кредитныхъ билетовъ: «оно положено, но послѣ будутъ жалѣть» (тамъ-же, стр. 198).

[2]) Тамъ-же, стр. 207.

націй кредитныхъ билетовъ и только соразмѣрно этому вычисляется первоначальная сумма размѣннаго фонда въ 28½ милл. рубл. или въ одну шестую часть 171 милл. руб. суммы ассигнацій [1]). Такимъ образомъ, о размѣнномъ фондѣ для государственныхъ кредитныхъ билетовъ, подлежавшихъ выпуску вмѣсто депозитныхъ билетовъ и кредитныхъ билетовъ 1841 г. въ манифестѣ совсѣмъ не упоминается.

Очевидно, что составитель манифеста (баронъ Корфъ) слишкомъ буквально придерживался того, о чемъ главнѣйше разсуждали въ Секретномъ Комитетѣ, а не существа дѣла. А между тѣмъ Государь придавалъ такую большую важность дѣлу, что даже считалъ необходимымъ объявить: «предваряю, что всю эту операцію я беру подъ личный мой надзоръ и непосредственное наблюденіе во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ что не будетъ сдѣлано ни одного шага безъ моего вѣдома и разрѣшенія».

На самомъ дѣлѣ осуществленіе «операціи» оказалось дѣломъ, гораздо менѣе сложнымъ, чѣмъ о немъ думали въ Секретномъ Комитетѣ: главнѣйшая часть «объединенія всѣхъ денежныхъ представителей» и обмѣна ихъ на государственные кредитные билеты произошла въ 1844 — 46 г.г., когда обмѣнъ охватилъ 70% суммы всѣхъ подлежавшихъ изъятію старыхъ денежныхъ знаковъ.

Ко времени закрытія депозитной кассы ея билетовъ состояло въ обращеніи на 48.548,976 руб. сер. Ассигнацій въ 1843—52 г.г. всего было предъявлено къ обмѣну на государственные кредитные билеты сумма въ 166.916,951 руб. сер. (остальные 3.304,851 руб. уничтожились за 24 года ихъ обращенія съ 1819 г.) [2]); наконецъ, кредитныхъ билетовъ Сох-

---

[1]) Такъ какъ новые государственные кредитные билеты должны были не только на 171 милл. руб. замѣнить ассигнаціи, но еще на 60 милл. руб. замѣнить депозитные билеты и кредитные билеты выпуска 1841 г., то требовавшійся для обезпеченія ихъ размѣна первоначальный фондъ долженъ былъ составлять не менѣе 38½, а не 28½ милл. руб., какъ сказано въ манифестѣ.

[2]) Это составляетъ по 137,702 р. или 0,81‰ въ годъ въ среднемъ.

ранныхъ Казенъ и Заемнаго Банка (выпуска 1841 года) предъявлено на сумму 10,952,300 рублей; общая сумма обмѣна въ 1843—52 г.г. составляла 226.418,227 руб. Къ этой-то основной суммѣ стали прибавляться государственные кредитные билеты, выпускавшіеся на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ до 1 сентября 1843 г. (до закрытія депозитной кассы) выпускались депозитные билеты, т. е, въ обмѣнъ за приносившееся серебро и золото, въ монетѣ и слиткахъ. Операція эта съ самого же начала развивалась очень успѣшно [1]). Если во все время дѣйствія депозитной кассы, съ 1 января 1840 г. по 1 сентяря 1843 года, въ нее было внесено звонкой монеты на 54.602,404 руб. сер., то съ 1 сентября 1843 года по 31 декабря 1846 г. (или за почти равный промежутокъ времени) для обмѣна на кредитные билеты было внесено звонкой монеты на 57.162,290 руб., а потомъ эта операція еще сильнѣе развивалась. Всего съ 1843 г. до 1 января 1853 года серебра и золота въ звонкой монетѣ и слиткахъ въ обмѣнъ на кредитные билеты:

внесено	182.371,292	руб. сер.
вытребовано	97.413,938	» »
болѣе внесено на . .	84 957,354	руб. сер.

Присоединяя эту сумму, на которую выпущено государственныхъ кредитныхъ билетовъ взамѣнъ серебра и золота, къ показанной выше суммѣ 226.418,227 руб., на которую кредитныхъ билетовъ выпущено вмѣсто старыхъ денежныхъ представителей, получимъ итогъ въ 311.375,581 руб., на каковую сумму состояло въ обращеніи государственныхъ кредитныхъ билетовъ 1 января 1853 года.

---

[1]) По всей вѣроятности, основаніе этой успѣшности было тождественно съ основаніемъ успѣха Депозитной Кассы, т. е.: что вся, поступавшая въ казну и въ банки, звонкая монета передавалась въ размѣнный фондъ и за нее получалась равная сумма кредитными билетами Это было и выгоднѣе для казны, и полезнѣе для обращенія кредитныхъ билетовъ.

Размѣнный фондъ составлялъ 1 января 1853 года:

всего	146.794,848 руб. сер.
въ томъ числѣ было внесено въ обмѣнъ за кредитные билеты звонкой монеты	84.957,354 » »
изъ остальныхъ	61.837,494 руб. сер.
фондъ депозитныхъ билетовъ составлялъ	48 548,976 » »
слѣдовательно, внесено казною [1]) для обезпеченія кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ взамѣнъ ассигнацій [2])	13.288,518 руб. сер.

Взятый въ совокупности всѣхъ различныхъ его частей, размѣнный фондъ составлялъ свыше 47% всей суммы обращавшихся кредитныхъ билетовъ. Если имѣть въ виду одни только кредитные билеты, выпущенные «взамѣнъ прежнихъ денежныхъ представителей», то и ихъ сумма въ 226.418,227 руб. обезпечивалась размѣннымъ фондомъ въ 61.837.494 р. или 27 1/3%; сумма же всѣхъ непокрытыхъ фондомъ кредитныхъ билетовъ къ 1 января 1853 г. не превышала 164.580,733 р.

Естественно, что размѣнъ шелъ безостановочно и что ему не могли вредить никакіе кризисы и «притоки фондовъ изъ-за границы», которые въ 1831 году были такъ опасны. Это наглядно обнаружилось въ 1849 г. Выше упомянуто, что операція выпуска кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на приносившееся серебро и золото съ самаго же начала пошла очень успѣшно и въ 1843—45 г.г. звонкой монеты:

---

[1]) Въ статьѣ VIII манифеста 1 іюня 1843 г. говорилось о 14 1/2 милл. рублей.

[2]) Такъ какъ кредитныхъ билетовъ, замѣнившихъ ассигнаціи, въ дѣйствительности обращалось на 166.916 951 руб., то 1/6 этой цѣны суммы составляла 27.819.492 руб., внесено же было казною лишь около половины этой суммы.

внесено	57.162,290 руб. сер.
вытребовано	15.392,907 » »
болѣе внесено	41.769,383 руб. сер.

Совершенно исключительнымъ по своей благопріятности былъ 1847 г., когда звонкой монеты было внесено на 50.938,411 р., а вытребовано лишь 7.418,130 руб., или болѣе внесено на 43.520,281 руб. (что съ прежними съ 1843 г давало превышеніе взносовъ надъ востребованіями на 85.289.664 руб. сер.). Вексельный курсъ на Лондонъ въ январѣ 1847 года поднялся до 40⁷/₈ пенсовъ или сравнительно съ трехмѣсячнымъ паритетомъ (соглашеннымъ съ цѣною серебра и высокимъ лондонскимъ дисконтомъ того года) выше нормы на 7²/₃% (курсъ на Парижъ въ то же время поднялся до 426 сант.) [1]).

[1]) Существуетъ мнѣніе, будто благопріятное состояніе вексельныхъ курсовъ въ 1840-хъ годахъ, послѣ денежной реформы, держалось на постоянной поддержкѣ означенныхъ курсовъ, для каковой цѣли правительство будто-бы вынуждено было отправлять, безъ огласки, золото заграницу. Это мнѣніе, высказанное покойнымъ И. С. Бліохомъ въ его Финансахъ Россіи, составляетъ извращеніе истины. У правительства были заграничные платежи, и такъ какъ въ Россіи (главной производительницы золота въ то время) золото было дешевле, то означенные платежи отчасти производились прямыми отправками золота. Это было для казны выгодно, потому что въ казну поступало довольно много золота по 5 р. 15 к. за полуимперіалъ, тогда какъ на всемірномъ рынкѣ (въ Лондонѣ) золото стоило дороже. Въ этомъ заключается дѣйствительность и истина. Самыя суммы отправленнаго заграницу правительствомъ золота, приводимыя въ доказательство вышеуказаннаго мнѣнія, обличаютъ его неправильность. А именно въ 1845 г послано заграницу золота 290 пудовъ, т. е. на 3 959.467 руб., въ 1846 году 146 пудовъ на 2 104,498 р., въ 1847 году на 1.141,000 р. серебромъ и 4.120,000 р. золотомъ, даже въ 1848 г. лишь 6 448 000 р. золотомъ. Все это были суммы въ предѣлахъ заграничныхъ уплатъ казны по ея внѣшнимъ государственнымъ долгамъ и инымъ внѣшнимъ расходамъ. Никакой связи съ поддержкою вексельныхъ курсовъ онѣ не имѣли, какъ не имѣли онѣ этой связи въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ, когда постоянно происходило тоже самое, хотя никакого повода не было помышлять о поддержаніи курсовъ.

Въ 1848 и 1849 г.г., однако, въ связи съ тревожными политическими событіями той эпохи произошелъ неблагопріятный поворотъ. въ маѣ 1848 г. вексельный курсъ на Лондонъ упалъ до 34 1/2 пенсовъ или на 8 1/6% ниже паритета, а въ маѣ 1849 г. онъ опять упалъ до 35 5/8 пенсовъ или на 5 39% ниже паритета. При оцѣнкѣ этихъ колебаній необходимо имѣть въ виду, что въ тѣ времена (до желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ) перевозка золота и серебра была гораздо дороже, чѣмъ нынѣ, а въ тревожныя времена войны и смутъ страховая премія подымалась очень высоко; поэтому предѣлы нормальныхъ колебаній вексельнаго курса тогда были гораздо шире, чѣмъ теперь (какъ это впрочемъ, видно изъ возвышенія въ 1847 г. вексельнаго курса на 7 2/3% выше паритета). Но хотя ухудшеніе курса длилось довольно долго (съ марта 1848 г. до октября 1849 г.; въ ноябрѣ 1849 г. наинисшій вексельный курсъ былъ уже выше паритета), тѣмъ не менѣе именно размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету далъ орудіе для успѣшной борьбы съ неблагопріятнымъ теченіемъ и для возстановленія нормальнаго положенія. Въ 1848 г. и 1849 г. звонкой монеты за кредитные билеты было:

	Въ 1848 г.	Въ 1849 г.
внесено	16.941,235	13.760,524
вытребовано	17.006,319	22.819,981
болѣе вытребовано .	65,084	10.059,437

слѣдовательно, въ оба года вытребовано монеты на 10,124,521 р. Но отдачею этой суммы и изъятіемъ въ 1849 г. изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на 6.311.428 руб. [1]) кризисъ былъ осиленъ.

Слѣдуетъ при этомъ также упомянуть, что для вывоза за границу преимущественно усилился спросъ на золото; но такъ какъ правительство не считало себя обязаннымъ къ размѣну кредитныхъ билетовъ на золото и серебро по выбору

[1]) Кредитныхъ билетовъ состояло въ обращеніи: въ началѣ 1849 г. 306.628,672 руб., а въ концѣ того-же года 300 317,244 руб.

предъявителей, а признавало право выбора металла только за собою, то оно въ числѣ мѣръ для борьбы съ кризисомъ считало себя вправѣ прибѣгнуть къ сильному ограниченію выдачъ золота. Это конечно подняло лажъ на золото выше его законнаго 3%-наго уровня, но такъ какъ наше монетное законодательство тогда признавало лажъ на золото, то оно этимъ поставлялось въ необходимость признавать не только 3%-ный, но и болѣе высокій лажъ. Въ этомъ, впрочемъ, тогда никакой бѣды не видѣли. Безостановочный и неограниченный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на серебро не прерывался и кризисъ съ конца 1849 г. прекратился; а это было все, что требовалось. Съ 1850 г. русскіе вексельные курсы опять были высоки, звонкой монеты вносилось больше, чѣмъ требовалось [1]) и размѣнный фондъ, который съ начала 1848 г. до конца 1849 г. уменьшился съ 147.165,513 р. до 136.969,739 р., къ 1 Января 1853 г. опять поднялся до 146.794,848 руб. сер.

Неблагопріятныя событія 1849 г. коснулись и государственныхъ кредитныхъ установленій, преимущественно петербургскихъ Это видно изъ Высочайшаго указа 9 марта, которымъ—«по случаю бывшихъ въ минувшемъ году неурожаевъ и данныхъ помѣщикамъ разсрочекъ въ платежахъ, вслѣдствіе чего ожидалось, что въ кассахъ банковыхъ установленій наличность капиталовъ можетъ уменьшиться»,—разрѣшено изъ назначеннаго для названныхъ установленій въ 1841 году выпуска 30 милл. руб,, въ счетъ котораго дѣйствительно было выпущенно немного менѣе 11 милл. руб. [2]), выпустить еще 10 милл. руб., въ томъ числѣ до 6 милл. для Петербургской

[1]) Въ 3 хъ лѣтіе 1850—52 г.г звонкой монеты въ обмѣнъ за кредитные билеты внесено 43.568,832 руб., а вытребовано 33.776,621 р., или больше внесено на 9 792.213 руб.

[2]) Мы беремъ эту сумму изъ свѣдѣній о кредитныхъ билетахъ выпуска 1841 г., предъявленныхъ къ обмѣну на государственные кредитные билеты. Въ 1843—52 гг. кредитныхъ билетовъ выпуска 1841 г. обмѣнено на новые кредитные билеты 10.952,300 руб, но какъ въ манифестѣ 1 іюня 1843 г., такъ и въ указѣ 9 марта 1849 г. и впослѣдствіи всегда оффиціально сумма выпуска 1841 г. принималась въ 10 милл рублей круглою суммою.

Сохранной Казны и до 4 милл. для Заемнаго Банка, съ тѣмъ, чтобы эти установленія внесли въ Экспедицію кредитныхъ билетовъ звонкою монетою 1/6 часть суммы полученныхъ ими кредитныхъ билетовъ и эта монета подлежала присоединенію къ размѣнному фонду. Не сохранилось точныхъ свѣдѣній, дѣйствительно ли этотъ выпускъ произведенъ и въ какомъ размѣрѣ: извѣстно лишь, что въ составъ рессурсовъ для чрезвычайныхъ расходовъ 1849 и 1850 г.г. находились и кредитные билеты: въ 1849 г. на 3 милл. руб. и въ 1850 г. на 1 милл., въ оба года на 4 милл. руб. [1]). Такъ какъ въ 1849 г. сумма состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ не увеличилась, а уменьшилась, то очевидно выпускъ произведенъ изъ тѣхъ кредитныхъ билетовъ, которые поступили вслѣдствіе перевѣса востребованій звонкой монеты надъ взносами ея. Перевѣсъ этотъ, какъ выше показано, достигалъ съ небольшимъ 10 милл. руб., тогда какъ уменьшеніе состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ достигало лишь 6 милл. руб.; остальные 4 милл. руб. могли послужить для чрезвычайныхъ затратъ [2]).

XIX.

Въ 1853 г. такимъ-же образомъ начались выпуски для чрезвычайныхъ расходовъ по Крымской войнѣ. Высочайшимъ указомъ 17 декабря, по случаю значительнаго расширенія

---

[1]) Заимствуемъ это свѣдѣніе изъ вывѣренныхъ подъ наблюденіемъ Статсъ-Секретаря В. А. Татаринова отчетовъ объ исполненіи росписей за 1832—1861 гг., напечатанныхъ въ приложеніи къ всеподданѣйшему отчету Государственнаго Контролера за 1864 г.

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ, 3 милл. 1849 г. выпущены въ замѣнъ ассигнацій, не предъявленныхъ къ обмѣну на кредитные билеты. Изъ назначенныхъ кредитнымъ установленіямъ 10 милл. въ 1849 г., только петербургской Сохранной Казнѣ выданъ 1 милл. рублей.

оборотовъ государственныхъ кредитныхъ установленій, разрѣшено было· во-первыхъ изъ 30 милл., назначенныхъ въ 1841 г., выпустить остававшуюся еще часть въ 10 милл. руб. [1]), и во-вторыхъ образовать новый запасъ въ 40 милл. руб. съ тѣмъ, чтобы выпуски кредитныхъ билетовъ изъ этого запаса производились лишь въ случаѣ дѣйствительной потребности по особымъ Высочайшимъ распоряженіямъ и со взносомъ въ размѣнный фондъ звонкой монеты въ размѣрѣ 1/6 суммы выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Хотя эти выпуски производились «для оборотовъ» кредитныхъ установленій, но «обороты» при этомъ уже прямо имѣли своею цѣлью—оказывать воспособленіе государственному казначейству.

Въ 1854 г. чрезвычайные расходы по Крымской войнѣ были уже такъ значительны, что ими было поглощено все, что государственное казначейство могло получить и отъ новаго государственнаго займа, и отъ новыхъ выпусковъ билетовъ государственнаго казначейства, (серій) и наконецъ отъ очень большихъ позаимствованій у Заемнаго Банка и Сохранныхъ Казенъ. Обычные чрезвычайные рессурсы финансовые начали изсякать, а между тѣмъ впереди предстояли гораздо болѣе значительные чрезвычайные расходы, чѣмъ тѣ, которые были произведены въ 1853 и 1854 г.г. У министра финансовъ, Брока, въ виду этого сложилось убѣжденіе, что за истощеніемъ всѣхъ иныхъ рессурсовъ, удовлетвореніе предстоящихъ расходовъ возможно единственно лишь посредствомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, о чемъ онъ и вошелъ съ представленіемъ въ Комитетъ Финансовъ. Разсматривая это представленіе, въ засѣданіяхъ 15 и 22 декабря 1854 г., Комитетъ призналъ, что государственное казначейство находится въ такомъ положеніи, въ которомъ не остается иного средства, какъ прибѣгнуть къ предлагаемому министру финансовъ рессурсу, а именно къ выпуску кредитныхъ билетовъ. Но сознавая всю необходимость таковой мѣры, Комитетъ тѣмъ настойчивѣе указывалъ на всю опасность, съ нею сопряжен-

---

[1]) Остававшіеся 9 милл. руб., изъ назначенныхъ въ 1849 г. 10 милл., тоже только въ 1853 г. вошли въ составъ рессурсовъ.

ную. Комитетъ полагалъ, что объявленіе о новыхъ выпускахъ можетъ произвести всеобщій страхъ, безотчетный, который неминуемо отразится пониженіемъ достоинства кредитныхъ билетовъ. «Упадокъ курса нашихъ ассигнацій, понизившихся въ 1812 г. до 1/4 части нарицательной ихъ цѣнности, живо еще сохранился въ памяти каждаго; но тогда финансовыя операціи наши были основаны на простыхъ началахъ, онѣ не имѣли еще никакой гласности, выпускъ ассигнацій производился исподволь, курсъ упадалъ медленно и постепенно» и т. д., «наконецъ, интересы частныхъ лицъ, подвергавшихся опасности, не были столь значительны, какъ нынѣ». Вслѣдствіе всего этого «пониженіе ассигнацій не нарушило общаго спокойствія. Напротивъ, въ нынѣшнее время предполагаемая мѣра возбуждаетъ особенныя опасенія», потому что слѣдуетъ ожидать стремленія къ огражденію обширнаго круга интересовъ, на которыхъ она можетъ отразиться. Для этой цѣли «при малѣйшемъ потрясеніи довѣрія къ кредитнымъ билетамъ всякій поспѣшитъ изъять изъ обращенія (казенныхъ) банковъ свои капиталы для перевода ихъ заграницу или для вымѣна на звонкую монету». Неизбѣжными же послѣдствіями этого будутъ: «несостоятельность (казенныхъ) банковъ, истощеніе размѣннаго фонда, необходимость выпускать кредитные билеты для поддержанія оборотовъ (казенныхъ) банковъ», и наконецъ потребуется «повтореніе выпусковъ въ огромныхъ количествахъ соотвѣтственно пониженію ихъ курса не для одного удовлетворенія расходовъ по военному положенію, но даже и на покрытіе суммъ по обыкновеннымъ смѣтамъ». Комитетъ полагалъ, что устраненіе этихъ вредныхъ послѣдствій зависитъ отъ способа приведенія въ исполненіе предполагаемой мѣры. Такъ какъ «всего опаснѣе кризисъ въ первую минуту, ибо оный наводитъ паническій страхъ, то необходимо ослабить вліяніе кризиса, избѣгая возбужденія преувеличеннаго страха и для этого не слѣдуетъ оглашать предполагаемой къ выпуску суммы, тѣмъ болѣе что она можетъ оказаться излишнею... Не безъ основанія можно полагать, что наиболѣе мнительнымъ умамъ не представится настоящая цифра и что самое сильное воображеніе останется

ниже дѣйствительности» [1]). Сверхъ того Финансовый Комитетъ признавалъ необходимымъ въ указѣ о выпускѣ основать его на необходимости значительныхъ издержекъ въ случаѣ продолженія войны, и чтобы въ указѣ выпускъ признанъ былъ лишь временною мѣрою, въ видахъ устраненія повода къ мысли, что подобныя операціи могутъ и впредь возобновляться, и чтобы независимо отъ взноса 1/6 части выпуска звонкой монеты въ размѣнный фондъ въ указѣ былъ назначенъ срокъ не позже трехъ лѣтъ по окончаніи войны и даже ранѣе, если будетъ возможно, когда временно выпущенные кредитные билеты непремѣнно будутъ выкуплены. Въ заключеніе-же Финансовый Комитетъ изъяснялъ, что за всѣми вышеизложенными предосторожностями, предполагаемая мѣра можетъ имѣть послѣдствіемъ весьма многоразличныя событія, но такъ какъ всѣхъ ихъ событій предусмотрѣть невозможно, то преимущественно необходимо опредѣлить: «какія мѣры слѣдуетъ принять на тотъ случай, если бы востребованіе капиталовъ изъ кредитныхъ установленій угрожало-бы привести ихъ въ несостоятельность и при какомъ положеніи размѣннаго фонда слѣдовало-бы вовсе прекратить обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету». Первый вопросъ Финансовый Комитетъ рѣшалъ указаніемъ на то, что уставъ кредитныхъ установленій установлялъ сроки, въ которые вкладчики обязаны заблаговременно предварять о своемъ намѣреніи востребовать принадлежащія имъ суммы. Эти постановленія закона не примѣнялись на практикѣ, потому что выдача суммъ немедленно по востребованію при ихъ изобиліи не была стѣснительна, но когда востребованія сдѣлаются стѣснительными, то правительство поставлено будетъ въ необходимость воспользоваться своимъ законнымъ правомъ и, по мнѣнію Финансоваго Комитета, достаточно будетъ сдѣлать распоряженіе о приведеніи «онаго» въ дѣйствіе. Относительно второго предмета (прекращенія размѣна) Комитетъ полагалъ, что хотя подобная мѣра была принимаема въ другихъ странахъ, однако, «со-

---

[1]) Предусматривалась сумма около 400 милл., какъ и оказалось на дѣлѣ.

вершенное пріостановленіе размѣна кредитныхъ билетовъ повлекло-бы за собою еще большій упадокъ курса билетовъ, почему и не слѣдуетъ предаваться преувеличеннымъ опасеніямъ при сильномъ востребованіи звонкой монеты въ первое время и во всякомъ случаѣ, «поколику возможно будетъ, не приступать къ помянутой мѣрѣ, дотолѣ не представится въ ней совершенной необходимости, а для сего оставить размѣнъ свободнымъ по крайней мѣрѣ до того времени, пока размѣнный фондъ собственно въ звонкой монетѣ и въ слиткахъ не уменьшится до 80 милл. рублей».

Согласно изложенному заключенію Финансоваго Комитета отъ 15 и 22 декабря 1854 г. состоялся Высочайшій указъ 10 января 1855 г «о временномъ выпускѣ государственныхъ кредитныхъ билетовъ для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ». Въ этомъ указѣ установляется временной характеръ предстоявшихъ выпусковъ и назначенъ срокъ «чрезъ три года по заключеніи мира, а если окажется возможнымъ, то и ранѣе», когда приступлено будетъ «къ постепенному изъятію изъ обращенія выпущенныхъ временно кредитныхъ билетовъ». Самые выпуски должны были производиться по предварительномъ всякій разъ испрошеніи Высочайшаго на то разрѣшенія съ внесеніемъ въ размѣнный фондъ звонкой монеты на 1/6 суммы выпускаемыхъ билетовъ. По вопросу же о моментѣ прекращенія размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету на вышеупомянутомъ журналѣ Комитета Финансовъ послѣдовала 29 декабря 1854 г. Высочайшая собственноручная резолюція императора Николая I: «размѣнъ оставить свободнымъ до того только, покуда наличный фондъ не уменьшится до 100 милл. и тогда испросить моего повелѣнія».

На основаніи Высочайшихъ указовъ 9 марта 1849 г. и 17 декабря 1853 г. о выпускахъ для Сохранныхъ Казенъ и Заемнаго Банка произошло въ 1853 и 1854 г.г. увеличеніе суммы состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ на 44.961,440 рублей, съ 311.375.581 р. до 356.337 021 р. На основаніи же указа 10 января 1855 года Высочайшія разрѣшенія о производствѣ временныхъ выпусковъ (большею

частью суммами въ 30 милл. руб., иногда на 50 милл. рублей) испрашивались министромъ финансовъ, статсъ-секретаремъ Брокомъ, по особымъ всеподданнѣйшимъ докладнымъ запискамъ. Такихъ разрѣшеній воспослѣдовало на общую сумму свыше 520 милл. руб.; однако, хотя въ дѣйствительности не представилось необходимости воспользоваться всею разрѣшенною суммою, но она тѣмъ не менѣе не лишена была нѣкотораго прямого практическаго значенія. Въ дѣйствительности наивысшая сумма, до которой достигла сумма кредитныхъ билетовъ подъ вліяніемъ временныхъ выпусковъ для чрезвычайныхъ расходовъ по Крымской войнѣ, составила въ концѣ 1857 года 735.297,006 рублей; то-есть, въ дѣйствительности, указъ 10 января 1855 г. послужилъ для увеличенія въ 1855—1857 годахъ суммы состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ на 378.959,985 рублей. Всего-же съ начала 1853 года до конца 1857 года обращеніе кредитныхъ билетовъ возросло на 423.921,425 рублей.

Значеніе, которое имѣла гораздо болѣе значительная сумма, на которую простирались въ 1855—1857 г.г. разрѣшенія временныхъ выпусковъ, находится въ связи съ опредѣленіями Высочайшихъ указовъ о томъ, чтобы 1/6 часть суммъ, на которыя дѣйствительно производились новые выпуски, вносилась звонкою монетою для усиленія размѣннаго фонда. Такъ, въ 1855—1857 г.г. новыхъ выпусковъ потребовалось на 378.958,985 р., а такъ какъ 1/6 часть этой суммы составляла 63.159,831 р., то на послѣднюю сумму звонкая монета должна была-бы быть внесена въ размѣнный фондъ, если бы она имѣлась въ наличности. Но такъ какъ она не имѣлась въ наличности, то прибѣгали къ «оборотамъ по счетамъ» размѣннаго фонда въ видахъ формальнаго исполненія требованія закона хотя бы и лишь на бумагѣ. А именно, по закону размѣнный фондъ состоялъ изъ двухъ различныхъ частей: изъ обезпеченія въ размѣрѣ 1/6 части кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ замѣнъ прежнихъ «денежныхъ представителей», главнымъ образомъ—ассигнацій, и обезпеченія въ размѣрѣ рубль за рубль кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обмѣнъ за звонкую монету, внесенную казен-

ными мѣстами и частными лицами. Первая часть называлась «фондомъ 1-го разряда», а вторая «фондомъ 2-го разряда». Когда правительству въ обезпеченіе требовавшихся выпусковъ въ размѣрѣ 378.958,985 руб. нужно было внести звонкой монеты 63.159,831 руб. и эта сумма не имѣлась въ наличности, то достаточно было воспользоваться разрѣшеніями выпусковъ на итогъ обѣихъ приведенныхъ суммъ или на 442.118,816 рублей и затрудненіе легко было устранить—на бумагѣ, конечно. Выпускъ производился сначала на всѣ эти 442.118,816 рублей, но изъ нихъ 63.159,831 рубль тотчасъ-же предъявлялись къ размѣну на звонкую монету и вслѣдствіе этого на означенные 63.159.831 р. кредитные билеты въ дѣйствительное обращеніе совсѣмъ и не поступали, а фондъ второго разряда уменьшался на означенные же 63.159,831 руб., которые послѣ такого «оборота» вносились въ фондъ перваго разряда. Въ концѣ-концовъ общій итогъ суммъ размѣннаго фонда отъ этихъ перечисленій не измѣнялся, а между тѣмъ дѣйствительный выпускъ простирался лишь на требовавшуюся сумму 378.958,985 руб. и въ тоже время требованіе закона объ обезпеченіи новыхъ кредитныхъ билетовъ звонкою монетою на 1/6 часть ихъ суммы то-же (на бумагѣ) какъ бы было исполнено. Вслѣдствіе этого рода перечисленій размѣнный фондъ, достигавшій въ концѣ 1857 г. 141.460,771 р., состоялъ изъ фонда «перваго разряда», въ размѣрѣ 118.484.434 руб., обезпечивавшаго сумму кредитныхъ билетовъ въ 712.320,668 р., и фонда «второго разряда» въ размѣрѣ 22.976,338 рублей, обезпечивавшихъ равную сумму кредитныхъ билетовъ. Такимъ образомъ, въ концѣ 1857 г. фондъ «второго разряда» былъ уже почти совсѣмъ истощенъ «перечисленіями» изъ него въ фондъ «перваго разряда», т. е. кредитные билеты, обезпеченные рубль за рубль, какъ-бы всѣ были предъявлены къ размѣну (самимъ правительствомъ) и ихъ оставалась сравнительно незначительная сумма 22.976,338 рублей.

Первымъ, ближайшимъ послѣдствіемъ того опредѣленія указа 10 января 1855 г., которое признавало разрѣшенные имъ выпуски «временными» былъ указъ 5 апрѣля 1857 г.,

которымъ Высочайше повелѣно «разрѣшенные означеннымъ указомъ временные выпуски государственныхъ кредитныхъ билетовъ прекратить». По силѣ этого новаго опредѣленія опять долженъ былъ вступить въ силу коренной смыслъ высочайшаго манифеста 1 іюля 1843 г., по которому кредитные билеты сверхъ суммы ихъ, послужившей для замѣны денежныхъ представителей, обращавшихся до 1843 г., должны были выпускаться въ обращеніе не иначе, какъ подъ обезпеченіе серебряною и золотою монетою, рубль за рубль. Не только ненормальное положеніе операціи выпуска кредитныхъ билетовъ, допущенное уже указами 9 марта 1849 г. и 17 декабря 1853 г., хотя и на опредѣленныя лишь суммы, но указомъ 10 января 1853 г. допущенное на неограниченную сумму, хотя въ этомъ случаѣ уже лишь временно,—должно было прекратиться, но по силѣ статьи 4 указа 10 января 1853 г. не позже, какъ «чрезъ три года по заключеніи мира», слѣдовательно съ апрѣля 1859 г., должно было начаться изъятіе изъ обращенія выпущенныхъ на основаніи означеннаго указа кредитныхъ билетовъ.

Къ сожалѣнію, задолго до наступленія этого срока невозможность осуществленія предписанія указа 1855 г. вполнѣ выяснилась.

Еще ранѣе, чѣмъ даже возникла мысль о необходимости большихъ новыхъ выпусковъ, когда кредитныхъ билетовъ состояло въ обращеніи едва ли больше 340 милл. руб., обезпеченныхъ размѣннымъ фондомъ въ 160 милл. руб., вексельный курсъ на Парижъ, подъ вліяніемъ однихъ только военныхъ событій, въ мартѣ 1854 г. упалъ до 338 сант. (84½% номинала) [1]), отъ этого сильнаго паденія онъ, однако, скоро

[1]) Необходимо имѣть въ виду, что рѣчь идетъ о металлическомъ рублѣ, серебряномъ и золотомъ, какъ онъ установленъ въ 1839—43 г.г. и съ тѣхъ поръ до конца 1885 г. служилъ основою нарицательнаго достоинства (номинала) кредитнаго рубля. Въ полуимперіалѣ до конца 1885 г. содержалось 135 долей чистаго золота, слѣдовательно въ 1/15 части его или золотомъ рублѣ содержалось чистаго золота 27 долей. Такъ какъ для платежей золотомъ въ казну и изъ казны установлена была и впослѣдствіи закономъ не была измѣнена

оправился и въ остальные мѣсяцы 1854 г. уже не падалъ ниже 371 сант. (92$^{3}/_{4}$% номинала) и поднимался снова до 392 сант. (98% номинала); въ 1855 г. низшій курсъ былъ 361 сант., а высшій 384 сант.; въ 1856 же году до заключенія мира низшій курсъ былъ 368 сант., а высшій 395 сант. Такимъ образомъ, даже сильнѣйшее пониженіе не было глубже 16%, сравнительно съ нарицательнымъ достоинствомъ кредитнаго рубля, и это сильнѣйшее пониженіе было лишь мимолетное; впродолженіе-же войны пониженіе было, сравнительно, довольно слабое По возстановленіи мира курсъ быстро возстановился и даже достигалъ въ наивысшемъ уровнѣ: въ маѣ 1856 г. до 402$^{1}/_{2}$ сант., въ іюнѣ до 405$^{1}/_{2}$ сант., въ іюлѣ до 406 сант., въ августѣ до 410 сант. и въ сентябрѣ до 415 сант. (на Лондонъ 39$^{13}/_{16}$).

Любопытно, однако, что вѣроятно подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда удрученнаго и пессимистическаго настроенія, приведеннымъ указаніямъ придавали очень мало значенія. Чуткость къ отступленію отъ нормальнаго порядка, вмѣстѣ со страхомъ, который возбуждало это отступленіе и который такъ сильно выразился въ журналѣ Финансоваго Комитета отъ 15 и 22 декабря 1854 г., не менѣе сильно обнаружились, когда въ засѣданіяхъ 29 ноября и 22 декабря 1855 г. Финансовый Комитетъ разсматривалъ представленіе министра

цѣна въ 5 р. 15 копѣекъ серебромъ, а это соотвѣтствовало нарицательной цѣнѣ золотого рубля въ 103 копѣйки серебромъ, то одинъ рубль металлическій, золотомъ или серебромъ, составлявшій нарицательную стоимость (номиналъ) кредитнаго рубля равнялся до конца 1885 г. 401.2 франковъ=38.18 пенсовъ; одинъ золотой франкъ равнялся 24.925 копѣйкамъ; одинъ фунтъ стерлинга=6 руб. 28 64 коп. Все это строится на отношеніи золота къ серебру, какъ 1 : 15.45. По монетному уставу, изданному въ концѣ 1885 г. (при Н. Х. Бунге) мы перешли къ отношенію 1 : 15$^{1}/_{2}$ и содержаніе чистаго золота въ полуимперіалѣ уменьшено до 130.03 долей; одинъ рубль золотомъ, какъ $^{1}/_{5}$ часть полуимперіала, содержалъ уже только 26.136 долей чистаго золота, то есть, столько, сколько содержится чистаго золота въ 4.002 франковъ или въ 38.06 пенсахъ. Сто рублей золотомъ= =400.02 франковъ=324.017 германскихъ марокъ. Одинъ фунтъ=6 р. 30.505 коп.

финансовъ «о возникшемъ на звонкую монету лажѣ и недостаткѣ оной». Министръ доводилъ до свѣдѣнія Комитета, что «нѣкоторый недостатокъ въ звонкой монетѣ и недовѣріе къ кредитнымъ билетамъ, какъ было въ 1848 г. во время Венгерской кампаніи, проявились первоначально въ ноябрѣ 1853 г.». На самомъ дѣлѣ, однако, тревожные факты заключались лишь въ томъ, что сначала въ западныхъ губерніяхъ кредитные билеты усиленно размѣнивались на звонкую монету, а затѣмъ спросъ на нее усилился въ губерніяхъ новороссійскихъ, малороссійскихъ и даже центральныхъ, а въ Закавказьѣ населеніе, опасаясь войны, зарывало монету въ землю. Въ вздорожаніи монеты винили евреевъ, помѣщиковъ, откупщиковъ и даже ополченцевъ, которые, дѣйствительно, запасались, между прочимъ и монетою. Повсюду генералъ-губернаторы и губернаторы считали себя обязанными принять строгія мѣры противъ «скупщиковъ» монеты и мѣнялъ. Но когда съ октября 1855 г. и въ столицахъ мѣнялы стали много брать при размѣнѣ кредитныхъ билетовъ на монету, то мѣстные генералъ-губернаторы, графъ Игнатьевъ и графъ Закревскій, входили со всеподданнѣйшими представленіями о необходимости принятія не полицейскихъ, а финансовыхъ мѣръ. Особенно сильно увеличивались и все болѣе и болѣе чувствительными становились требованія монеты, исходившія отъ военнаго вѣдомства, и всего опаснѣе были для кредитныхъ билетовъ тѣ мѣстности, въ которыхъ сосредоточились большія массы войска, и куда высылались большія суммы кредитными билетами. Такъ, болѣе значительное пониженіе угрожало кредитнымъ билетамъ въ Варшавѣ, гдѣ Польскій Банкъ едва въ силахъ былъ размѣнивать свои ассигнаціи, вслѣдствіе чего неоднократно должны были удовлетворяться требованія князя Варшавскаго о высылкѣ ему значительныхъ суммъ звонкою монетою. Въ этихъ свѣдѣніяхъ объ усиленномъ спросѣ на звонкую монету Финансовый Комитетъ усматривалъ кризисъ, охватывающій нѣсколько предметовъ. Комитетъ полагалъ, что «нынѣшній кризисъ всего болѣе слѣдуетъ приписать опасенію, возбужденному выпускомъ въ большихъ размѣрахъ кредитныхъ билетовъ на военныя потребности»,

вслѣдствіе чего продолжать размѣнъ можно только до извѣстнаго предѣла, чтобы не довести фонда до истощенія, ибо это окончательно уронитъ кредитные билеты и вызоветъ ихъ упадокъ, коему трудно предвидѣть предѣлъ. Тѣмъ не менѣе, Комитетъ придавалъ очень большое значеніе продолженію размѣна, полагая, что это единственное средство, поддерживающее цѣнность кредитныхъ билетовъ. Но поэтому же Комитетъ очень сильно высказывался противъ требованій военнаго вѣдомства о выдачахъ ему большихъ суммъ монетою, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію Комитета, сохраненіе этой монеты въ размѣнномъ фондѣ давало возможность выпускать кредитные билеты на сумму, въ шесть разъ болѣе значительную. Лажу на золото Комитетъ придавалъ меньше значенія, чѣмъ лажу на серебро, «которое служитъ законнымъ мѣриломъ для нашихъ кредитныхъ билетовъ», и «при огромной массѣ выпущенныхъ въ столь короткое время» кредитныхъ билетовъ, по мнѣнію Финансоваго Комитета, «можно быть довольнымъ тѣмъ, что лажъ на серебро до сего времени вообще не превзошелъ еще 3% на рубль». Комитетъ полагалъ, что «преимущественно надобно прилагать стараніе, чтобы лажъ на серебро, который есть вѣрнѣйшій указатель пониженія достоинства нашихъ бумажныхъ денегъ, не принялъ большихъ размѣровъ». Къ предупрежденію этого правительство можетъ располагать только однимъ средствомъ: дѣйствовать на курсъ чрезъ постоянный размѣнъ въ предѣлахъ, для него назначенныхъ, т. е. до приближенія фонда къ суммѣ 100 милл. Вслѣдствіе-же всего вышеизложеннаго Комитетъ приходилъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) неприкосновенную часть фонда оставить въ суммѣ 100 милл., 2) соблюдать пропорцію обезпеченія новыхъ выпусковъ $^1/_6$ ихъ суммы звонкою монетою, 3) для предупрежденія слишкомъ сильнаго возвышенія лажа продолжать размѣнъ кредитныхъ билетовъ въ принятомъ нынѣ размѣрѣ и даже по возможности расширяя его въ провинціи и 4) ограничить, сколь возможно, при размѣнѣ выдачу золотой монеты и въ то же время въ соразмѣрности усилить выдачу монеты серебряной.

Если даже лишь 3% лажъ на серебро уже возбуждалъ

столь тревожныя опасенія, то неудивительно, что достаточно было «опасеній» за дальнѣйшую судьбу курса, чтобы министръ финансовъ всеподданнѣйшими докладами 10 мая и 2 августа 1857 г. исходатайствовалъ назначеніе 1.200.000 полуимперіаловъ для казенныхъ трассировокъ въ видахъ поддержанія курса, хотя курсъ на Парижъ былъ. въ маѣ—наивысшій 402 сант, наинизшій 397 с., а въ августѣ—наивысшій 397½ санг, наинизшій 390 с. или лишь 2⅕% ниже паритета. Въ ноябрѣ министръ исходатайствовалъ для той-же цѣли еще 1 милліонъ полуимперіаловъ, но уже при замѣтно ухудшившимся положеніи: наивысшій курсъ былъ 375 сант., наинизшій 360 сант. или 10¼% ниже паритета. Этотъ курсъ въ 360 сантимовъ (34¼ пенсовъ) за рубль (90% номинала) считался уже выраженіемъ очень сильнаго паденія, глубже котораго никоимъ образомъ не должно дозволить курсу упасть.

Естественно, поэтому, что если министръ финансовъ прибѣгалъ къ трассировкамъ при гораздо болѣе слабомъ пониженіи курса, то когда пониженіе дошло до 360 сант., онъ считалъ необходимымъ войти въ Комитетъ Финансовъ съ представленіемъ «о мѣрахъ къ поддержанію вексельнаго курса». Въ этомъ представленіи, между прочимъ, доводилось до свѣдѣнія Комитета, что по воспослѣдованіи Высочайшаго указа 12 апрѣля 1857 г. о разрѣшеніи вывоза заграницу золота «возстановленъ былъ и свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ, но востребованіе золотой монеты было столь велико, что по 5 мая выпущено было оной болѣе, нежели на 3 милл. рублей, главнѣйше для отправленія заграницу на спекуляцію [1]), вслѣдствіе чего размѣнъ вновь ограниченъ»; съ цѣлью прекращенія «неблаговидныхъ дѣйствій мѣнялъ», покушавшихся всякими средствами получить золотую монету,

[1]) Это было какъ-разъ во время разгара событій, предшествовавшихъ всемірному кризису 1857 г., дисконтъ Англійскаго Банка съ 1 января до конца марта 1857 г былъ 6%, а съ начала апрѣля, до половины іюня 6½% Съ 18 октября 1857 г онъ возвышенъ до 7%, съ 12 октября до 8%, съ 5 ноября до 9% и съ 9 ноября до 10%. 12 ноября 1857 г. было пріостановлено дѣйствіе Пиллевскаго банковаго акта. Эти чрезвычайныя событія той эпохи играли не послѣднюю роль въ уплывѣ русскаго золота въ то время.

«было сдѣлано распоряженіе, чтобы кредитные билеты были размѣниваемы почти исключительно на серебряную монету, примѣняясь къ порядку, какой былъ установленъ во время войны и одобренъ Комитетомъ Финансовъ». Съ своей стороны, Комитетъ признавалъ дѣйствія министра финансовъ совершенно правильными и полагалъ, что дальнѣйшее пониженіе вексельнаго курса повело-бы за собою упадокъ цѣнности нашихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ: но «упадокъ сей былъ-бы до такой степени пагубенъ во всѣхъ государственныхъ отношеніяхъ, что къ отвращенію онаго правительство обязано употребить всѣ состоящія въ распоряженіи его средства и рѣшиться на всякія пожертвованія». Поддержать достоинство кредитныхъ билетовъ можно было-бы открытіемъ свободнаго ихъ размѣна на звонкую монету, но при настоящемъ денежномъ кризисѣ золото стали-бы вывозить заграницу и размѣнный фондъ могъ-бы истощиться, а его истощеніе вреднымъ образомъ отразилось-бы на кредитныхъ-же билетахъ. Поэтому Финансовый Комитетъ «отдавалъ предпочтеніе трассированію векселей, которыми должны быть удовлетворяемы всѣ предъявляемыя на нихъ требованія, чтобъ курсъ не понижался далѣе установленной нормы, каковою слѣдуетъ принять 360 сантимовъ за рубль». Въ этихъ предѣлахъ Комитетъ признавалъ возможнымъ допустить пользованіе и размѣннымъ фондомъ, такъ какъ его назначеніе поддерживать цѣнность кредитныхъ билетовъ.

Достойно вниманія, что такъ разсуждалъ Финансовый Комитетъ, хотя съ 1 января 1853 г. по 1 января 1858 г. размѣнный фондъ уменьшился лишь на 5.334.077 руб., въ томъ числѣ запасъ золота и серебра въ фондѣ уменьшился даже лишь на 4.566.459 руб. (на остальные 767.618 руб. уменьшились принадлежащія фонду металлическія процентныя бумаги) и 1 января 1858 г. размѣнный фондъ все еще достигалъ 141.460.771 руб. противъ 146.794.848 руб. къ 1 января 1853 г. Уменьшеніе фонда далеко еще не было сколько-нибудь значительно, чтобы оправдывать усиленныя опасенія, вслѣдствіе чего при выраженіи послѣднихъ Финансовый Комитетъ указывалъ не на означенное уменьшеніе, а на проис-

шедшее въ то-же время «огромное» увеличеніе суммы состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ.

Тѣмъ удивительнѣе, что объ уменьшеніи этой суммы посредствомъ изъятія изъ обращенія какой-либо части изъ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ совсѣмъ не встрѣчается упоминанія. А между тѣмъ однимъ изъ ближайшихъ дѣйствій значительныхъ выпусковъ 1853—57 г.г. было необыкновенно сильное увеличеніе вкладовъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ: къ 1853 г. ихъ состояло 806,08 милл. руб., а въ концѣ 1857 года уже 1.002²/₃ милл. руб., то-есть прибавилось около 200 милл. рублей. Во время войны эти новыя суммы еще не могли себѣ найти помѣщенія и большая ихъ часть оставалась праздною въ кассовой наличности казенныхъ банковъ, которая еще къ 1855 г. не достигала 20¹/₂ милл. руб., а къ 1 іюля 1857 г. поднялась до 146 милл. рублей.

Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этими, такъ сказать, напрашивавшимися на изъятіе ихъ изъ обращенія суммами кредитныхъ билетовъ посредствомъ ихъ консолидаціи внутреннимъ 5% займомъ,—къ дѣлу отнеслись совсѣмъ иначе. Въ связи съ возложенною въ январѣ 1857 г. на Комитетъ Финансовъ разработкою вопроса: «какія мѣры могли-бы поставить государственные доходы и расходы въ надлежащую соразмѣрность и, вообще, вывести Россію изъ затруднительнаго финансоваго положенія»—Комитетъ Финансовъ, между прочимъ, призналъ необходимымъ—предоставить министру финансовъ «по окончательномъ разрѣшеніи вопроса о пониженіи процентовъ по банковымъ установленіямъ войти въ соображеніе о томъ, на какихъ основаніяхъ могло-бы быть произведено переложеніе займовъ правительства изъ этихъ установленій на болѣе продолжительные сроки съ уменьшеніемъ ежегодныхъ платежей».

Долгъ правительства государственнымъ кредитнымъ установленіямъ сильно разросся уже во время долголѣтняго финансоваго управленія графа Канкрина [1]), уходя, онъ оставлялъ

[1]) Графъ Канкринъ его увеличилъ съ 77³/₄ до 402⁴/₆ милл. руб. асс.

этотъ долгъ на уровнѣ 115.110.000 рублей серебромъ. Но его ближайшіе два преемника съумѣли въ теченіе времени, вдвое менѣе продолжительнаго, увеличить долгъ до 553 милл. рублей сер. Изъ этой суммы 125 милл. представляли такія обязательства, по которымъ интересы и погашеніе уплачивались изъ земскихъ сборовъ и разныхъ спеціальныхъ капиталовъ, а остальные 428 милл. были на попеченіи государственнаго казначейства, которое расходовало на ежегодный платежъ по нимъ $30^1/_2$ милл. рублей.

Этотъ-то расходъ министръ финансовъ (Брокъ) считалъ возможнымъ уменьшить разсрочкою займовъ на 56 лѣтъ и пониженіемъ ежегоднаго платежа по нимъ до $4^1/_2\%$, отъ чего сбереженіе казны должно было составить около $11^3/_4$ милл. рублей. Предположенія эти, пройдя чрезъ Комитетъ Финансовъ и государственный совѣтъ, получили утвержденіе. Высочайшимъ указомъ 20 іюля 1857 г. проценты по вкладамъ частнымъ были понижены до 2% [1]), а по казеннымъ до $1^1/_2\%$, съ уменьшеніемъ и платежей по ссудамъ до 4%.

Хотя Финансовый Комитетъ предусматривалъ, что эта мѣра можетъ повести къ усиленному востребованію вкладовъ, но онъ полагалъ, что взаимною помощью однихъ кредитныхъ установленій другимъ, поддержаніемъ ихъ средствами казенныхъ палатъ и, вообще, предоставленіемъ министру финансовъ принять надлежащія мѣры возможно будетъ, какъ въ неоднократно повторявшихся прежде случаяхъ усиленнаго востребованія вкладовъ, отвратить его вредныя послѣдствія. Но на этотъ разъ предположенія Комитета не оправдались и кризисъ, котораго тяжкія послѣдствія вполнѣ ясно понимались въ 1810 г.,—для отстраненія котораго графъ Гурьевъ въ 1822 г. уже даже представлялъ государственному Совѣту объ упраздненіи Заемнаго Банка, но къ сожалѣнію безуспѣшно,—тотъ самый кризисъ, «угрожающій несостоятельностью казенныхъ банковъ», который въ 1831 г. такъ переполошилъ графа Канкрина, что изъ за него онъ даже готовъ

[1]) Проценты по вкладамъ увеличивались до 1830 г въ размѣрѣ 5%, а съ тѣхъ поръ въ размѣрѣ 4%

былъ прибѣгнуть къ выпуску ассигнацій,—котораго возможность въ 1840 г. снова подала поводъ къ преобразовательнымъ предположеніямъ князя Друцкого-Любецкаго,—этотъ-то кризисъ со всею накопившеюся за долгое время силою разразился уже во второй половинѣ 1857 года при обстоятельствахъ, особенно благопріятствовавшихъ тому, чтобы усиленное востребованіе вкладовъ изъ Казенныхъ Банковъ приняло хроническое и непреодолимое теченіе.

Для выгоднаго помѣщенія капиталовъ открывались тогда разнообразные пути помимо казенныхъ банковъ; поэтому пониженіе процентовъ по банковымъ вкладамъ лишь ускорило тотъ уплывъ довѣренныхъ банкамъ капиталовъ, который вѣроятно и безъ того былъ неминуемъ вслѣдствіе постепенно оживлявшагося тогда спроса на капиталы для многихъ новыхъ промышленныхъ, торговыхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій. Поэтому востребованіе вкладовъ, вызванное мѣрою 20 іюля 1857 г., на этотъ разъ оказалось фатальнымъ для казенныхъ банковъ и рѣшило ихъ участь. Дѣятельность ихъ должна была быть пріостановлена и скоро самое ихъ существованіе потеряло оправданіе. Въ тоже время банковый кризисъ оказался фатальнымъ и для дальнѣйшей судьбы кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для Крымской войны. Кризисъ отвлекъ для ликвидаціи казенныхъ банковъ громадные рессурсы на сумму свыше милліарда рублей, на которую простирались вклады, отчасти выплаченные, отчасти консолидированные. А эта сумма при иныхъ условіяхъ была-бы достаточна, какъ для преобразованія банковъ, такъ и для возстановленія порядка въ денежномъ обращеніи.

Во время разгара банковаго кризиса вспомнили и о кредитныхъ билетахъ; для уменьшенія выпущенныхъ на основаніи указа 10 января 1855 г. повелѣно: Высочайшимъ указомъ 18 апрѣля 1858 г. не ожидая трехлѣтняго срока (отъ заключенія мира) отдѣлить изъ Высочайше указанныхъ разныхъ капиталовъ, казнѣ принадлежащихъ, 60.000.000 рублей и внести сію сумму для уничтоженія въ Экспедицію кредитныхъ билетовъ,—но эта мѣра существеннаго вліянія уже не могла оказать. Сумма состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ биле-

товъ въ теченіе 1858 г. уменьшилась даже больше, чѣмъ на 60 милл. руб, сократившись съ 735.297.066 р до 644.648.719 рублей, то-есть, она уменьшилась на 90.648.287 рублей. Въ тоже время, однако, размѣнный фондъ съ 141.460.771 рубля сократился до 110.812.484 рублей, то-есть, онъ уменьшился на очень значительную для того времени сумму 30.648.287 рублей. Такимъ образомъ на 60 милл. руб. въ 1858 г. уменьшилась та сумма кредитныхъ билетовъ, которая не была покрыта размѣннымъ фондомъ, но, во-первыхъ, она все еще была очень велика, достигая 533.836 236 руб., тогда какъ передъ войною, 1 января 1853 года, она составляла лишь 164.580.733 руб.; а во-вторыхъ, что было еще хуже, ей въ ближайшіе два года предстояло чувствительное увеличеніе.

Любопытно, однако, что какъ-разъ при ухудшившемся положеніи, когда размѣнный фондъ сильно уменьшался крупными позаимствованіями изъ него для трассировокъ въ видахъ поддержанія вексельнаго курса, произошла сильная перемѣна въ той чуткости, съ которою прежде относились къ ненормальному положенію, созданному большими выпусками кредитныхъ билетовъ для Крымской войны. Разсуждая въ засѣданіи 18 мая 1858 г. объ открытіи свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, Комитетъ Финансовъ полагалъ, что для этого размѣнный фондъ уже недостаточенъ; размѣнъ только тогда былъ-бы полезенъ, еслибы онъ былъ постоянный; но «если вскорѣ послѣ открытія его, необходимость заставитъ стѣснить или вовсе прекратить оный», то подобныя, часто мѣняющіяся распоряженія могутъ имѣть невыгодное вліяніе. Комитетъ полагалъ, что публика уже привыкла къ настоящему положенію, и не смотря на довольно ограниченный размѣнъ, лажъ на серебро почти не существуетъ, а на золото понизился. Что-же касается до вексельныхъ курсовъ, то они зависятъ отъ разныхъ другихъ причинъ и особенно отъ торговаго баланса. «По симъ уваженіямъ Комитетъ признавалъ за лучшее отложить свободный размѣнъ до того времени, когда возвышеніе курсовъ и болѣе выгодный балансъ дозволятъ приступить къ сей мѣрѣ безъ опасенія».

Насколько эта перспектива была близка и дѣйствительно ли эти болѣе спокойные и терпѣливо-выжидательные взгляды соотвѣтствовали положенію, очень скоро обнаружилось уже въ 1859 году, когда кредитные билеты собственно подверглись первому очень сильному упадку только вслѣдствіе беззащитности, въ которой они были оставлены. Въ обычное время казенныя трассировки на значительныя суммы, сопровождавшіяся въ 1858 г., какъ выше показано, уменьшеніемъ размѣннаго фонда на 30 милл. рублей, еще довольно сильно поддерживали курсъ: въ 1858 году курсъ на Парижъ не падалъ ниже 370 сант., но возвышался (въ декабрѣ) даже до 395 сант. Но когда въ 1859 г. политическій горизонтъ покрылся опять военными тучами, то поставленный пониженію курса предѣлъ въ 360 сант. оказался призрачнымъ и уже въ апрѣлѣ курсъ упалъ до 345 сант., а въ маѣ онъ подвергся еще болѣе сильному пониженію до 325 сант. (на Лондонъ 31¼ пенсовъ, 81¼% номинала). Послѣ этого перваго нашего «валютнаго кризиса», постигшаго кредитные билеты, правительственныя трассировки уже еле-еле удерживали курсъ отъ сильнаго пониженія и даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ уже не могъ подниматься: въ 1859 году выше 275 сант. (68¾% номинала) въ 1860 г. выше 285 сант. и въ 1861 г.—274½ сант. (68⅔% номинала) А между тѣмъ въ эти три года не только размѣнный фондъ продолжалъ истощаться казенными трассированіями и его сумма подверглась новому уменьшенію на 12.840.854 руб., но для той-же цѣли служили отчасти и средства отъ новыхъ внѣшнихъ займовъ (трехпроцентнаго 1859 г. и второго 4½%-наго 1860 г.).

Значительно-же ухудшилось положеніе кредитныхъ билетовъ вслѣдствіе того, что при всемъ напряженіи, съ которымъ изыскивались рессурсы для борьбы съ разстройствомъ, которое вызвано было банковымъ кризисомъ,—не смотря на рядъ государственныхъ займовъ: банковыхъ билетовъ 1859 г. на 277 милл., 4%-ныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ 1860 г. на 146 милл., серій на 15 милл.,—не смотря на затрату на этотъ предметъ до 50 милл. изъ вышеупомянутыхъ внѣшнихъ займовъ и весьма значительной массы казенныхъ спеціаль-

ныхъ капиталовъ разнаго рода,—всѣхъ этихъ рессурсовъ не хватило даже лишь на удовлетвореніе наиболѣе настоятельныхъ требованій по обратной уплатѣ вкладовъ и для нихъ оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ увеличенію также и суммы состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ. Увеличеніе это составило въ 1859—61 годахъ 68.947.459 руб., и вся сумма состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ снова поднялась къ концу 1861 года до 713.596 178 рублей. Такъ какъ въ тоже время размѣнный фондъ упалъ до 97.338.186 руб., то сумма непокрытыхъ фондомъ билетовъ (безпроцентный по нимъ долгъ государственнаго казначейства) возвысилась до 616.257 992 руб. Такимъ образомъ, если съ одной стороны безпроцентный долгъ государственнаго казначейства по кредитнымъ билетамъ, который до Крымской войны составлялъ 164.580.733 руб. и, вслѣдствіе этой войны увеличившись на 429.255.502 р. и дойдя до 593.836,235 рублей, въ 1858 году былъ уменьшенъ на 60 милл. рублей, то-есть, доведенъ до 533.836.235 руб.—то съ другой стороны подъ дѣйствіемъ казенныхъ трассировокъ для поддержанія вексельныхъ курсовъ и банковаго кризиса онъ потомъ снова увеличился на 82.421.757 рублей и достигъ такого высокаго уровня, который далеко выходилъ за предѣлы финансовыхъ рессурсовъ, имѣвшихся особенно тогда для сколько-нибудь замѣтнаго его уменьшенія.

Отмѣтимъ при этомъ, что оффиціальная цифра безпроцентнаго долга въ концѣ 1861 года считалась въ 616.257.992 р., хотя на дѣлѣ она была больше на 16.890.000 руб., потому что на эти 16.890.000 руб. преувеличивался размѣнный фондъ, въ которомъ къ 1 января золота состояло лишь на 47.022.312 р. и серебра на 34.059.317 руб. или всего на 80.448.186 руб. то-есть, на 16.890.000 руб. меньше, чѣмъ показывалась сумма размѣннаго фонда. Объясняется это тѣмъ, что Высочайшимъ повелѣніемъ 29 сентября 1861 г. правленію Государственнаго Банка разрѣшено передавать въ размѣнный фондъ состоявшіе въ его распоряженіи 4%-ные металлическіе билеты для выпуска подъ ихъ обезпеченіе кредитныхъ билетовъ, подлежавшихъ изъятію изъ обращенія по мѣрѣ избытка

наличныхъ средствъ Государственнаго Банка. На этомъ основаніи числились въ составѣ фонда 4%-ные металлическіе билеты на 4.890.000 руб. Независимо отъ этого на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія въ томъ-же 1861 г. изъ размѣннаго фонда для реализаціи взяты входившія въ его состава металлическія бумаги иныхъ названій на 8.549.424 р. металл. и вмѣсто нихъ въ фондъ положено нереализуемое «обязательство государственнаго казначейства» на 12.000.000 руб., подлежавшее уплатѣ металломъ въ 41 годъ. Такимъ образомъ, положенные въ 1861 г. въ размѣнный фондъ 4% металлическіе билеты 4.890.000 руб. и «обязательство» на 12 милл. имѣли лишь значеніе не покрытія, а прикрытія выпуска въ 16.890 000 руб., въ которомъ финансовое управленіе нуждалось вслѣдствіе затруднительности положенія и который оно старалось обставить хоть какими нибудь гарантіями. Поэтому правильнѣе — исключить означенные 16.890 000 р. и изъ суммъ размѣннаго фонда, въ составѣ котораго она являлась случайнымъ элементомъ, противорѣчившимъ его природѣ и назначенію. Точнѣе, вслѣдствіе сего, сумма размѣннаго фонда къ 1862 году опредѣляется въ 80.448.187 руб., выражающіе золото и серебро, въ золотой монетѣ и слиткахъ, тогда содержавшіяся въ фондѣ.

XX.

Сознаніе крайней ненормальности указаннаго положенія и настоятельной необходимости найти выходъ изъ него въ концѣ 1850-хъ годовъ все болѣе и болѣе становилось опредѣленнымъ и неоднократно находило себѣ выраженіе. Такъ, въ засѣданіи Финансоваго Комитета 30 января 1860 г. по поводу разсматривавшейся записки министра финансовъ «о хозяйственномъ и финансовомъ положеніи» (страны) Комитетъ присоединился къ мысли министра финансовъ (А. М. Княжевича), что «выкупъ кредитныхъ билетовъ (выпущенныхъ для Крымской войны) не только необходимъ для возстанов-

ленія денежной системы, но онъ обѣщанъ Государемъ Николаемъ I, и правительство лишилось бы довѣрія, если бы обѣщаніе это не было приведено въ исполненіе». Однородные взгляды выражены въ засѣданіи Комитета Финансовъ 4 января 1861 г. при разсмотрѣніи новой записки министра финансовъ «о настоящемъ положеніи государственныхъ финансовъ». Въ засѣданіи 9 марта 1861 г. Финансовый Комитетъ въ первый разъ обсуждалъ мысль, къ которой ему неоднократно приходилось возвращаться: о допущеніи, если не всѣхъ сдѣлокъ на металлическую валюту, то одного ихъ вида. А именно, по мысли своего перваго управляющаго, барона Штиглица, Государственный Банкъ старался развить операцію ссудъ подъ золото и серебро, со включеніемъ залоговъ въ размѣнный фондъ и выпускомъ подъ ихъ обезпеченіе кредитныхъ билетовъ. Но операція эта, по объясненію министра финансовъ, затруднялась тѣмъ, что золото и серебро не могло притекать въ Россію изъ опасенія, что вывозъ ихъ будетъ воспрещенъ; поэтому министръ финансовъ признавалъ необходимымъ, чтобы золото и серебро, подъ которыя Государственный Банкъ выдалъ ссуды, считались изъятыми отъ дѣйствія воспрещавшихъ вывозъ звонкой монеты законовъ. Пять членовъ Комитета (князь А. С. Меньшиковъ, К. В. Чевкинъ, М. Н. Муравьевъ, Н Н. Анненковъ и П. Ѳ. Брокъ) были противъ этого предложенія, а четыре члена (Великій Князь Константинъ Николаевичъ, графъ К. В. Нессельроде, баронъ И. К. Мейендорфъ и А. М. Княжевичъ) поддерживали предложеніе, которое удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Съ вступленіемъ въ 1861 г. въ управленіе министерствомъ финансовъ статсъ-секретаря М. Х. Рейтерна вопросъ о возобновленіи размѣна кредитныхъ билетовъ сталъ очереднымъ Въ ноябрѣ 1861 г. товарищемъ управляющаго Государственнымъ Банкомъ, Е И. Ламанскимъ, выработана была объ этомъ предметѣ записка, въ которой вопросъ ставился широко и всесторонне и указывались способы его правильнаго рѣшенія [1]). Исходя изъ мысли, что для прочнаго обезпеченія

[1]) См мою книгу «Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе» Спб., 1888, стр. 131—145.

размѣна кредитныхъ билетовъ, необходимы такія мѣры, которыя охватывали бы всѣ виды обращавшихся бумажныхъ денегъ (кредитные билеты на 700 милл., билеты государственнаго казначейства (серіи) на 108 милл. и безсрочные вклады на 178 милл.) [1]) всего на 986 милл. руб.: составитель записки для начала ограничивался указаніемъ способовъ приведенія въ порядокъ обращенія кредитныхъ билетовъ. Способы эти заключались: 1) въ превращеніи Государственнаго Банка въ учрежденіе смѣшанное, отчасти государственное, отчасти акціонерное, 2) въ передачѣ преобразованному такимъ образомъ Банку: а) размѣннаго фонда на 100 милл. руб., б) подлежавшихъ постепенной реализаціи облигацій государственнаго долга на 200 милл. руб., в) подлежащихъ постепенной же реализаціи разнаго рода государственыхъ имуществъ— лѣсовъ, оброчныхъ статей, горныхъ заводовъ, желѣзныхъ дорогъ — на 200 милл., и 3) въ признаніи кредитныхъ билетовъ на 200 милл. руб. долгомъ государственнаго казначейства, по которому оно уплачиваетъ 1% интересовъ (для устраненія всякихъ сомнѣній въ долговомъ свойствѣ этой суммы) и который подлежалъ медленному погашенію въ теченіе 100-лѣтняго срока. Слѣдовательно, въ существѣ предположенія заключались: 1) въ изъятіи изъ обращенія, посредствомъ продажи государственныхъ облигацій и имуществъ, кредитныхъ билетовъ на 300 милл. руб., или приблизительно $^3/_4$ той суммы, на которую они были выпущены для Крымской войны, и 2) въ оставленіи въ обращеніи суммы кредитныхъ билетовъ на 300 милл. руб., обезпеченныхъ размѣннымъ фондомъ въ размѣрѣ одной трети этой суммы. Всякое же дальнѣйшее увеличеніе кредитныхъ билетовъ сверхъ этой суммы должно было допускаться или подъ безукоризненный банковый портфель въ размѣрѣ не свыше суммъ, изъятыхъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ (слѣдова-

[1]) Рѣчь шла о значительномъ остаткѣ безсрочныхъ вкладовъ на 178 милл. руб. бывшихъ казенныхъ банковъ, который перешелъ долгомъ на Госуд. Банкъ, но состоялъ въ долгу за казною и составлялъ замаскированный неутвержденный государственный долгъ.

тельно—до 400 милл. руб.), или же подъ серебро и золото безъ ограниченія суммы. Въ видахъ постепеннаго, а не внезапнаго, возвышенія цѣнности кредитныхъ билетовъ до ихъ нарицательнаго достоинства предполагалось возобновить размѣнъ, руководствуясь тарифомъ на звонкую монету, начинавшимся ея биржевою цѣною и посредствомъ постепеннаго пониженія этой цѣны приближавшимся къ нарицательной цѣнѣ монеты и кредитныхъ билетовъ.

Эти предположенія, взятыя во всей ихъ цѣлости, никакого практическаго осуществленія не получили. Но они не прошли безслѣдно, потому что изъ нихъ была заимствована совсѣмъ не существенная ихъ заключительная часть, имѣвшая цѣлью сдѣлать менѣе чувствительнымъ возобновленіе размѣна и состоявшая въ возобновленіи размѣна по понижающемуся тарифу звонкой монеты, начинавшемуся биржевою ея цѣною и постепенно приближавшемуся къ ея нарицательной цѣнѣ.

Остановившись на мысли приступить къ возобновленію къ размѣну кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, управляющій министерствомъ финансовъ, статсъ-секретарь Рейтернъ, полагалъ: 1) что для этого достаточно вообще «усилить» размѣнный фондъ, безъ дальнѣйшаго указанія, въ какихъ размѣрахъ должно произойти это усиленіе и даже безъ опредѣленія, находится-ли это усиленіе въ какой либо зависимости отъ суммы состоящихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ и 2) открыть размѣнъ по тарифу убывающей цѣны звонкой монеты, начинающемуся биржевою ея цѣною и заключающемуся ея нарицательною цѣною [1]).

---

[1]) Отсутствіе внутренней связи между этими предположеніями и запискою Е. И. Ламанскаго явствуетъ изъ того, что въ послѣдней содержалась, между прочимъ, слѣдующая совершенно ясная оговорка: «задача состоитъ не въ томъ, чтобы сдѣлать размѣнъ возможнымъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ; напротивъ, подобная мѣра была бы лучшимъ средствомъ къ возбужденію размѣна свыше потребности въ видахъ спекуляціи, или изъ недовѣрія и опасенія дальнѣйшаго пріостановленія размѣна».

Для «усиленія размѣннаго фонда» статсъ-секретарь Рейтернъ признавалъ достаточнымъ заключить новый внѣшній заемъ и въ этихъ видахъ переговоры его о заключеніи седьмаго 5% займа разсматривались Комитетомъ Финансовъ въ засѣданіи 28-го марта 1862 года. При этомъ Комитетъ полагалъ, что новымъ займомъ сильно увеличатся заграничные платежи, которые и безъ того при разстроенномъ денежномъ обращеніи не имѣется возможности производить иначе, какъ высылкою за границу золота изъ размѣннаго фонда, и что будущее увеличеніе заграничныхъ обязательствъ Россіи можетъ быть допущено единственно для возстановленія денежнаго обращенія; всякое-же другое назначеніе займа послужило-бы только къ окончательному разстроенію финансовъ Россіи; поэтому Комитетъ согласился на заемъ съ тѣмъ, чтобы онъ никакого инаго назначенія не имѣлъ.

Соотвѣтственно этому состоялся Высочайшій указъ 14 апрѣля 1862 года о седьмомъ 5% займѣ на 15 милл. фунтовъ стерлинговъ для усиленія размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ и въ видахъ установленія денежнаго обращенія на твердомъ основаніи, для каковой цѣли признавалось за благо приступить нынѣ-же къ приведенію въ дѣйствіе, съ надлежащею постепенностью, мѣръ для открытія въ Государственномъ Банкѣ размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. На управляющаго министерствомъ финансовъ возлагалась обязанность представить на Высочайшее утвержденіе правила объ открытіи постепеннаго размѣна съ тѣмъ, чтобы изъемлемые посредствомъ него изъ обращенія кредитные билеты были неотлагательно предаваемы сожженію, а засимъ заготовленіе и выпускъ кредитныхъ билетовъ производить впредь по распоряженію и подъ вѣдѣніемъ Государственнаго Банка и отнюдь не иначе, какъ взамѣнъ золота или серебра, или въ обмѣнъ однихъ достоинствъ билетовъ на другіе или ветхихъ на новые.

Правила о размѣнѣ разсмотрѣны были Финансовымъ Комитетомъ 23 апрѣля 1862 года и составили содержаніе Высочайшаго Указа 25-го апрѣля 1862 г. Они возлагали на Банкъ выдачу серебра и золота, въ монетѣ и слиткахъ, въ

обмѣнъ кредитныхъ билетовъ, и наоборотъ, выдачу кредитныхъ билетовъ за серебро и золото, въ монетѣ и слиткахъ, каковыя выдачи должны были быть начаты по опредѣленнымъ цѣнамъ. Цѣны эти указъ повелѣвалъ измѣнять только въ одномъ направленіи· возвышенія стоимости кредитныхъ билетовъ и пониженія стоимости монеты Размѣнъ долженъ былъ открыться 1-го мая 1862 года цѣною полуимперіала въ 5 руб. 70 коп. (соотвѣтственно курсу въ 362½ сант.) за полуимперіалъ и 1 руб. 10 коп. за серебряный рубль, съ пониженіемъ этихъ цѣнъ съ 1-го августа 1862 г. до 5 р. 60 к. за полуимперіалъ и 1 р. 08 к. за серебряный рубль и съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшія пониженія происходили съ Высочайшаго разрѣшенія; наконецъ Правленію Государственнаго Банка предоставлялось выдавать за предъявляемые къ размѣну кредитные билеты золото или серебро по ближайшему своему усмотрѣнію.

О ходѣ операціи съ начала ея до ноября 1862 г. управляющій министерствомъ финансовъ входилъ въ ноябрѣ 1862 г. со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ содержались слѣдующія объясненія: «Со времени прекращенія въ 1857 г. свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ», правительство, для поддержанія вексельныхъ курсовъ, производило трассированія, сначала чрезъ банкировъ, а потомъ чрезъ Государственный Банкъ, т. е. продавало иностранные векселя, что «есть ничто иное, какъ косвенный размѣнъ по курсу», который производится только для лицъ, имѣющихъ платежи заграницею, но кредитные билеты, уплаченные за означенные векселя, не извлекались изъ обращенія. Сверхъ того производилась прямая выдача звонкой монеты по нарицательной цѣнѣ на основаніи особыхъ разрѣшеній. «Система трассированія при самомъ ея началѣ въ 1857 году признавалась лишь временнымъ средствомъ, которое должно быть замѣнено прямымъ размѣномъ, какъ только обстоятельства позволятъ возвратиться къ нормальному денежному обращенію». Возстановленіе размѣна и являлось, кажется, въ мысли графа М. Х. Рейтерна, какъ опытъ, который долженъ былъ показать, обойдется-ли правительству прямой и доступный всѣмъ размѣнъ

дороже, чѣмъ обходился въ 1857 году «косвенный размѣнъ» посредствомъ трассировокъ, который былъ доступенъ, сравнительно, лишь немногимъ. Для сужденія объ этомъ М. Х. Рейтернъ сравнивалъ время съ открытія 1-го мая размѣна до 1-го ноября 1862 года съ равнымъ періодомъ времени съ 1-го мая до 1-го ноября 1861 года, когда производились трассированія. Въ 1862 году уже никакихъ трассированій не производилось и курсъ былъ предоставленъ естественному его движенію на почвѣ размѣна, при которомъ никому никакихъ льготъ не давалось и удовлетворялись всѣ предъявляемыя требованія. Съ 1-го мая по 1-е ноября 1861 года трассировано на 30.594,656 руб., изъ коихъ покрыто купленными въ Россіи векселями 12.233,510 руб., а 18.361,145 руб. покрыты высланнымъ изъ Россіи золотомъ размѣннаго фонда и продажею заграницею 4%-ныхъ металлическихъ билетовъ; кромѣ того, изъ Государственнаго Банка и Государственнаго Казначейства въ тотъ же промежутокъ времени разнымъ казеннымъ мѣстамъ и частнымъ лицамъ выдано звонкой монеты по нарицательной цѣнѣ на 7.247,706 рублей. Слѣдовательно, всего правительство дало покрытій для поддержанія курса 18.361,145 + 7.247,706 = 25.608,851 руб. Въ 1862 г. съ 1 мая по 1 ноября по размѣну выдано звонкой монеты 17.710,418 р., а поступило 5.829,427, или выдано больше на 11.880,991 р. [1]),

[1]) Суммы эти несущественно отличаются отъ тѣхъ, которыя окончательно выяснились въ бухгалтеріи Государственнаго Банка. По даннымъ послѣдней движеніе суммъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

	Курсъ размѣна.		Серебра и золота по размѣну.			Кредитн. билетовъ по размѣну.	
	Почуимпер.	Серебряныхъ рублей	Выдано.	Поступило.	Разность.	Поступило.	Выдано.
Въ 1862 г.	Р. К.	Р. К.					
Въ маѣ . .			1 959 294	2 698.793	+ 739.505	2.167.800	2.986.792
» іюнѣ . .	5 70	1 10½	1 777.097	690.820	— 1.086 277	1 916.130	764.332
» іюлѣ .			625.833	959.714	+ 333.881	692.441	1 061 172
» августѣ	5 56	1 08	7.796.417	575.000	— 7.401.417	8 475.215	625.309
» сентябрѣ.	5 54	1 07½	4.470.688	439.391	— 4.031.297	4 830.339	474.594
» октябрѣ.	5 51	1 07	1.098 711	517.772	— 580 939	1.181.845	556 798
Итого.	—	—	17.728.040	5.881.491	—11.846.549	19.263.772	6.468.997

т е., сравнительно съ расходомъ при трассированіяхъ выдано менѣе но 13.727,860 руб. Если, однако, еще принять во вниманіе, что помимо поддержанія курсовъ правительство для своихъ заграничныхъ расходовъ должно было покупать иностранные векселя, которыхъ въ 1861 году, за израсходованіемъ ихъ для трассированій, для собственныхъ нуждъ казны оставалось лишь на 1.964,121 руб., тогда какъ въ 1862 г., напротивъ, покрыто заграничныхъ расходовъ казны купленными въ Россіи векселями на 7 614,390 руб., или больше, чѣмъ въ 1861 г., на 5.650,270 руб., то, присоединивъ послѣднюю сумму къ вышепоказанной разности въ пользу 1862 г. въ размѣрѣ 13.727,860 рублей, получимъ всего итогъ въ 19.378,130 руб., составляющій истинное выраженіе происшедшаго отъ возобновленія размѣна улучшенія. Средній же вексельный курсъ на Парижъ составлялъ:

	въ 1861 г.	въ 1862 г
въ маѣ	$360^{51}/_{64}$	$361\,^{3}/_{8}$
» іюнѣ	$360\,^{9}/_{32}$	$360^{23}/_{32}$
» іюлѣ	$360^{25}/_{64}$	$364\,^{1}/_{16}$
» августѣ . . .	$360^{21}/_{64}$	$366^{11}/_{16}$
» сентябрѣ . .	$360^{15}/_{64}$	$369^{25}/_{64}$
» октябрѣ. . .	$360^{63}/_{64}$	$371^{51}/_{64}$

Результатъ этотъ М. Х. Рейтернъ приписывалъ. установленію болѣе нормальныхъ отношеній между привозомъ и вывозомъ, ослабленію опасеній, сопровождавшихъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, и укрѣпленію довѣрія къ возстановленію и прочному обезпеченію денежной системы.

Изложенныя объясненія бросаютъ совершенно новый и ясный свѣтъ на тѣ мотивы и соображенія, которыми М. Х. Рейтернъ въ 1862 г. руководствовался, приступая къ возобновленію размѣна кредитныхъ билетовъ на такихъ основаніяхъ, на какихъ къ подобной операціи никогда и нигдѣ не приступали. Мотивы и соображенія эти были совершенно исключительнаго свойства, существенно отличающіеся отъ тѣхъ, по которымъ обыкновенно производились повсюду преобразованія разстроенной денежной системы. Исходнымъ основаніемъ означенныхъ

мотивовъ и соображеній былъ фактъ, что у насъ въ ту эпоху казна во всякомъ случаѣ несла жертвы на поддержаніе курса, все равно, какимъ-бы способомъ оно не производилось бы: способомъ-ли трассированія («косвеннаго» или «ограниченнаго» размѣна кредитныхъ билетовъ только на иностранные векселя для всѣхъ, въ нихъ нуждавшихся, и на монету, только для получившихъ на то особыя разрѣшенія), или способомъ прямого размѣна, всѣмъ равно доступнаго и ничѣмъ неограниченнаго. Фактъ этотъ иначе выражается еще и въ томъ, что, не смотря на значительные выпуски кредитныхъ билетовъ для Крымской войны, размѣнъ ихъ не былъ окончательно пріостановленъ, а лишь «ограниченъ» [1]). Продолжался-же размѣнъ, хотя бы и лишь «ограниченный», именно изъ опасеній очень вреднаго вліянія на сильный упадокъ курсовъ, который ожидался отъ окончательнаго пріостановленія размѣна.

Такимъ образомъ, задолго до М. Х. Рейтерна у насъ установился своеобразный взглядъ на размѣнъ, какъ на способъ поддержанія курсовъ. Это-то внесло большую сбивчивость и неопредѣленность въ господствовавшія у насъ понятія и не мало содѣйствовало тому, что когда въ 1862 году у насъ разсуждали о «возстановленіи денежнаго обращенія» и объ «установленіи денежнаго обращенія на прочномъ основаніи», то едва-ли при этомъ имѣлось въ виду что либо иное, кромѣ поддержанія и возвышенія курсовъ. Внѣшнее сходство тѣхъ только ближайшихъ результа-

---

[1]) Любопытно, что послѣ Крымской войны «ограниченіе» размѣна стало пониматься въ иномъ смыслѣ, который едва-ли былъ правильнымъ. А именно, о «свободномъ» размѣнѣ стали говорить въ смыслѣ безпрепятственной выдачи золота по всякому требованію, хотя-бы для завѣдомаго вывоза заграницу. Но въ такомъ видѣ «свободнаго» размѣна у насъ не было до Крымской войны, какъ это ясно обнаружилось въ 1848 г., когда выдачи золота при размѣнѣ кредитныхъ билетовъ производились съ большими ограниченіями и лишь по особымъ разрѣшеніямъ (см. въ архивѣ Кред. Канц. № $^{5}/_{13}$ «объ усиленіи требованій на звонкую монету, особенно золотую»), а вывозъ звонкой монеты заграницу былъ воспрещенъ въ законодательномъ порядкѣ.

товъ, которые давалъ размѣнъ при предпочтеніи его трассированіямъ, т. е., только, какъ способъ для поддержанія и быстраго возвышенія вексельныхъ курсовъ, съ тѣми результатами, которые, между прочимъ, даетъ размѣнъ, какъ способъ денежнаго преобразованія, повело къ неправильному отождествленію того и другого смысла размѣна, хотя они существенно другъ отъ друга отличаются. Заблужденіе это, однако, присуще было не однимъ только взглядамъ М. Х. Рейтерна, но и взглядамъ всѣхъ его современниковъ и даже всѣхъ тѣхъ, которые во все послѣдующее время разсуждали объ этомъ предметѣ.

До настоящаго времени распространено и господствуетъ всеобщее убѣжденіе, что въ 1862 году дѣйствительно сдѣлана была попытка къ возстановленію металлическаго обращенія, къ коренному преобразованію кредитныхъ билетовъ, тогда какъ ничего подобнаго не было. Попытка 1862 г. была только новымъ способомъ поддерживать и ускоренно возвысить вексельные курсы, способомъ, который случайно въ 1862 г. оказался лучшимъ, если разсматривать дѣло въ тѣхъ границахъ, въ которые замкнуто дѣйствіе искусственныхъ способовъ для поддержанія и возвышенія вексельныхъ курсовъ въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ того или иного года. Но попытка 1862 г. не была мѣрою коренного преобразованія кредитныхъ билетовъ, потому что она не была связана ни съ какою мѣрою по переустройству денежной системы на основаніяхъ, соображенныхъ съ чѣмъ бы то ни было инымъ, кромѣ поддержанія и возвышенія курсовъ. О размѣнѣ, какъ объ одномъ изъ многихъ основаній коренного переустройства денежной системы, въ 1862 г. и мысли не было [1]).

Можно и даже должно утверждать, что въ 1862 году и не могло быть мысли объ этомъ предметѣ, потому что для

[1]) Въ запискѣ 1861 г. Е. И. Ламанскаго размѣнъ понимается въ смыслѣ одного изъ многихъ основаній коренного переустройства денежной системы, но предположенія Е. И. Ламанскаго именно этимъ существенно отличались отъ того, что осуществилось въ 1862 г.

возстановленія порядка въ денежномъ обращеніи въ Россіи въ 1862 г. никакой финансовой почвы не существовало: не было уравновѣшеннаго бюджета, не было благопріятнаго положенія внѣшняго кредита, не было возможности для этой цѣли воспользоваться (особенно тогда) ни внутреннимъ кредитомъ, ни продажею государственныхъ имуществъ. Тогдашнее финансовое положеніе совсѣмъ и не допускало какихъ-либо болѣе дорогостоющихъ мѣропріятій, выходившихъ за предѣлы довольно скромнаго «усиленія размѣннаго фонда» нѣкоторою суммою, достаточною «для поддержанія и возвышенія курсовъ», но очень далеко отставшею даже отъ того, что требовалось для обезпеченія размѣна не только въ ближайшее время, но въ ближайшемъ будущемъ.

Позволительно сдѣлать шагъ далѣе и утверждать, что попытка 1862 г. была лишь такимъ видоизмѣненіемъ внѣшней формы, которое сдѣлалось необходимымъ для операціи поддержки вексельныхъ курсовъ, потому что средства для ея продолженія въ прежнемъ ея видѣ стали истощаться, а «усиленіе» этихъ средствъ для трассированія едвали даже и было-бы возможно. А такъ какъ отъ мысли о «необходимости» поддерживать вексельные курсы еще никто не могъ тогда отказаться, то оставался только способъ яко-бы «свободнаго размѣна», для котораго единственно и Финансовый Комитетъ въ 1862 г. признавалъ возможнымъ допустить «усиленіе» средствъ и заключеніе новаго внѣшняго займа. Но это лишь означало, что Финансовый Комитетъ въ 1862 г. поставленъ былъ въ необходимость думать иначе, чѣмъ въ 1858 г., когда онъ въ засѣданіи 16 мая отклонилъ предложеніе А. М. Княжевича объ открытіи свободнаго размѣна, отложивъ его до того времени, когда «возвышеніе вексельныхъ курсовъ и болѣе выгодный торговый балансъ дозволятъ приступить къ сей мѣрѣ безъ всякаго опасенія».

Финансовый Комитетъ могъ такъ разсуждать въ 1858 г., потому что тогда еще имѣлись обильныя средства для трассированій, которыя давали результаты, считавшіеся тогда достаточными. Но съ тѣхъ поръ возвышеніе курсовъ посред-

ствомъ трассированій уменьшило размѣнный фондъ до 80 милл. руб., или почти на 66¼ милл. руб. противъ его состоянія до Крымской войны, хотя въ 1859 г., 1860 г. и 1861 г. средства для трассированій (кромѣ размѣннаго фонда) усиливались частью суммами отъ двухъ новыхъ внѣшнихъ займовъ (3%-наго 1859 г. и второго 4½%-наго 1860 г.) и продажею заграницею 4%-ныхъ металлическихъ билетовъ. При такомъ положеніи только «открытіемъ размѣна» и было еще возможно добывать средства для расходованія ихъ на поддержаніе курсовъ.

Естественно, конечно, что всѣ охотно предавались иллюзіи, будто въ 1862 г. дѣло уже шло о новой цѣли. То обстоятельство, что М. Х. Рейтернъ могъ располагать усиленіемъ средствъ для поддержанія курсовъ уже не способомъ трассированій, а способомъ «свободнаго размѣна»,—по существу этого послѣдняго способа, уже усложняло задачу: въ то время понятіе о «свободномъ размѣнѣ» нераздѣльно было связано съ понятіемъ о размѣнѣ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету по ихъ нарицательной цѣнѣ. Поэтому, даже если размѣнъ начинался выдачею монеты по ея биржевому курсу, то никакого сомнѣнія не должно было быть, что это допускается лишь временно и притомъ на опредѣленное, переходное, время, по истеченіи котораго выдача монеты уже будетъ производиться по нарицательной цѣнѣ. А это не могло не породить иллюзіи, что финансовое управленіе поставило себѣ совершенно новую задачу и идетъ къ возстановленію цѣнности кредитныхъ билетовъ и порядка въ нашемъ денежномъ обращеніи.

Это была—иллюзія и притомъ такая, относительно которой всѣ сомнѣнія очень скоро неминуемо должны были исчезнуть, потому что: если у финансоваго управленія изсякли средства даже для палліятива, даже для поддержанія вексельныхъ курсовъ на уровнѣ 360 сант.; если даже для этой цѣли оно не могло расчитывать на непрекращающееся усиленіе его средствъ, то еще менѣе было у него рессурсовъ для поддержанія курсовъ на еще болѣе высокомъ уровнѣ ихъ полнаго паритета. Совершенно ошибочно было сравненіе расхода металлическихъ цѣнностей для размѣна отъ 1 мая до 1 ноября

1862 г. съ расходомъ металлическихъ же цѣнностей для трассированіи отъ 1 мая до 1 ноября 1861 г., потому что оно по своему существу совсѣмъ и не могло служить для разъясненія чего бы то ни было. Даже при поддержкѣ вексельныхъ курсовъ трассированіями одинъ годъ не похожъ былъ на другой и суммы расходовались различныя: то, что могло быть достигнуто при однѣхъ обстоятельствахъ, въ 1858 г., расходомъ, напримѣръ, 15 милл. металл. рублей, при другихъ обстоятельствахъ въ 1859 г. невозможно было достигнуть, даже если бы для этого было израсходовано въ три или четыре раза больше. Меньшій расходъ при размѣнѣ въ 1862 г. доказывалъ лишь двоякое 1) что обстоятельства этого года, вѣроятно, и при трассированіяхъ потребовали-бы меньшей суммы, насколько спросъ на векселя опредѣлялся нормальнымъ ходомъ торговли, 2) что спекуляціи невыгодно еще было выступать со своими очень крупными требованіями золота и она выжидала, чтобы казенная его цѣна понизилась. Такъ какъ удешевленіе золота предстояло неминуемо, то естественно, что пока золото отдавалось по болѣе дорогой цѣнѣ, его брали лишь по крайней необходимости, а за предѣлами этой необходимости его еще не хотѣли брать. Довѣріе или недовѣріе тутъ было не при чемъ.

Такимъ образомъ, предпринятой въ 1862 г. попыткѣ неминуемо предстоялъ неудачный и печальный исходъ по цѣлому рядъ причинъ. Самая коренная изъ нихъ заключалась въ томъ, что въ весьма значительной мѣрѣ попытка эта имѣла основаніемъ финансовое суевѣріе, въ силу котораго продолжали придавать значеніе искусственнымъ способамъ для поддержанія и быстраго возвышенія вексельныхъ курсовъ. Нельзя, однако, не признать при этомъ, что отчасти самое существо перехода отъ способа трассированій для поддержки курсовъ на извѣстномъ уровнѣ (не ниже 360 сант.) къ размѣну, который тогда долженъ былъ вести къ быстрому пониженію цѣны золота до его нарицательнаго уровня, сообщало фатальный характеръ предстоявшей неудачѣ. Ибо очевидно, что если-бы даже только было допущено болѣе медленное пониженіе цѣны золота, если-бы фи-

нансовое управленіе за собою оставило только право замедлять удешевленіе золота при усиленіи спроса на него, то, хотя и это, конечно, не могло бы служить средствомъ для борьбы съ исключительно неблагопріятными политическими вліяніями, но все-таки устранило-бы то злополучное дѣйствіе, которое даже въ самое тихое и нормальное время неминуемо долженъ былъ произвести фактъ скораго и сильнаго удешевленія золота, въ обиліи предлагаемаго казною.

Обстоятельства, при которыхъ въ 1863 г. разгромъ размѣннаго фонда происходилъ даже безъ всякой попытки къ его защитѣ, изложены были М. Х. Рейтерномъ въ его представленіи въ Комитетъ Финансовъ отъ 2 ноября 1863 г. Послѣ сообщенія числовыхъ данныхъ о ходѣ размѣна съ 1 ноября 1862 г. [1]) въ представленіи объяснялось, что тревож-

[1]) Данныя Государственнаго Банка о ходѣ размѣна представляютъ его въ слѣдующемъ видѣ:

	Курсъ размѣна.		Серебра и золота по размѣну.			Кредитныхъ билетовъ по размѣну.	
	полуимперіал	Серебрянаго рубля	Выдано.	Поступило.	Больше выдано.	Поступило.	Выдано.
Въ 1862 г.	Р. К.	Р. К.					
Въ Ноябрѣ .	5 49	1 06½	3.034.071	1.739.823	1.294.248	3.246.324	1.861.370
» Декабрѣ.	5 46	1 06	4.068.337	423.505	3.644.832	4.336.545	451.721
Въ 1863 г.							
Въ Январѣ .	5 43	1 05½	3 559 084	262.435	3.296.649	3.773 373	278.140
» Февралѣ	5 41	1 05	7.310.002	2.291.795	5.018.207	7.709.023	2.416.375
» Мартѣ .	5 38	1 04½	9 357.117	1.576.731	7.780.385	0.829.056	1.655.908
» Апрѣлѣ .	5 36	1 04	10.841.148	605.162	10.235.986	11.325.499	632.163
» Маѣ . .	5 33	1 03½	11.010 594	629.574	10.381.020	11.458.974	654 003
» Іюнѣ . .	5 30	1 03	2.740.138	373.239	2.366.899	2.835.953	385.872
» Іюлѣ . .	5 30	1 03	7.384.227	409.932	6.974.295	7.599.820	421.913
» Августѣ	5 28	1 02½	7.789.131	611.322	7.177.809	7.974.932	624.864
» Сентябрѣ			4.140.614	1.019.945	3.121.119	4.140.695	1.019.495
» Октябрѣ.	5 15	1	871.607	395.199	476.408	871.683	395.199
» Ноябрѣ .			1.574.568	56.546	518.022	1.574.568	56.546
» Декабрѣ.			1.547.832	835.804	712.028	1.547.875	835.804
Итого.	—	—	75.228.471	11.230.565	63.997.906	78.224.318	11.689.376

ное и часто измѣнявшееся политическое положеніе породило заграницею сомнѣніе въ возможности поддержать при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ дѣло возстановленія кредитнаго рубля, а это вызвало спекуляцію, которая и усилила требованія размѣна. Хотя еще въ іюлѣ Ротшильды прислали въ Петербургъ своего агента для переговоровъ о новомъ займѣ, котораго реализація предполагалась въ октябрѣ или ноябрѣ, но отвѣтъ князя Горчакова на вторую ноту державъ прекратилъ происходившіе по займу переговоры. Возраставшее съ начала польскихъ замѣшательствъ усиленное требованіе звонкой монеты, дойдя до огромныхъ размѣровъ, уже въ августѣ указывало, что запасу отчеканенной монеты и даже всему размѣнному фонду угрожаетъ неминуемое истощеніе. Въ надеждѣ на то, что политическія тревоги скоро успокоятся и тогда возможно будетъ усилить средства для размѣна, управляющій министерствомъ финансовъ воспользовался разрѣшеніемъ указа 25 апрѣля 1862 г. и приказалъ Банку выдавать только серебро и иностранные векселя. Банкъ объявилъ объ этомъ 6 августа и требованія монеты уменьшились, но очень усилились требованія иностранныхъ векселей, для удовлетворенія коихъ, исходя изъ курса 377/8 пенсовъ (398 сант.), Банкъ вынужденъ былъ дать трассированіямъ очень большіе размѣры, такъ что къ ноябрю эта операція дошла до 29.600.000 руб. Но при всемъ напряженіи усилій, надежды не сбылись. Политическое положеніе и осенью 1863 г. не обѣщало скораго успокоенія, а одновременно тогда и заграницею повсюду разразился денежный кризисъ [1]). Рѣчь Наполеона III при открытіи законодательнаго корпуса была принята, какъ предвозвѣстіе войны. Вслѣдствіе того и въ Петербургѣ уже 29 октября на биржѣ произошло сильное смятеніе, но курсы были поддержаны большими трассированіями Банка. Вслѣдъ засимъ въ Берлинѣ

[1]) Дисконтъ Французскаго Банка, который еще въ іюнѣ 1863 г. не превышалъ 3½%, подвергаясь быстрымъ повышеніямъ къ 12 ноября, былъ поднятъ до 7% а 9 мая 1864 г. даже до 8%. Дисконтъ Англійскаго Банка 2 декаяря 1863 г. былъ возвышенъ до 7%, а чрезъ недѣлю 9 декабря, до 8%.

произошло сильное пониженіе русскихъ фондовъ Поэтому уже 1 ноября, несмотря на всѣ усилія Банка, вексельные курсы понизились на 7% и болѣе и это вызвало огромныя требованія монеты. Въ такомъ положеніи, по мнѣнію М. Х. Рейтерна, продолженіе размѣна становилось невозможнымъ и онъ предлагалъ Комитету Финансовъ въ понедѣльникъ 4 ноября пріостановить размѣнъ Въ засѣданіи 2 ноября Комитетъ призналъ, что продолженіе размѣна стало невозможнымъ, но не находя удобнымъ, чтобъ его пріостановленіе имѣло такой видъ, какъ если бы оно было вызвано сильнымъ упадкомъ курса въ одинъ биржевой день 1 ноября, полагалъ обождать исхода слѣдующаго биржевого дня. Въ засѣданіи Комитета 5 ноября М. Х. Рейтернъ довелъ до его свѣдѣнія о дальнѣйшемъ упадкѣ курсовъ и о томъ, что хотя Государственный Банкъ выдаетъ только серебро, но и на него требованія очень усилились. Такъ какъ размѣнному фонду угрожало полное истощеніе, а денежный кризисъ на иностранныхъ рынкахъ, при продолжавшемся весьма неблагопріятномъ политическомъ положеніи, ставилъ непреоборимое препятствіе заключенію новаго займа, то М. Х. Рейтернъ повторялъ свое предложеніе и признавалъ необходимымъ разрѣшить Банку выставить объявленіе о пріостановленіи размѣна кредитныхъ билетовъ впредь до особаго распоряженія.

Эпилогомъ всего вышеизложеннаго было представленіе М. Х. Рейтерна въ Комитетъ Финансовъ «о прекращеніи трассировокъ и о предоставленіи курса естественному теченію». Комитетъ Финансовъ въ засѣданіи 18 ноября 1863 года призналъ, что трассировки имѣли вредное вліяніе и усугубили истощеніе размѣнныхъ средствъ Банка; посему Комитетъ полагалъ прекратить трассированія.

Этимъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ попытка возобновленія размѣна 186$^2/_3$ г.г. закончила и періодъ неопредѣленности относительно того, продолжается-ли еще размѣнъ, или онъ пріостановленъ, или онъ только ограниченъ. Наступила эпоха обращенія кредитныхъ билетовъ, какъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, безъ всякихъ сомнѣній на этотъ счетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, совокупно съ монетою, выдававшеюся при возобновленіи размѣна въ 186²/₃ г.г. и немедленно высылавшеюся заграницу, изъ каналовъ обращенія въ Россіи окончательно исчезла полноцѣнная, золотая и серебряная монета, и въ Россіи окончательно опять настала новая эпоха «исключительно» бумажнаго денежнаго обращенія.

По размѣнной операціи 186²/₃ г г. Государственному Банку съ 1 мая 1862 г. по 31 декабря 1863 г. было предъявлено кредитныхъ билетовъ на 97.488,091 р. и потребовано ихъ на 18.158,374 р., или болѣе предъявлено къ размѣну кредитныхъ билетовъ на 79.329,717 р. Звонкой же монеты въ тоже время Банкомъ выдано 92.956,512 руб. и внесено въ него 17 112,056 руб., т. е монеты болѣе выдано на 75 844,456 руб.

Окончательное вліяніе размѣнной операціи 186²/₃ г.г. на основныя данныя о нашемъ денежномъ обращеніи выразилось слѣдующимъ образомъ:

	Кредитныхъ билетовъ состояло въ обращеніи	Размѣнный фондъ составлялъ.	Безпроцентный долгъ составлялъ.
1 января 1862 г. .	713.596,178	80.448,187	633.142,991
31 декабря 1863 г. .	636.525,857	55.713,025	580.812,832
Уменьшеніе	77.070,321[1]	24.735,162	52.335,159
по размѣнной операціи выдано всего		75.844,456	
или больше, чѣмъ уменьшился размѣнный фондъ на		51.109,294	
въ томъ числѣ изъ суммъ 7-го 5%-наго займа		36.367.730	

[1]) Эти 77,1 милл. руб., на которые уменьшилось обращеніе кредитныхъ билетовъ, слѣдующимъ образомъ распредѣлялись между ихъ различными достоинствами: рублевые, трехрублевые и пятирублевые билеты *увеличились* на 18,1 милл. руб., десятирублевые *почти не измѣнились* въ суммѣ, уменьшившись лишь на 0,4 милл. руб, а 25, 50 и 100-рублевые *уменьшились* на 94,8 милл. руб. Тоесть, успленно размѣнивались *только крупные* кредитные билеты.

Измѣненіе, происшедшее въ нашемъ денежномъ обращеніи съ тѣхъ поръ, какъ оно пришло въ разстройство, т. е съ 1853 г., разсматриваемое, какъ результатъ совокупнаго дѣйствія выпусковъ для Крымской войны и событій, за нею слѣдовавшихъ, всего нагляднѣе обозрѣвается изъ слѣдующаго противопоставленія:

	Кредитныхъ билетовъ въ обращеніи.	Размѣнный фондъ.	Безпроцентный долгъ.
1 января 1853 г.	311.375,581	146.794,838	164.580,733
1 » 1864 г.	636.525,857 [1])	55.713,025	580.812,832 [1])
Измѣненія . .	+325.150,276	—91.081,823	+416.232,100

Такимъ образомъ, обращеніе кредитныхъ билетовъ увеличилось (случайно, конечно) какъ разъ на ту сумму, на которую по оцѣнкѣ К. В. Чевкина простирался запасъ звонкой монеты, обращавшейся въ Россіи передъ Крымской войною, или на 325 милл. руб., но такъ какъ въ то же время раз-

---

А именно, обращеніе кредитныхъ билетовъ по достоинствамъ составляло въ миллионахъ рублей:

	Въ 1 р.	Въ 3 р.	Въ 5 р.	Въ 10 р.	Въ 25 р.	Въ 50 р.	Въ 100 р.	Итого.
1 января 1862 г.	47,4	103,4	92,3	84,8	170,5	132,6	82,2	713,6
31 декабря 1863 г	56,7	108,6	96,2	84,4	141,3	86,5	62,7	636,5
Измѣненія . . .	+ 9,3	+ 5,2	+ 3,9	— 0,4	— 29,2	— 46,1	— 19,5	— 77,1

[1]) Необходимо имѣть въ виду, что въ данныхъ на 1 января 1864 г., какъ въ составѣ суммы состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, такъ и въ составѣ безпроцентнаго долга числились 12.000,000 рублей, которые имѣли лишь временное значеніе, представляя, какъ ниже будетъ подробнѣе объяснено, временный выпускъ на 12 милл. руб. съ особымъ его обезпеченіемъ обязательствомъ государственнаго казначейства на 12 мпллн. руб, положеннымъ въ размѣнный фондъ. Это обязательство было въ 1869 г. выкуплено и соотвѣтствовавшіе ему кредитные билеты изъяты изъ обращенія. Поэтому совершенно точно сумму кредитныхъ билетовъ «постояннаго выпуска» на 1 января 1864 г. слѣдуетъ считать въ 624.525,857 р., а соотвѣтствующій этой суммѣ безпроцентный долгъ— въ 568 812,832 руб. Соотвѣтственно этому и сравненіе съ 1 января 1853 г. даетъ увеличеніе для кредитныхъ билетовъ на 313.150,276 руб., а для безпроцентнаго долга на 404,232,100 рублей.

мѣнный фондъ уменьшился на 91 милл. руб., то въ общемъ итогѣ ухудшеніе денежнаго обращенія выразилось въ суммѣ 416 милл. Вмѣстѣ съ тѣмъ суммы 325—415 милл. руб. служили выраженіемъ того, въ какомъ размѣрѣ тогда требовались финансовыя операціи для исправленія денежнаго обращенія.

XXI.

Сами по себѣ приведенныя суммы кредитныхъ билетовъ, размѣннаго фонда и безпроцентнаго долга далеко нельзя было даже тогда считать особенно значительными и поэтому задача возстановленія порядка въ нашемъ денежномъ обращеніи, сама по себѣ взятая, совсѣмъ не представляла неодолимыхъ трудностей. Но она чрезвычайно осложнялась тяжелымъ общимъ финансовымъ положеніемъ: весьма значительными дефицитами по государственной росписи [1]), сильно ухудшившимся положеніемъ внѣшняго кредита [2]) и значительными затрудненіями,

[1]) Въ 1862—66 годахъ эти дефициты по обыкновеннымъ государственнымъ расходамъ въ совокупности составили въ пять лѣтъ 276.726,908 руб. или по 55.345,000 руб. въ годъ, въ среднемъ; въ слѣдующіе четыре года 1867—70 они уже составили лишь 42.164,169 р. или по 10 542,000 руб. въ годъ въ среднемъ (Срв. нашу статистику Госуд Финансовъ Россіи въ 1862—84 г г. Спб. 1886, табл X, стр. 23 и 24).

[2]) Дѣйствительный ростъ по государственнымъ займамъ, въ это время заключеннымъ, составлялъ по нашимъ вычисленіямъ:

по займамъ внѣшнимъ—

1864 г.	по первому англо-голландскому	. . . . .	6,604%
1866 »	» второму »	. . . .	6,606%
1867 »	» Николаевск. обл. I вып.	. . . . .	7,196%
1869 »	» » » II »	. . . . .	6.379%
1870 »	» консол. обл. ж. д I вып	. . . . .	7,114%

по займамъ внутреннимъ—

1864 г.	по первому выигрышному	. . . . .	6.708%
1866 »	» второму »	. . . . .	6,125%
1869 »	» банков бил. III вып.	. . . . .	6,606%

которыми сопровождалась всякая попытка воспользоваться внутреннимъ государственнымъ кредитомъ. Всѣ эти затрудненія еще необходимо было побороть, и это составляло наиважнѣйшую «подготовительную мѣру» для возможности успѣшной постановки и правильнаго рѣшенія задачи исправленія денежнаго обращенія.

Независимо отъ этого болѣе прямое и непосредственное отношеніе къ обращенію кредитныхъ билетовъ въ 1862—1870 годахъ имѣло другое обстоятельство, оказавшееся очень важнымъ. Даже тѣ ординарные и экстраординарные рессурсы, которые въ концѣ-концовъ финансовое управленіе въ состояніи было изыскать для правильнаго удовлетворенія государственныхъ нуждъ, поступали иногда въ чувствительной части далеко не своевременно. Напримѣръ, реализація обоихъ выигрышныхъ займовъ, не оказалась возможною безъ большихъ ссудъ Государственнаго Банка подъ билеты означенныхъ займовъ, и хотя эти ссуды очень скоро, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, обратно уплачивались Банку владѣльцами билетовъ, но въ продолженіе означенныхъ мѣсяцевъ не эти владѣльцы, а Государственный Банкъ снабжалъ государственное казначейство подлежащими суммами. Въ видѣ другого примѣра можно привести билеты государственнаго казначейства (серіи), которыхъ въ 1862—1866 годахъ было выпущено на 96 милл. рублей [1]) и ихъ реализація тоже не оказывалась возможною съ тою скоростью, съ какою государственное казначейство нуждалось въ средствахъ отъ нихъ, и поэтому временно, впредь до размѣщенія въ публикѣ новыхъ серій, Государственный Банкъ долженъ былъ являться на помощь государственному казначейству. Даже обыкновенные доходы по росписи вплоть до того времени, когда она начала заключаться избытками доходовъ, нерѣдко запаздывали, и періоды ихъ поступленія въ болѣе значительныхъ суммахъ не совпадали съ періодомъ производства обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ на болѣе значительныя суммы, и отъ

[1]) Въ 1862 году на 18 милл., въ 1863 году на 39 милл., въ 1864 году опять на 18 милл., въ 1865 году на 12 милл. руб. и въ 1866 году на 9 милл. рублей.

Государственнаго Банка требовалась временная помощь въ видѣ авансовъ (для усиленія въ Гос. Банкѣ текущаго счета государственнаго казначейства), которые могли быть возвращены очень скоро, но которыя тѣмъ не менѣе обременяли всякій разъ на нѣкоторое время оборотную кассу Банка. Наконецъ, самъ Банкъ находился еще въ значительной мѣрѣ въ затруднительномъ положеніи отъ того, что онъ получилъ отъ упраздненныхъ государственныхъ кредитныхъ установленій тяжелое наслѣдіе въ видѣ значительной суммы не ликвидированныхъ еще вкладовъ, для уплаты которыхъ финансовое управленіе не всегда могло своевременно снабдить Банкъ необходимыми суммами и востребованіе которыхъ иногда ставило оборотную кассу Банка въ очень затруднительное положеніе.

Устраненіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ тоже представляло очень важную «подготовительную мѣру» для самой возможности приступа къ правильной постановкѣ задачи исправленія обращенія кредитныхъ билетовъ. Ибо, пока означенныя обстоятельства сохраняли всю свою силу, невозможно было даже строгое осуществленіе того опредѣленія Высочайшаго указа 14 апрѣля 1862 г., которымъ съ того времени повелѣвалось: «выпускъ кредитныхъ билетовъ производить отнюдь не иначе, какъ въ замѣнъ золота или серебра».

Указанная невозможность совершенно осязательно выразилась въ томъ, что почти одновременно съ пріостановленіемъ размѣна Высочайшимъ повелѣніемъ 20 декабря 1863 г. предоставлено было правленію Государственнаго Банка въ случаѣ настоятельной необходимости въ подкрѣпленіе его кассъ и конторъ производить «временные выпуски» кредитныхъ билетовъ «съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ», чтобъ суммы этихъ выпусковъ «ни въ какомъ случаѣ не превышали 15 милл. рублей» и чтобъ выпущенные билеты были извлечены изъ обращенія «при первой возможности». Эти новые «временные выпуски» для подкрѣпленія оборотовъ кассъ Государственнаго Банка, его конторъ и отдѣленій, начались въ концѣ апрѣля 1864 г. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 20 декабря 1863 г. состояло въ 1864 г. въ обращеніи вре-

менно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ: въ апрѣлѣ и маѣ 4 милл., въ іюнѣ 3—4 милл., а въ среднемъ 3.750,000 руб., въ іюлѣ въ среднемъ 3.750,000 рублей; но уже съ 1 августа установленный предѣлъ оказался тѣснымъ и былъ превзойденъ суммою выпуска въ 16.300,000 р., постепенно возвысившеюся къ 8 сентября до 25½ милл. руб., а въ ноябрѣ и декабрѣ еще болѣе. Главнымъ образомъ эти временные выпуски производились для удовлетворенія востребованій по вкладамъ вслѣдствіе подписки на выигрышный заемъ; въ среднемъ сумма состоявшихъ въ обращеніи временно-выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ составляла: въ августѣ 17.200,000 р., въ сентябрѣ 22.412,000 р., въ октябрѣ 22.207,000 р., въ ноябрѣ 25.290,000 р. и въ декабрѣ 25.527,000 р.; общій оборотъ составлялъ въ 1864 г.: билетовъ выпущенныхъ на 58.160,000 р., а изъятыхъ на 29.710,000 р., такъ что въ концѣ 1864 г. оставалось въ обращеніи 28.450,000 рублей.

Независимо отъ этого общее положеніе еще было очень шаткое и министръ финансовъ, «находя, что при безотлагательной необходимости усилить наличныя средства государственнаго казначейства удобнѣйшимъ къ тому способомъ представляются временныя позаимствованія изъ размѣннаго капитала» (т. е. тѣ же временные выпуски кредитныхъ билетовъ) подъ обезпеченіе 4% металлическихъ билетовъ, но что Государственный Банкъ таковыхъ не имѣетъ въ достаточной суммѣ, исходатайствовавъ 8 августа 1864 г. Высочайшее разрѣшеніе объ особомъ для этаго выпускѣ 7-й серіи таковыхъ билетовъ на 12 милл. руб., съ тѣмъ, «чтобъ обязательство государственнаго казначейства объ уплатѣ по нимъ звонкою монетою интересовъ и погашенія было положено въ размѣнный капиталъ, а Банку было дозволено по мѣрѣ крайней надобности заимствовать изъ размѣннаго капитала кредитныхъ билетовъ не свыше 12 милл. руб. съ возвратомъ оныхъ по возможности». Это свелось на особый временный выпускъ кредитныхъ билетовъ на 12 милл. руб., сдѣланный въ 1864 г. (аналогично произведенному въ 1861 г. подъ металлическое «обязательство», положенное въ размѣнный фондъ); самые-же 4%-ные металлическіе билеты 7-й серіи

никогда не были реализованы [1]). Сверхъ того, за дѣйствительно переданные въ размѣнный фондъ изъ оборотной кассы Государственнаго Банка 4% металлическіе билеты (реализованные) въ 1864 г. выпущено было кредитныхъ билетовъ на 4.800,000 рублей, а затѣмъ обратнымъ выкупомъ билетовъ изъято 1.080,000 руб., такъ что въ обращеніи осталось на 3.720,000 р., которые вмѣстѣ съ выпущенными подъ металлическое «обязательство» составили особый временный выпускъ 1864 г. на 15.720,000 рублей.

Такимъ образомъ, въ 1864 г. отъ временныхъ выпусковъ для подкрѣпленія оборотныхъ кассъ Банка его конторъ и отдѣленій оставалось 28.450,000 р., а отъ временныхъ выпусковъ подъ обезпеченія, положенныя въ размѣнный фондъ, осталось еще 15.720,000 р., или всего отъ обоихъ временныхъ выпусковъ оставалось 44.170,000 руб. Такъ какъ по оборотамъ съ золотомъ и серебромъ размѣннаго фонда въ тоже время изъято изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на 1.122,248 руб., то въ окончательномъ результатѣ обращеніе кредитныхъ билетовъ въ 1864 г. «временно» увеличилось на 43.048,742 руб. и вся сумма состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ съ 636.525,857 р. въ началѣ 1864 г. возросла въ концѣ его до 679.574,599 руб.

Въ 1865 г. временныхъ выпусковъ подъ особый обезпеченія совсѣмъ не производилось, а временные выпуски для подкрѣпленія кассъ Банка, его конторъ и отдѣленій, тоже не повели за собою новаго увеличенія суммъ состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ. Временные выпуски 1865 г. производились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе крупныхъ временныхъ позаимствованій государственнаго казначейства, нуждавшагося въ 24½ милл. р. для желѣзнодорожныхъ расходовъ, въ

---

[1]) Оба металлическіе обязательства, 1861 и 1864 г.г., всего на 24 милл. рублей, были впослѣдствіи (въ 1869 г. на 12 милл. и въ 1870 г. на 6 м., въ 1871 г. на 6 м.) выкуплены государственнымъ казначействомъ, а соотвѣтствующія имъ суммы кредитныхъ билетовъ тогда и изъяты изъ обращенія, такъ что эти два выпуска 1861 и 1864 г.г. были въ самомъ полномъ смыслѣ временными, хотя и въ теченіе довольно продолжительнаго срока.

33 милл. руб. для внѣшнихъ расходовъ и въ 5 милл. подъ нереализованныя серіи билетовъ государственнаго казначейства. Но, не смотря на значительность этихъ суммъ только въ январѣ 1865 г., въ среднемъ, состояло въ обращеніи временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ на 26.450,000 руб., но уже въ мартѣ эта сумма упала до 10.975,000 р., а въ маѣ до 2.087,000 руб., лишь къ осени она опять начала возвышаться, но достигла въ сентябрѣ лишь 7.012,000, въ октябрѣ 10.900,000, въ ноябрѣ 17.450,000 и въ декабрѣ 23.000,000 р.; въ среднемъ за весь годъ она составляла 11 723,000 руб, но закончила она 1865 годъ на высотѣ 27.500,000 р., то-есть, лишь 950,000 р. ниже, чѣмъ была въ началѣ года; а такъ какъ и по оборотамъ съ золотомъ и серебромъ размѣннаго фонда тоже произошло уменьшеніе кредитныхъ билетовъ на 659,867 рублей, то общій итогъ суммы, состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ уменьшился на 1.609,000 р. и составлялъ 677.964,732 рубля.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ временные выпуски въ 1864 г. въ болѣе крупныхъ суммахъ начались сравнительно поздно, а въ теченіе большей части года оставалась въ обращеніи сильно уменьшенная сумма кредитныхъ билетовъ, перешедшая отъ конца 1863 г., тогда какъ въ теченіе всего 1865 года въ обращеніи оставалась часть временно выпущенныхъ въ предшедшемъ году кредитныхъ билетовъ сверхъ выпущенныхъ въ 1865 г.,—то въ окончательномъ результатѣ средняя ежемѣсячная (выведенная изъ еженедѣльныхъ) сумма кредитныхъ билетовъ, состоявшихъ въ обращеніи, въ 1864 году составляла 652.088,000 р., а въ 1865 году 663.388,000 р., то-есть: круглый годъ, въ общемъ, въ 1865 г. состояло въ обращеніи кредитныхъ билетовъ на 11.300,000 р. больше, чѣмъ въ 1864 г. Это показываетъ, какъ недостаточны сужденія объ этомъ предметѣ на основаніи цифръ о состояніи обращенія къ извѣстному дню

Суммами отъ второго внутренняго займа 1866 г. финансовое управленіе уплатило въ этомъ году значительныя позаимствованія, произведенныя у Банка въ предшедшемъ году, причемъ Банку было предоставлено извлечь изъ обращенія

временно выпущенные при этомъ кредитные билеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ. «Банку вмѣнено въ обязанность при временныхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ на подкрѣпленіе его кассъ ограничиваться опредѣленными для сего размѣрами 15 милл. р. на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія 20 декабря 1863 г., если же встрѣтилась бы надобность въ усиленіи банковыхъ кассъ сверхъ означеннаго размѣра», то онъ долженъ былъ о томъ представлять министру финансовъ, который «о данныхъ имъ на таковыя позаимствованія разрѣшеніяхъ долженъ былъ доводить до свѣдѣнія Финансоваго Комитета въ первое засѣданіе онаго». Эта «надобность» въ 1866 г. сказалась въ гораздо болѣе значительной мѣрѣ, чѣмъ въ предшедшіе два года. Уже реализація второго выигрышнаго займа потребовала значительнаго увеличенія ссудъ подъ государственныя бумаги, которыя съ 14½ милл. р. въ началѣ 1866 г. къ августу поднялись до 34¼ милл. руб. и лишь къ половинѣ слѣдующаго года опять понизились до 7—8 милл. рублей. Одновременно происходило усиленное востребованіе вкладовъ, а къ осени весьма усилились требованія для учета. Вслѣдствіе всего этого сумма временнаго выпуска для усиленія оборотной кассы Банка съ 27½ милл р. въ началѣ 1866 г. лишь мало могла уменьшиться, дойдя 23 мая до 24¼ милл., но съ того времени она опять начала возрастать и чрезъ два мѣсяца достигла въ половинѣ іюля 35.156,000 р., а съ осени она еще болѣе начала возростать и поднялась къ 8 октября до 64.950,000 руб., къ концу же года ее возможно было уменьшить лишь до 59.500,010 р. Въ среднемъ (по еженедѣльнымъ даннымъ), она за весь годъ составляла 37.782,000 руб. Сравнительно съ началомъ года ея увеличеніе составляло 32 милл. рублей. Такъ какъ въ 1866 г. по оборотамъ съ золотомъ и серебромъ размѣннаго фонда произошло уменьшеніе кредитныхъ билетовъ на 920,684 рублей, то вся сумма кредитныхъ билетовъ, состоявшихъ въ обращеніи въ концѣ 1866 года, сравнительно съ его началомъ, увеличилась на 58.579,316 руб. и возросла до 709.044,046 рублей. Средняя за весь 1866 г. сумма всѣхъ кредитныхъ билетовъ, состоявшихъ въ обращеніи, составляла 688.749,000 р.,

или на 25.360,000 руб. больше, чѣмъ въ среднемъ же за весь годъ обращалось въ 1865 году.

Лишь къ половинѣ апрѣля 1867 г. возможно было уменьшить сумму кредитныхъ билетовъ, временно выпущенныхъ для успленія банковыхъ кассъ, на 21½ милл. и довести ее до 38 милл. руб. Даже этого уменьшенія возможно было достигнуть лишь очень сильнымъ сокращеніемъ учета и ссудъ, возвышеніемъ дисконта до 7½% и взиманія по ссудамъ до 10% [1]); съ 28 апрѣля 1867 г. дисконтъ въ Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и Ростовѣ на Дону былъ поднятъ до 8% и съ 16 іюня тоже сдѣлано въ Петербургѣ. Срокъ ссудъ подъ бумаги при этомъ былъ сокращенъ до 3 мѣсяцевъ. Сильнѣе извлекать изъ обращенія временно-выпущенные кредитные билеты считали невозможнымъ, потому что возвышеніе учетно-ссудныхъ процентовъ усилило востребованія вкладовъ, а кассовая наличность Государственнаго Банка въ Петербургѣ 15-го мая понизилась до 1.724,000 рублей. Къ 1 іюля сумма временно-выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ уменьшена еще на 2 милл. и доведена до 36 милл., но въ то же время 1 іюля во всѣхъ кассахъ Банка, его конторъ и отдѣленій наличность не превышала 13,6 милл. рублей, въ томъ числѣ въ Петербургѣ 990,000 р. Къ 5 августа сумма временно-выпущенныхъ, состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ уменьшеніемъ на 1.300,000 руб. доведена до 34.700,000 р., но кассовая наличность въ Петербургѣ 7 августа упала до 178,000 р. Независимо отъ этихъ суммъ въ оборотной кассѣ еще числилось: золота и серебра до 4 милл. и поступившихъ» въ платежи по коммерческимъ операціямъ 4% металлическихъ билетовъ» на 6¾ милл. руб.; даже съ причисленіемъ билетовъ государственнаго казначейства (серій), имѣвшихся у Банка въ составѣ «принадлежавшихъ ему цѣнныхъ бумагъ» на 19 милл. руб., всего Банкъ имѣлъ 29¾ милл. руб. для покрытія суммы временно-выпущенныхъ для усиленія его кассъ кредитныхъ билетовъ, достигавшей въ это время 38 милл. руб.,

[1]) Уже 18 іюня 1866 г. дисконтъ государственнаго Банка былъ возвышенъ съ 5 до 5½%, 15 іюля до 6%, чревъ мѣсяцъ до 6½, еще черезъ мѣсяцъ до 7% и съ 1 января до 7½%.

и слѣдовательно для полнаго ихъ покрытія еще недоставало около 8¹/₁ милл. рублей. На возростаніе поступленій отъ вкладовъ не было основаній расчитывать, а скорѣе нужно было ожидать продолженія ихъ востребованій, какъ по недостатку у торговаго міра оборотныхъ средствъ, такъ и по выгодности ихъ помѣщенія въ очень дешевыхъ тогда процентныхъ бумагахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обстоятельства эти усиливали развитіе явленія, очень стѣснявшаго тогда финансовое управленіе: какъ упомянуто выше, оно тогда на большія суммы выпускало новые билеты государственнаго казначейства (серіи) и при недостаткѣ въ оборотныхъ средствахъ публика ихъ разбирала гораздо медленнѣе, чѣмъ производились новые выпуски ихъ. Уже съ 1865 г. начало обнаруживаться значительное поступленіе серій въ платежи казнѣ; въ 1866 г. эти возвраты серій въ казенныя кассы еще болѣе усилились, а въ 1867 г они достигли 33 милл., то-есть: не только всѣхъ, выпущенныхъ въ 1865 и 1866 г.г. (на 21 милл.) не оказалось возможнымъ размѣстить въ публикѣ, но кромѣ того возвратились и 12 милл. изъ числа выпущенныхъ въ 1864 г. (на 18 милл.). Государственный Банкъ ихъ уже имѣлъ тогда въ своемъ портфелѣ на 19.896,000 р. и больше ихъ не могъ уже взять, потому что это было-бы явнымъ нарушеніемъ его устава.

Вслѣдствіе того, что это явленіе возврата серій стало хроническимъ, равно какъ хроническій характеръ приняли и низкія цѣны государственныхъ бумагъ, и истребованіе вкладовъ,—тогда во всякое время опасались, что каждое изъ этихъ явленій, или всѣ три, могутъ обостриться, особенно при увеличенной потребности въ оборотныхъ средствахъ для возростающаго отпуска, какъ было въ 1866 г. При такихъ условіяхъ необходимость въ новыхъ временныхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ, не могла не представляться неминуемою, и оттого М. Х. Рейтернъ уже въ исходѣ мая 1867 г. вошелъ въ Комитетъ Финансовъ съ представленіемъ объ этомъ предметѣ. Ссылаясь на начинавшееся уже на югѣ сильное торговое движеніе, на продолжающійся возвратъ серій въ казен-

ныя кассы, на уменьшеніе кассовой наличности Банка до очень низкаго уровня, «при совершенной невозможности консолидовать серіи внутреннимъ займомъ», при дошедшемъ до крайнихъ предѣловъ ограниченія коммерческихъ операцій,— министръ финансовъ полагалъ, что Банкъ и въ 1867 г. поставленъ будетъ въ необходимость прибѣгнуть къ новымъ временнымъ выпускамъ и что это ему можно было-бы предоставить съ условіемъ особаго ихъ обезпеченія серіями и ограниченія ихъ суммою 35 милл., сверхъ той суммы, на которую уже тогда состояли въ обращеніи временно выпущенные кредитные билеты.

Хотя это предположеніе М. Х. Рейтерна въ существѣ сводилось къ ходатайству о временномъ выпускѣ для нуждъ государственнаго казначейства, поставленнаго въ затрудненіе неуспѣшною реализаціею серій, и новый временный выпускъ долженъ былъ служить для временнаго воспособленія казнѣ, пока не удастся размѣстить серіи,—тѣмъ не менѣе, въ виду общаго вліянія выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ на денежный рынокъ, чтобы не порождать искусственнаго обилія въ денежныхъ знакахъ и искусственной ихъ дешевизны, М. Х. Рейтернъ предполагалъ, чтобы впредь до изъятія изъ обращенія временно выпускаемыхъ новыхъ билетовъ государственный банкъ взималъ по учету не менѣе 8%, а по ссудамъ не менѣе 9%.

«Имѣя засимъ въ виду, что новые выпуски кредитныхъ билетовъ не могутъ оставаться безъ вліянія на достоинство оныхъ и озабочиваясь по возможности предупрежденіемъ надобности въ новыхъ выпускахъ», министръ финансовъ полагалъ, что «дозволеніе принимать звонкую монету въ платежи привлекло-бы оную въ народное обращеніе въ случаѣ потребности въ большемъ числѣ денежныхъ знаковъ, а чрезъ сіе отстранилась-бы одна изъ причинъ временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ». Но не признавая удобнымъ на первое время это дозволеніе дѣлать «всеобщимъ», министръ финансовъ полагалъ «разрѣшить частнымъ лицамъ вносить въ Государ-

ственный Банкъ и его конторы полуимперіалы и иностранную звонкую монету по цѣнамъ, установляемымъ правленіемъ Банка отъ времени до времени сообразно съ вексельными курсами». Эти предположенія М. Х. Рейтерна были одобрены Финансовымъ Комитетомъ и удостоились Высочайшаго утвержденія 2 іюня 1867 г.

На основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Финансовъ отъ 9/21 іюня 1867 г., Государственнымъ Банкомъ произведенъ былъ временный выпускъ кредитныхъ билетовъ подъ особое обезпеченіе серіями. Суммы по этому выпуску начали поступать въ обращеніе съ половины іюля 1867 г. и сначала были очень небольшія, 1—2—3—4 милл. р., 1 сентября ихъ было еще лишь 5½ милл., 2 октября почти 15 милл. и лишь 23 октября онѣ дошли до 23.706,000 р. и въ такомъ размѣрѣ оставались до конца года, когда онѣ немного уменьшились до 23.647,020 р. Такъ какъ въ то же время оставалось еще въ обращеніи 34 милл руб. изъ кредитныхъ билетовъ, временно выпущенныхъ въ 1866 г. для усиленія банковыхъ кассъ, то общій итогъ временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, состоявшихъ въ обращеніи въ концѣ 1867 г., достигалъ 57.647,020 р., т. е. былъ лишь весьма немногимъ меньше, чѣмъ въ концѣ 1866 г.; слѣдовательно, подъ обезпеченіе серій только обратно были выпущены кредитные билеты, изъятые-было въ первую половину 1867 г. Такъ какъ, кромѣ того, въ 1867 г. (по обстоятельствамъ, которыя ниже получатъ объясненіе) произведенъ былъ и выпускъ кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе золота въ размѣрѣ 7.922,710 р., то общая сумма всѣхъ состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ къ концу 1867 года поднялась до 715.113,776 руб.

Во второй половинѣ 1868 г. подъ обезпеченіе серіями выпущено еще 3 милл. руб. и общая сумма кредитныхъ билетовъ, временно выпущенныхъ подъ обезпеченіе серій, увеличилась до 26.647,000 руб., но эта сумма въ теченіе марта вся была уплачена государственнымъ казначействомъ и кредитные билеты особаго временнаго выпуска, обезпеченнаго серіями, всѣ были въ мартѣ 1868 г. изъяты изъ обращенія.

Такимъ образомъ, та часть Высочайше утвержденнаго 2 іюня 1867 г. журнала Комитета Финансовъ, которая касалась особаго временнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, обезпеченнаго серіями, дѣйствительно, имѣла лишь очень кратковременное значеніе. Совершенно иное, гораздо болѣе существенное значеніе получила другая часть того-же журнала, касавшаяся разрѣшеніе частнымъ лицамъ «вносить» въ Государственный Банкъ полуимперіалы и иностранную звонкую монету «по цѣнамъ, установляемымъ правленіемъ Банка соотвѣтственно вексельнымъ курсамъ». Мѣра эта проектировалась къ предположеніи, что она дастъ возможность предупреждать временные выпуски кредитныхъ билетовъ и привлечетъ звонкую монету въ народное обращеніе, т. е. она понималась въ смыслѣ той «подготовительной мѣры» къ возстановленію металлическаго обращенія, къ которой впослѣдствіи и графъ М. Х. Рейтернъ, и три его преемника неоднократно возвращались. На дѣлѣ, однако, она временныхъ выпусковъ не устранила и даже послужила новымъ къ нимъ поводомъ; но она повела къ другой подготовительной мѣрѣ къ рѣшенію той-же задачи: къ усиленію размѣннаго фонда, а въ связи съ этимъ къ вліянію на вексельные курсы, отъ котораго въ концѣ 1863 г. финансовое управленіе такъ рѣшительно отказалось.

Въ видахъ связности изложенія умѣстно, поэтому, привести данныя о вексельномъ курсѣ за промежутокъ времени съ конца 1863 г. до 1867 г. Предоставленный самому себѣ, вексельный курсъ подъ вліяніемъ окончательнаго пріостановленія размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, въ ноябрѣ 1863 года упалъ только до 350 сант. (33½ пенсовъ), то есть, совсѣмъ не значительно ниже уровня тѣхъ 360 сант., на которомъ его съ 1857 г. съ такими большими пожертвованіями казны искусственно поддерживали. До мая 1864 г. курсъ на Парижъ колебался между 370 сант. (въ декабрѣ 1863 г.) и 351 сант. (въ апрѣлѣ 1864 г.). Съ мая 1864 г. курсъ подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ слабѣетъ и въ сентябрѣ падаетъ до 312 сант. (29⅝ пенс., 78% номинала); но и это паденіе далеко не значительно ниже, чѣмъ

паденіе въ маѣ 1859 г. до 325 сант.; если тогда, несмотря на искусственную поддержку, невозможно было воспрепятствовать пониженію до 325 сант., то естественно, что чрезъ пять лѣтъ послѣ того, курсъ, при однородныхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, упалъ сильнѣе, и можно лишь удивляться, что при этомъ онъ упалъ только на 4% ниже, до 312 сант., хотя на него, такъ сказать, махнули рукою. Все послѣдующее время, какъ въ 1864 г., такъ и въ теченіе всего 1865 г. вексельный курсъ уже обнаруживалъ слабость, не будучи въ состояніи подняться выше 337½ сант., хотя онъ и не спускался глубже 322¼ сант. (слѣдовательно, колебанія происходили въ предѣлахъ 118,27—124,40 кредитныхъ за 100 металлическихъ), и эту слабость нельзя считать особенно большою для неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, обращавшихся уже 10 лѣтъ безъ видовъ на возстановленіе порядка въ денежномъ обращеніи. Вѣроятно, въ связи съ этимъ находится тотъ уровень, до котораго вексельный курсъ упалъ во время австро-прусской войны, когда онъ въ іюнѣ 1866 г. понизился до 266 сант. (на Лондонъ до 25¾ пенсовъ, 66½% номинала, 150 кредитныхъ за 100 металлическихъ), или на ⅓ ниже нарицательнаго достоинства; но уже въ іюлѣ 1866 г. курсъ опять могъ подняться до 307½ сант., въ декабрѣ до 340 сант., а въ іюнѣ 1867 г. и до 350 сант. (114,63 кред. за 100 металл.).

XXII.

Въ этомъ-то положеніи застало курсъ Высочайше утвержденное 2 іюня 1867 года, положеніе Комитета Финансовъ. Разрѣшая Государственному Банку «пріемъ» золотой и серебряной монеты по цѣнѣ, соотвѣтствующей вексельному курсу, въ видахъ привлеченія звонкой монеты въ обращеніе и для прекращенія временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ,—означенное законоположеніе очевидно предполагало, что

звонкою монетою будутъ пользоваться для производства ею платежей Банку. Для этого, однако, никто не воспользовался разрѣшеніемъ 2 іюня 1867 г.

Очевидно, что это разрѣшеніе оставалось-бы совершенно мертвою буквою, еслибъ Банкъ назначилъ звонкой монетѣ такія цѣны, которыя были-бы ниже уровня вексельнаго курса или одинаковаго съ нимъ уровня, потому что въ такомъ случаѣ—или было-бы прямо убыточно, или не представлялось-бы никакой выгоды—пользоваться звонкою монетою. Банкъ долженъ былъ, поэтому, назначить золоту и серебру цѣну, немного болѣе выгодную, чѣмъ та, которая соотвѣтствовала уровню вексельнаго курса. Напримѣръ, если Банкъ назначалъ полуимперіалу цѣну въ 5 р. 95 коп. ($115^1/_2$ кредитныхъ за 100 металл.), то это соотвѣтствовало курсу въ $347^1/_4$ сант. или $33^1/_{16}$ пенсовъ, и слѣдовательно, при каждомъ возвышеніи курса выше этого уровня возникала выгода приносить Государственному Банку золото и серебро. Но ихъ приносили Банку для извлеченія этой выгоды, а не для производства ими платежей. Въ послѣднемъ отношеніи, напротивъ, отъ Банка требовали, чтобъ онъ уплатилъ за принесенное ему золото и серебро, и конечно—кредитными билетами. А такъ какъ съ половины 1867 г. произошелъ очень важный переломъ въ нашемъ экономическомъ и финансовомъ положеніи, которое начало весьма чувствительно поправляться, то это выразилось двояко: 1) въ возможности извлекать изъ обращенія временно-выпущенные кредитные билеты, въ которыхъ государственное казначейство уже больше не нуждалось и которыми оно погашало свой временный «текущій» долгъ Банку, и 2) въ благопріятномъ движеніи вексельныхъ курсовъ. Вслѣдствіе этого Государственному Банку съ 1 августа 1867 г., когда началась операція покупки золота и серебра до конца 1874 года, могли доставить: золота на 180.283,475 р. и серебра на 39.198,737 р., а того и другого на 219.482,212 р. Естественно, конечно, что въ столь обширныхъ размѣрахъ значительно превышавшихъ временные выпуски, Государственный Банкъ не могъ заниматься операціею «пріема» или покупки золота и серебра на средства своей

оборотной кассы, безъ особаго ея усиленія новыми временными выпусками.

Такъ какъ Государственный Банкъ, съ своей стороны, не могъ пользоваться купленнымъ или «принятымъ» золотомъ и серебромъ для производства ими платежей (ибо такого разрѣшенія производить платежи звонкою монетою по курсу законоположеніе 2 іюня 1867 г. Банку не давало), то Банкъ могъ воспользоваться купленнымъ золотомъ и серебромъ только для усиленія размѣннаго фонда. Даже если этого исхода первоначально никто не имѣлъ въ виду, то онъ самъ собою устанавливался, какъ естественное и неминуемое послѣдствіе происшедшаго увеличенія запаса звонкой монеты, поступившаго въ распоряженіе Банка. Но въ размѣнномъ фондѣ золото и серебро иммобилизировались: это въ свою очередь было естественнымъ и неминуемымъ послѣдствіемъ пріостановленнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Поэтому, затрата, сдѣланная Государственнымъ Банкомъ на покупку новаго золота и серебра, послужившаго для усиленія размѣннаго фонда, оказывалась безвозвратною впредь до возобновленія размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. А если означенная затрата была первоначально сдѣлана посредствомъ временно выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, то, очевидно, «временность» послужившихъ для этого выпусковъ была болѣе, чѣмъ неопредѣленная: она должна была продолжаться такъ же долго, какъ предстояло продолжаться неразмѣнности кредитныхъ билетовъ. Но это лишь иными словами означало, что кредитные билеты, выпущенные для покупки золота и серебра, послужившаго для усиленія размѣннаго фонда, никоимъ образомъ не могли быть временными и должны были войти въ составъ выпуска «постояннаго».

Такъ какъ эти заключенія естественно, само собою, вытекали изъ положенія дѣла, то Государственный Банкъ только соотвѣтственно имъ дѣйствовалъ. Такъ уже въ 1867 г. Банкъ изъ купленнаго имъ отъ 1 августа до 31 декабря золота и серебра на 22 479,494 руб. перевелъ въ размѣнный фондъ

часть въ 7.289,267 р. и на эту сумму увеличилъ кредитные билеты постояннаго выпуска, получивъ этимъ возможность на тѣ-же 7.289,267 р. уменьшить сумму временно-выпущенныхъ для усиленія кассъ Банка кредитныхъ билетовъ. Но послѣднихъ все еще оставалось къ концу 1867 г. въ обращеніи на 34 милл. рублей. Въ 1868 г. Банкъ имѣлъ значительный остатокъ отъ золота и серебра, купленнаго отъ 1 августа по 31 декабря 1867 г., (22.479,494 — 7.289,267 = = 15.190,227 р.) и сверхъ того имъ въ 1868 г. было вновь куплено или «принято» на 59.221,088 р., такъ что отъ покупокъ онъ имѣлъ въ своей оборотной кассѣ звонкой монеты свыше 74 милл. р. Изъ нихъ онъ перевелъ въ 1868 г. въ размѣнный фондъ на этотъ разъ уже 97.434,320 р. и, увеличивъ на эту сумму постоянный выпускъ кредитныхъ билетовъ, получилъ достаточно средствъ, чтобы совсѣмъ изъять изъ обращенія всѣ еще въ немъ состоявшіе временно выпущенные для усиленія кассъ Банка, кредитные билеты. Госуд. Банкъ даже могъ при этомъ усилить свои оборотныя средства [1]). Тѣмъ не менѣе, правильность образа дѣйствій Государственнаго Банка была государственнымъ контролемъ подвергнута сомнѣнію: В. А. Татариновъ полагалъ, что Банкъ не имѣлъ права выпускать кредитные билеты для покупокъ золота и серебра на предметъ усиленія размѣннаго фонда и что операція эта ему не была разрѣшена Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 2 іюня 1867 г. Изложенныя по этому поводу во всеподданнѣйшемъ отчетѣ государственнаго контролера за 1868 годъ замѣчанія, по Высочайшему повелѣнію, разсматривалось 26 мая 1869 г. въ Финансовомъ Комитетѣ. Министръ Финансовъ защищалъ образъ дѣйствій Государствен-

[1]) Усиленіе это было еще увеличено тѣмъ, что изъятіе производилось очень медленно, и поэтому въ теченіе всего года отъ означенныхъ билетовъ въ обращеніи находилось $22^2/_3$ милл. руб.; а такъ какъ въ началѣ года еще состояли въ обращеніи кредитные билеты временнаго выпуска, обезпеченнаго серіями, то всего въ теченіе 1868 г. въ среднемъ состояло въ обращеніи всѣхъ категорій кредитныхъ билетовъ на 718.208,000 р. или на 19.084,000 р. больше, чѣмъ въ 1867 году.

наго Банка de lege lata и de lege ferenda. Съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства М. Х. Рейтернъ оправдывалъ дѣйствія Банка, доказывая, что пріостановленъ былъ лишь размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, но не наоборотъ—размѣнъ звонкой монеты на кредитные билеты, и что относящіяся къ этому послѣднему статьи устава экспедиціи кредитныхъ билетовъ сохранили всю свою силу. Но гораздо больше значенія министръ финансовъ придавалъ соображеніямъ цѣлесообразности, существу дѣла, его пользѣ и успѣху. Ссылаясь на то, что по ходу предшествовавшихъ событій размѣнный фондъ понизился къ 1867 г. до весьма низкаго уровня 57.710,460 р., М. Х. Рейтернъ доказывалъ, что Государственный Банкъ дѣйствовалъ совершенно правильно, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, чтобъ въ 1867 и 1868 г.г. производить преимущественно такіе новые выпуски кредитныхъ билетовъ, которые сопровождались усиленіемъ размѣннаго фонда, а не такъ, какъ въ 1865 и 1867 г.г., когда новые выпуски производились, а размѣнный фондъ оставался на своемъ низкомъ уровнѣ. По мнѣнію министра финансовъ гораздо больше пользы проистекало изъ образа дѣйствій Государственнаго Банка въ 1867 г., когда онъ покупкою золота и серебра оказывалъ успѣшное противодѣйствіе убыточному, для усилившагося тогда заграничнаго отпуска нашего, возвышенію вексельныхъ курсовъ, чѣмъ было въ 1866 г., когда то-же противодѣйствіе неуспѣшно оказывалось расширеніемъ кредитовъ, открытыхъ въ Государственномъ Банкѣ экспортерамъ, коимъ чрезъ то дана была возможность не торопиться продажею траттъ и удерживать ихъ цѣну на высокомъ уровнѣ. Министръ финансовъ не скрывалъ отъ себя, что столь удачное подкрѣпленіе фонда далеко не разрѣшаетъ еще вопроса о нашемъ денежномъ обращеніи, но М. Х. Рейтернъ полагалъ, что «усиленіе фонда есть необходимый шагъ для установленія денежной системы на прочномъ основаніи; возможность рѣшиться на довершеніе дѣла зависитъ преимущественно отъ достиженія равновѣсія между нашею вывозною торговлею и потребностью въ заграничныхъ платежахъ, а эта

цѣль можетъ быть достигнута только развитіемъ нашей желѣзно-дорожной сѣти». Къ этимъ соображеніямъ вполнѣ присоединился Комитетъ Финансовъ, и такъ какъ государственный контролеръ не настаивалъ на своихъ замѣчаніяхъ, то составленный согласно соображеніямъ М. Х. Рейтерна журналъ Финансоваго Комитета удостоился Высочайшаго утвержденія 29 мая 1869 г.

Этимъ были устранены формальныя препятствія для развитія операціи Государственнаго Банка по покупкѣ драгоцѣнныхъ металловъ на выпускаемые для того кредитные билеты для усиленія размѣннаго фонда. Въ 1869 и 1870 г.г. торговыя и, еще болѣе, политическія, обстоятельства не благопріятствовали означенному развитію. Въ іюлѣ 1869 г. курсъ на Парижъ опустился до 306 сант., а въ декабрѣ до 305½ сант.; высшій-же курсъ этого года былъ 344 сант. Въ 1870 году курсъ въ связи съ политическими событіями въ іюлѣ упалъ даже до 299 сант. (на Лондонъ 28¼ пенсовъ, 70 1/2% номинала), а наивысшій курсъ года не превышалъ 333 сант. (на Лондонъ $31^{11}/_{16}$ пенсовъ). При этихъ условіяхъ куплено было Банкомъ золота: въ 1869 году лишь 12,973,792 р., а въ 1870 году даже лишь 5.708,672 р.; да и эти покупки служили больше для производившихся Банкомъ уплатъ по купонамъ металлическихъ бумагъ государственныхъ и правительствомъ гарантированныхъ, а не для усиленія размѣннаго фонда. Въ составъ послѣдняго, преимущественно изъ покупокъ предшедшаго времени, въ 1869 году было переведено лишь 9.390,854 рубля, а въ 1870 г. совсѣмъ никакого усиленія размѣннаго фонда не было. Не было, поэтому, и увеличенія кредитныхъ билетовъ постояннаго выпуска. Въ это время большая часть поводовъ, по которымъ Государственное Казначейство въ первую половину 1860-хъ годовъ нуждалось во временныхъ воспособленіяхъ Государственнаго Банка, потеряло силу, и напротивъ, начавшееся улучшеніе финансоваго положенія уже давало возможность расчитаться съ Банкомъ даже по такимъ произведеннымъ у него позаимствованіямъ, которыя первоначально были расчитаны на болѣе продолжительное время; такъ, въ 1869 г. уплочены Государствен-

ному Банку и могли быть изъяты 12 милл. руб., выпущенные въ 1861 подъ «обязательство», положенное въ размѣнный фондъ. Тѣмъ не менѣе, хотя и на сравнительно весьма небольшія суммы (не больше 1½ милл.) временные выпуски для усиленія банковыхъ кассъ требовались даже въ первую половину 1869 г.; во вторую же его половину они съ усиленіемъ осеннихъ требованій дошли до 25 милл. рублей, но лишь на весьма короткое время, и въ концѣ года отъ нихъ оставалось уже лишь 10.320,000 руб. Въ среднемъ за весь годъ временно-выпущенныхъ въ обращеніе для усиленія банковыхъ кассъ кредитныхъ билетовъ было лишь 6.021,000 рублей — Въ 1870 году обстоятельства были менѣе благопріятны и ихъ состояло въ обращеніи въ среднемъ: въ первые пять мѣсяцевъ 3.758,000 руб., въ слѣдующіе четыре мѣсяца 15.658,000 р., а въ послѣдніе три мѣсяца уже 33.935,000 р.; въ концѣ же года изъ нихъ состояло еще въ обращеніи 41.400,000 рублей; хотя и въ 1870 г. Государственное Казначейство уплатило Банку 6 милл. изъ числа 12 милл., взятыхъ въ 1863 г. подъ «обязательство», положенное въ размѣнный фондъ, но оно еще нуждалось въ кратковременныхъ воспособленіяхъ изъ Банка и долгъ его «по текущимъ расходамъ Банка за его счетъ» осенью поднимался до 35 милл., что вмѣстѣ съ одновременно увеличившимися коммерческими требованіями и было причиною значительныхъ временныхъ выпусковъ.

Въ первую половину 1871 г. значительная ихъ часть была изъята изъ обращенія и сумма ихъ уменьшена до 20.100,000 р; но вслѣдствіе поправившагося вексельнаго курса Банкъ могъ возобновить покупки драгоцѣнныхъ металовъ (простиравшіяся въ 1871 году до 28.779,978 руб.), а это при усилившихся осеннихъ требованіяхъ коммерческихъ и по текущимъ расходамъ Государственнаго Казначейства довело временно-выпущенные для усиленія банковыхъ кассъ кредитные билеты до суммы свыше 61.000,000 рублей, которая, впрочемъ, къ концу года уменьшилась до 48.700,000 руб. При этомъ въ размѣнный фондъ было переведено изъ купленныхъ драгоцѣнныхъ металловъ и выпущено подъ нихъ лишь 14.405,769 руб.

Однородными, хотя нѣсколько болѣе благопріятными, были явленія этого рода въ 1872 г., когда въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ всѣ временно выпущенные усиленія банковыхъ кассъ кредитные билеты могли быть изъяты изъ обращенія и когда ихъ въ апрѣлѣ совсѣмъ не было, но затѣмъ въ лѣтніе мѣсяцы они опять появились на небольшія суммы, а въ осенніе мѣсяцы при расширившихся покупкахъ драгоцѣнныхъ металловъ (простиравшихся въ 1872 году до 38.381,207 рублей) и возобновившихся значительныхъ торговыхъ требованіяхъ, они опять поднялись до 48.300,000 руб.; а такъ какъ изъ купленныхъ драгоцѣнныхъ металловъ въ размѣнный фондъ было переведено и подъ нихъ выпущено 39.658,453 руб., то сумма временно выпущенныхъ билетовъ могла быть къ концу года уменьшена до 7.150,000 рублей, а въ половинѣ январѣ 1873 г. исчезъ изъ обращенія и этотъ остатокъ.

Только съ 1873 г. возстановляется наконецъ правильное положеніе: улучшеніе финансоваго положенія государственнаго казначейства уже настолько упрочивается, что всѣ произведенныя имъ прежде у Банка временныя позаимствованія оказываются уплаченными, а въ новыхъ оно уже вовсе не нуждается. Вмѣстѣ съ тѣмъ и оборотныя средства Государственнаго Банка оказываются уже настолько болѣе обильными и менѣе связанными, что банкъ въ состояніи былъ, не прибѣгая къ временнымъ выпускамъ, не только удовлетворять всѣ предъявлявшіяся ему коммерческія требованія, но и купить драгоцѣнныхъ металовъ: въ 1873 году на 29.288,100 р. и въ 1874 году на 22.649,872 руб. Изъ нихъ было переведено въ размѣнный фондъ: въ 1873 году 18.895,457 рублей и въ 1874 году 8.476,788 рублей.

Въ окончательномъ результатѣ производившейся съ 1 августа 1867 г. операціи покупки драгоцѣнныхъ металловъ за выпускавшіеся для того кредитные билеты къ 1 января 1875 г. состояло въ обращеніи кредитныхъ билетовъ «постояннаго» выпуска (временно выпущенные съ начала 1860-хъ годовъ всѣхъ ихъ видовъ были уже всѣ изъяты изъ обращенія) на 797.313,480 р., при размѣнномъ фондѣ въ

231.227,085 рублей, слѣдовательно, при безпроцентномъ долгѣ (или суммѣ непокрытыхъ билетовъ) въ 566.086,395 руб. Противъ 1 января 1867 года сумма кредитныхъ билетовъ была больше на 171.769,434 руб., а размѣнный фондъ увеличился на 173.516,625 р., слѣдовательно безпроцентный долгъ уменьшился на 1.747,191 руб. Но въ такомъ видѣ представляется результатъ, если на 1 января 1867 г. взять только сумму кредитныхъ билетовъ постояннаго-же выпуска, т. е., упуская изъ виду состоявшіе тогда въ обращеніи 83½ милл. руб. временныхъ выпусковъ [1]), которые впослѣдствіи были изъяты, или правильнѣе, замѣнены кредитными билетами постояннаго выпуска, единственно лишь и состоявшими въ обращеніи къ 1875 г. Если же для сравненія исходить изъ всей суммы состоявшихъ въ обращеніи 1 января 1867 года кредитныхъ билетовъ на 709.044,591 руб., при размѣнномъ фондѣ въ 57.710,460 руб., слѣдовательно, при суммѣ непокрытыхъ фондомъ билетовъ въ 651.334,131 рубль, то съ тѣхъ поръ къ 1875 году вся сумма кредитныхъ билетовъ возрасла лишь на 88.268,889 руб., а сумма непокрытыхъ фондомъ билетовъ уменьшилась на 85.247,736 рублей, итогъ-же обѣихъ этихъ суммъ въ 173.516,625 руб. выражалъ сумму, на которую увеличился размѣнный фондъ: отчасти для того, чтобы на 88.268,889 р. обезпечивать рубль за рубль появившіеся въ обращеніи новые кредитные билеты, а отчасти для того, чтобы изъ старыхъ кредитныхъ билетовъ обезпечивать рубль за рубль сумму билетовъ на 85.247,736 рублей, которые прежде обращались безъ покрытія ихъ фондомъ.

Большой интересъ представляетъ также сравненіе достигнутаго въ 1875 году результата съ положеніемъ передъ Крымскою войною и послѣ нея. Сравненіе это представляется въ слѣдующемъ видѣ:

---

[1]) А именно 24 милл., выпущенные подъ «обязательства», положенныя въ размѣнный фондъ, и 59½ милл., выпущенные для подкрѣпленія банковыхъ кассъ.

	Всего кред. билетовъ въ обращеніи.	Размѣнный фондъ.	Непокрытые фондомъ билеты
1 янв. 1853 г . . .	311.375,581	146 794,848	164 580,733
1 янв. 1858 г. . . .	735 297,006	141.460,771	593.836,235
1 янв. 1875 г . . .	797 313.480	231 227.085	566.086.395
1 янв. 1875 г. противъ 1 янв. 1853 г. . . .	+485 937,899	+ 84 432,237	+401.505,662
1 янв. 1858 г. противъ 1 янв 1853 г. . .	+423.921.425	— 5.334.077	+429.255,502
1 янв. 1875 г. противъ 1 янв. 1858 г. . . .	+ 62 016,474	+ 89.766.314	— 27.749,840

Такимъ образомъ, хотя противъ 1858 г. сумма кредитныхъ билетовъ возрасла на 62.016,474 р., но въ тоже время размѣнный фондъ возросъ сильнѣе, на 89.766,314 р.; поэтому, на разность между этими двумя суммами (на 27.749,840 рублей) уменьшилась сумма непокрытыхъ фондомъ кредитныхъ билетовъ, опустившись съ 593.836,235 руб. до 566.086,395 руб. Если до Крымской войны Россія выносила, безъ стѣсненія размѣна, сумму непокрытыхъ фондомъ кредитныхъ билетовъ въ 164.580,733 руб. (или почти сумму превращенныхъ въ кредитные билеты ассигнацій), то едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что въ половинѣ 1870-хъ годовъ размѣнъ не былъ-бы стѣсненъ суммою непокрытыхъ фондомъ билетовъ, на 100 милл. рублей болѣе значительною. А это уменьшало до 300 милл. рублей ту сумму, регулированіе которой означало коренное исправленіе денежной системы въ 1875 году. Къ этому времени и внѣшній кредитъ Россіи исправился настолько, что 4½%-ныя консолидированныя желѣзнодорожныя облигаціи выпуска 1874 года были уже реализованы изъ 5%. Слѣдовательно, исправленіе денежной системы требовало въ 1875 году отъ государственной росписи жертвы въ видѣ ежегоднаго расхода въ 15 милл. рублей; избытокъ-же доходовъ надъ расходами по государственной росписи превышалъ въ 1875 г. 40 милл. рублей, то-есть, онъ давалъ почти втрое больше, чѣмъ требовалось для денежной реформы.

При этомъ стоимость кредитнаго рубля въ началѣ 1875 года осязательно выражалась въ томъ, что Государственный Банкъ тогда могъ купить 1.064,083 полуимперіала за 6.195.820 рублей [1]), или по 5 р. 83 к. въ общей сложности, что, при тогдашней нарицательной цѣнѣ полуимперіала въ 5 р 15 коп., соотвѣтствовало 100 руб. металл. за 113 рублей кредитныхъ

Какое относительное значеніе имѣлъ накопленный въ Государственномъ Банкѣ запасъ драгоцѣнныхъ металловъ въ размѣнномъ фондѣ, можно судить по тому, что въ теченіе 1874 г. означенный запасъ составлялъ, въ среднемъ, въ Англійскомъ банкѣ 22.319,000 ф. ст., или 140 385,000 рублей металлическихъ, а во Французскомъ банкѣ 1,130 милл. франковъ, или 282½ милл. руб. металл. Русскій размѣнный фондъ въ 231¼ милл руб. мет. (925 милльоновъ франковъ) занималъ середину между ними.

Такимъ образомъ, едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что въ 1875 г. все было приуготовлено для правильной постановки и успѣшнаго рѣшенія задачи возстановленія въ Россіи металличѣскаго обращенія. Всѣ необходимыя для того данныя состояли на лицо.

Но въ томъ же 1875 г. добровольцы уже отправлялись въ Сербію.

XXIII.

Въ какой мѣрѣ всѣ необходимыя финансовыя средства для денежной реформы состояли на лицо въ половинѣ 1870 хъ годовъ, совершенно осязательно усматривается изъ той колоссальной массы чрезвычайныхъ рессурсовъ, совершенно правильныхъ, которые въ видѣ (главнѣйше) внутреннихъ, а отчасти и внѣшнихъ, займовъ могли имѣться въ распоряженіи финансоваго управленія въ теченіе того времени, когда

---

[1]) Въ томъ числѣ было 644,519 полуимперіаловъ, купленныхъ по 5 р 87 к., и 419,564 полуимперіала по 5 р 75 к. или съ лажемъ лишь въ 7¾%.

покрывались и ликвидировались чрезвычайные расходы по войнѣ съ Турціею, то-есть, въ 1876—82 годахъ. Эти рессурсы достигали 1.374.065,995 рублей [1]). Изъ нихъ для

[1]) Чтобы дать ясное представленіе о финансовомъ положеніи, при которомъ вновь возникла необходимость прибѣгнуть въ очень значительныхъ размѣрахъ къ выпускамъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ для покрытія части чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ, главнымъ образомъ, по войнѣ съ Турціею, нами въ нижеслѣдующемъ сжатомъ обзорѣ сгруппированы по отчетамъ Госуд. Контроля за 1876—82 гг, когда означенные чрезвычайные расходы покрывались, всѣ имѣющіяся данныя въ исчерпывающемъ видѣ:

1876—82 г		
Обыкновенные государ доходы	4.449.016.017	
Обыкновенные свободные остатки	44.265.982	
	4.493.281.999	
Обыкн госуд расходы .	4.541 910.549	
Дефициты обыкн. бюджетовъ	48.628.550	
Чрезвычайные расходы военные	1.107.481 518	
Чрезвычайные расходы желѣзнодорожные . .	446.415.412	1.602.525.480

Чрезвычайные финансовые рессурсы, засчитанные въ отчетахъ государ. контроля

а) общіе:

5% внѣшній заемъ 1877 г.	106 408 573	
» банков бил. IV вып.	91.763 436	
» » » V »	90.903.925	
» восточ. заемъ первый.	174 607.416	
» » » второй.	276.527.432	
» » » третій.	267.782 430	1.007.993.212

б) спеціальные желѣзнодорожные:

Консовид. ж. д. IV вып.	9.612.626		
» » » V »	11.721.217		
» » » VI »	168.941 675		
Разныя ж. д. бумаги .	53.880.340		
Возвраты ж. д.	28.499.149		
Курсовъ прибалт. ж. д. фонда	1.639.912		
% тек. счета ж д. фонда.	1.513.033		
Остатокъ ж. д. фонда къ 1876 г.	90.264.791	366.072.743	1.374.065.955

Такимъ образомъ:

Чрезвычайныхъ расходовъ было на . . .	1.602.525.480
» рессурсовъ имѣлось на .	1.374.065.955
Правильныхъ чрезвычайныхъ рессурсовъ не хватало на	228.459.525

чрезвычайныхъ расходовъ по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и портовъ тогда потребовалось 446.415,412 руб. Оставалось еще, слѣдовательно, 927.650,543 рубля, то-есть, сумма, съ лишнимъ вдвое болѣе значительная чѣмъ тѣ 400 милл. руб. которые по самому наибольшему расчету требовались для денежной реформы.

Но вмѣсто расходовъ на послѣднюю въ 1876—82 г.г. приходилось покрывать и ликвидировать чрезвычайные по войнѣ расходы на сумму 1.107.481,518 руб.; кромѣ того война разрушила равновѣсіе въ Государственной Росписи и избытки доходовъ въ ней замѣнились дефицитами, итогъ коихъ тогда составлялъ 48.628,550 р. Всего было вызванныхъ войною чрезвычайныхъ требованій на 1.156.110.068 руб., или уже б о л ь ш е, чѣмъ имѣлось рессурсовъ на 228.459,525 руб., которые за истощеніемъ всѣхъ правильныхъ источниковъ могли быть доставлены только новыми выпусками бумажныхъ денегъ. Но независимо отъ своего значенія, какъ прямого рессурса для покрытія нѣкоторой части (не очень значительной, ибо эта часть была м е н ѣ е о д н о й п я т о й) вызванныхъ войною расходовъ, новые выпуски имѣли еще другое значеніе. Они опять, какъ въ 1860 годахъ, должны были явиться тѣмъ временнымъ рессурсомъ, который одинъ могъ н е м е д л е н н о дать средства для расходовъ, даже если для нихъ имѣлись правильные рессурсы, но поступленія отъ этихъ рессурсовъ отставали отъ времени, когда они неотложно требовались. Временные выпуски кредитныхъ билетовъ были нужны въ этомъ случаѣ, какъ временное усиленіе кассъ государственнаго казначейства впредь до поступленія суммъ отъ правильныхъ займовъ. Вотъ почему вся сумма позаимствованій у Государственнаго Банка достигала въ 1876—80 годахъ до 543.054,558 руб. и только вслѣдствіе погашенія въ 1878 г. изъ суммъ второго восточнаго займа 123.459,049 рублей, она опустилась до 419 595,509 руб. И изъ этой послѣдней суммы весьма значительная часть (а именно, разность между нею и дѣйствительнымъ недостаткомъ средствъ для покрытія вызванныхъ войною расходовъ, слѣдовательно, 419.595,509 — 228.459,525 = 191.135,984 р.) состояла въ видѣ свободнаго

остатка. входя въ составъ свободной наличности государственнаго казначейства, которая оттого въ концѣ 1880 г. поднялась на необыкновенно высокій уровень 243.590,000 рублей.

Еще ранѣе, чѣмъ окончена была ликвидація вызванныхъ войною чрезвычайныхъ расходовъ, Высочайшій указъ 1 января 1881 г предначертывалъ пути для приведенія въ порядокъ измѣненій, происшедшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ вслѣдствіе возникшей въ 1876—80 г.г. необходимости вновь въ обширныхъ размѣрахъ прибѣгать къ воспособленіямъ Государственнаго Банка посредствомъ временныхъ выпусковъ означенныхъ билетовъ. Въ этихъ видахъ Высочайше повелѣно: изъ приведенной суммы 419.595,509 руб. немедленно уплатить Банку 19.595,509, а остальные 400 милл. погасить въ теченіе 8 лѣтъ ежегодными платежами по 50 милл. рублей. Это была подготовительная мѣра, которою для возстановленія порядка въ денежномъ обращеніи прежде всего возстановлялось положеніе, существовавшее предъ войною. Во исполненіе Высочайшаго указа 1 января 1881 г. Банку дѣйствительно было уплочено въ 1881—83 годахъ 169.595,509 руб. и долгъ Государственнаго Казначейства за произведенныя у Банка въ 1876—80 годахъ позаимствованія этимъ уменьшенъ до 300 милл. руб. Собственно говоря, уплата этихъ 169.595,509 рублей, произведенная въ 1881—83 годахъ, была лишь возвратомъ Банку части тѣхъ изъ позаимствованій 1876—80 годовъ, которые (на сумму 191.135,984 р.) *не служили* для окончательнаго покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, а *сверхъ того* были выпущены собственно для усиленія казенныхъ кассъ и по миованіи въ нихъ прямой надобности (то-есть, послѣ того, какъ они обратно поступили отъ правильныхъ рессурсовъ, ими антиципированныхъ) оставались въ кассахъ въ видѣ свободной наличности [1]). Оттого

[1]) Это осязательно видно изъ того, что въ 1881—83 годахъ новыхъ чрезвычайныхъ поступленій (главнымъ образомъ отъ банковыхъ билетовъ и 6%-ной ренты) было лишь на 193.702.753 руб., а чрезвычайныхъ расходовъ на желѣзныя дороги и возвраты Банку было на 334.620 289 р., или больше, чѣмъ было новыхъ чрезвычай-

только въ 1881—83 г.г. могли быть произведены уплаты Банку на точномъ основаніи Высочайшаго указа 1 января 1881 г.

По истощеніи державшагося на выпускахъ же кредитныхъ билетовъ 1876—80 г.г. источника для уплаты тогда-же долга казны Банку, дальнѣйшія уплаты съ 1884 г. встрѣтили препятствіе въ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ тогда находилось изысканіе чрезвычайныхъ рессурсовъ. Ссылаясь на то, что «уплата Банку 50 милл. наличными деньгами вызываетъ иногда необходимость въ заключеніи займовъ въ неблагопріятное для сего время», Высочайшій указъ 8 іюня 1884 г. предоставилъ «ближайшему усмотрѣнію» министра финансовъ производить дальнѣйшія ежегодныя уплаты по 50 милл. или наличными кредитными билетами, или 5%-ною золотою или кредитною рентою. Вслѣдствіе этого за 1884 г. Банку было передано 5%-ной ренты: золотой на нарицательный капиталъ 20 милл. руб. и кредитной на такой же капиталъ 25 милл.; а за слѣдующіе четыре года Банку передавалось золотой ренты каждый годъ на нарицательный капиталъ 36 милл., эти пять уплатъ рентою сочтены были равносильными уплатѣ 250 милл. руб. кред. Изъ означенной ренты реализована только золотая 1884 г., доставившая Банку 26.471.445 рублей, вслѣдствіе чего кредитная рента 1884 г. оказалась зачтенною за остальные (до 50 милл.) 23.528.555 р. Сверхъ того на основаніи Высочайшаго указа 13 октября 1889 г. и передано было Банку наличными деньгами 50 милл. рублей, а внесенная въ Банкъ за 1888 г. золотая рента на нарицательный капиталъ 36 милл. руб. была изъята и уничтожена. Такимъ образомъ, нереализованы, а потому недоупло-

---

ныхъ поступленій, на 140 917.536 р., которые могли быть взяты только изъ свободныхъ остатковъ отъ поступленій прежнихъ лѣтъ, только въ остаткахъ отъ сдѣланныхъ у Банка позаимствованій и заключавшихся. Прибавивъ къ приведенной суммѣ 140.917 536 р. еще дифициты Государственной Росписи 1881 — 83 годовъ, получаемъ итогъ въ 200.181.962 руб., на который въ 1881—83 годахъ уменьшилась свободная наличность Государственнаго Казначейства, составлявшая въ концѣ 1883 года уже лишь 43.408.000 р.

ченными Банку, остались суммы по ренте 1884 года на 23.528,555 рублей и за 1885, 1886 и 1887 годы на 150 милл., а всего на 173.528,555 рублей. Поэтому въ счетъ произведенныхъ у Банка въ 1876—80 годахъ позаимствованій на 419.595,509 рублей, для которыхъ новыхъ временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ тогда же было произведено на 417.000,000 руб., Банку дѣйствительно уплачено 246.066,954 р. наличными деньгами.

Изъ этой суммы сравнительно небольшая часть въ 2.595,509 руб., составлявшая разность между суммою сдѣланныхъ у Банка позаимствованій на 419.595,509 р. и суммою произведенныхъ для нихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на 417.000,000 руб., какъ взятая изъ прочихъ оборотныхъ средствъ Банка, подлежала возврату въ тѣ же оборотныя средства, а остальные 243.471,445 рублей, полученные Банкомъ наличными деньгами, должны были служить для осуществленія опредѣленія Высочайшаго указа 1 января 1881 г., которое предписывало извлекать изъ обращенія временно-выпущенные въ 1876 — 80 годахъ кредитные билеты безъ стѣсненія денежнаго рынка, «по соображенію съ потребностью въ денежномъ обращеніи».

Дѣйствительное осуществленіе это опредѣленіе получило въ такомъ видѣ, что изъято было изъ обращенія: въ декабрѣ 1883 года на 30 милл. въ іюнѣ 1884 г. столько же и наконецъ въ февралѣ 1885 года на 27 милл., всего въ три пріема 87 милл., вслѣдствіе чего изъ числа временно выпущенныхъ въ 1876—80 годахъ 417 милл., въ обращеніи осталось уже лишь 330 милл. Финансовое управленіе (Н. Х. Бунге) тогда держалось убѣжденія, что въ болѣе сильной мѣрѣ извлекать кредитные билеты изъ обращенія было невозможно безъ стѣсненія денежнаго рынка. Но такъ какъ ниже придется упоминать о томъ, что Финансовый Комитетъ допускалъ возможность дальнѣйшихъ изъятій, то представляется умѣстнымъ объяснить, на чемъ могло держаться подобное разногласіе. Финансовое управленіе преимущественно находилось подъ впечатлѣніемъ тѣхъ затрудненій, которыя испытывались имъ при реализаціи займовъ въ первую половину 1880-хъ го-

довъ [1]). Противоположный-же взглядъ могъ поддерживаться тѣми явленіями, которыя обнаруживала кассовая наличность Государственнаго Банка именно послѣ 1881 г., послѣ прекращенія выпусковъ кредитныхъ билетовъ при покрытіи чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ.

Явленія эти были совершенно аналогичны съ явленіями, обнаружившимися послѣ Крымской войны, когда выпуски кредитныхъ билетовъ для чрезвычайныхъ расходовъ по окончаніи войны сопровождались сосредоточеніемъ значительныхъ суммъ въ кассахъ тогдашнихъ казенныхъ банковъ. Это явленіе въ еще большихъ размѣрахъ обнаружилось послѣ выпусковъ 1876—80 годовъ: они съ 1881 года сопровождались сосредоточеніемъ значительныхъ суммъ въ кассахъ Государственнаго Банка, непрерывно и сильно возраставшихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, хотя въ тоже время чувствительно расширялись коммерческія операціи не только Государственнаго Банка, но и акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита. Это наростаніе кредитныхъ билетовъ, скучивавшихся въ кассахъ Государственнаго Банка послѣ 1881 года, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ то время, какъ въ 1877—80 г.г., пока продолжались временные выпуски кредитныхъ билетовъ, кассовая наличность Государственнаго Банка всегда была очень умѣренная и не была никогда больше 54,8 милл. руб., но за то понижалась до 18,9 милл. руб.,—съ 1881 г., когда новые выпуски кредитныхъ билетовъ совсѣмъ были пріостановлены и сумма выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ оставалась почти неподвижною,—наивысшее и наинизшее состояніе кассовой наличности Государственнаго Банка выражалось въ ближайшіе послѣ того годы въ слѣдующихъ суммахъ (въ миллионахъ рублей) [2]):

[1]) Н. Х. Бунге опасался главнымъ образомъ того, что болѣе сильныя изъятія кредитныхъ билетовъ могутъ ослабить способность денежнаго рынка удовлетворить требованія госуд. казначейства, еслибъ послѣднее поставлена была въ необходимость реализовать внутренній заемъ (напр. для желѣзнодорожныхъ расходовъ), или когда оно выпускало свои краткосрочныя «обязательства».

[2]) Любопытно, что и въ 1860 и 1870-хъ годахъ, пока производились временные выпуски для усиленія банковыхъ кассъ, Банкъ

	Наибольшая.	Наименьшая.
въ 1881 году . .	128,6 (1 авг.)	56,0 (1 окт.)
» 1882 » .	142,6 (1 мая)	116,5 »
» 1883 » . .	195,3 (1 апр.)	131,3 »
» 1884 » [1]) .	209,4 (1 іюня)	145,7 »

Если изъятіе 30 милл. руб. изъ обращенія въ декабрѣ 1883 г. не могло помѣшать кассовой наличности возрасти къ 1 іюня 1884 г. до громадной суммы 209,4 милл. и дальнѣйшее изъятіе еще 30 милл. въ іюнѣ 1884 г даже не могло помѣшать возвышенію того наименьшаго уровня, до котораго всегда падаетъ къ 1 октября кассовая наличность Государственнаго Банка, и этотъ наименьшій уровень все еще выражался почтенною суммою 145,7 милл. руб., то это

не имѣлъ интереса заботиться о высокомъ уровнѣ ихъ наличности, и оттого она большею частью была незначительная, а иногда даже ничтожная; напротивъ. когда съ 1874 г. временные выпуски прекратились, то въ іюнѣ 1875 г. наличность поднялась до 70 милл., а въ мартѣ 1876 г. (до начала выпусковъ для военныхъ расходовъ 1876—80 г.г., которые начались лишь въ концѣ 1876 г.) наличность опять поднялась до 70 милл.

[1]) Какъ это сосредоточеніе значительныхъ суммъ въ кассовой наличности Государственнаго Банка нисколько не мѣшало развитію коммерческихъ операцій и, напротивъ шло объ руку съ этимъ развитіемъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ о среднихъ (изъ семимѣсячныхъ) годовыхъ суммахъ портфеля учтенныхъ векселей въ милліонахъ рублей·

	У Государственнаго Банка.	У акціонерныхъ банковъ.	Всего.
въ 1878 году . .	62	150	212
» 1879 »	76	141	217
» 1880 » . . .	87	139	226
Средняя	75	143	218
въ 1881 году . . .	91	146	237
» 1882 » . . .	94	155	249
» 1883 » . . .	102	162	264
» 1884 » . .	110	159	269
Средняя . . .	99	156	255

естественно могло поддерживать готовность допускать, что изъятіе изъ обращенія временно-выпущенныхъ въ 1876—80 г.г. кредитныхъ билетовъ не встрѣчало особенно сильныхъ затрудненій въ первую половину 1880-хъ годовъ, когда выпущенные въ 1876—80 гг. кредитные билеты еще не успѣли глубоко проникнуть во всѣ развѣтвленія каналовъ обращенія [1]).

Какъ бы то ни было, но первоначальныя предположенія Высочайшаго указа 1 января 1881 г. о погашеніи долга государственнаго казначейства за произведенныя въ 1876—80 гг. у Банка позаимствованія и объ изъятіи изъ обращенія выпущенныхъ для этихъ позаимствованій кредитныхъ билетовъ не получили прямого и полнаго осуществленія. Поэтому впослѣдствіи суммы означеннаго долга и временныхъ выпусковъ 1876—80 гг. были урегулированы на иныхъ основаніяхъ. Выше упоминалось, что изъ 417 милл., на которые простирались эти выпуски и сдѣланныя посредствомъ нихъ позаимствованія, Банку были уплачены 243.471,445 рублей, недоуплачены остальные 173.528,555 рублей. За изъятіемъ изъ обращенія 87 милл. изъ временно-выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, отъ нихъ оставалось 330 милл., а въ распоряженіи Банка изъ уплаченныхъ ему наличными деньгами суммъ оставалось (243.471,445—87.000,000)=156.471,445 руб. Въ счетъ этой суммы Банкъ въ 1887 г., на основаніи Высочайшаго указа 10 іюля 1887 г, передалъ въ размѣнный фондъ (и, слѣдовательно, возвратилъ) 40 милл. рублей золотомъ, зачтенные за 63.736,854 руб. кредитныхъ; поэтому на послѣднюю сумму часть кредитныхъ билетовъ временнаго выпуска была причислена къ кредитнымъ билетамъ постояннаго выпуска, имѣя въ ихъ составѣ свое обезпеченіе въ тѣхъ 40 милл. золотомъ, которые были присоединены къ размѣнному фонду. Затѣмъ, на основаніи Высочайшаго указа 9 но-

[1]) Сумма выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ съ 1 ноября 1880 г. до 1 декабря 1883 г. оставалось неподвижно на уровнѣ 1133½ милл. рублей; къ 1 февраля 1885 г. она уменьшилась до 1046⅘ милл. и на этомъ уровнѣ оставалась до 1 августа 1891 г. почти все время кромѣ 1 октября, 1 ноября и 1 декабря 1888 г., когда она незначительно увеличилась.

ября 1894 г., Банкъ передалъ въ размѣнный фондъ еще 65.133 692 рубля золотомъ. стоимостью въ 92.734,591 руб. кредитныхъ, и на эту послѣднюю сумму кредитные билеты временнаго выпуска тоже были присоединены къ кредитнымъ билетамъ постояннаго выпуска, имѣя въ составѣ послѣдняго свое обезпеченіе въ 65.433,692 руб. золотомъ, прибавленныхъ къ размѣнному фонду. Обѣ приведенныя суммы временныхъ кредитныхъ билетовъ, соединенныхъ съ кредитными билетами постояннаго выпуска, вмѣстѣ составили (63.736,854+92.734,591)= =156.471,445 рублей. то-есть, все, что оставалось въ распоряженіи Банка изъ уплатъ, ему сдѣланныхъ за произведенныя у него позаимствованія, и возвратомъ за эти суммы золота на (40.000,000 +65.433,692) = 105.433,692 рубля нарицательныхъ, на которые увеличенъ размѣнный фондъ, кредитные билеты временнаго выпуска, присоединенные къ постоянному выпуску, получили полное ихъ обезпеченіе золотомъ по его курсовой стоимости, за каждый рубль кредитный столько золота, сколько онъ по курсу стоитъ. Затѣмъ, на основаніи того же Высочайшаго указа 9 ноября 1894 г. и остававшіеся еще кредитные билеты временнаго выпуска на 173.528,555 рублей, которые соотвѣтствовали недоуплаченной части произведенныхъ у Банка въ 1876—80 годахъ позаимствованій, тоже были присоединены къ кредитнымъ билетамъ постояннаго выпуска; послѣдовавшимъ же затѣмъ Высочайшимъ указомъ 3 марта 1895 года размѣнный фондъ увеличенъ на 98.061,277 руб. золотомъ [1]), которые въ составѣ фонда представили такое же, какъ вышеуказанное, обезпеченіе и для остальной части кредитныхъ билетовъ выпуска 1876—80 годовъ, уменьшивъ безпроцентный долгъ Государственнаго Казначейства за кредитные билеты на тѣ же 98 061,277 руб. золотомъ нарицательныхъ, или на сумму соразмѣрно большую по курсовой стоимости этого золота. Такимъ образомъ, хотя формальная сторона указа 1 января 1881 г. послѣдующими

---

[1]) Банку было передано золота на 99 186.959 рублей въ $^{1}/_{10}$ имперіала но изъ нихъ 1.125 682 р. замѣнили серебро на эту сумму, входившее въ составъ размѣннаго фонда и изъ него изъятое

распоряженіями и была измѣнена; но то значеніе, которое указъ этотъ имѣлъ по своему существу, предначертывая подготовительныя мѣры для денежной реформы, насколько разстройство денежной системы зависѣло отъ временныхъ выпусковъ 1876—80 годовъ, онъ сохранилъ, какъ руководящее основаніе, и коренная его мысль—сдѣлать безопасными означенные выпуски—получила осуществленіе въ 1895 году.

Высочайшій указъ 1 января 1881 г. былъ, однако, лишь первою частью подготовительныхъ мѣропріятій для денежной реформы Онъ только былъ осязательнымъ выраженіемъ того, что непосредственно и немедленно вслѣдъ затѣмъ, какъ временные выпуски 1876—80 г г. внесли новое разстройство въ наше денежное обращеніе, была сознана необходимость не откладывать уже дѣло преобразованія въ дальній ящикъ и, не взирая даже на весьма неблагопріятное дѣйствіе, оказанное войною на общее финансовое положеніе, считать борьбу съ означеннымъ разстройствомъ—постоянною текущею задачею, не сходящею съ очереди И эта задача, дѣйствительно, во все время съ 1881 г. постоянно сосредоточивала на себѣ вниманіе заботы финансоваго управленія, кто бы ни стоялъ во главѣ его съ тѣхъ поръ. Всѣ министры, съ того времени руководившіе финансами Россіи, во всякое данное время были заняты разработкою мѣръ по возстановленію металлическаго обращенія,—тѣмъ болѣе, что неотложность этого дѣла къ нимъ перешла, какъ наслѣдіе, которымъ они не могли пренебречь. Ибо, уже значительно ранѣе она была вполнѣ сознана и графомъ М. Х. Рейтерномъ. Необходимость вновь обратиться къ выпускамъ бумажныхъ денегъ, какъ къ чрезвычайному рессурсу для экстраординарныхъ военныхъ расходовъ въ 1876 году возникла ранѣе, чѣмъ что-либо было сдѣлано для охраны производительности этого рессурса; необходимость опять воспользоваться этимъ рессурсомъ возникла при такихъ условіяхъ, при которыхъ не только онъ самъ подвергался большой опасности изсякнуть какъ-разъ въ моментъ наинастоятельнѣйшей государственной нужды въ немъ, но опасности вмѣстѣ съ ними подвергались всѣ ординарные и экстраординарные финансовые рессурсы, доставляющіе казнѣ

суммы въ кредитныхъ рубляхъ:—поэтому именно возможность возникновенія подобнаго положенія не могла не выяснить, что какъ въ интересахъ народнаго хозяйства, такъ и въ интересахъ государственнаго хозяйства, финансовое управленіе должно начать приготовленія къ постановкѣ обращенія кредитныхъ билетовъ на ея правильную почву, на которой это обращеніе не только перестаетъ угрожать гибельными опасностями, но поддерживаетъ и ускоряетъ экономическіе и финансовые успѣхи страны.

Необходимость принудила къ установленію (на основаніи Высочайшаго указа 10 ноября 1876 г.) взимаемыхъ золотомъ таможенныхъ пошлинъ и къ начатію въ концѣ 1876 г. новыхъ временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ для чрезвычайныхъ расходовъ. Вслѣдъ за этимъ графъ М. Х. Рейтернъ въ началѣ 1877 г. вошелъ въ Комитетъ Финансовъ съ представленіемъ о допущеніи, чтобы «всѣ счеты, условія, обязательства и вообще всякаго рода сдѣлки, какъ въ дѣлахъ казны съ частными лицами и обратно, такъ и во всѣхъ вообще дѣлахъ частныхъ людей между собою»... «могли быть совершаемы на золото». Графъ Рейтернъ при этомъ, очевидно, возвращался къ мысли, которая уже была имъ высказана въ 1867 г., Но на этотъ разъ она уже выражалась въ болѣе распространенномъ видѣ разрѣшенія не только факультативныхъ, но и обязательныхъ (по силѣ договоровъ) уплатъ золотомъ, для привлеченія его въ каналы денежнаго обращенія. Быть можетъ и въ 1877 г., какъ и въ 1867 г., графъ Рейтернъ думалъ, что это уменьшитъ потребность во временныхъ выпускахъ. Но Финансовый Комитетъ, въ засѣданіи 28 марта 1877 г. отклонилъ сдѣланное ему предложеніе, считая его несвоевременнымъ, какъ въ виду необходимости «прибѣгнуть къ выпуску кредитныхъ билетовъ для покрытія могущихъ потребоваться чрезвычайныхъ расходовъ», такъ особенно въ виду опасенія Комитета, что «означенная мѣра могла бы дать поводъ къ предположенію, что само правительство уже не признаетъ за кредитнымъ рублемъ его прежняго значенія», то-есть: не расчитываетъ на возможность поддерживать въ неприкосновенной цѣлости всю нарицатель-

ную цѣну кредитнаго рубля. Это опасеніе Финансоваго Комитета, конечно, по существу, было совершенно правильное. Внесенное графомъ Рейтерномъ въ началѣ 1877 года представленіе, конечно, нельзя признавать выраженіемъ твердой вѣры въ неприкосновенность нарицательнаго достоинства кредитнаго рубля. Этой твердой вѣры однако у графа Рейтерна не было уже и 10 лѣтъ раньше, когда онъ въ 1867 году исходатайствовалъ право производить Государственному Банку платежи звонкою монетою по ея курсовой цѣнѣ. Во всякомъ случаѣ почва для этой твердой вѣры въ неприкосновенность нарицательнаго достоинства кредитнаго рубля послѣ выпусковъ 1876—80 гг. и послѣдовавшаго вмѣстѣ съ ними сильнаго пониженія стоимости кредитнаго рубля, столь сильно поколебалось, что съ 1881 г. всѣ министры финансовъ строили свои предположенія о денежной реформѣ на мысли, что спасеніе возможно уже лишь для той стоимости кредитнаго рубля, которая соотвѣтствуетъ его дѣйствительной покупной силѣ, а не его нарицательному достоинству. Въ этомъ духѣ Н. Х Бунге также, какъ его предшественникомъ гр. Рейтерномъ, были выработаны въ 1879 г. предположенія о возстановленіи металлическаго обращенія въ Россіи (еще до его назначенія товарищемъ министра финансовъ) и въ этомъ же духѣ онъ уже министромъ финансовъ въ декабрѣ 1882 г. о томъ же предметѣ вошелъ съ представленіемъ въ Финансовый Комитетъ. Доказывая, что необходимо «установленіе въ Россіи такой денежной системы, которая не исключала бы звонкой монеты изъ обращенія» и что это необходимо «для довершенія славнаго начала, положеннаго указомъ 1 января 1881 г.», Н. Х. Бунге объяснялъ, что нельзя стремиться къ изъятію кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, не имѣя возможности для того, «чтобы въ случаѣ надобности извлекаемые кредитные билеты были замѣнены чѣмъ-либо другимъ, и, безъ сомнѣнія, такой замѣнъ будетъ наилучшимъ, если мѣсто кредитныхъ билетовъ будетъ занято монетою». Поэтому Н. Х. Бунге полагалъ, что слѣдуетъ допустить обращеніе звонкой монеты съ лажемъ, и что «послѣдствія допущенія звонкой монеты къ обращенію съ лажемъ могутъ ока-

заться благопріятными для привоза металлическихъ денегъ въ Россію», а для достиженія этой цѣли Н. Х. Бунге, дѣлая значительный шагъ впередъ противъ тѣхъ мыслей, которыя въ 1867 и 1877 г.г. выражалъ графъ Рейтернъ, признавалъ необходимымъ не только допустить заключеніе сдѣлокъ на металлическую валюту, но разрѣшить обращеніе звонкой монеты по курсу въ платежахъ между казною и частными лицами по ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ.

Въ Комитетѣ Финансовъ, въ засѣданіи 7 декабря 1882 г. предложеніе Н. Х. Бунге сильно было поддержано графомъ М. Х. Рейтерномъ, но встрѣтило и возраженія, какъ относительно его своевременности, такъ особенно потому, что ему не непредшествовало предполагавшееся указомъ 1 января 1881 г. изъятіе изъ обращенія временно-выпущенныхъ въ 1876—80 г.г. кредитныхъ билетовъ, хотя, какъ указывалось въ Комитетѣ, «кредитные билеты эти продолжаютъ обращаться въ кассахъ Банка». Такъ какъ это указаніе въ то время было буквально вѣрно, то Н. Х. Бунге, съ своей стороны, объяснилъ, что «если въ кассахъ Банка уже накопился нѣкоторый запасъ кредитныхъ билетовъ, то запасъ этотъ въ видахъ оживленія торговыхъ оборотовъ (!) можетъ быть необходимъ для самаго Банка и во всякомъ случаѣ служитъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго правительство при невозможности выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ или совершенія государственнаго займа можетъ заимствовать въ случаѣ нужды небольшія суммы подъ обезпеченіе краткосрочными обязательствами государственнаго казначейства». По обсужденіи представленія министра финансовъ въ связи съ вызванными имъ сужденіями Финансовый Комитетъ полагалъ: 1) «одобрить основную мысль проектированныхъ предположеній, какъ о дозволеніи частнымъ лицамъ и учрежденіямъ совершать сдѣлки на звонкую монету, такъ и о разрѣшеніи употреблять монету въ казенныхъ и частныхъ платежахъ», и 2) предоставить министру финансовъ войти по сему предмету съ представленіемъ въ государственный совѣтъ».

Представленіе это было сдѣлано и разсматривалось въ

соединенномъ присутствіи департаментовъ экономіи и законовъ, въ засѣданіи 10 марта 1883 г., но встрѣтило менѣе сочувствія, чѣмъ въ Финансовомъ Комитетѣ. Присутствіе полагало, что «одно разрѣшеніе производить платежи звонкою монетою по курсу и заключать на нее сдѣлки не можетъ еще имѣть послѣдствіемъ водвореніе этой монеты на внутреннемъ рынкѣ» Тѣмъ не менѣе присутствіе признавало невозможнымъ не согласиться съ министромъ финансовъ, что «установленное дѣйствующимъ законодательствомъ воспрещеніе производить платежи и совершать сдѣлки на звонкую монету по ея курсовой цѣнѣ..., преграждая всякую возможность образованію у насъ металлическаго рынка, даже при наличности благопріятныхъ для того условій, затрудняетъ принятіе мѣръ, необходимыхъ для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля и исправленія разстроенной его паденіемъ денежной нашей системы». При всемъ томъ и даже имѣя въ виду, что «министерство финансовъ не приступило еще къ уничтоженію погашенныхъ кредитныхъ билетовъ, *справедливо* опасаясь, что... сокращеніе .. вызоветъ стѣсненіе денежнаго обращенія и породитъ серьезныя затрудненія въ промышленности и торговли»,—департаменты, хотя и «не могутъ не признать ходатайства министра финансовъ въ существѣ *совершенно правильнымъ*», но «находятъ, что безотлагательное утвержденіе ихъ (предположеній министра) повело бы къ существеннымъ неудобствамъ». Не останавливаясь на подробномъ выясненіи, въ чемъ собственно заключались эти неудобства, департаменты полагали, что необходимо предлагаемую мѣру «обставить такими условіями, при которыхъ не могло бы быть сомнѣній относительно *истиннаго ея смысла*. Въ этихъ видахъ и по ближайшей связи испрашиваемаго разрѣшенія принимать монету въ платежи по курсу съ вопросомъ объ изъятіи изъ обращенія излишняго числа кредитныхъ билетовъ, весьма важно установить эту мѣру въ то время, когда дѣйствительно будетъ приступлено къ исполненію Высочайшаго повелѣнія 1 января 1881 г. *въ полномъ его объемѣ*». Вмѣстѣ съ этимъ департаменты признавали необходимымъ установленіе способа

осуществленія предлагаемой мѣрѣ такимъ образомъ, «чтобы каждому было извѣстно, что отмѣна существующаго воспрещенія принимать монету въ платежи по курсу является естественнымъ послѣдствіемъ принимаемыхъ правительствомъ мѣръ для возстановленія цѣнности кредитныхъ билетовъ», дабы тѣмъ предупредить «возможность легко возникающихъ въ подобныхъ случаяхъ опасеній относительно девальваціи бумажныхъ денегъ». Вслѣдствіе этого «департаменты, не приступая къ разрѣшенію внесенныхъ министромъ финансовъ предположеній», полагали предоставить ему «внести дополнительное по онымъ представленіе согласно изложеннымъ указаніямъ».

Н. Х. Бунге, однако, уже не входилъ съ дополнительнымъ представленіемъ, необходимо думать, не потому, что онъ отказался отъ своихъ предположеній, «одобренныхъ» Финансовымъ Комитетомъ и признанныхъ департаментами государственнаго совѣта «совершенно правильными», а потому что, слѣдуя изложеннымъ «указаніямъ», онъ не нашелъ возможности предложить такой «способъ осуществленія» выработанныхъ имъ предположеній, съ помощью котораго допущеніе пріема звонкой монеты по курсу служитъ для возстановленія цѣнности кредитныхъ билетовъ.

Встрѣтившись съ препятствіемъ для осуществленія тѣхъ предположеній, которыя, посредствомъ допущенія пріема звонкой монеты по курсу и сдѣлокъ на металлическую валюту, клонились къ созданію металлическаго рынка въ Россіи,— Н. Х. Бунге обратился къ другимъ подготовительнымъ способамъ для достиженія той-же цѣли. Въ этихъ видахъ онъ съ осени 1884 г. началъ стремиться къ увеличенію сосредоточеннаго въ Государственномъ Банкѣ запаса золота, посредствомъ передачи въ кассы Банка поступающаго въ таможенныя пошлины золота, а также золота, поступающаго отъ внѣшнихъ государственныхъ займовъ, съ зачисленіемъ стоимости его на металлическій счетъ департамента государственнаго казначейства. Передача эта началась съ августа 1884 г. и уже къ 1 января 1885 г. на различныхъ счетахъ Банка числилось золота на 47.85 милл. рублей, 1 января

1886 г. на 111 милл. рублей, а на 1 января 1887 года на 126,41 милл. рублей [1]).

Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ финансовъ И. А Вышнеградскаго онъ не только вполнѣ усвоилъ перешедшіе къ нему, какъ наслѣдіе, установившіеся въ финансовомъ управленіи взгляды по вопросу о преобразованіи денежной системы, но съ отличавшею его рѣшительностью въ образѣ мысли и образѣ дѣйствій не замедлилъ дать означеннымъ взглядамъ болѣе энергическое выраженіе. Въ представленіи Комитету Финансовъ, въ концѣ іюня 1887 г., о мѣрахъ по упроченію нашего вексельнаго курса и упорядоченію денежнаго обращенія, И. А. Вышнеградскій, указывая на потери казны отъ обезцѣненія кредитнаго рубля и на еще большій вредъ, причиняемый благосостоянію Россіи постоянными колебаніями въ цѣнности нашей денежной единицы, полагалъ, что «устранить это зло посредствомъ постепеннаго доведенія цѣнности кредитнаго рубля до нарицательной его стоимости, представляется не только едва-ли выполнимымъ, но даже и совершенно нежелательнымъ... Посему въ настоящее время слѣдуетъ стремиться къ упроченію цѣнности кредитнаго рубля, принявъ за основаніе курсъ, который въ общемъ среднемъ довольно долго держался... Устраненіе колебаній курса и упорядоченіе нашего денежнаго обращенія возможно, однако, лишь при условіи допущенія свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, для чего необходимо, какъ усиленіе размѣннаго фонда, такъ и другія предварительныя мѣропріятія, между которыми самое выдающееся мѣсто принадлежитъ разрѣшенію сдѣлокъ на металлическую валюту». Съ своей стороны Финансовый Комитетъ, въ засѣ-

---

[1]) Стоимость золота при этомъ показана по курсу, считая одинъ рубль золотомъ въ $^1/_{10}$ имперіала въ 1 р. 50 коп. кредитныхъ; золото размѣннаго фонда при этомъ не принято во вниманіе. Со включеніемъ золота размѣннаго фонда, перечисленнаго по тому-же курсу, въ Государственномъ Банкѣ состояло всего золота: 1 января 1884 г. 298.38 милл. руб., 1 января 1885 г. 303.37 милл., 1 января 1886 г. 366.53 милл, 1 января 1887 г 381.97 милл.

дании 28 іюня 1887 г., на этотъ разъ тоже болѣе опредѣленно высказалъ то одобреніе, которое имъ уже было выражено въ 1883 г. по поводу однороднаго представленія Н. Х. Бунге.

Категорически поставивъ вопросъ «должно ли къ упроченію нашего курса стремиться путемъ постепеннаго возстановленія цѣнности кредитнаго рубля, или же слѣдуетъ поставить себѣ задачею упроченіе цѣнности рубля посредствомъ размѣна его по курсу близкому къ современному», Финансовый Комитетъ, соглашаясь съ мнѣніемъ И. А. Вышнеградскаго, «отдалъ рѣшительное предпочтеніе сему послѣднему способу», такъ какъ иначе «реформа не могла-бы быть осуществлена безъ глубокаго потрясенія всего экономическаго строя государства». Поэтому Комитетъ Финансовъ повторялъ убѣжденіе, что «предметомъ всякихъ мѣропріятій въ отношеніи денежнаго обращенія можетъ быть не возстановленіе полной номинальной цѣнности кредитнаго рубля, а лишь установленіе этой цѣнности настолько прочно, чтобы былъ положенъ предѣлъ дальнѣйшимъ колебаніямъ», и поэтому слѣдуетъ стремиться «къ упроченію размѣна кредитнаго рубля на золотую валюту въ отношеніи близкомъ къ $1^1/_2$ рублямъ кредитнымъ за 1 рубль металлическій». Вмѣстѣ съ тѣмъ Финансовый Комитетъ полагалъ, что открытію размѣна должно предшествовать усиленіе размѣннаго фонда.

На основаніи удостоившагося 10 іюля 1887 г Высочайшаго утвержденія журнала Комитета Финансовъ по его засѣданію 28 іюня 1887 г., выработаны были предположенія И. А. Вышнеградскаго, изложенныя въ его проектѣ представленія государственному совѣту «о возстановленіи обращенія звонкой монеты» отъ 12 Января 1888 г. Въ этомъ представленіи И А. Вышнеградскій, «считая безусловно необходимымъ нынѣ-же приступить къ мѣропріятіямъ по упроченію нашей денежной системы», ходатайствовалъ вновь о разрѣшеніи сдѣлокъ на металлическую валюту. Эти предположенія практическаго осуществленія не получили.

Поэтому и И. А. Вышнеградскому оставался открытымъ

лишь путь тѣхъ подготовленій къ денежной реформѣ, по которому уже шелъ его ближайшій предшественникъ. Взгляды, коихъ держался И. А. Вышнеградскій въ отношеніи осуществленія предначертаній указа 1 января 1881 г., получили выраженіе въ его представленіи Комитету Финансовъ, въ связи съ которымъ состоялся Высочайшій указъ 10 іюля 1887 г. По этому указу осуществилась упомянутая выше передача Государственнымъ Банкомъ въ размѣнный фондъ 40 милл. руб. золота (изъ запаса составившагося при Н. Х. Бунге) съ перечисленіемъ на сумму его курсовой стоимости кредитныхъ билетовъ изъ временныхъ выпусковъ 1876—80 г.г. въ составъ постояннаго ихъ выпуска. Кромѣ того, тотъ-же указъ опредѣлялъ: «дальнѣйшее погашеніе долга (за произведенныя въ 1876—80 г.г. у Банка позаимствованія) производить по ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ, или внесеніемъ золота въ размѣнный фондъ (съ тѣмъ, чтобы соотвѣтственная, по покупной цѣнѣ сего золота, сумма была-бы списана со счета временнаго выпуска кредитныхъ билетовъ и занесена на счетъ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ народное обращеніе подъ обезпеченіе размѣннымъ фондомъ), или уничтоженіемъ кредитныхъ билетовъ, но безъ стѣсненія денежнаго рынка, по мѣрѣ накопленія золота или кредитныхъ билетовъ въ кассахъ Государственнаго Банка.

Изъ этихъ двухъ способовъ, накопленіе въ кассахъ Государственнаго Банка золота пошло гораздо успѣшнѣе, чѣмъ накопленіе въ нихъ кредитныхъ билетовъ [1]). Какъ выяснено выше, въ 1881—84 г.г. кредитные билеты сосредоточивались

---

[1]) Курсовая стоимость всего количества золота, значившагося на различныхъ счетахъ Государственнаго Банка (въ томъ числѣ и на счетѣ размѣннаго фонда), считая по 1 р. 50 коп. кредитныхъ за 1 рубль золотомъ въ 1/10 имперіала, составляла: 1 января 1888 г. 389,40 милл., 1 января 1889 г. 429,32 мплл., 1 января 1890 г. 475,19 милл., 1 января 1891 г. 575,80 и 1 января 1892 г. 642,14 милл. рублей кредитныхъ. Всего запасъ золота въ Госуд. Банкѣ при И. А. Вышнеградскомъ увеличился на 260,17 милл. рублей кредитныхъ (693,79 мплл. франковъ).

въ большомъ количествѣ въ кассахъ Банка, но съ августа 1884 г. принимались уже прямыя мѣры для накопленія золота въ этихъ кассахъ; напротивъ, суммы кредитныхъ билетовъ, находившихся въ кассахъ Банка, стали сильно убывать, и уже въ 1888 г. это убываніе приняло столь чувствительные размѣры, что вновь вызвало необходимость во временныхъ, для усиленія Банковыхъ кассъ, выпускахъ кредитныхъ билетовъ, подтверждая еще разъ неоднократно и прежде оправдывавшееся на опытѣ правило: что разстроенное денежное обращеніе неизбѣжно слагается изъ явленія чрезмѣрности суммъ, выпускаемыхъ въ народное обращеніе въ періоды, когда онѣ нужны для чрезвычайныхъ расходовъ, безъ соображенія съ нуждами народнаго хозяйства въ нихъ, и явленія тугости денежнаго обращенія, возникающаго вслѣдъ затѣмъ, когда выступаетъ съ другой стороны одна изъ коренныхъ особенностей неразмѣнныхъ и упавшихъ въ цѣнѣ бумажныхъ денегъ, отсутствіе упругости и растяжимости въ ихъ обращеніи. Новые временные выпуски производились на основаніи Высочайшихъ указовъ 8 іюля 1888 г. и 28 іюля 1891 г., существенно отличаясь отъ однородныхъ, прежде производившихся, выпусковъ, тѣмъ, что они должны были производиться «не иначе, какъ подъ обезпеченіе золота, принадлежащаго государственному Казначейству или Банку, съ тѣмъ, чтобы эти кредитные билеты были уничтожаемы, когда сокращеніе денежнаго обращенія будетъ представляться возможнымъ по ходу торговли, и чтобы золото, положенное въ обезпеченіе выпущенныхъ билетовъ, было возвращено государственному казначейству или Банку, не прежде, какъ по уничтоженіи кредитныхъ билетовъ». На этихъ основаніяхъ произведено было выпусковъ на 230 милл. рублей, изъято на 155 милл. и осталось въ обращеніи на 75 милл. рублей [1]).

Въ какой связи эти выпуски находились съ состояніемъ оборотной кассы Государственнаго Банка и въ какой мѣрѣ явленія, представлявшіяся сосредоточеніемъ наличности въ

---

[1]) Въ частности выпуски и изъятія производились въ слѣдующей постепенности:

кассахъ Банка, съ конца 1880-хъ годовъ были прямо противоположны тѣмъ, которыя въ этомъ отношеніи обнаруживались въ первую половину 1880-хъ годовъ, наглядно показываетъ продолженіе сообщенныхъ выше данныхъ о суммахъ, въ которыхъ въ каждомъ году выражалось наивысшее и наинизшее состояніе оборотной кассы Банка кредитными билетами. Суммы эти въ милліонахъ рублей были слѣдующія:

	Наибольшая	Наименьшая.
въ 1885 году	174,7	129,6
» 1886 »	174,6	100,6
» 1887 »	117,3	59,8
» 1888 » . .	94,7	44,6
» 1889 »	129,0	79,6
» 1890 » . . .	170,6	108,7
» 1891 » . . .	149,3	49,2
» 1892 » . .	83,5	53,6
» 1893 » . .	122,2	34,2
» 1894 » .	178.7	49,2
» 1895 »	111,4	18,6
» 1896 » .	107,5	38,2

Числа эти, однако, нуждаются въ поправкѣ въ томъ смыслѣ, что состоявшіе въ обращеніи временно-выпущенные на основаніи Высочайшихъ указовъ 8 іюля 1888 и 28 іюля

	выпущено.	изъято.
въ 1888 г. въ сентябрѣ .	30 милл.	—
» » » ноябрѣ . .	— »	15 милл.
» » » декабрѣ. .	— »	15 »
» 1891 » августѣ .	50 »	— »
» » » сентябрѣ.	25 »	— »
» 1892 » августѣ . .	50 »	— »
» » » сентябрѣ . .	25 »	— »
» 1893 » январѣ	— »	25 »
» » » мартѣ . .	— »	25 »
» » » октябрѣ. . .	50 »	— »
» 1894 » іюнѣ	— »	75 »
Итого . . .	230 милл.	155 милл.

1891 г. кредитные билеты увеличивали кассовую наличность которая безъ нихъ была-бы меньше; во многихъ случаяхъ даже совсѣмъ никакой наличности въ кассахъ не было-бы, особенно осенью, и именно этотъ-то прямой недостатокъ и вызывалъ временные выпуски. Въ слѣдующемъ сопоставленіи изъ вышеприведенныхъ суммъ кассовой наличности вычтены суммы одновременно состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ временныхъ выпусковъ, и тогда обнаруживается, что безъ временныхъ выпусковъ кассовая наличность Банка въ указанные моменты составляла-бы въ милліонахъ рублей.

	Наибольшая	Наименьшая.
въ 1888 году . . .	94,7	14,6
» 1889 » . . .	129,0	79,6
» 1890 » . . .	170,6	108,7
» 1891 » . .	149,3	—25,8
» 1892 » . . .	8,5	—21,4
» 1893 »	—27,8	—65,8
» 1894 »	28,7	—25,8
» 1895 » . . .	36,4	—56,4
» 1896 »	32,5	—36,8

Минусы означаютъ тотъ недостатокъ, который оказывался-бы, еслибъ временныхъ выпусковъ не было. При этомъ, приведенныя числа иногда еще не вполнѣ показываютъ всю силу этого недостатка, ибо выпуски иногда производились именно послѣ тѣхъ мѣсяцевъ, въ которые кассовая наличность спускалась до наинизшаго уровня, но до того, конечно, какъ она успѣвала подняться на сколько-нибудь болѣе удовлетворительный уровень. Такъ, въ 1892 г. наименьшая кассовая наличность была у Банка 1 августа, когда въ обращеніи состояло лишь 75 милл. рублей изъ временныхъ выпусковъ и, слѣдовательно, безъ послѣднихъ въ кассѣ не только никакой наличности не было-бы, но еще недоставало-бы 75—53,6=21,4 милл. руб.; но 1 октября временно-выпущенныхъ билетовъ состояло уже въ обращеніи на 150 милл., а такъ какъ кассовая наличность Банка все еще была не больше 57,4 милл.,

то безъ временныхъ выпусковъ недостатокъ достигалъ-бы 150—57,4=92,6 м. р., причемъ минусы продолжались бы не только до конца 1892 г., но и впродолженіи всего 1893 года.

Но чѣмъ съ большими препятствіями встрѣчалось «накопленіе кредитныхъ билетовъ въ кассахъ Банка», тѣмъ усиленнѣе была энергія, съ которой И. А. Вишнеградскій и его преемникъ, С. Ю. Витте, сосредоточивали свои стремленія накоплять золото. Извѣстно, что въ этомъ отношеніи они успѣли привести къ концу это накопленіе, насколько оно имѣло значеніе подготовительной мѣры для денежной реформы. [1]).

Съ 1891 г. оставалось уже только довершать подготовительныя для этого мѣры. Въ этихъ видахъ финансовымъ управленіемъ, прежде всего, употреблены были всѣ старанія, чтобъ на опытѣ выяснить въ какой мѣрѣ даже при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, вызванныхъ разстроеннымъ денежнымъ обращеніемъ, улучшившееся общее экономическое и финансовое положеніе страны, въ связи съ принятыми для денежной реформы подготовительными мѣрами, допускаютъ успѣшную борьбу съ колебаніями курса и ограниченіе ихъ тѣми наитѣснѣйшими предѣлами, въ которыхъ эти колебанія достигаютъ минимума, не исключаемаго и нормальнымъ (неразстроеннымъ) денежнымъ обращеніемъ. Достигнутые въ этомъ отношеніи благопріятные результаты имѣли для денежной реформы то подготовительное значеніе, что ими до извѣстной степени на почвѣ опыта могло получиться убѣжденіе, очень важное для самой постановки задачи. Ибо, очевидно: то, чего можно было достигнуть при неблагопріятныхъ условіяхъ разстройства денежной системы, являлось тѣмъ болѣе достижимымъ при устраненіи разстройства. Одновременно-же съ этимъ опытомъ дальнѣйшія подготовительныя мѣры къ

---

[1]) Курсовая стоимость всего количества золота, значившагося на различныхъ счетахъ Государственнаго Банка (въ томъ числѣ и на счетѣ размѣннаго фонда), считая по 1 р. 50 коп. кредитныхъ 1 рубль золотомъ въ 1/10 имперіала, составляла: 1 января 1893 г. 851,74 милл., 1 января 1894 года 894,84 милл., 1 января 1895 года 911,37 милл. и 1 января 1896 года 963,78 милліоновъ рублей кредитныхъ (2570 милліоновъ франковъ).

реформѣ заключались: въ законѣ 16 іюля 1893 г. о прекращеніи пріема серебра на монетный дворъ и о воспрещеніи ввоза иностранной серебряной монеты,—въ Высочайше утвержденномъ 8 мая 1895 г. мнѣнія государственнаго совѣта о сдѣлкахъ на россійскую золотую монету и о ея пріемѣ въ казенные платежи; въ распоряженіяхъ министерства финансовъ о ея пріемѣ въ уплату по нѣкоторымъ акцизамъ, а потомъ и всѣхъ акцизовъ; — въ Высочайше утвержденномъ 6 ноября 1895 г. мнѣніи государственнаго совѣта о пріемѣ золотой монеты по курсу во всякіе платежи и взносы кассами правительственными и желѣзнодорожными;—въ узаконеніи 15 мая 1895 г. и правилахъ 6 іюня 1895 года о депозитныхъ квитанціяхъ Государственнаго Банка,—въ правилахъ 20 іюня 1895 г. о пріемѣ Государственнымъ Банкомъ золотой монеты на текущій счетъ;—въ фиксаціи курса на высотѣ 1 р. з. = = 1 р. 60 к. кр. съ декабря 1895 к. по 1 января 1897 г. и далѣе, до особаго распоряженія, и т. д., наконецъ, въ послѣдовавшемъ 14 марта 1896 г. представленіи С. Ю. Витте въ государственный совѣтъ «объ исправленіи денежнаго обращенія».

Написано и напечатано на правахъ рукописи осенью 1896 г.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦѢ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ (до 1897 г.).

I.

Денежная или монетная «единица» имѣетъ назначеніемъ служить для всеобщаго наименованія и измѣренія всѣхъ и всякаго рода денежныхъ цѣнностей: имуществъ, дѣйствій и отношеній, а равно связанныхъ съ ними правъ и обязательствъ, допускающихъ денежную ихъ оцѣнку на опредѣленную сумму. По какому поводу цѣнности ни возникали бы и въ чемъ онѣ ни заключались бы, во всякомъ случаѣ отъ денежной или монетной единицы зависитъ ихъ валюта, т. е., какъ наименованіе суммы, въ которой выражается ихъ оцѣнка, такъ и размѣръ (величина) этой суммы, приведенной въ извѣстность посредствомъ измѣренія установленною закономъ мѣрою. Подобно тому, какъ законъ установляетъ единицы для измѣренія вѣса, протяженія, поверхности и ёмкости, предписывая всѣ ихъ количества выражать (именовать) въ установленныхъ единицахъ, подобно этому законъ установляетъ денежную единицу съ двоякою цѣлью: во первыхъ, чтобы дать всякаго рода денежнымъ цѣнностямъ присвоиваемое имъ въ данной странѣ обязательное наименованіе (цѣнностей рублевыхъ, франковыхъ, марковыхъ, долларовыхъ, въ фунтахъ стерлинговъ и т. д.), а во вторыхъ, чтобъ денежныя цѣнности всякаго рода обязательно измѣрялись посредствомъ исчисленія, сколько разъ во всякой денежной цѣнности содержится (повторяется) установленная закономъ денежная единица.

Денежную единицу или мѣру законъ установляетъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ установляются всѣ иные измѣрительныя единицы. Напримѣръ, для единицы тяжести (вѣса) законъ (приложеніе къ ст. 2747 Устава Торговаго) принимаетъ то количество тяжести, которое содержится въ

кубическомъ дюймѣ воды извѣстной температуры. И подобно этому, то количество денежной цѣнности, которое содержится въ 405 доляхъ чистаго серебра, законъ у насъ принимаетъ за единицу денежную, которую и именуетъ «рублемъ».

Какъ извѣстно, законодательство о всякаго рода мѣрахъ находилось въ весьма несовершенномъ состояніи въ Россіи вплоть до половины XVIII столѣтія, какъ, впрочемъ, и въ большинствѣ иностранныхъ государствъ. Поэтому въ неудовлетворительномъ состояніи находились до половины XVIII столѣтія и опредѣленія закона, относящіяся къ денежной единицѣ. Хотя съ Петра Великаго было издано много указовъ о чеканкѣ монеты, но они или имѣли въ виду различные фискальные интересы, или касались монетной техники (пробы, вѣса и т. п.). Чеканились монеты мѣдныя, серебряныя и золотыя, очень различнаго достоинства, неоднократно измѣнявшагося, и безъ яснаго опредѣленія, строится-ли монетная система на началѣ простой, золотой или серебряной, денежной единицы (монометаллизма золотого, или серебрянаго), или же она строится на началѣ сложной, двойной, золотой и серебряной единицы (биметаллизма). Только фактически, помимо намѣренныхъ дѣйствій законодателя, водворяется въ Россіи (какъ, впрочемъ, въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ) такъ-называемая «параллельная» система совмѣстнаго обращенія разныхъ монетъ, серебряныхъ и золотыхъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Законодательство-же преслѣдуетъ лишь одну задачу: споспѣшествовать обращенію всякой звонкой монеты, главнымъ образомъ въ видахъ привлеченія обильнаго ея притока въ государственную казну.

Впродолженіи второй половины XVIII-го столѣтія, однако, особенно благодаря тому, что въ продолжительное царствованіе императрицы Екатерины II безъ перемѣны оставались: серебряный рубль въ 405 долей чистаго серебра и полуимперіалъ въ 135 долей чистаго золота, при впервые Екатериною II установленномъ законномъ отношеніи стоимости золота къ стоимости серебра, какъ 1 къ 15, утвердились основанія, на которыхъ въ началѣ XIX вѣка предстояло окончательно устроиться монетной системѣ Россіи. Это устройство входило

въ извѣстный «финансовый планъ» Сперанскаго и, какъ видно изъ журнала департамента экономіи государственнаго совѣта, состоявшагося въ маѣ 1810 г., имѣло кореннымъ основаніемъ ту руководящую мысль, что, во первыхъ, «государство, въ коемъ нѣтъ твердой монетной единицы, находится въ томъ же положеніи, какъ-бы не было въ немъ мѣры и вѣсу», а. во-вторыхъ, «во всякой доброй монетной системѣ должна быть одна монетная единица». «Поелику двѣ монетныя единицы въ правильной монетной системѣ существовать не могутъ и поелику золото по малому у насъ онаго количеству нельзя признать монетною единицею, то золотую монету оставить въ настоящемъ ея относительномъ къ серебру достоинствѣ и свободномъ обращеніи, какъ предметъ торговли, коего цѣна опредѣляется количествомъ и потребностью». «Истинною же монетною единицею въ Россіи признать серебряный рубль» [1]).

Изъ этихъ разсужденій совершенно безспорно явствуетъ, что когда въ 1810 году впервые систематически, на точно и ясно сознаваемыхъ основаніяхъ, создавалась русская монетная система, то законодатель отдавалъ себѣ отчетъ: во первыхъ, въ нежелательности допустить двѣ монетныя единицы и, во вторыхъ, въ невозможности въ тогдашней Россіи признать монетною единицею золото. Эта невозможность осязательно доказывалась собранными тогда для государственнаго совѣта числовыми данными, на основаніи коихъ для него была составлена «вѣдомость, сколько съ 1613 по 1810 годъ сдѣлано въ царствованія россійскихъ государей золотой и серебряной монеты и какихъ пробъ». Изъ вѣдомости этой усматривалось, что, несмотря на всѣ старанія, правительственныя и частныя, торговыя, клонившіяся къ привлеченію золота въ Россію, старанія эти были всегда весьма мало успѣшны [2]), и за все время отъ начала чеканки золотой мо-

[1]) См. изданный Государственною Канцеляріею «Архивъ Государственнаго Совѣта», томъ IV, часть 1, столбцы 545 и 547.

[2]) «До царствованія Петра I золото не употреблялось въ Россіи на дѣланіе монетъ, которыя обращались къ торговлѣ». «Въ Россіи до начала XVIII вѣка ходили только мелкія серебряныя деньги;

неты въ Россіи въ 1701 году до 1810 года ея могло быть начеканено лишь на 24.710,744 рубля, тогда какъ серебряной монеты съ воцаренія дома Романовыхъ до 1810 г. было начеканено на немаловажную для той эпохи сумму—194.797,087 р. (изъ коихъ на время до Петра Великаго приходится лишь очень немного, а именно 2.611,780 рублей) [1].

Вслѣдствіе этого манифестъ 20 іюня 1810 г. [2] опредѣлилъ, что «главною непремѣняемою и законною мѣрою (монетною единицею) всѣхъ монетъ, обращающихся въ государствѣ, установляется серебряный рубль настоящаго достоинства, а именно, вѣсомъ во стѣ рубляхъ пять фунтовъ шесть золотниковъ серебра 83 1/3 пробы» [3]. О золотой-же монетѣ говорится лишь мимоходомъ, въ связи съ «прочими серебряными монетами прежнихъ пробъ и вѣса», что онѣ «оставляются въ свободномъ обращеніи по сравнительному ихъ достоинству къ настоящему серебряному рублю». Манифестъ не даетъ при этомъ ближайшаго опредѣленія «сравнительнаго достоинства» золотой монеты, предоставляя это опредѣленіе «свободному обращенію», то-есть: добровольному соглашенію принимающихъ и дающихъ золотую монету.

Затѣмъ, о какихъ-бы то ни было условіяхъ обязательнаго хожденія (пріема и выдачи) золотой монеты, какъ въ манифестѣ 20 іюня 1810 г. объ устройствѣ новой монетной

золото употреблялось только на подарки и награды». «Въ 1702 году появились первые русскіе червонцы и съ сего времени должно считать золото монетою торговою въ Россіи». См «Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ въ Россіи денегъ», барона С. де-Шодуара, Спб., 1838 г., ч. I, стр. 116, 146, 148.

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта по изданію государственной канцеляріи, томъ IV, ч. I, столб. 544; но здѣсь напечатаны только итоги, самая же «вѣдомость» не напечатана; она находится въ архивѣ государственнаго совѣта въ дѣлѣ департамента экономіи, № 64, за 1810 годъ.

[2]) Первое П. С. З., № 24264 (т. XXXI).

[3]) Въ стѣ рубляхъ 5 ф. 6 зол., пробы 83 1/3, слѣдовательно въ одномъ рублѣ·

$$\frac{1}{100}(5\text{ ф.} + 6\text{ зол.})\frac{83^1/_3}{96} = 405\text{ долей}$$

системы, такъ и въ манифестѣ 29 августа 1810 г. о пробѣ и вѣсѣ монеты, совсѣмъ и не упоминается.

Даже чеканка ея возобновлена была не ранѣе 1817 г. [1]). Такъ какъ при этомъ золотая монета оставлена была та-же самая, которая чеканилась съ 1764 г., то на ней оставлена была и надпись «пять рублей». А въ силу манифеста 20 іюня 1810 г. установившаго, что серебряный рубль, и только серебряный рубль, составляетъ «монетную единицу» и мѣру всѣхъ монетъ, обращающихся въ государствѣ, слѣдовательно, мѣру и золотой монеты, означеніе на послѣдней ея стоимости въ пять рублей получало опредѣленный смыслъ, указанный закономъ, а именно: что «пять рублей» нарицательной стоимости полуимперіала означали пять рублей серебромъ, но не золотомъ, ибо рубля золотого, рядомъ съ серебрянымъ рублемъ, законъ 1810 г. совсѣмъ не призналъ. Стоимость золотой монеты, подобно стоимости всякого иного предмета, имѣющаго денежную цѣнность, могла выражаться (именоваться) только въ признанной закономъ монетной единицѣ и измѣряться только установленною для того мѣрою. Своей же собственной, независимой отъ серебряной монетной единицы, денежной цѣнности, выражающейся не въ серебряныхъ, а въ какихъ бы то ни было иныхъ, въ томъ числѣ и золотыхъ рубляхъ, полуимперіалъ уже не могъ имѣть, потому что законъ 1810 года не допускалъ никакихъ, не зависящихъ отъ установленной имъ монетной единицы, денежныхъ цѣнностей [2]).

---

[1]) Первое П. С. З., № 26675, о возобновленіи тисненія золотой монеты 88-й пробы въ 1 зол. 39 долей чистаго металла въ полуимперіалѣ.

[2]) Само собою разумѣется, однако, что если означеніе на полуимперіалѣ цѣны его въ «пять рублей» при законѣ 20 іюня 1810 г. давала полуимперіалу легальную оцѣнку въ 5 руб серебромъ, то эта легальная оцѣнка имѣла лишь значеніе нарицательнаго достоинства; обязательной же силы она ни для кого не имѣла уже потому, что золотая монета закономъ 1810 г оставлена въ свободномъ обращеніи подобно серебрянымъ монетамъ старой пробы и вѣса. На рынкѣ полуимперіалъ могъ стоить больше и меньше 5 руб. серебромъ.

II.

Почти немедленно вслѣдъ за окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ и по возстановленіи мира, звонкая монета серебряная и золотая, россійская и иностранная, въ значительныхъ количествахъ начала поступать въ Россіи въ дѣйствительное обращеніе, хотя не только правительствомъ никакихъ поощрительныхъ къ тому мѣръ не было принято и принимаемо, но напротивъ всѣ его заботы шли въ противоположномъ направленіи и сосредоточивались всецѣло и единственно на стараніяхъ содѣйствовать всѣми способами возможно болѣе полному и строгому осуществленію предписаній манифеста 9 апрѣля 1812 г. «о повсемѣстномъ обращеніи ассигнацій». Возникшія отъ этого для народонаселенія неудобства и стѣсненія были столь значительны и ощутительны, что уже въ 1818 г. министръ финансовъ (графъ Гурьевъ) поставленъ былъ въ необходимость войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ «о расширеніи обращенія звонкой монеты». При этомъ министръ финансовъ по поводу манифеста 20 іюня 1810 г. объяснилъ, что въ немъ «серебряный рубль названъ монетною единицею съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ со временемъ, при учрежденіи банка (ассигнаціоннаго) на серебрѣ, могъ онъ (рубль) представлять настоящую монету»; въ противоположность-же къ этому «золотая монета тогда не была (даже) опредѣлена въ отношеніи пробы и вѣса, но токмо постановлено было правиломъ: монеты золотыя оставить въ свободномъ обращеніи по уравнительному ихъ достоинству съ настоящимъ рублемъ» [1]). Соотвѣтственно этому преобладающему значенію серебряной монеты, министръ финансовъ полагалъ, что «сообразно настоящему умноженію въ обращеніи серебряныхъ денегъ нужно дать и нѣкоторое расширеніе ихъ ходу. Ближайшій къ тому способъ, отъ правительства зависящій, есть допущеніе оныхъ въ платежи государственныхъ податей» (въ уклоненіе отъ манифеста

[1]) Арх. Гос. Сов. (изд. гос. канц.) IV, 1 столб. 581.

9 апрѣля 1812 г., по которому подати должны были вноситься ассигнаціями) Въ 1818 г., однако, министръ финансовъ полагалъ, что «разрѣшеніе сіе не можетъ быть общее, то-есть, онаго нельзя распространить на платежи всѣхъ налоговъ вообще. Если серебро допустить въ уплату не токмо всѣхъ податей безъ ограниченія, но даже половины оныхъ, то сіе произведетъ неизбѣжно пониженіе ассигнацій» [1]). Поэтому, министръ полагалъ, что «необходимо открыть истокъ звонкой монеты, въ обращеніи примѣтно скопляющейся, и для этого небезполезно сдѣлать начало къ допущенію сей монеты на первый случай въ уплату хотя одного изъ государственныхъ сборовъ», а именно питейнаго. Эти предположенія министра финансовъ, несмотря на сильныя разногласія въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, удостоились Высочайшаго утвержденія [2]), и ими положено начало ряду мѣропріятій, которыми разрѣшеніе вносить серебро въ уплату казенныхъ податей и сборовъ постепенно все болѣе и болѣе распространялось, пока, наконецъ, указомъ 5 января 1831 г. о пріемѣ въ казну серебряной монеты на всякую сумму разрѣшено министру финансовъ «по мѣрѣ избытка серебряной монеты распространять пріемъ оной, по желанію плательщиковъ, на всѣ вообще подати, равно и на прочіе платежи въ казну».

Что же касается золотой монеты, то хотя ея допущеніе въ платежи казнѣ тоже имѣлось въ виду уже гр. Гурьевымъ въ 1818 г. [3]), но это предположеніе не осуществилось, ни тогда-же, въ 1818 г., ни впослѣдствіи, впродолженіи всего того времени въ 1820-хъ годахъ, когда употребленіе серебряной монеты въ платежи казнѣ все болѣе и болѣе расши-

[1]) Тамъ же, столб 586

[2]) Дѣло архива госуд. сов. по деп эк № 101 за 1818 г.

[3]) По высказанному тогда гр Гурьевымъ мнѣнію, «необходимость допущенія звонкой монеты въ пріемъ по питейнымъ сборамъ ощутительна, посему нужно постановить для сего слѣдующее правило: при продажѣ вина изъ казенныхъ магазиновъ виноторговцамъ допускается пріемъ денегъ за оные, какъ государственными ассигнаціями, такъ и серебряною *и золотою* монетою, считая каждый рубль за 360 коп.» Арх. Гос. С. IV, 1, 587

рялось; и даже въ 1830 г., когда министръ финансовъ, ген.-отъ-инф. Канкринъ, ходатайствуя о допущеніи звонкой монеты во всѣ платежи казнѣ безъ ограниченія, полагалъ, что разрѣшеніе это можетъ распространяться не только на серебряную, но и на золотую монету, то государственный совѣтъ съ этимъ не согласился. Только въ 1833 г., когда вслѣдствіе донесеній мѣстныхъ властей о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ крестьянами вслѣдствіе того, что они не могутъ при уплатахъ казначействамъ употреблять золотую монету. россійскую и иностранную, выручаемую ими въ большомъ количествѣ за продаваемыя ими произведенія, министръ финансовъ снова вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о допущеніи, въ видѣ опыта, россійской золотой монеты во всѣ платежи казнѣ, предположенія эти были уважены государственнымъ совѣтомъ и Высочайше утверждены указомъ 10 мая 1833 г., въ которомъ полуимперіалы, по соразмѣрности съ курсомъ на серебро, положено принимать въ казну по 18 р. 75 коп. на ассигнаціи; при этомъ пунктомъ 3-мъ указа опредѣлялось еще, что «золото, по высокой цѣнности онаго, должно быть принимаемо на вѣсъ», очевидно, какъ товаръ.

III.

Манифестъ 9 апрѣля 1812 г. «о введеніи повсемѣстнаго обращенія ассигнацій» былъ очень крупнымъ отклоненіемъ отъ тѣхъ началъ, которыя въ 1810 году проводилъ Сперанскій и которыя осуществились, между прочимъ, въ признаніи серебрянаго рубля кореннымъ основаніемъ всей денежной системы. Узаконяя, что на всемъ пространствѣ имперіи счеты и платежи впредь должны основываться на ассигнаціяхъ,— что на этомъ-же основаніи учреждаются всѣ денежные обороты, состоящіе въ платежахъ частныхъ лицъ казнѣ, въ платежахъ казны частнымъ лицамъ и въ платежахъ частныхъ

лицъ между собою,—что подати, налоги и недоимки по нимъ, равно всякаго рода сборы должны быть переложены на ассигнаціи,—что всѣ условія, договоры и контракты между казною и частными лицами впредь должны быть заключены не иначе, какъ на ассигнаціи, и т. д., наконецъ, постановляя относительно договоровъ между частными лицами (въ п. 13), что «контракты, закладныя, купчія крѣпости, векселя, заемныя письма и всякія другого рода обязательства и сдѣлки между частными лицами предоставляется на волю ихъ заключать и писать *или* на ассигнаціи, или на *серебро*, по добровольному согласію; но платежъ по онымъ не можетъ быть отринутъ ассигнаціями, по промѣну на *серебро* въ день платежа»,—манифестъ 9 апрѣля 1812 г. былъ тѣмъ законодательнымъ источникомъ, силою котораго создался *ассигнаціонный рубль*, какъ самостоятельная денежная единица, глубоко проникшая въ нравы населенія и продержавшаяся почти вплоть до Крымской войны, хотя уже въ 1839 г. законъ сталъ преслѣдовать счетъ на ассигнаціи (между прочимъ, воспрещая нотаріусамъ свидѣтельствовать договоры на ассигнаціи). Если въ 1810 г. законодатель, исходя изъ того, что двѣ денежныя единицы въ правильной монетной системѣ существовать не могутъ, признавалъ только серебряный рубль денежною единицею и даже отвергалъ золото, то, конечно, очень сильнымъ отклоненіемъ отъ этого взгляда было стараніе законодателя въ 1812 г.—обезпечить рублю ассигнаціонному самое широкое распространеніе.

Для разсматривающаго наше законодательство съ точки зрѣнія выразившихся въ немъ взглядовъ на денежныя единицы очень существенно возможно точнѣе выяснить, въ чемъ собственно заключалась перемѣна взглядовъ, происшедшая между 1810 и 1812 г. Перемѣна эта *не* заключалась въ томъ, чтобы имѣлось въ виду лишить серебряный рубль того значенія денежной единицы, которое ему было присвоено въ 1810 г. Перемѣна несомнѣнно заключалась лишь въ томъ, что законодатель отрекся отъ признанія *только* серебрянаго рубля денежною единицею. Но эта перемѣна была допущена единственно лишь для того, чтобы рядомъ и одновременно съ

серебрянымъ рублемъ присвоить значеніе самостоятельной денежной единицы и ассигнаціонному рублю [1]). Что-же касается собственно звонкой монеты изъ серебра и золота, то въ отношеніи ихъ въ законодательствѣ никакой перемѣны не произошло. Съ одной стороны о золотѣ въ 1812 г. даже совсѣмъ не упоминается, совершенно такъ, какъ было и въ 1810 г.: съ другой-же стороны сохраненіе за серебрянымъ рублемъ значенія денежной единицы («мѣры всѣхъ монетъ, обращающихся въ государствѣ») явствуетъ изъ двоякаго: во-первыхъ, изъ установленія съ 1812 г. для всѣхъ платежныхъ отношеній между казною и частными лицами ежегоднаго курса ассигнаціоннаго рубля на серебро, и во-вторыхъ, изъ совершенно яснаго и категорическаго опредѣленія вышеприведеннаго пункта 13 маниф. 9 апр. 1812 г., что частнымъ лицамъ предоставляется на волю ихъ заключать (очевидно, устно) или писать договоры и сдѣлки на ассигнаціи или серебро, по добровольному согласію. Слѣдовательно, на волѣ частныхъ лицъ было пользоваться или серебрянымъ рублемъ, или ассигнаціоннымъ рублемъ. И если манифестъ 9 апрѣля 1812 г. создавалъ «коренной законъ» (на который впослѣдствіи опиралось извѣстное опредѣленіе вексельнаго устава 1832 г.) въ опредѣленіи, что платежъ ассигнаціоннымъ рублемъ во всякомъ случаѣ не могъ быть отринутъ, то это не было преимущество ассигнаціоннаго рубля предъ серебрянымъ, а лишь естественная его защита, безъ которой «по взаимному соглашенію» легко было совсѣмъ отнять у ассигнаціоннаго рубля то равноправное съ серебрянымъ рублемъ положеніе, которое законъ за нимъ стремился закрѣпить. Оставленіе-же за серебрянымъ рублемъ его значенія признанной закономъ «мѣры» даже въ случаяхъ, когда «платежъ ассигнаціями не могъ быть отринутъ», явствуетъ изъ того, что въ этихъ случаяхъ

[1]) Какъ извѣстно, это было сдѣлано подъ вліяніемъ взглядовъ лицъ, враждебно относившихся къ Сперанскому; выразителемъ ихъ былъ Н. М. Карамзинъ, записка котораго о «Древней и Новой Россіи» содержала, между прочимъ, и сильное порицаніе взглядовъ Сперанскаго на ассигнаціи

ассигнаціи обязательно должны были приниматься «по промѣну ихъ на серебро въ день платежа». Очевидно, слѣдовательно, что сначала законъ предписывалъ опредѣленіе серебряной стоимости ассигнацій въ день платежа, и затѣмъ уже платежъ ассигнаціею, съ опредѣленною на серебро стоимостью (въ противоположность ея нарицательной стоимости) не могъ быть отринутъ.

IV.

Такимъ образомъ, впродолженіи почти 30-лѣтняго промежутка между манифестами 9 апрѣля 1812 года объ ассигнаціяхъ и 1 іюля 1839 г. объ устройствѣ монетной системы законъ у насъ признавалъ двѣ денежныя единицы. рубль серебряный и рубль ассигнаціонный. Отношеніе-же между этими двумя единицами установлялось: для платежныхъ отношеній между казною и частными лицами такъ называемымъ податнымъ курсомъ (3 р. 75 к. асс. = 1 руб. серебромъ, потомъ 3 р. 65 к. = 1 р. сер., потомъ 3 р. 60 к. асс. = 1 сер. и наконецъ 3 р. 50 коп. асс. = 1 р. сер.). Для платежныхъ-же отношеній между частными лицами имѣлъ значеніе биржевой курсъ серебрянаго и ассигнаціоннаго рублей. При этомъ, однако, фактически установилось, что совмѣстно съ биржевыми курсами, и даже гораздо болѣе широкое распространеніе, получили такъ называемые «простонародные» курсы серебрянаго и ассигнаціоннаго рублей и всякаго рода монеты, россійской и иностранной. Каждая мѣстность имѣла свои «простонародные курсы», большею частью очень разнообразные, совершенно произвольно установлявшіеся и подававшіе поводы къ безконечнымъ злоупотребленіямъ. Съ начала 1830 годовъ правительство вело безуспѣшную борьбу съ этимъ зломъ, и естественно, что жалобы на него были всеобщія. Упоминалось о нихъ, между прочимъ, и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Курскаго Военнаго губернатора

за 1836 годъ, и по этому поводу на означенномъ отчетѣ государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ положена была резолюція: «сей предметъ повсемѣстной жалобы требуетъ необходимо соображеній министра финансовъ». Эта-то резолюція, а не починъ какого бы то ни было центральнаго управленія (министерства) послужила толчкомъ, который повелъ за собою преобразованіе дѣйствовавшей тогда денежной системы и пересмотръ законодательства, на которомъ она основывалась.

Въ своихъ взглядахъ на это законодательство соединенные департаменты законовъ и государственной экономіи исходили изъ разсужденія, что «для твердости и постоянства денежной нашей системы необходимо основать систему сію на серебрѣ, признавъ его главною государственною платежною монетой», и сверхъ того, «слѣдуетъ установить новыя бумажныя деньги, основанныя на серебрѣ и обмѣнить ими-же нынѣшнія ассигнаціи».

Соотвѣтственно этому въ пунктѣ I заключенія соединенныхъ департаментовъ признавалось необходимыми:

«Въ возстановленіе правилъ Высочайшаго манифеста 20 іюня 1810 г., признавъ серебряный рубль настоящаго достоинства главною непремѣняемою законною мѣрою (монетною единицею) всѣхъ обращающихся въ государствѣ денегъ, а серебряную монету главною государственною платежною монетою, постановить: чтобы съ 1 января 1840 г. на всемъ пространствѣ имперіи впредь всѣ платежи, счеты, условія и вообще всякаго рода письменныя и словесныя сдѣлки, какъ въ дѣлахъ казны съ частными лицами и обратно частныхъ лицъ съ казною, такъ и въ дѣлахъ частныхъ лицъ между собою, а равно купли и продажи во всѣхъ ихъ видахъ, производимы и совершаемы были единственно на сію именно монету»...

...«Что касается до золотой монеты, то пріемъ оной взамѣнъ другой монеты между частными лицами предоставляется добровольному соглашенію».

Всего болѣе разногласій, какъ въ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта возбудилъ во-

просъ о такъ называемомъ «ключѣ» для признававшагося всѣми необходимымъ перехода отъ ассигнаціонной валюты къ валютѣ серебряной. Министръ финансовъ и три члена государственнаго совѣта усматривали этотъ «ключъ» въ биржевомъ курсѣ ассигнаціоннаго и серебрянаго рубля, тогда какъ другіе члены государственнаго совѣта отдавали предпочтеніе податному курсу. Вслѣдствіе этого разногласія вопросъ былъ разрѣшенъ Высочайшею резолюціею въ смыслѣ, болѣе близкомъ къ предложенію министра финансовъ, указаніемъ, что ключемъ для перехода должно быть равенство: 100 рублей серебромъ = 350 рублей ассигнаціями. При этомъ достойно упоминанія то обстоятельство, что во второмъ пунктѣ заключенія департаментовъ предполагалось [1]) назначить постоянный курсъ ассигнацій не только на серебро, но и на золото. Однако, послѣдовавшею Высочайшею резолюціею назначенъ былъ курсъ ассигнацій только на серебро (350 руб. асс. за 100 рублей. серебромъ).

V.

Замѣну ассигнаціонныхъ бумажныхъ денегъ новыми бумажными деньгами, основанными на серебрѣ, государственный совѣтъ, какъ въ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи, считалъ «наиважнѣйшею частью всего дѣла». Департаменты по этому поводу высказались въ своемъ журналѣ особенно опредѣлительно слѣдующимъ образомъ [2]): «Источникъ настоящаго зла въ натурѣ ассигнацій, которыя представляютъ собою не акты залога, но простые лишь векселя, ничѣмъ не обезпеченные. Для рѣшительнаго уничтоженія сего зла теперь полагается сію ихъ натуру измѣнить, именно: вмѣсто какой-то ходячей монеты (на которую были

---

[1]) Журналъ, листъ 85-й

[2]) Журналъ листовъ 72-й, тамъ-же.

писаны ассигнаціи), которой значеніе никогда въ точности опредѣлено не было, а теперь дѣйствіемъ времени и обстоятельствъ совершенно уже стемнилось, основать ихъ опредѣлительно на серебрѣ.

Въ виду этого, какъ всѣ дѣлавшіе государственному совѣту предположенія объ обсуждавшемся преобразованіи, такъ и самъ государственный совѣтъ, признавали безусловно и безотлагательно необходимымъ обмѣнъ («вымѣнъ» или «замѣнъ») состоявшихъ въ обращеніи ассигнацій на новые бумажно-денежные знаки, которые прежде всего должны были отличаться своимъ серебрянымъ основаніемъ. Поэтому-же эти новые денежные знаки, назначавшіеся для замѣщенія ассигнацій, первоначально во всѣхъ предположеніяхъ называются «серебряными ассигнаціями». Но названіе это департаментами государственнаго совѣта признано было неудобнымъ по тому соображенію, что оно «могло-бы удерживать о новыхъ билетахъ невыгодное понятіе, какое произведено въ умахъ непостоянствомъ нынѣшнихъ ассигнацій» [1]). Затѣмъ, однако, другое обстоятельство, болѣе важное для новыхъ бумажныхъ денегъ, чѣмъ ихъ названіе, было гораздо менѣе, чѣмъ прочія стороны дѣла, исчерпывающимъ образомъ выяснено, какъ представленными государственному совѣту предположеніями, такъ и происходившими въ немъ сужденіями. А именно, ассигнацій состояло въ обращеніи значительная сумма 595 милл. асс. рублей, которые по курсу составляли около 170 милл. рублей серебромъ, требовавшихся для полнаго «обезпеченія», признававшагося всѣми безусловно необходимымъ для новыхъ бумажныхъ денегъ. Гр. Сперанскій предлагалъ добыть займомъ серебро, которое должно обезпечить новыя бумажныя деньги; кн. Друцкой-Любецкій предлагалъ постепенно замѣнить ассигнаціи звонкою монетою, поступающею въ государственное казначейство. Наконецъ министръ финансовъ полагалъ, что для обезпеченія размѣна новыхъ бумажныхъ денегъ на звонкую монету достаточно составить особый фондъ въ $^1/_6$ часть ихъ суммы. Во всякомъ

[1]) Тамъ-же, листъ 62-й и слѣд.

случаѣ совершенно было ясно, что вопросъ о требовавшихся весьма значительныхъ средствахъ для размѣна новыхъ бумажныхъ денегъ и самъ по себѣ былъ связанъ съ большими трудностями; трудности-же эти еще были-бы увеличены и осложнены, еслибъ правительство на себя приняло опредѣленное обязательство размѣнивать новыя бумажныя деньги только на серебро. Между тѣмъ къ такому ограниченію не представлялось никакого основанія, такъ какъ съ 1833 г. разрѣшенъ былъ пріемъ въ казну золотой монеты по установленному курсу, по которому казна имѣла право и выдавать золотую монету, т. е. частныя лица не только имѣли право ее вносить въ казну, но и обязаны были принимать ее отъ правительственныхъ мѣстъ.

Установленіемъ и послѣ преобразованія какого-либо опредѣленнаго курса, по которому золотая монета могла-бы вноситься въ казну и въ кредитныя установленія частными лицами, но частныя лица и обязывались бы изъ нихъ ее принимать, золотая монета только допускалась въ платежныя отношенія между казною и частными лицами. Поэтому опредѣленіе этаго рода признано было полезнымъ. А такъ какъ вслѣдствіе этого казна пріобрѣтала общее право при производствѣ всѣхъ ея платежей пользоваться всякою принятою ею монетою, не только серебряною, но и золотою, то представлялось весьма естественнымъ, что и платежи по размѣну новыхъ бумажныхъ денегъ не будутъ составлять исключенія изъ общаго правила и будутъ производиться всякою монетою, которою правительство будетъ располагать.

Соотвѣтственно этому въ пунктѣ VIII заключенія журнала департаментовъ, между прочимъ, было выражено: «для обезпеченія выпускаемыхъ въ замѣнъ ассигнацій депозитныхъ билетовъ составить особый фондъ серебряной и золотой монеты въ количествѣ достаточномъ для безостановочнаго обмѣна сихъ билетовъ на серебро и золото» [1]). Эти слова журнала соединенныхъ департаментовъ законовъ и го-

[1]) Журналъ, листъ 103 обор.

сударственной экономіи—единственныя, упоминающія о золотой монетѣ въ такомъ смыслѣ, въ которомъ она какъ-бы занимаетъ равное съ серебряною монетою положеніе. Но что при этомъ имѣлись въ виду одни лишь удобства государственнаго казначейства и облегченіе для него возможности собрать достаточный для размѣна фондъ, никоимъ образомъ не обременяя его какимъ либо обязательствомъ въ отношеніи уплатъ золотою монетою, и что вообще какія-бы иныя соображенія, кромѣ удобствъ казны, совсѣмъ не имѣлись въ виду, явствуетъ изъ того, что, во-первыхъ, никакого даже намека на иныя какія-либо соображенія (вродѣ напр. мысли основать новыя бумажныя деньги не только на серебрѣ, но и на золотѣ, или вродѣ готовности привлечь довѣріе публики къ новымъ бумажнымъ деньгамъ посредствомъ обѣщанія размѣнивать ихъ на золотую или серебряную монету по желанію предъявителей) совсѣмъ не встрѣчается ни въ журналахъ департаментовъ, ни въ журналахъ общаго собранія государственнаго совѣта; во-вторыхъ, что упоминаніе о золотой монетѣ сдѣлано лишь мимоходомъ, и необходимо должно было быть сдѣлано, въ виду очевиднаго права казны производить платежи тою-же монетою, которая допущена къ платежамъ въ казну, и наконецъ, въ третьихъ, что упоминаніе о золотой монетѣ сдѣлано по поводу размѣна депозитныхъ билетовъ, которые не только предполагалось по предложенію министра финансовъ «учредить на серебрѣ», но которыхъ учрежденіе, какъ сейчасъ будетъ показано, дѣйствительно состоялось въ видѣ бумагъ, основанныхъ единственно только на серебрѣ, но никоимъ образомъ не на золотѣ.

Согласно вышеизложенному состоялись законодательныя распоряженія 1839—1843 г.г., составляющія основаніе дѣйствовавшей до конца XIX ст. денежной системы, со включеніемъ въ ея составъ и состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ.

Высочайшимъ манифестомъ 1 іюля 1839 г. опредѣлено, что только «серебряная россійскаго чекана монета отнынѣ впредь установляется главною государственною платежною

монетою, а серебряный рубль главною непремѣняемою законною мѣрою (монетною единицею) обращающихся въ государствѣ денегъ» (слѣдовательно, и золотой монеты, и бумажныхъ денегъ) при этомъ заявлено, что это дѣлается «въ возстановленіе правила манифеста 20 іюня 1810 года», слѣдовательно, въ томъ смыслѣ, что серебряная монета россійскаго чекана признается единственною и исключительною денежною единицею, совмѣстно съ которою иная государственная монета (золотая и мѣдная) не признается «главною» и денежной единицы не составляетъ.

VI.

Эта постановка серебряной монеты въ нашей монетной системѣ и ея противопоставленіе золотой и мѣдной монетѣ—никакими, послѣдовавшими послѣ 1839 г., законодательными постановленіями, ни въ чемъ никогда не были подвергаемы какому-бы то ни было измѣненію или смягченію. Она сохраняла до новѣйшей постановки вопроса о преобразованіи нашей денежной системы свою силу во всей полнотѣ того смысла, въ которомъ она впервые была выражена въ 1810 г. и затѣмъ повторена въ 1839 г. По монетному уставу 17 декабря 1885 г. всякая россійскаго чекана монета признается государственною. Это значеніе государственной монеты придается одинаково полноцѣнной и размѣнной монетѣ (ст. 4), то-есть, не только золотой и серебряной монетѣ высшей пробы (въ $0{,}900$ чистаго металла), но и серебряной монетѣ низшей пробы ($0{,}500$ чистаго металла) и монетѣ мѣдной (ст. 5, 6, 9, 10, 14 и 15). Но признавая всякую монету россійскаго чекана государственною, и монетный уставъ 17 декабря 1885 г въ своей статьѣ 4 выдѣляетъ серебряный рубль и только о немъ постановляетъ: «государственная россійская монетная единица есть серебряный рубль, содержащій въ себѣ четыре золотника

21 долю чистаго серебра». Такимъ образомъ, хотя изъ позднѣйшей редакціи монетнаго устава (1885 г.) исчезло понятіе о главной государственной монетѣ, но коренное различіе между государственною монетою и государственною монетною единицею сохранилось во всей силѣ и въ томъ смыслѣ, что тогда какъ государственною считается монета не только серебряная, но также золотая и мѣдная, однако государственною монетною единицею признается единственно и исключительно лишь серебряный рубль въ 405 долей чистаго металла.

Весьма существенно въ данномъ случаѣ указаніе и на то, что согласно съ цѣлью, съ которою въ 1839 г. возстановлялась серебряная монетная единица, манифестъ 1 іюля 1839 г. совершенно ясно опредѣлялъ и другое очень важное обстоятельство, сохранившее свое значеніе и въ послѣдующее время, а именно: роль «монетной единицы» придавалась серебряной монетѣ не только въ отношеніи всякой иной государственной монеты, но и въ отношеніи вообще всѣхъ и всякихъ «обращающихся въ государствѣ денегъ», слѣдовательно, не только звонкихъ, но и бумажныхъ, безъ допущенія въ этомъ отношеніи какого-либо между ними различія.

Имѣя въ виду, что до 1839 г. по общему правилу, установленному манифестомъ 9 апрѣля 1812 г., всякаго рода платежи казнѣ и казною должны были исчисляться на ассигнаціи, манифестъ 1 іюля 1839 г. въ первомъ-же его пунктѣ отмѣнялъ это правило, постановляя, что «всѣ подати, повинности и сборы, а также разные платежи и штатные расходы имѣютъ быть исчислены на серебро».

Какъ выше объяснено, наиважнѣйшее уклоненіе манифеста 9 апрѣля 1812 г., о повсемѣстномъ распространеніи ассигнацій, отъ манифеста 20 іюня 1810 г., о новомъ устройствѣ денежной системы, заключалось въ томъ, что тогда какъ въ 1810 г. правильное устройство денежной системы признавалось при существованіи лишь единой, а именно:—серебряной, монетной единицы, въ 1812 г. отъ этого начала допущено было уклоненіе признаніемъ значенія единицы и за

ассигнаціоннымъ рублемъ. Преобразованіе 1839 г., знаменуя совершенно сознательный и опредѣленно выраженный возвратъ къ началамъ 1810 г., должно было, вслѣдствіе этого, неминуемо повлечь за собою радикальное отреченіе отъ взглядовъ 1812 г. Это отреченіе выражено въ пунктѣ II манифеста 1 іюля 1839 г. слѣдующими словами: «при установленіи серебра главною платежною монетою, ассигнаціи остаются вспомогательнымъ знакомъ цѣнности, съ опредѣленіемъ имъ отнынѣ впредь единожды навсегда постояннаго и непремѣняемаго на серебро курса, считая серебряный рубль въ 3 руб. 50 коп. ассигнаціями», и далѣе въ пунктѣ VI: «съ 1 января 1840 г. ни присутственныя мѣста, ни маклера и нотаріусы не должны принимать къ совершенію и засвидѣтельствованію никакихъ сдѣлокъ на ассигнаціи». Въ вящшее-же подкрѣпленіе, въ пунктѣ VI манифеста 1 іюля 1839 г. повторяется, согласно тому, какъ говорилось въ манифестѣ 20 іюня 1810 г., и въ противоположность къ категорическому требованію манифеста 9 апрѣля 1812 г., что «всѣ счеты, условія и всякаго рода сдѣлки, какъ въ дѣлахъ казны съ частными лицами и обратно частныхъ лицъ съ казною, такъ и вообще въ дѣлахъ частныхъ людей между собою, отнынѣ имѣютъ быть производимы и совершаемы единственно на серебряную монету». Этимъ очевидно и въ отношеніи будущихъ бумажныхъ денегъ предопредѣлялось, что, если имъ присущъ элементъ гражданской сдѣлки, то и ея валюта обязательно должна быть выражена «единственно на серебряную монету».

Что-же касается золотой монеты, то въ манифестѣ 1 іюля 1839 г. объ ней упоминается лишь въ пунктѣ X, состоящемъ изъ слѣдующаго краткаго опредѣленія: «золотая монета въ казну и въ кредитныя установленія принимается и изъ нихъ выдается 3% выше нарицательной ея цѣнности: имперіалъ въ 10 руб. 30 коп., а полуимперіалъ въ 5 руб. 15 коп. серебромъ».

Опредѣленіе это имѣетъ очень большую важность не только тѣмъ, что именно въ немъ прямо выражено, но особенно представляемымъ имъ указаніемъ на то, что по поводу золо-

той монеты законодатель считалъ видимо совершенно излишнимъ дѣлать какія-либо особыя прямыя упоминанія объ обязательности ея хожденія или обращенія. Совсѣмъ не говорится (подобно тому, какъ было въ законодательствѣ до 1839 г.), чтобъ кто-бы то ни было (казна, или частныя лица), при какихъ бы то ни было условіяхъ, имѣлъ право требовать платежа, или имѣлъ обязанность производить платежи, золотою монетою. Этаго рода право или обязанность совершенно чужды, какъ буквальному смыслу, такъ и духу всѣхъ опредѣленій манифеста 1 іюля 1839 г, всецѣло направленнаго лишь къ единой и исключительной цѣли: возстановленію серебряной монетной единицы. Поэтому относительно золотой монеты онъ самымъ тѣснымъ образомъ ограничиваетъ свое опредѣленіе выраженіемъ согласія или готовности казны принимать золотую монету по извѣстной цѣнѣ, но возлагая на всѣхъ, получающихъ отъ казны платежи, обязанность по той-же цѣнѣ и брать золотую монету у казны. При этомъ, согласно опредѣленію пункта II манифеста 1 іюля 1839 г., которымъ предписывается «всякаго рода показанія въ биржевыхъ ярлыкахъ, прейсъ-курантахъ и проч. означать отнынѣ всегда на серебро», тотъ-же манифестъ, назначая въ пунктѣ X курсъ или цѣну, по которой казна готова принимать, но и у нея всякій обязанъ принимать золотую монету. прямо оговариваетъ, что эта цѣна золотой монеты означена на серебро. Полуимперіалы имѣютъ цѣну 5 руб. 15 коп. серебромъ, то-есть цѣну, установленную на основаніи измѣренія денежной стоимости содержащагося въ полуимперіалѣ золота общеустановленною для того мѣрою или денежною единицею — серебрянымъ рублемъ. Иной, кромѣ этой серебряной денежной цѣнности золото въ полуимперіалѣ не имѣетъ. Самостоятельнаго золотого рубля законъ 1839 г. совсѣмъ не признаетъ, какъ его не признавалъ законъ 1810 г.

VI.

Чтобъ исчерпать опредѣленія манифеста 1 іюня 1839 г. насколько они касаются денежной единицы, необходимо еще представить нѣкоторыя объясненія о самой цѣнѣ полуимперіала, установленной пунктомъ X манифеста 1 іюля 1839 г.

Манифестъ ясно оговариваетъ, что эта цѣна «выше нарицательной цѣнности полуимперіала». Всякая-же, уклоняющаяся отъ нарицательной, иная цѣнность составляетъ курсовую цѣнность, установляемую либо договоромъ, либо одностороннимъ заявленіемъ (тарификаціею). Такое значеніе односторонняго заявленія курса,, по которому золотая монета будетъ приниматься и выдаваться изъ казны, и имѣло опредѣленіе пункта X манифеста 1 іюля 1839 г. Но изъ того, что этотъ курсъ назначенъ былъ выше нарицательной цѣны полуимперіала на 3%, неправильно было-бы сдѣлать заключеніе, что съ 1839 г. правительство соглашалось приплачивать къ нарицательной стоимости полуимперіала премію (лажъ въ 3%) въ видахъ привлеченія въ казну золотой монеты.

Нарицательная цѣна полуимперіала составляла пять рублей серебромъ-же въ силу остававшагося въ теченіе продолжительнаго времени безъ измѣненія опредѣленія изданнаго Екатериною II указа 30 марта 1764 года: «понеже золотая монета понынѣ дѣлана была не въ той пропорціи, какъ во всей Европѣ, указали мы установить, чтобы внутренняя ея доброта состояла точно въ 15-теро противъ предѣльной цѣны серебра». Это отношеніе стоимости золота къ стоимости серебра, какъ 1 : 15, довольно близко соотвѣтствовало дѣйствительности въ эпоху Екатерины II, хотя оно тогда было болѣе благопріятно для золота, чѣмъ для серебра (на дѣлѣ золото было въ 1764—90 годахъ дороже серебра лишь въ 14,74 раза, а это соотвѣтствуетъ цѣнѣ полуимперіала въ 4 руб. $91^{7}/_{81}$ коп. серебромъ [1]), то-есть: нарицательная цѣна полу-

[1]) Такъ какъ въ полуимперіалѣ было чистаго золота 135 долей, а въ рублѣ было чистаго серебра 405 долей, то $\frac{135 \times 14{,}74}{405} =$ $= 4$ р. $91^{7}/_{81}$ коп. серебромъ.

имперіала была на $8^{74}/_{81}$ копѣйки или $1^{3}/_{4}\%$ выше рыночной стоимости содержавшихся въ немъ 135 долей чистаго золота).

Но уже съ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка золото было дороже серебра болѣе, нежели въ 15 разъ. Еще сильнѣе вздорожало золото сравнительно съ серебромъ въ началѣ XIX-го столѣтія. Тѣмъ не менѣе и въ 1810 году, можетъ быть, намѣренно, въ видахъ привлеченія с е р е б р а, Екатерининская «пропорція» оставлена была въ силѣ. Но она оставалась лишь на бумагѣ; практическаго-же значенія не имѣла. Это-то послѣднее получило осязательное выраженіе въ началѣ 1830-хъ годовъ, когда правительство, разрѣшивъ производить платежи казнѣ золотою и серебряною монетою, установило курсъ серебрянаго рубля въ 3 р. 60 к. ассигнаціями, а полуимперіалу назначило цѣну не въ $5 \times 3.60 = 18$ руб., а въ 18 рублей 75 коп. ассигнаціями (то-есть, считало одну пятую часть полуимперіала въ 3 руб. 75 коп. ассигн. вмѣсто 3 р. 60 к., какъ серебряный рубль). Такимъ образомъ, полуимперіалъ принимался въ казну выше нарицательной цѣны на $4^{1}/_{6}\%$; а это соотвѣтствовало отношенію стоимости золота къ стоимости серебра, какъ $1 : 15^{5}/_{8}$ или $1 : 15{,}625$.

Принятое тогда во Франціи отношеніе стоимости золота къ стоимости серебра составляло $1 : 15^{1}/_{2}$, не считая расходовъ на чеканку монеты (которые въ Россіи казна принимала на себя, а во Франціи упадали на публику), съ расходомъ-же на чеканку во Франціи отношеніе составляло съ 1803 г. до 1835 года $1 : 15{,}69$, а послѣ 1835 года $1 : 15{,}62$, что соотвѣтствуетъ цѣнѣ полуимперіала въ 5 р. 23 коп. серебромъ до 1835 г. (или выше его нарицательной цѣны на $4^{2}/_{3}\%$) и 5 руб. $20^{2}/_{3}$ коп. серебромъ послѣ 1835 г. (или выше нарицательной цѣнности полуимперіала на $4{,}13\%$). Въ Голландіи законное отношеніе стоимости золота къ стоимости серебра было съ 1816 до 1839 года. какъ $1 : 15{,}873$, соотвѣтствуя стоимости полуимперіала въ 5 р. 29 к. серебромъ или на 5.8% выше его нарицательной цѣнности; съ 1839-же года отношеніе въ Голландіи было понижено до $1 : 15{,}6$, чему сосоотвѣтствуетъ цѣна полуимперіала въ 5 р. 20 к. серебромъ или на 4% выше его нарицательной стоимости.

Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, очевидно, что назначеніе въ пунктѣ X манифеста 1 іюля 1839 г. надбавки въ 3% къ нарицательной цѣнности полуимперіала не только не было преміею для привлеченія золотой монеты въ казну, но еще представляло чувствительное пониженіе цѣны, по которой казна принимала золотую монету до 1839 г., и гораздо болѣе низкую оцѣнку золотой монеты, чѣмъ какая одновременно допускалась даже въ странахъ, въ коихъ законъ признавалъ денежною единицею какъ серебряную, такъ и золотую монету (во Франціи и Голландіи). Напротивъ, назначеніе полуимперіалу цѣны въ 5 р. 15 к. серебромъ было осязательнымъ выраженіемъ того, что законъ 1839 г., признавая только серебряную монету денежною единицею, имѣлъ основаніе оказывать предпочтеніе серебряной монетѣ предъ золотою, но не наоборотъ. И это предпочтеніе серебряной монеты только и выразилось въ назначеніи полуимперіалу цѣны въ 5 руб. 15 коп., хотя содержавшіяся въ полуимперіалѣ 135 долей чистаго золота стоили на всемірномъ рынкѣ [1]):

въ 1831—35	годахъ,	въ	среднемъ,	5 р.	26	к. серебр.
» 1836—40	»		»	5 »	$24^{1}/_{3}$ »	»
» 1841—45	»		»	5 »	$28^{1}/_{2}$ »	»
» 1846—50	»		»	5 »	$26^{1}/_{5}$ »	»

Съ другой стороны, хотя назначеніе прибавки въ 3% къ нарицательной цѣнности полуимперіала было способомъ возвысить отношеніе между стоимостью золотой и серебряной монеты съ 1 : 15 до 1 : 15,43, но и послѣднее отношеніе еще было слишкомъ благопріятно для серебра, показывая, что правительство цѣнитъ серебро въ $61^{1}/_{32}$ пенсовъ за англійскую штандартную унцію, тогда какъ на открытомъ рынкѣ въ Лондонѣ цѣна штандартной унціи серебра стоила въ среднемъ:

---

[1]) Вычисленія мною сдѣланы по даннымъ Soetbeer'a Materialien zur Beurtheilung der wirthschaftlichen Edelmetallverhältnisse Berlin, 1887.

въ 1821—30 годахъ $59^{11}/_{16}$ пенсовъ.
» 1831—40 » $59^{7}/_{8}$ »
» 1841—50 » $59^{9}/_{16}$ »

Приведенныя выше данныя указываютъ еще и на другое очень важное обстоятельство, а именно: что даже въ странахъ съ двойною денежною единицею (во Франціи и Голландіи) уже съ начала нынѣшняго столѣтія цѣнили серебро выше, нежели золото. Тѣмъ естественнѣе было, что въ Россіи, т. е. въ странѣ, въ которой (какъ въ Германіи и Австріи въ то время) золотая монета совсѣмъ не признавалась денежною единицею, предпочтеніе, отдаваемое серебряной монетѣ, исключительно признаваемой закономъ денежною единицею, обнаружилось еще болѣе явственно въ томъ, что въ основномъ законодательномъ актѣ, заново устраивавшемъ денежную систему, о золотой монетѣ упоминалось лишь для разрѣшенія употреблять ее въ платежи казнѣ по цѣнѣ, которая хотя и была на 3% выше ея нарицательной цѣнности, но которая на дѣлѣ была на 1—2% ниже ея дѣйствительной, рыночной цѣнности, и поэтому никоимъ образомъ не могла быть искусственнымъ поощреніемъ къ усиленному ея взносу въ казну.

VII.

Устройство на правильныхъ основаніяхъ монетной части было лишь одною половиною осуществленнаго въ 1839 г. преобразованія; другою его половиною была забота объ устройствѣ на правильныхъ-же основаніяхъ обращавшихся тогда въ видѣ ассигнацій бумажныхъ денегъ, первоначально основанныхъ на неопредѣленной «ходячей монетѣ», посредствомъ замѣны ихъ новыми бумажными деньгами, «опредѣлительно», какъ выражался государственный совѣтъ, «основанными на серебрѣ». Эта вторая половина считалась даже «главною»

частью преобразовательной задачи и ея осуществленіе началось одновременно состоявшимся 1 іюля 1839 г. указомъ о «депозитныхъ билетахъ», которые проектировалъ министръ финансовъ.

Указъ этотъ самымъ опредѣлительнымъ образомъ показываетъ, въ какомъ полнѣйшемъ согласіи находились основанія, на которыхъ осуществлялось рѣшеніе обѣихъ половинъ поставленной задачи. Для замѣны ассигнацій новыми бумажно-денежными знаками, основанными на серебрѣ, необходимо было пріучить къ послѣднимъ населеніе. Для этого должно было служить спеціально для того учреждавшееся при Государственномъ Коммерческомъ Банкѣ отдѣленіе, съ особымъ для него товарищемъ управляющаго во главѣ, которое имѣло обязанностью пріемъ отъ публики на храненіе вкладовъ исключительно въ одной только серебряной монетѣ россійскаго чекана, съ выдачею взамѣнъ ихъ депозитныхъ билетовъ, которымъ присваивалось хожденіе наравнѣ съ серебряною монетою

Эти опредѣленія и составили содержаніе Высочайшаго указа 1 іюля 1839 года объ означенномъ отдѣленіи Коммерческаго Банка. Въ этомъ указѣ новое отдѣленіе прямо названо «Депозитною Кассою серебряной монеты». Пунктомъ первымъ указа постановлялось: «въ Кассу принимать отъ приносителей вклады серебряною монетою россійскаго чекана». Въ пунктѣ II предоставлялось Кассѣ выдавать (только) «взамѣнъ вкладовъ», слѣдовательно только вмѣсто поступившей въ Кассу серебряной монеты, «билеты Депозитной Кассы достоинствомъ въ 3, 5, 10 и 25 рублей серебромъ» съ предоставленіемъ Кассѣ впослѣдствіи выпускать и депозитные билеты достоинствомъ «въ 1, 50 и 100 рублей серебромъ». Наконецъ, въ пунктѣ V «билетамъ Депозитной Кассы присвояется хожденіе наравнѣ съ серебряною монетою». Текстъ Высочайше утвержденныхъ образцовъ депозитныхъ билетовъ гласитъ: «Государственный Коммерческій Банкъ выдаетъ по сему билету немедленно по его предъявленію. . . (столько-то) рублей серебряною монетою».

Такимъ образомъ, все, относившееся къ депозитнымъ би-

летамъ, было категорически опредѣленно и никакихъ недоумѣній не возбуждало относительно того, что они были основаны единственно и исключительно на серебрѣ и никакихъ обязательствъ казны о платежахъ золотою монетою съ ними связано не было.

Депозитная Касса открыла свои дѣйствія 8 января 1840 года и хотя уже чрезъ годъ министръ финансовъ заявлялъ государственному совѣту, что ея учрежденіе «увѣнчалось полнымъ успѣхомъ», ссылаясь на то, что въ первый-же годъ ея дѣйствій въ нее было внесено серебряной монеты на сумму свыше 25 милліоновъ рублей; но въ дѣйствительности ея успѣхъ былъ весьма умѣренный, такъ какъ почти на три четверти этотъ успѣхъ былъ искусственно устроенъ посредствомъ вкладовъ «казенныхъ мѣстъ» (главнымъ образомъ, министерства финансовъ), которыхъ внесено на 18.215,500 рублей, тогда какъ собственно «отъ частныхъ лицъ» было вкладовъ лишь на скромную сумму 7.407,537 рублей; если-же принять во вниманіе вытребованные обратно въ 1840 г. частными лицами вклады серебряною монетою, на 1.453,637 рублей, то вкладовъ серебряною монетою, внесенною частными лицами, оставалось по окончаніи перваго года дѣйствія Депозитной Кассы лишь на 5.953,900 рублей, тогда какъ такихъ-же вкладовъ «казенныхъ мѣстъ» было на 18.215,500 рублей, или втрое больше [1]). Всего, слѣдовательно, въ первый годъ дѣйствія Депозитной Кассы могло быть выпущено депозитныхъ билетовъ, «основанныхъ на серебряной монетѣ», на 24.169,400 рублей, изъ коихъ три четверти (75.3%) были выданы «казеннымъ мѣстамъ», чрезъ посредство которыхъ они поступали въ публику, и лишь около одной четверти (24.7%) непосредственно были потребованы частными лицами.

Естественно, что при такомъ усиленномъ сосредоточеніи въ

[1]) Данныя эти заимствованы изъ всеподданнѣйшей записки, представленной министромъ финансовъ; см. архивное дѣло Кредитной Канцеляріи «объ учрежденіи при Коммерческомъ Банкѣ Депозитной Кассы для серебряныхъ вкладовъ», 1837 года № 16 233, въ семи частяхъ, части I, листы 295—6 и 299

Депозитной Кассѣ серебряной монеты казенныхъ мѣстъ въ 1840 году, наличность ея, которою казенныя мѣста могли располагать послѣ 1840 года, должна была чувствительно сократиться. Поэтому министръ финансовъ въ началѣ 1841 года озаботился принятіемъ такой мѣры, которою облегчалось дальнѣйшее внесеніе казенныхъ вкладовъ въ Депозитную Кассу. А именно, 28 января 1841 года министръ финансовъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о пріемѣ въ Депозитную Кассу золота и серебра въ слиткахъ (а не одной только «серебряной монеты россійскаго чекана»). Дѣло это, объ ускоренномъ разсмотрѣніи котораго министръ Финансовъ ходатайствовалъ во всеподданѣйшемъ докладѣ 8 февраля 1841 г. (на что тогда-же послѣдовало Высочайшее соизволеніе) [1]), представляетъ интересъ не столько по своему существу, сколько по тому освѣщенію, которое оно даетъ взглядамъ и пріемамъ, видимо считавшимся тогда наиболѣе правильными и цѣлесообразными. Съ одной стороны обнаруживается, что въ дѣлѣ, требовавшемъ большихъ наличныхъ суммъ, правительство считало себя въ правѣ стремиться къ возможно большей свободѣ распоряженія и пользованія имѣвшимися у него средствами. Таковыми оно, между прочимъ, располагало на Монетномъ Дворѣ, въ которомъ сосредоточивалось добываемое золото и серебро, скорѣйшая реализація которыхъ посредствомъ передачи ихъ въ слиткахъ Депозитной Кассѣ для обмѣна на депозитные билеты давала министерству финансовъ возможность немедленно удовлетворять приносителей слитковъ золота и серебра, требовавшихъ иначе взамѣнъ ихъ звонкой монеты; причемъ одновременно этимъ открывался новый способъ распространенія въ публикѣ депозитныхъ билетовъ чрезъ посредство Монетнаго Двора. Съ другой стороны, въ томъ-же дѣлѣ открывается, что хотя правительство считало необходимымъ имѣть возможность совершенно свободно пользоваться состоявшими въ его распоряженіи средствами не только въ видѣ «серебряной монеты

[1]) См. архивное дѣло Кредитной Канцеляріи «по Высочайшему повелѣнію о пріемѣ въ Депозитную Кассу золота и серебра въ слиткахъ», 1841 г., № 8/295.

россійскаго чекана», но и въ видѣ слитковъ золота и серебра,— тѣмъ не менѣе оно при этомъ никакихъ намѣреній не имѣло привлекать въ Депозитную Кассу золотую монету. Въ этомъ отношеніи, напротивъ, министръ финансовъ, при разсмотрѣніи дѣла въ государственномъ совѣтѣ, категорически высказалъ мнѣніе, что онъ признаетъ неудобнымъ допущеніе золотой монеты къ пріему во вклады Депозитной Кассы. И въ этомъ смыслѣ состоялось Высочайше утвержденное 10 февраля 1841 г. мнѣніе государственнаго совѣта о пріемѣ въ Депозитную Кассу серебра и золота въ слиткахъ. Такъ какъ въ журналѣ государственнаго совѣта было оговорено, что «касательно пріема въ Депозитную Кассу россійской золотой монеты министръ финансовъ считаетъ удобнѣйшимъ предметъ сей отложить впредь до времени», то по этому поводу послѣдовало Высочайшая резолюція, требовавшая отъ министра финансовъ особаго всеподданѣйшаго доклада по этому предмету. Докладъ, представленный и Высочайше одобренный 28 февраля 1841 г., содержалъ обстоятельное изложеніе основаній взгляда министра финансовъ; наиглавнѣйшее изъ нихъ заключалось въ томъ, что золотая монета «сама по себѣ довольно легко подвижна, и нѣтъ никакихъ особенно уважительныхъ причинъ къ извлеченію оной изъ обращенія; при томъ-же нежелательно звонкую вообще монету извлекать въ излишнемъ количествѣ изъ онаго».

Какъ видно изъ вѣдомостей объ оборотахъ Депозитной Кассы, еженедѣльно представлявшихся на Высочайшее воззрѣніе, въ 1841, 1842 и 1843 годахъ (до пріостановленія дѣйствій Депозитной Кассы) было только пять случаевъ, въ коихъ вносились въ Депозитную Кассу вклады слитками серебра и золота. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слитки были переданы отъ Монетнаго Двора, а стоимость ихъ составляла 4.733,295 рублей серебромъ [1]). Что-же касается вкладовъ серебряною монетою, то таковыхъ съ 1 января 1841 г. до 1 сентября 1843 г. было внесено: «казенными мѣстами» на

[1]) См. дѣло Кредитной Канцеляріи объ открытіи при Коммерческомъ Банкѣ Депозитной Кассы № 16/233, часть I, листы 338, 344, 358, и часть VI, листы 64 и 71.

9.384,617 руб., а частными лицами на 14.861,455 рублей. Въ то же время было обратно вытребовано серебряной монеты частными лицами въ обмѣнъ на предъявленные депозитные билеты на 4.599,791 рубль. Вычтя изъ вкладовъ частныхъ лицъ обратно востребованныя ими суммы и соединивъ по вкладамъ казенныхъ мѣстъ сдѣланные серебряною монетою и слитками, получимъ, что изъ вкладовъ 1841—43 гг. состояло въ Депозитной Кассѣ казенныхъ на 14.117,912 руб., а частныхъ на 10.261,664 рубля; то-есть, и въ этомъ періодѣ казенные вклады составляютъ наибольшую часть, хотя уже лишь 57,9%, а частные 42,1%. Въ общемъ результатѣ, однако, въ 1841—43 гг. поступленія вкладовъ въ Депозитную Кассу чувствительно сократились, а востребованія усилились; это видно уже и изъ общихъ данныхъ объ итогахъ всѣхъ (казенныхъ и частныхъ) вкладовъ, внесенныхъ и востребованныхъ. Суммы эти составляли:

	внесено	востребовано	болѣе внесено
въ 1840 году . .	25.623.037	1.453,637	24.169.400
» 1841 » . . .	14.493,297	1.713,153	12.780,144
» 1842 » . . .	9.141,834	2 299,476	6.842.358
» 1843 » . . .	5 344,236	587,428	4.757,074
всего .	54.602,404	6 053,428	48.548,976

Еще нагляднѣе видно, какъ даже слабый успѣхъ 1840 года очень уменьшился въ 1841—43 годахъ, если берутся среднія помѣсячныя данныя А именно въ среднемъ ежемѣсячно:

	вкладовъ казенныхъ вносилось	вкладовъ частныхъ лицъ вносилось	вкладовъ частныхъ лицъ востребовалось	вкладовъ частныхъ лицъ оставалось
въ 1840 г. .	1.517,958 руб.	617,295 руб.	121,136 руб.	496,159 руб.
» 1841—43 гг.	441,154 »	464,420 »	191,561 »	272,853 »

За все время дѣйствія Депозитной Кассы съ 8 января 1840 г. по 1 сентября 1843 г. въ нее было внесено казенныхъ суммъ на 32.333,412 рублей, а частными лицами 22.268,992 рубля, всего-же 54.602,404 рубля. Но частными лицами изъ нея востребовано было 6.053,428 рублей. Поэтому депозитныхъ билетовъ состояло 1 сентября 1843 г. въ обращеніи: выпу-

щенныхъ подъ казенныя суммы на 32.333,412 руб., а подъ частные вклады на 16.215 564 руб., или всего на 48.548,976 рублей. Слѣдовательно, въ общей суммѣ состоявшихъ въ обращеніи депозитныхъ билетовъ лишь одна треть (33,4%) была выпущена подъ вклады частныхъ лицъ, а двѣ трети (66,6%) были выпущены для «казенныхъ мѣстъ»

VIII.

Сохранились совершенно ясныя свѣдѣнія, не оставляющія никакихъ сомнѣній относительно того, что первоначально гр. Канкринъ проектировалъ депозитные билеты, какъ именно тотъ видъ новыхъ денежныхъ знаковъ, основанныхъ на серебрѣ, которые должны въ обращеніи замѣнить ассигнаціи. Депозитные билеты учреждались по мысли Канкрина, тогда какъ Сперанскій высказался за «кредитные билеты» въ видѣ «сохранныхъ». Въ приведенномъ выше пунктѣ VIII заключенія журнала соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи 1839 г., между прочимъ, говорится: «для обезпеченія выпускаемыхъ въ замѣнъ ассигнацій депозитныхъ билетовъ...»; равнымъ образомъ, въ дѣлѣ Кредитной Канцеляріи объ учрежденіи Депозитной Кассы содержится, между прочимъ, отношеніе гр Канкрина къ гр. В. В. Левашеву отъ 26 мая 1839 года, въ которомъ по поводу депозитныхъ билетовъ говорится: «нынѣ предполагается уничтоженіе ассигнацій связать непосредственно съ учрежденіемъ сихъ билетовъ», и далѣе: «если въ 1841 году или позже послѣдуетъ обмѣнъ ассигнацій на депозитные билеты» и т. д. [1]). Должно полагать, что «въ 1841 г. или позже» дѣйствительно и осуществился бы обмѣнъ ассигнацій на депозитные билеты, еслибъ самъ министръ твердо вѣрилъ въ то, что «Депозитная Касса увѣнчалась полнымъ успѣхомъ».

[1]) См. указанное дѣло листъ 51 и листъ 61 на оборотѣ.

На дѣлѣ, однако, въ 1841 г. признано было нужнымъ предварительно окончательнаго обмѣна ассигнацій произвести еще другой опытъ; на этотъ разъ уже съ мыслью Сперанскаго о «кредитныхъ билетахъ», предоставивъ Опекунскимъ Совѣтамъ и Государственному Заемному Банку произвести выпускъ въ обращеніе этихъ билетовъ на 30 милліоновъ рублей для производства ими ссудъ подъ недвижимыя имѣнія. Представленія въ государственный совѣтъ не было сдѣлано по этому предмету, разсматривавшемуся въ особомъ комитетѣ; но по Высочайшему повелѣнію въ государственный совѣтъ внесенъ былъ проектъ манифеста о кредитныхъ билетахъ, не возбудившій пререканій и состоявшійся, какъ Высочайшій манифестъ 1 іюля 1841 года.

По узаконенію этому, «признавая за благо учредить новый родъ легкоподвижныхъ денежныхъ знаковъ», постановляется, что Сохранныя Казны и Заемный Банкъ могутъ выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній кредитными билетами достоинствомъ въ 50 руб. (пунктъ I). Эти «кредитные билеты обезпечиваются всѣмъ достояніемъ Государственныхъ Кредитныхъ Установленій и, сверхъ того, безостановочнымъ во всякое время размѣномъ оныхъ на звонкую монету» (п. III). По пункту IV «кредитнымъ билетамъ присвояется хожденіе по всей Имперіи наравнѣ съ серебряною монетою». И, наконецъ, по пункту V, «обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету или ассигнаціи производится, по желанію приносителей, въ обѣихъ Сохранныхъ Казнахъ и въ Заемномъ Банкѣ, безъ ограниченія суммы и безъ различія въ томъ, откуда именно какой билетъ былъ выданъ.

Для обезпеченія безостановочнаго размѣна, Сохранныя Казны и Заемный Банкъ, при каждой выдачѣ билетовъ, въ какомъ бы то количествѣ ни было, откладываютъ звонкою монетою сумму, соотвѣтственную не менѣе шестой части выпускаемыхъ билетовъ». Въ этомъ послѣднемъ, т. е. въ испытаніи, какъ будетъ удерживаться въ обращеніи такой «новый родъ легкоподвижныхъ денежныхъ знаковъ», по которымъ правительство обязывалось только производить «бе-

зостановочный во всякое время размѣнъ оныхъ на звонкую монету», но не обязывалось держать для этого въ запасѣ размѣнный фондъ въ размѣрѣ, равномъ суммѣ выпуска новыхъ «знаковъ», а прямо оговаривало, что для размѣннаго фонда подлежащія учрежденія «откладываютъ звонкою монетою сумму, соотвѣтственную не менѣе одной шестой части выпускаемыхъ билетовъ»,—въ этомъ собственно заключался новый экспериментъ, къ которому приступало правительство.

Для замѣны ассигнацій, состоявшихъ въ обращеніи на сумму свыше 170 милліоновъ рублей серебромъ, новымъ родомъ денежныхъ знаковъ, отличавшихся отъ ассигнацій своею размѣнностью, необходимо было или (какъ предполагалъ Сперанскій) добыть займомъ потребныя для размѣна денежныя средства, или же убѣдиться на опытѣ, въ состояніи-ли будетъ правительство удовлетворять требованія размѣна, если оно для этого будетъ располагать особымъ фондомъ въ размѣрѣ одной шестой части суммы ассигнацій (т. е. около 30 милліоновъ рублей). Это и долженъ былъ обнаружить опытъ съ кредитными билетами 1841 года

Кредитные билеты кореннымъ образомъ отличались отъ депозитныхъ билетовъ тѣмъ, что въ противоположность послѣднимъ, обезпечивавшимся рубль за рубль вкладами серебряною монетою и слитками серебра и золота, кредитные билеты не имѣли такого полнаго обезпеченія. Кредитные билеты, подобно депозитнымъ, были основаны на серебрѣ и «имѣли хожденіе наравнѣ съ серебряною монетою», но въ отношеніи ихъ правительство желало обязываться только «безостановочнымъ во всякое время размѣномъ оныхъ на звонкую монету», т. е. правительство болѣе оставляло за собою свободы. Это выражалось не только въ томъ, что правительство не обязывалось обезпечивать ихъ размѣннымъ фондомъ рубль за рубль, оставляя за собою право удовлетворяться фондомъ лишь въ размѣрѣ одной шестой части суммы обращающихся кредитныхъ билетовъ (конечно, если въ такомъ размѣрѣ фондъ будетъ достаточенъ для безостановочнаго размѣна во всякое время), но еще и въ томъ, что правительство оставляло за собою право по кредит-

нымъ билетамъ платежи производить «звонкою монетою», т. е. всякою, у него имѣющеюся монетою, серебряною и золотою, и даже не только монетою, но и ассигнаціями (конечно, пока онѣ оставались въ обращеніи).

А между тѣмъ насчетъ свойства обязательства, которое правительство на себя принимало, учреждая въ кредитныхъ билетахъ новый родъ денежныхъ знаковъ, насколько это свойство касалось валюты обязательства, тоже не могло быть никакого сомнѣнія: въ этомъ отношеніи текстъ кредитныхъ билетовъ буквально повторялъ текстъ депозитныхъ билетовъ и былъ съ нимъ совершенно тождественный. Согласно Высочайше утвержденному 14 марта 1841 г. образцу, текстъ кредитныхъ билетовъ гласилъ, что Сохранныя Казны и Заемный Банкъ «выдаютъ по сему билету немедленно по предъявленію по 50 рублей серебряною монетою». Это показывало, что и кредитные билеты, какъ депозитные, основаны на серебрѣ, хотя по силѣ пункта V манифеста 1 іюля 1841 года правительство оставляло за собою право производить по нимъ платежи всякими, имѣющимися у него, наличными средствами, какъ въ видѣ всякой звонкой монеты, такъ и въ видѣ ассигнацій.

IX.

Чрезъ два года, 4 апрѣля 1843 года, министръ финансовъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ «о произведеніи обмѣна ассигнацій на государственные кредитные билеты». Исходя изъ того, что «послѣднею изъ мѣръ» (по предпринятому въ 1839 г. преобразованію) «долженъ быть обмѣнъ ассигнацій на денежныхъ представителей, исчисленныхъ на серебро», графъ Канкринъ высказывалъ свое глубокое убѣжденіе, что «настало время сдѣлать послѣдній шагъ въ семъ важнѣйшемъ предпріятіи, т. е. приступить къ совершенному обмѣну ассигнацій Къ сему побуждаютъ: спо-

койное положеніе Европы, утвердившееся постоянство курса ассигнацій, навыкъ, появившійся въ народѣ къ бумажнымъ деньгамъ на серебро и самое ожиданіе просвѣщенной части публики».

Въ этихъ видахъ министръ, представляя проектъ манифеста объ обмѣнѣ ассигнацій на кредитные билеты, вносилъ на благоусмотрѣніе государственнаго совѣта и правила для означеннаго обмѣна. Въ правилахъ опредѣлялось, между прочимъ, что «для обезпеченія навсегда цѣнности новыхъ денежныхъ знаковъ полагается необходимымъ «учредить постоянный размѣнный фондъ» (п. 2); что «для сихъ новыхъ знаковъ признано удобнѣйшимъ предназначить учрежденные манифестомъ 1 іюля 1841 года кредитные билеты, съ возведеніемъ ихъ изъ разряда денегъ Сохранныхъ Казенъ и Заемнаго Банка на степень государственныхъ» (п. 3), и что новые денежные знаки, ихъ выпускъ и размѣнъ предполагается отдать въ вѣдѣніе Экспедиціи кредитныхъ билетовъ, учреждаемой на правахъ особаго установленія, съ тѣмъ, чтобы Ассигнаціонный Банкъ былъ упраздненъ, а «устройство Экспедиціи имѣетъ быть сообразено съ основными правилами о кредитныхъ билетахъ манифестовъ 1841 г. и предполагаемаго къ изданію въ 1843 г., съ уставами Ассигнаціоннаго Банка и Депозитной Кассы» (п. 6).

Изъ этихъ опредѣленій особенно существенно для разсматриваемаго въ настоящемъ изслѣдованіи предмета двоякое. Во 1-хъ, изложенныя правила ограничиваются признаніемъ необходимости учрежденія для государственныхъ кредитныхъ билетовъ «постояннаго размѣннаго фонда», но никакой необходимости не усматриваютъ въ объясненіи состава этого фонда. Очевидно, и въ этомъ случаѣ, при «возведеніи кредитныхъ билетовъ на степень государственныхъ», такъ-же точно, какъ въ 1841 г., когда кредитные билеты были учреждены въ качествѣ «денегъ Сохранныхъ Казенъ и Заемнаго Банка», правительство желало оставить за собою свободу пользоваться всѣми, имѣющимися въ его распоряженіи средствами для платежей по размѣну. Во 2-хъ, указаніе на то, что устройство Экспедиціи

кредитныхъ билетовъ должно было имѣть основаніемъ начала, которыя лежали въ основаніи всѣхъ принятыхъ по преобразованію бумажнаго обращенія мѣръ, даетъ ключъ къ правильному пониманію опредѣленій изданнаго впослѣдствіи Устава, означенной Экспедиціи.

Представленные министромъ финансовъ проекты манифеста о государственныхъ кредитныхъ билетахъ правила объ обмѣнѣ ассигнацій и (скоро послѣ того), Устава Экспедиціи не встрѣтили въ государственномъ совѣтѣ никакихъ возраженій и удостоились Высочайшаго утвержденія.

Манифестомъ 1 іюля 1843 г. «о замѣнѣ ассигнацій и другихъ денежныхъ знаковъ кредитными билетами» заявлялось, что «1 іюля 1839 г. серебряная монета россійскаго чекана возстановлена, по прежнему, главною государственною платежною монетою. Но для полнаго соглашенія бумажной денежной системы съ монетною и для однообразія между денежными представителями, мы и тогда уже имѣли въ виду необходимость замѣнить ассигнаціи другими знаками, представляющими ту именно монету, которая признана основною въ имперіи.. Нынѣ мы признали, что настало время, удобное для замѣны ассигнацій и другихъ денежныхъ представителей однимъ знакомъ. Для совершенія онаго предназначаются кредитные билеты, обезпеченные въ ихъ цѣнности и воспріявшіе повсемѣстный ходъ наравнѣ съ серебряною монетою».

Въ законодательномъ постановленіи, которое имѣло предметомъ заключительное мѣропріятіе по преобразованію, требовавшему по своему существу продолжительнаго времени для своего осуществленія, едва-ли возможно было яснѣе выразить въ немногихъ словахъ, какъ основной смыслъ этого мѣропріятія, такъ и его связь со всѣмъ, ему предшествовавшимъ. Приведеніе въ порядокъ денежной системы слагалось изъ двухъ частей: изъ устройства монетной системы и изъ устройства бумажно-денежной системы. Относительно устройства монетной системы сдѣланный въ настоящемъ изслѣдованіи обстоятельный пересмотръ всего, относящагося

къ этому предмету, матерьяла, самымъ убѣдительнымъ образомъ обнаружилъ, что всѣ, безъ исключенія, принимавшіе участіе въ разработкѣ дѣла, сходились на томъ, не возбуждавшемъ никакихъ разногласій, взглядѣ, по которому монетная система Россіи должна быть построена на признаніи денежною единицею единственно и исключительно одного только серебрянаго рубля. Какъ-бы тщательны ни были поиски того, не имѣлось-ли въ виду, хотя-бы и лишь косвенно и въ какомъ-нибудь замаскированномъ видѣ, предоставить и золотой монетѣ какое-либо равноправное съ серебряною монетою положеніе въ смыслѣ денежной единицы,—поиски эти осуждены на неминуемую безуспѣшность, потому что законодательство и финансовое управленіе напередъ желали устранить всякія сомнѣнія на этотъ счетъ и соотвѣтственно тому выражались и дѣйствовали. И то-же самое приходится признать относительно второй части преобразованія, имѣвшей цѣлью приведеніе въ порядокъ бумажно-денежнаго обращенія. Съ самаго начала преобразованія всѣ, принимавшіе въ немъ участіе, исходили изъ единогласнаго признанія необходимости замѣнить ассигнаціи новыми бумажно-денежными знаками, основанными исключительно на одномъ только серебрѣ. Когда затѣмъ осуществленіе этой мысли потребовало предварительнаго производства опытовъ: сначала съ депозитными билетами въ 1840 году, а потомъ съ кредитными билетами Сохранныхъ Казенъ и Заемнаго Банка въ 1841 г.,—то всякая неопредѣленность и двусмысленность, всякое сомнѣніе и подозрѣніе въ томъ, не имѣется-ли въ виду одновременно съ ясно оговариваемою и осуществляемою мыслью еще какая-либо иная, скрываемая цѣль,—строго-ли и неуклонно означенные опыты оставались на почвѣ установленной въ 1839 г. «монетной единицы» въ видѣ серебрянаго рубля, — эти и какія-бы то ни было иныя сомнѣнія и подозрѣнія совершенно устранялись текстомъ, напечатаннымъ на депозитныхъ и кредитныхъ билетахъ 1840 и 1841 гг. и гласившимъ, что по нимъ принимается обязательство, исполняемое посредствомъ платежа серебряною монетою.

Выраженіе обязательства въ такомъ категорическомъ видѣ въ текстѣ кредитныхъ и депозитныхъ билетовъ 1840 и 1841 г.г. собственно было весьма стѣснительно для правительства, такъ какъ существо дѣла требовало, чтобы правительство оставило за собою свободу пользоваться для платежей по размѣну не только серебряною, но и золотою монетою. Но съ помощью искуснаго расположенія состоявшихся постановленій оказалось возможнымъ успѣшно достигнуть, съ одной стороны, того, чтобы опредѣленно ограниченный текстъ депозитныхъ кредитныхъ билетовъ пріучилъ публику видѣть въ нихъ обязательство, по которому отъ правительства можно требовать одного только серебра,— а съ другой стороны и того, чтобы правительство было въ правѣ удовлетворять предъявляемое ему требованіе не только серебромъ, но и золотомъ, а по кредитнымъ билетамъ 1841 г. даже и ассигнаціями (по курсу).

При такой строгой и безупречной послѣдовательности, съ которою подготовительные шаги къ устройству на правильныхъ основаніяхъ бумажныхъ денегъ связывались съ кореннымъ основаніемъ всего дѣла, то-есть, съ монетною единицею, естественно, что, приступая къ послѣднему шагу, завершавшему означенное устройство, правительство признавало необходимымъ прежде всего указать на то, что оно добивается «полнаго соглашенія бумажной денежной системы съ монетною». И для устраненія всякаго произвола въ истолкованіи того, въ чемъ заключается «полное соглашеніе», опредѣляется-ли оно ясно поставляемыми ему предѣлами, дано объясненіе, что новая бумажная денежная система будетъ состоять изъ знаковъ, отличающихся двояко. они, во-первыхъ, суть знаки «представляющіе» (не имѣющіе значенія самостоятельныхъ цѣнностей), и во-вторыхъ, «представляютъ» они «ту именно монету, которая признана основною въ Имперіи». Таковою не признана золотая монета, а признана одна лишь серебряная. Поэтому, если новыя государственныя бумажныя деньги—суть государственное обязательство, то предметъ этого обязательства, его валюту, составляетъ та именно мо-

нета, которую они и представляютъ. Если государственные кредитные билеты не представляютъ золотой монеты (потому что она не есть «та именно монета, которая признана основною въ Имперіи»), если государственные кредитные билеты «представляютъ» единственно и исключительно «серебряную монету россійскаго чекана», которая одна только «возстановлена» 1 іюля 1839 г. «главною государственною платежною монетою», то эта монета одна-же и составляетъ предметъ и валюту государственнаго обязательства въ видѣ означенныхъ билетовъ. Это явствуетъ изъ существа дѣла: всегда договорный или заявительный актъ (документъ), на которомъ основывается обязательство, имѣющее извѣстный предметъ, представляетъ этотъ предметъ, который одновременно составляетъ предметъ самого обязательства.

X.

Если даже при производствѣ подготовительныхъ опытовъ къ замѣнѣ ассигнацій новымъ бумажно-денежнымъ знакомъ, основаннымъ на серебрѣ и тѣмъ соглашеннымъ съ монетною системою, сознавалось, что правительство должно сохранять за собою право исполнять принимаемое имъ на себя обязательство (по размѣну бумажныхъ денегъ) всѣми денежными средствами, въ его распоряженіи находящимися, и къ таковому праву пріучать населеніе страны (держателей бумажныхъ денегъ),—то еще существеннѣе было это обстоятельство, когда совершался тотъ послѣдній шагъ, ради котораго въ населеніе только и стремились вкоренить привычку къ означенному праву. Весь смыслъ опытовъ съ депозитными и кредитными билетами 1840 и 1841 годовъ въ томъ лишь и заключался, что онъ долженъ былъ выяснить фактически, согласно-ли населеніе принимать билеты, по которымъ обязательство заключалось на серебро и только на серебро (это ясно выражалъ ихъ текстъ, какъ и всѣ прочія

законодательныя опредѣленія, равно какъ и всѣ, дѣлавшіяся по нимъ заявленія и объясненія), а исполнялось это обязательство посредствомъ платежей, которые могли производиться всѣми, состоящими въ распоряженіи правительства, денежными средствами. И если это условіе было важно для успѣха опытовъ, производившихся въ сравнительно скромныхъ размѣрахъ,— то сугубую важность оно пріобрѣтало, когда дѣло шло о замѣнѣ ассигнацій на сумму свыше 170 милліоновъ рублей, равно какъ депозитныхъ и кредитныхъ билетовъ 1840 и 1841 г.г. на сумму еще 55 милліоновъ рублей, всего-же массы денежныхъ знаковъ, обращавшихся на сумму до 225 милліоновъ рублей серебромъ. новымъ родомъ денежнаго знака, который долженъ былъ внести «однообразіе между денежными представителями»

Состоявшій тогда во главѣ финансоваго управленія, гр. Е. Ф. Канкринъ, по справедливости пользовавшійся глубокимъ авторитетомъ въ своемъ дѣлѣ, исходилъ изъ мысли. что для поддержанія размѣна ассигнацій достаточенъ фондъ въ $^1/_6$ ихъ суммы, или въ $28^1/_2$ милліоновъ рублей серебромъ, и это нашло себѣ выраженіе въ пунктѣ VII и VIII манифеста 1 іюля 1843 г Но даже и этою суммою онъ признавалъ возможнымъ располагать лишь подъ условіемъ, чтобы на финансовое управленіе не было возложено обязанности производить платежи непремѣнно въ той только монетѣ, которая признана основною въ имперіи.

Такое обязательство было-бы не только стѣснительно, но даже безцѣльно и вредно, ибо оно вредило-бы обращенію золотой монеты, подчеркивая ея негодность для одного изъ наиважнѣйшихъ платежей казны, искусственно отстраняло-бы ее отъ всякой связи съ наизначительнѣйшею (бумажною) частью денежнаго обращенія страны, наконецъ—принуждало-бы правительство отказываться и отъ пріема въ казну золотой монеты, еслибы оно не вправѣ было-бы ею пользоваться для платежей по размѣну бумажныхъ денегъ. А это, очевидно, лишь насильно исторгало-бы золотую монету изъ денежнаго обращенія въ Россіи.

Между тѣмъ, такое преувеличенное пренебреженіе къ золотой монетѣ, доходящее до искусственнаго исторганія ея изъ денежнаго обращенія страны, всего менѣе тогда было умѣстно въ Россіи, которая съ начала 1820 годовъ заняла первое мѣсто между странами, производящими золото. Этотъ фактъ, довольно долго оставался неизвѣстнымъ; въ 1838 г. впервые на него обратилъ всеобщее вниманіе Александръ Гумбольдтъ (на основаніи данныхъ, непосредственно ему доставленныхъ г. Канкринымъ); а между тѣмъ, въ 1831—1840 г.г. Россія не только продолжала поддерживать свое первенствующее положеніе между странами, производящими золото, но еще болѣе въ немъ укрѣплялась. Еще болѣе значительные успѣхи въ этомъ отношеніи она сдѣлала въ 1840 г.г. Если уже въ 1821—30 г.г. Россія производила 23¾% всего количества золота, производившагося тогда на земномъ шарѣ, а въ 1831—40 г.г. 34¾%, то въ 1841—50 г.г. она уже производила 41 1/10% всего количества золота, производившагося на земномъ шарѣ [1]).

Въ связи съ этимъ находился коренной переворотъ, происшедшій (около 1828 г.) во взаимномъ отношеніи суммъ чеканившейся въ Россіи серебряной и золотой монеты. Выше было показано, что по даннымъ представленнымъ въ 1810 г. государственному совѣту, въ Россіи съ 1613 г. по 1810 г. было исчеканено золотой монеты на 24.710.744 руб. (11 1/5%), серебряной же на 194.797.088 руб. (88 1/5%). Преобладаніе серебряныхъ чеканокъ продолжалось и въ первое время послѣ наполеоновскихъ войнъ, когда у насъ фактически возстановилось обращеніе звонкой монеты, еще очень мало поощряемое правительствомъ ограниченнымъ допущеніемъ пріема

---

[1]) Производилось золота ежегодно среднимъ числомъ

	На всемъ земномъ шарѣ.	Въ томъ числѣ въ Россіи.
Въ 1821—30 г.г.	869 пуд.	206 пуд.
» 1831—40 »	1 239 »	430 »
» 1841—50 »	3.343 »	1.375 »

См. *Ad. Soettbeer*, Edelmetallproduktion, Gotha 1879, p 111, числа котораго нами перечислены на русскій вѣсъ.

ея въ платежи казнѣ: въ 12 лѣтъ, съ 1816 по 1827 г., золотой монеты было начеканено на 29 544,062 рубля, серебряной-же на 62.305,000 рублей. Но съ 1828 г. значительно расширенное допущеніе пріема въ платежи казнѣ звонкой монеты, сначала только серебряной, а потомъ и золотой, при сильно увеличивавшемся производствѣ золота въ Россіи, имѣло слѣдующее вліяніе. Исчеканено монетъ на слѣдующія суммы:

	Золотой.	Серебряной
Въ 13 лѣтъ, съ 1828 по 1840 г. .	92.807,985 р.	41.862,690 р
» 10 » » 1841 » 1850 » .	148.867,628 »	40.571,989 »
» 5 » » 1851 » 1855 » .	99.271,296 »	19.270,388 »

Такимъ образомъ, въ 28 лѣтъ свободнаго обращенія звонкой монеты въ Россіи, при богатствѣ страны добываемымъ въ ней самой золотомъ, исчеканено золотой монеты на 340.946,909 руб. (77%), серебряной же лишь на 101.705,068 р. (23%), или уже въ $3^1/_3$ раза меньше.

Естественно, что при такихъ условіяхъ правительство допускало наименьшее, что оно могло сдѣлать по отношенію къ золотой монетѣ, разрѣшая ея пріемъ въ платежи казнѣ, и уже вслѣдствіе этого поставляя себя въ невозможность отворачиваться отъ нея, а, напротивъ, находясь въ необходимости настаивать на правѣ казны пользоваться принятою ею золотою монетою для образованія размѣннаго фонда по государственнымъ кредитнымъ билетамъ и для платежей предъявителямъ этихъ билетовъ при требованіи ихъ размѣна.

Правительство въ этомъ случаѣ даже никакого выбора и не имѣло: оно не могло отказываться отъ пріема въ платежи казнѣ золотой монеты, потому что этимъ оно только очень сильно стѣснило бы населеніе страны (какъ объ этомъ доносили уже въ началѣ 1830-хъ годовъ губернаторы) и безцѣльно изгоняло-бы изъ страны золотую монету, составлявшую новое богатство, раскрывавшееся и размножавшееся въ странѣ. А разъ оно должно было принимать въ платежи казнѣ золотую монету, оно должно было оставить себѣ и право ею пользоваться.

Все это въ началѣ 1840-хъ годовъ представлялось совер-

шенно очевиднымъ, не возбуждавшимъ никакихъ недоразумѣній. А такъ какъ при преобразованіи денежной системы всего болѣе избѣгались всякія неясности и неопредѣленности, которыя послужили-бы источникомъ недоразумѣній, и такъ какъ руководитель финансовъ, производившій преобразованіе, былъ тогда гр. Канкринъ, въ характерѣ котораго прямота и правдивость считались самыми выдающимися чертами, то естественно, что и въ той части дѣла, которая должна была оставить за правительствомъ потребную свободу дѣйствій: чтобъ оно, безъ излишняго стѣсненія страны и себя самого, могло пользоваться всѣми источниками наличныхъ средствъ для платежей по новымъ бумажнымъ деньгамъ,—послѣдній представлявшійся случай не былъ упущенъ безъ совершенно категорическаго указанія на то, что правительство предоставляетъ себѣ, какъ составлять размѣнный фондъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ изъ звонкой монеты, не только серебряной, но и золотой, такъ и другое право· требованія размѣна билетовъ удовлетворять тоже всякою монетою, не только серебряною, но и золотою. Соотвѣтствующее-же каждому виду звонкой монеты значеніе, которое при этомъ имѣлъ въ виду законодатель, то-есть: какой при этомъ видъ монеты имѣлъ главное, коренное значеніе, присущее предмету обязательства, которое представлялось бумажными деньгами, и опредѣляло валюту этого обязательства, и какой видъ монеты имѣлъ только вспомогательное значеніе монеты, терпимой и допускаемой, потому что отстранять ее было стѣснительно для правительства и населенія,—это тоже не осталось безъ новыхъ, на этотъ разъ окончательныхъ опредѣленій.

XI.

Право, которое правительство оставляло за собою относительно пользованія не только серебряною, но и золотою монетою, получило двоякое выраженіе. Во-первыхъ, въ манифестѣ 1 іюля 1843 г установлялось въ пунктѣ IV, что го-

сударственные кредитные билеты обезпечиваются безостановочнымъ во всякое время размѣномъ «на звонкія деньги» вообще, а въ п. V, что «для обезпеченія безостановочнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету учреждается постоянный фондъ золотой и серебряной монеты». Во-вторыхъ, самый текстъ кредитныхъ билетовъ былъ согласно этому измѣненъ и Высочайше утвержденный текстъ гласилъ: «по предъявленію сего билета немедленно выдается изъ размѣнной кассы Экспедиціи кредитныхъ билетовъ... серебряною или золотою монетою».

Что же касается соотвѣтствующаго значенія, придававшагося каждому виду звонкой монеты, которою правительство предоставляло себѣ производить платежи по кредитнымъ билетамъ, то и оно получило двоякое выраженіе. Во-первыхъ, въ манифестѣ 1 іюля 1843 г. въ пунктѣ IX установлялось, что «обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на металлическую монету, то-есть, серебряную и золотую», производится «съ соблюденіемъ указнаго между сими деньгами отношенія». Во-вторыхъ, въ уставѣ Экспедиціи кредитныхъ билетовъ. въ главѣ II, о государственныхъ кредитныхъ билетахъ, отдѣленіе первое, распоряженія общія, параграфъ 22 давалъ слѣдующее опредѣленіе· «государственные кредитные билеты имѣютъ быть выпускаемы слѣдующихъ достоинствъ: въ 100, 50, 25, 10, 5, 3 и 1 рубль серебра настоящей цѣнности, заключающей въ себѣ чистаго серебра 4 золотника 21 долю».

Изъ этихъ двухъ опредѣленій, § 22 устава Экспедиціи кредитныхъ билетовъ наиболѣе простой по своему смыслу: онъ прямо направленъ къ корню, такъ сказать, предмета, объясняя, что именно слѣдуетъ понимать подъ «рублемъ», о которомъ говоритъ текстъ кредитныхъ билетовъ и который по нимъ долженъ былъ уплаченъ тою или иною звонкою монетою. Это—рубль серебра: не серебромъ, то-есть, не по оцѣнкѣ на серебро, а непосредственно изъ серебра, притомъ изъ чистаго серебра, въ опредѣленномъ количествѣ 4 зол. 21 доли. Въ такихъ рубляхъ выражается достоинство кредитныхъ билетовъ, то-есть, значащаяся (наименованная и исчисленная) въ нихъ сумма, ихъ валюта.

Изъ прямого смысла приведеннаго § 22 устава Экспедиціи кредитныхъ билетовъ явствуетъ, что когда законодатель пожелалъ дать простое опредѣленіе того, что слѣдуетъ понимать подъ рублемъ, о которомъ говорится на кредитныхъ билетахъ, то онъ для этого въ точности назвалъ «ту самую монету», которая была имъ признана «главною государственною платежною монетою». Изъ этого мы должны заключить, что главною-же онъ эту серебряную монету считалъ и для «достоинства» или валюты кредитныхъ билетовъ. Золотая монета не признавалась главною, а потому даже еслибъ законодатель, не ограничиваясь приведеннымъ опредѣленіемъ валюты кредитныхъ билетовъ въ серебряной монетѣ, сверхъ того считалъ необходимымъ опредѣлить валюту кредитныхъ билетовъ также въ золотой монетѣ, то и тогда ея значеніе было-бы лишь второстепенное. Но законодатель при опредѣленіи валюты кредитныхъ билетовъ совсѣмъ умолчалъ о золотой монетѣ. Изъ этаго мы обязаны заключить, что законодатель считалъ золотую монету совсѣмъ не имѣющею значенія для опредѣленія валюты кредитныхъ билетовъ, совсѣмъ не пригодною для яснаго опредѣленія, что именно означаетъ рубль, который въ различныхъ количествахъ правительство обязывается уплачивать по кредитнымъ билетамъ звонкою монетою.

Однако, предоставляя правительству право уплачивать тѣ рубли, которыми оно обязывалось по кредитнымъ билетамъ, не только серебряною, но и золотою монетою, законодатель все-таки долженъ былъ установить основаніе, которымъ должно опредѣляться, какую стоимость имѣетъ серебряный рубль, въ золотой монетѣ. Это и сдѣлано въ пунктѣ IX манифеста 1 іюля 1843 г. постановленіемъ, что платежъ производится «съ соблюденіемъ указнаго отношенія» между серебряными и золотыми деньгами.

Очень важно въ этомъ случаѣ не только то, что законъ говоритъ объ «указномъ отношеніи», но и то, что законъ говоритъ о немъ глухо, вообще, безъ опредѣленнаго численнаго его выраженія, въ такомъ видѣ, въ которомъ оно охватываетъ всякія и всевозможныя численныя

«отношенія» лишь бы они были «указныя». Ближайшій смыслъ этого опредѣленія состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ выше упоминалось, манифестъ 1 іюля 1839 г. о преобразованіи денежной системы въ пунктѣ X содержалъ признаніе нарицательной цѣны золотой монеты россійскаго чекана лишенною значенія и установлялъ новую ея цѣну выше нарицательнаго ея достоинства. Нарицательное достоинство полуимперіала составляло пять рублей серебромъ; но манифестъ 1 іюля 1839 г. постановилъ, что «золотая монета въ казну и кредитныя установленія принимается на 3% выше ея нарицательнаго достоинства, то-есть полуимперіалъ принимается за 5 руб. 15 коп. серебромъ». Это и было «указное отношеніе», установленное въ 1839 году и остававшееся въ силѣ въ 1843 году, обязательное для «кредитныхъ установленій», слѣдовательно—и для принадлежавшей къ ихъ числу Экспедиціи кредитныхъ билетовъ.

Полуимперіалъ содержалъ 135 долей чистаго золота; такъ какъ въ 1764 году императрица Екатерина II признала, что золото дороже серебра въ 15 разъ, то это означало, что 135 долей чистаго золота полуимперіала имѣютъ такую же стоимость, какую имѣетъ въ 15 разъ большее число, или 15 разъ 135, слѣдовательно, 2,025 долей чистаго серебра; а такъ какъ 405 долей чистаго серебра составляютъ серебряный рубль и 405 долей содержатся въ 2,025 доляхъ 5 разъ, то полуимперіалъ имѣлъ ту-же стоимость, какую имѣло серебро, содержащееся въ пяти рубляхъ серебромъ. Это было съ 1764 года не только нарицательнымъ достоинствомъ полуимперіала, но и «указнымъ отношеніемъ» между золотыми и серебряными деньгами. Когда въ 1839 г. правительство считало необходимымъ признать, что золото дороже серебра въ $15{,}_{45}$ раза, то оно или могло оставить въ силѣ (сохранившею значеніе) нарицательную цѣну полуимперіала въ пять рублей серебромъ, но тогда оно должно было уменьшить содержаніе чистаго золота въ полуимперіалѣ съ 135 долей до $131^{7}/_{103}$ долей или на $3^{96}/_{103}$ доли (потому что $5 \times 405 = 2{,}025$, а $2{,}025 \cdot 15{,}_{15} = 131^{7}/_{103}$); или-же, правительство желало не уменьшать содержанія чистаго золота въ полуимперіалѣ и

оставить за нимъ нарицательную цѣну пяти рублей, хотя-бы и безъ значенія; тогда оно должно было согласиться принимать полуимперіалъ за 5 руб. 15 коп. (ибо $135 \times 15{,}45 = 2.085^3/_4$, а $2{,}085^3/_4 : 405 = 5{,}15$). Такимъ образомъ «указное отношеніе», которое въ 1764 году было установлено въ извѣстномъ численномъ выраженіи, не было измѣнено ни въ 1810 году при признаніи серебрянаго рубля въ 405 долей чистаго металла непремѣняемою монетною единицею, ни въ 1815 г., когда возобновлена была прерванная наполеоновскими войнами чеканка полуимперіаловъ въ 135 долей чистаго золота. Но, какъ упоминалось выше, «указное отношеніе» было измѣнено еще до 1839 г., а именно въ 1834 г., когда золото было допущено въ платежи казнѣ и установлено, что полуимперіалъ будетъ приниматься казною по 18 р. 75 к. ассигн., въ то время, какъ серебряный рубль принимался по 3 р. 60 к. ассигн.: «указное отношеніе», которое при Екатеринѣ II и Александрѣ I основывалось на томъ, что золото считалось въ 15 разъ дороже серебра, въ 1834 г основывалось уже на такой оцѣнкѣ, по которой золото считалось въ 15,625 разъ дороже серебра [1]). Новое-же измѣненіе въ направленіи пониженія «указнаго отношенія» сдѣлано было въ 1839 г. назначеніемъ цѣны полуимперіала въ 5 руб. 15 коп., т. е. цѣны, по которой золото въ 15,45 дороже серебра.

Измѣненія эти наглядно выясняютъ значеніе, которое имѣло то обстоятельство, что въ пунктѣ IX манифеста 1 іюля 1843 г. лишь глухо и вообще говорилось объ «указномъ

[1]) Въ теченіе короткаго времени, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дѣйствовало измѣненное отношеніе и при императорѣ Павлѣ I. А именно, указомъ 20 января 1797 года учрежденъ былъ новый серебряный рубль въ 483,969 долей чистаго металла, нарицательная же цѣна полуимперіала была оставлена въ 5 рублей. Слѣдовательно, при этомъ полуимперіалъ имѣлъ стоимость $483{,}636 \times 5 = 2{,}419{,}845$ долей чистаго серебра А такъ какъ въ полуимперіалѣ содержалось 135 долей чистаго металла, то стоимость золота при этомъ была въ $2{,}419{,}845 \cdot 135 = 17{,}924$ раза дороже серебра. Еще въ томъ же году указомъ 3 октября 1797 г, возстановленъ былъ прежній серебряный рубль въ 405 долей чистаго металла и отношеніе, по которому считалось, что золото въ 15 разъ дороже серебра.

отношеніи» между золотыми и серебряными деньгами. Если законъ лишь глухо и вообще говорилъ объ «указномъ отношеніи», то это означало, что онъ распространяется на всякое «указное отношеніе», лишь бы оно было установлено въ томъ-же порядкѣ, въ которомъ установлено было указное отношеніе 1839 г., т. е. въ порядкѣ законодательномъ. Необходимость-же установленія этого отношенія въ законодательномъ порядкѣ неминуемо вытекала изъ того, что монетная система основана была на признаніе одного лишь серебрянаго рубля денежною единицею, вслѣдствіе чего золотая монета могла имѣть лишь «относительное къ серебру достоинство», которое и должно было быть предметомъ законодательнаго опредѣленія.

Когда законодательство о монетѣ имѣетъ основаніемъ мысль, что двѣ денежныя единицы съ правильностью монетной системы несовмѣстимы, то этимъ самымъ законодатель не желаетъ окончательно довѣриться какому-либо одному постоянному отношенію между золотою и серебряною монетою, сомнѣваясь въ его долговѣчности и считая его неустойчивымъ, исходя поэтому изъ необходимости слѣдить за его измѣненіями, такъ какъ лишь при этомъ условіи странѣ можетъ быть сохранена та монета, которая въ ней признана денежною единицею. Во Франціи законодательство довѣрялось отношенію 1 къ $15^1/_2$ и потому могло признавать двѣ монетныя единицы. Но въ Россіи законодательство отвергало возможность двухъ единицъ, допуская лишь одну единицу и признавая таковою только серебряную монету. Оно прежде всего поэтому стремилось обезпечить странѣ серебряную монету. Стремленіе это не было особенностью русскаго законодательства: оно присуще было въ равной мѣрѣ законодательству всѣхъ странъ той эпохи (за исключеніемъ одной лишь Англіи). Всеобщее распространеніе тогда имѣла только вѣра въ серебро и въ возможность лишь на немъ прочно построить монетную систему, потому что въ продолженіи $3^1/_2$ столѣтій съ открытія Америки въ общей суммѣ стоимости произведенныхъ драгоцѣнныхъ металловъ приходилось 70% на серебро и лишь 30% на золото. Какъ наше время отличается «борьбою за золото», такъ испоконь

вѣковъ (до открытія калифорнскихъ и австралійскихъ рудниковъ) серебро на Востокѣ и на Западѣ въ сознаніи всѣхъ народовъ (не исключая и Англіи до XVIII в) считалось главнымъ матеріаломъ для чеканки монеты, а во Франціи, несмотря на то, что законодательство признавало двѣ монетныя единицы, понятіе денегъ даже было тождественно съ понятіемъ серебра (argent). Въ первую-же половину XIX-го столѣтія повсюду на континентѣ Европы считали, что въ достаточномъ обиліи, увеличивающемся съ разростаніемъ потребностей, всякая страна можетъ снабжаться лишь серебряною монетою, потому что только серебро производилось въ значительномъ количествѣ; золота-же не только всегда производилось сравнительно немного, но особенно съ начала XIX столѣтія его производство сильно сократилось, да и уменьшенное количество золота почти монополизировалось Англіею, признавшею въ 1816 г. золотую монету единственною денежною единицею. Конкурренція съ Англіею была не безопасна для прочихъ европейскихъ странъ, а значительнаго увеличенія производства русскаго золота никто не предусматривалъ. Поэтому заботы о монетѣ повсюду сосредоточивались на обезпеченіи страны серебряною монетою. Поэтому-же и въ Россіи правительство исходило изъ мысли, что всего лучше оно устраиваетъ монетную систему, если оно ее основываетъ на серебрѣ.

Но это оно окончательно сдѣлало какъ разъ въ эпоху, когда Россія производила больше золота, чѣмъ какая-либо иная страна на земномъ шарѣ: когда, слѣдовательно значительное теченіе золота проходило чрезъ Россію и распространялось въ населеніи, вслѣдствіе чего золото не могло не быть допущено для платежей въ казну и изъ нея. А разъ къ этому вела лишь чисто внѣшняя необходимость, этимъ еще не создавалось положенія, даже только аналогичнаго съ тѣмъ, которое бываетъ въ странахъ съ двойною монетною единицею, гдѣ законъ, исходя изъ указнаго отношенія между золотою и серебряною монетою, допускаетъ платежи той или другой монетою. Въ странахъ съ двойною монетною единицею «указное отношеніе» составляетъ существенную принадлеж-

ность самой монетной системы и обязательно во взаимныхъ отношеніяхъ, какъ частныхъ лицъ между собою, такъ и между частными лицами и казною; платежи золотою и серебряною монетою всегда и во всякомъ случаѣ имѣютъ безусловную и одинаковую силу. Въ Россіи-же, какъ въ остальныхъ странахъ съ единою денежною единицею, монетная система строилась на мысли, что включеніе въ ея составъ узаконеннаго постояннаго отношенія между золотою и серебряною монетою (тождественное съ узаконеніемъ двухъ денежныхъ единицъ) неправильно; поэтому «указное отношеніе» между золотыми и серебряными деньгами совсѣмъ не входило въ составъ монетной системы; обязательнаго значенія для отношеній между частными лицами «указное отношеніе» совсѣмъ не имѣло; наконецъ, для отношенія между казною и частными лицами оно имѣло лишь значеніе тарификаціи или объявленія цѣны золотой монеты на случай, если частныя лица пожелаютъ производить ею платежи казнѣ. И этимъ назначеніемъ казенной цѣны золотой монеты (ея «казеннаго курса») ближе опредѣлялись условія ея обращенія въ Россіи.

Обращеніе золотой монеты въ Россіи (какъ въ Пруссіи, Австріи и во всѣхъ странахъ серебрянаго монометаллизма) было не обязательное, а факультативное. Частныя лица въ отношеніяхъ между собою могли ее принимать или отдавать въ платежахъ въ зависимости отъ того, соотвѣтствовала-ли ихъ интересамъ, или не соотвѣтствовала, цѣна, по которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ее приходилось принимать или отдавать въ платежъ. Подобно частнымъ лицамъ, и казна, въ принципѣ, «по общему закону», обязана была принимать только серебряную монету. Золотую-же монету она лишь согласилась въ 1839 г. (какъ предъ тѣмъ въ 1834 г.) принимать условно: во-первыхъ, если ей будутъ отдавать полуимперіалъ по извѣстной цѣнѣ, а во-вторыхъ съ тѣмъ, чтобъ частныя лица обязаны были по той-же цѣнѣ принимать ее отъ казны.

Существенно въ данномъ случаѣ то, что между серебряною и золотою монетою продолжало оставаться коренное различіе въ основаніяхъ, въ силу которыхъ онѣ служили для платежей

между казною и частными лицами. Только для серебряной монеты основанія эти заключались въ ея обязательности, общей для всѣхъ безъ различія, обязательности безусловной, вытекавшей изъ коренного ея преимущества, состоявшаго въ присвоенномъ только ей значеніи монетной единицы. Золотая-же монета этихъ основаній обязательнаго обращенія совсѣмъ не имѣла. Государственная серебряная монета, какъ таковая, имѣла обязательное хожденіе. Но она одна, какъ таковая, имѣла обязательное хожденіе, и оттого только съ нею могли сравниваться различные денежные знаки (депозитные билеты 1840 г., кредитные билеты 1841 г., государственные кредитные билеты 1843 г.), когда имъ присваивалось преимущество имѣть хожденіе наравнѣ съ серебряною монетою. Но государственная золотая монета въ силу того, что она была государственная, или даже не смотря на то, что она была государственная, не имѣла безусловнаго обязательнаго хожденія. Ея хожденіе имѣло основаніемъ особое распоряженіе законодателя, оправдывавшееся совершенно исключительными обстоятельствами обилія золотой монеты въ Россіи. Вслѣдствіе этого, если золотой монетѣ и было присвоено нѣкоторое подобіе обязательнаго хожденія, то лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ отношеній между казною и частными лицами и по установляемой закономъ ея цѣнѣ, отличной отъ ея нарицательной цѣны.

Слѣдовательно, даже насколько золотая монета имѣла обязательное хожденіе, она этого свойства не имѣла «наравнѣ съ серебряною монетою» т. е. во всей той полнотѣ, въ которой обязательное хожденіе было присвоено серебряной монетѣ. Требовалось коренное измѣненіе всей нашей монетной системы для того, чтобы что-бы то ни было измѣнено въ серебряной монетѣ: чтобы содержаніе чистаго металла въ серебряномъ рублѣ было увеличено или уменьшено, чтобъ ея нарицательное достоинство получило новое означеніе, чтобъ условія ея обязательнаго хожденія измѣнились и т. д. Но, какъ доказываетъ опытъ, въ отношеніи золотой монеты возможны были самыя существенныя измѣненія, и всетаки коренныя основанія и существо нашей монетной системы

при этомъ оставались прежнія. Въ полуимперіалѣ измѣнилось содержаніе чистаго золота (онъ съ 1885 г. содержалъ уже только 130,68 долей чистаго золота, а не 135 долей); его цѣна въ 5 р. 15 к. была въ 1885 г. отмѣнена; установлена была новая (нарицательная для таможенныхъ пошлинъ, 7 р. 40 к. для прочихъ случаевъ) при платежахъ имъ въ казну,— и тѣмъ не менѣе наша монетная система оставалась и послѣ 1885 г. тою-же, какою она установлена въ 1839 году. При производствѣ указанныхъ измѣненій въ полуимперіалѣ, какъ министрами финансовъ, представлявшими о нихъ государственному совѣту, такъ и государственнымъ совѣтомъ, не только сознавалось, но прямо оговаривалось, что означенныя измѣненія не производятъ никакой ломки въ монетной системѣ.

Также точно никакой внутренней связи не было между основаніями, на которыхъ монетная система въ Россіи была впервые устроена въ 1810 г. и которыя были «возставовлены» при ея устройствѣ въ 1839 г., съ одной стороны, и количествомъ производимаго въ Россіи золота—съ другой. Поэтому никакого опредѣленія о пріемѣ въ казну золота въ манифестѣ 20 іюня 1810 г. объ устройствѣ монетной системы не было и могло не быть также въ манифестѣ 1 іюля 1839 года о томъ-же предметѣ. Но если это опредѣленіе было вызвано только условіями производства золота въ Россіи, то ими-же или однородными съ ними условіями производства не только золота, но и серебра на земномъ шарѣ единственно обусловливалась и подлежавшая установленію цѣна полуимперіала для его пріема въ казну. Въ 1839 г. была установлена одна цѣна: но тогда-же, при иныхъ условіяхъ производства золота и цѣны его на всемірномъ рынкѣ, была бы принята иная цѣна [1]). Впослѣдствіи-же, когда дѣйствительно произошли

[1]) Въ 1841—1850 гг. золото было дороже серебра въ 15,83 раза, то-есть 135 долей чистаго золота въ полуимперіалѣ стоили на открытомъ рынкѣ 5 р. 27 2/3 коп. серебромъ, или на 2,46% болѣе, чѣмъ тѣ 5 р. 15 к., въ которые казна оцѣнивала полуимперіалъ. правительство цѣнило полуимперіалъ на эти 2 1/2% дешевле, чѣмъ онъ стоилъ, потому что оно не желало искусственно, ни исторгать зо-

большія измѣненія въ условіяхъ производства драгоцѣнныхъ металловъ и ихъ цѣны на всемірномъ рынкѣ, неминуемо предстояло и измѣненіе цѣны полуимперіала при его пріемѣ для платежей въ казну и выдачахъ изъ нея. Неминуемо въ такомъ случаѣ должно было измѣниться «указное отношеніе», о которомъ говорилось въ пунктѣ IX манифеста 1 іюля 1843 г. о кредитныхъ билетахъ.

Такимъ образомъ, пунктъ IX манифеста 1 іюля 1843 г., что обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на металлическую монету, то-есть, серебряную и золотую», производится «съ соблюденіемъ указнаго между сими деньгами отношенія», неправильно было-бы понимать въ ограничительномъ смыслѣ, относя его только къ тому указному отношенію, которое было установлено въ 1839 г. Еслибы имѣлось въ виду такъ съузить смыслъ «указнаго отношенія», то это и было-бы сдѣлано ограничительною ссылкою на установленное манифестомъ 1839 г. указное отношеніе 1 : 15.45; если-же такой ссылки не сдѣлано и, напротивъ, безъ ограниченія, говорится объ «указномъ отношеніи» вообще,—то изъ этого правильно выводится то лишь заключеніе, что допускалась возможность всякихъ иныхъ указныхъ отношеній, также установленныхъ въ законодательномъ порядкѣ, какъ было установленное въ 1839 году. Неправильно-же было-бы ограничительное пониманіе «указнаго отношенія», въ смыслѣ относящагося только къ установленному въ 1839 году, еще и потому, что въ такомъ случаѣ пунктъ X манифеста 1 іюля 1839 г., назначившій цѣну полуимперіала при его пріемѣ въ казну, получалъ бы совершенно не подобающій ему смыслъ кореннаго опредѣленія, вносившаго въ нашу монетную систему совершенно ей несвойственное и противорѣчащее ея существу и духу постоянное «указное отношеніе», какое бываетъ только въ монетныхъ системахъ, допускающихъ двѣ денежныя

лота изъ обращенія въ Россіи, ни особенно стараться о его удержаніи въ Россіи и сосредоточеніи въ казнѣ. Но этого рода распоряженія зависятъ отъ личныхъ взглядовъ финансовыхъ руководителей, ихъ расчетовъ и соображеній, а потому подвержены сильнымъ измѣненіямъ.

единицы. А на подобное толкованіе не только никакихъ основаній не имѣется, но напротивъ, имѣются всѣ основанія для утвержденія, что какъ въ 1810 г., такъ въ 1839 г. совершенно ясно сознавали нежелательность чего-либо подобнаго. Если-же въ 1839 г. не имѣлось въ виду установить постоянное отношеніе между серебряною и золотою монетою, то остается лишь признать, что установленное отношеніе считалось непостояннымъ, которое можетъ и могло быть въ одно время одно, а въ другое время замѣнено инымъ.

Но если изложенныя воображенія правильны, то связь постановленія пункта IX манифеста 1 іюля 1843 г. (объ указномъ отношеніи) съ постановленіями о томъ, что именно означаютъ рубли, на которые писаны кредитные билеты, и что платежи по размѣну кредитныхъ билетовъ производятся серебряною или золотою монетою, представляется въ слѣдующемъ видѣ. По кредитнымъ билетамъ правительство состоитъ въ долгу на разныя суммы, которыя всегда выражаютъ рубли серебра (по 405 долей чистаго металла въ каждомъ рублѣ); это обязательство правительство вправѣ исполнить платежемъ, или серебряной, или золотою монетою, какъ ему удобнѣе. Но этого мало: только когда правительство производитъ платежъ серебряною монетою, оно должно уплатить столько рублей, сколько ихъ содержится въ суммѣ, на которую простирается исполняемое въ данномъ случаѣ обязательство. Напримѣръ, если представлено для размѣна кредитныхъ билетовъ на сто рублей, то только при уплатѣ серебряною монетою для исполненія обязательства требуется сто-же рублей. Но при уплатѣ золотою монетою дѣло представляется въ совершенно иномъ видѣ: въ этомъ случаѣ законъ требуетъ, чтобы платежъ производился «съ соблюденіемъ указнаго отношенія». Это значитъ: что уплаты золотою монетою по ея нарицательной цѣнѣ законъ не допускаетъ. Для уплаты ста рублей золотою монетою по нарицательной ея цѣнѣ требуется 20 полуимперіаловъ. Но такого паритета, такого равенства ста рублей серебромъ 20 полуимперіаламъ законъ не признавалъ уже въ 1839 г., еще до учрежденія кредитныхъ билетовъ (когда по установ-

ленному курсу 20 полуимперіаловъ стоили 103 рубля серебромъ). При учрежденіи-же государственныхъ кредитныхъ билетовъ въ 1843 г. признавалось необходимымъ снова оговорить и повторить, что платежи серебряною и золотою монетою производятся никакъ не по нарицательной цѣнѣ той и другой монеты, но «съ соблюденіемъ указнаго между сими деньгами отношенія». Поэтому, за представленные кредитные билеты на сто рублей при платежѣ золотою монетою, на основаніи точнаго расчета, выдавалось. 19 полуимперіаловъ и 2 руб. 15 коп. серебромъ. Ибо 19 полуимперіаловъ, хотя и составляли лишь 95 рублей нарицательныхъ, но «съ соблюденіемъ указнаго отношенія» они составляли 97 р. 85 к. серебромъ, и слѣдовательно, по выдачѣ ихъ оставалось доплатить еще 2 р. 15 к. серебромъ.

Изъ всего вышеизложеннаго несомнѣнно вытекаетъ слѣдующее заключеніе. Кредитные билеты представляютъ обязательство государственнаго казначейства съ серебряною валютою, которое оно предоставило себѣ исполнять платежемъ серебряною или золотою монетою: первою по нарицательной цѣнѣ, а второю—по курсу, для того установляемому въ законодательномъ порядкѣ.

XII.

Быть можетъ, изложеннымъ выше даннымъ и соображеніямъ не излишне противопоставить довольно распространенное мнѣніе, опиравшееся не на изслѣдованіи всего законодательства и его мотивовъ, а равно условій, его вызвавшихъ, а единственно лишь на толкованіи одного только текста кредитныхъ билетовъ. А именно, не входя ни въ какія подробности, придерживавшіеся означеннаго мнѣнія усматривали въ текстѣ кредитныхъ билетовъ обязательство, которое должно было быть правительствомъ исполнено уплатою золотой или серебряной монетой въ зависимости отъ того, какую монету потре-

бовали-бы предъявители этихъ билетовъ. Считалось «само собою разумѣющимся», что монета не только серебряная, но и золотая, какая потребуется, должна быть, во всякомъ случаѣ, по ея нарицательной цѣнѣ выдана казною. Спорить противъ того, что кто-нибудь считаетъ для себя «само собою разумѣющимся» никогда не возможно, ибо это зависитъ отъ совершенно субъективной способности усматривать то или иное «само собою», помимо общихъ правилъ пониманія. Поэтому разсматриваемую сторону популярнаго взгляда на текстъ кредитныхъ билетовъ приходится по неволѣ оставить въ сторонѣ, отмѣтивъ лишь ея совершеннѣйшую голословность. Остановиться-же здѣсь умѣстно только на вопросѣ: представляетъ-ли явный и доступный всѣмъ смыслъ текста кредитныхъ билетовъ какой-либо основательный поводъ къ означенному взгляду?

По этому вопросу необходимо прежде всего объяснить, что даже въ странахъ, въ коихъ допускаются двѣ монетныя единицы, золотая и серебряная, выборъ между ними предоставляется должнику, но не кредитору. Именно допущеніе закономъ двухъ монетныхъ единицъ исключаетъ для кредитора право требовать, чтобы платежъ былъ произведенъ тою, а не иною монетою. Затѣмъ, общеизвѣстно, что по коренному основанію права и справедливости, въ дѣлѣ обязательствъ всякаго рода каждая неясность, возбуждающая споръ, должна быть истолкована также въ пользу должника, а не кредитора. Текстъ-же кредитныхъ билетовъ («по предъявленіи выдается изъ кассы... рубл. серебряною или золотою монетою») выраженъ въ типической формѣ такъ называемаго альтернативнаго обязательства. Въ своемъ «Курсѣ гражданскаго права», т. III, К. П. Побѣдоносцевъ даетъ слѣдующія объясненія объ этомъ родѣ обязательствъ. Составляющее предметъ обязательствъ «дѣйствіе можетъ быть или опредѣленное, извѣстное, или неизвѣстное, неопредѣленное. Предметъ дѣйствія опредѣленъ, извѣстенъ вполнѣ, когда изъ самаго договора можно ясно видѣть, какой индивидуальный предметъ имѣется въ виду, или какого рода предметы, какого вида, какого качества, въ какомъ количествѣ... Но между

дѣйствіемъ вполнѣ опредѣленнымъ и вполнѣ неопредѣленнымъ— пространная средина. Въ ней находятъ мѣсто дѣйствія не вполнѣ опредѣленныя» Къ «главнымъ видамъ такой неопредѣленности» принадлежитъ тотъ, когда «предметомъ обязательства можетъ быть нѣсколько отдѣльныхъ дѣйствій, изъ которыхъ одно только должно быть исполнено. Которое именно, договоръ не опредѣляетъ, а предоставляетъ той или другой сторонѣ выборъ въ минуту исполненія (obligatio alternativa). Здѣсь обязательство простирается на нѣсколько дѣйствій, а исполненіе состоитъ въ одномъ только дѣйствіи. Напримѣръ, доставить 1000 десятинъ или 1000 рублей, поставить къ такому-то числу 500 четвертей пшеницы или 300 четвертей крупы гречневой... Важный вопросъ здѣсь въ томъ: кому принадлежитъ выборъ? Предполагается въ нормальномъ порядкѣ, что обязательство исходитъ отъ должника: я обязуюсь сдѣлать то или то. Итакъ, обыкновенно выборъ предоставляется обязанному лицу, если противное въ самомъ договорѣ не постановлено».

Въ текстѣ кредитныхъ билетовъ сказано, что касса выдаетъ сумму «серебряною или золотою монетою», и только: больше ничего не сказано; касса обязуется «сдѣлать то или то». Выборъ поэтому принадлежитъ кассѣ, ибо «противное въ самомъ договорѣ не постановлено». На текстѣ кредитныхъ билетовъ не сказано, что по предъявленіи касса выдаетъ (сумму) по требованію или выбору предъявителя серебряною или золотою монетою. Поэтому требованіе или выборъ предъявителя въ этомъ случаѣ не имѣетъ основанія. Касса обязана уплатить сумму серебряною или золотою монетою. Поэтому предъявитель вправѣ только требовать, чтобы ему былъ произведенъ платежъ серебряною или золотою монетою. По альтернативному обязательству должникъ обязанъ сдѣлать «то или то», а кредиторъ въ правѣ требовать, чтобы это было исполнено: чтобы сдѣлано «то или то». Обязуясь только къ одному: сдѣлать «то или то», должникъ представляетъ выборъ себѣ и оттого онъ въ правѣ считать кредитора удовлетвореннымъ, если онъ сдѣлалъ «то или то». Такъ какъ должникъ заявляетъ, какое онъ на

себя принимаетъ обязательство, то потому онъ-же долженъ заявить, что обязуется подчинить выбору кредитора, если онъ самъ отъ выбора отказывается и представляетъ выборъ кредитору. Если-же должникъ такого заявленія о предоставляемомъ кредитору выборѣ не сдѣлалъ, то это-то и означаетъ, что должникъ желалъ за собою сохранить право выбора и не желалъ принимать на себя обязательства подчиниться выбору кредитора.

Никогда никакой юристъ иначе не думалъ объ альтернативныхъ обязательствахъ, особенно когда они представляются въ столь простомъ и типическомъ видѣ, какъ текстъ кредитныхъ билетовъ. Поэтому, когда популярный взглядъ, опиравшійся на текстъ кредитныхъ билетовъ, разсматривается съ юридической точки зрѣнія, то его неосновательность оказывается сугубою.

По этому поводу, быть можетъ, умѣстно объяснить, что если руководствоваться не однимъ только текстомъ кредитныхъ билетовъ, но всѣмъ, относящимся къ предмету, законодательствомъ, то даже представляется сомнительнымъ, можно-ли признать обязательство по кредитнымъ билетамъ за альтернативное обязательство. Ибо изъ всѣхъ изложенныхъ выше данныхъ и соображеній явствуетъ, что обязательство по нимъ заключается въ уплатѣ рублей серебра, по 405 долей чистаго металла въ каждомъ, но исполнить это обязательство должникъ себѣ предоставилъ посредствомъ платежа серебряною или золотою монетою. То-есть, при исполненіи обязательства должникъ себѣ сохранилъ такъ называемую facultas alternativa, вслѣдствіе чего неопредѣленность оказывается не въ предметѣ обязательства (ne in obligatione), а въ способѣ его исполненія (in solutione). Но какъ-бы юридически не конструировалось обязательство по кредитнымъ билетамъ, съ разсматриваемой точки зрѣнія, практическіе результаты отъ того не измѣняются: право выбора остается у должника.

Но если популярный взглядъ не основателенъ и съ исторической, и съ юридической точекъ зрѣнія,—то откуда-нибудь онъ конечно взялся и нетрудно объяснить, откуда именно.

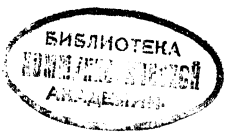
Люди всегда и всюду привыкли смѣшивать свои права со своими выгодами и удобствами; въ данномъ-же случаѣ нѣкоторыя привычки, вкоренившіяся въ публикѣ, какъ-бы ненамѣренно ее толкали къ ошибочнымъ заключеніямъ. Публика справедливо привыкла относиться къ размѣну кредитныхъ билетовъ на мелкую монету и однихъ достоинствъ на другія, какъ на существующій единственно для ея удобствъ, и изъ этого она заключала, что размѣнъ производится для удовлетворенія ея требованій, на которыя она считала себя имѣющею право, въ томъ-же переносномъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о «правѣ» на всякія услуги правительственныхъ учрежденій, существующихъ для удобствъ публикѣ на почвѣ оплаты этихъ услугъ (почтъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, учебныхъ заведеній, больницъ и т. д.). Въ этомъ переносномъ смыслѣ предъявитель рублеваго кредитнаго билета считалъ себя «въ правѣ» требовать при размѣнѣ, чтобы его удовлетворяли по его выбору только гривенниками, или только пятиалтынными, какъ онъ пожелаетъ. Предъявитель сторублеваго кредитнаго билета тоже считаетъ себя «въ правѣ требовать» при размѣнѣ, чтобы его удовлетворили только рублевыми билетами, или только 25-рублевыми и т. д. Изъ этого-же далѣе заключали, будто-бы и вообще по кредитнымъ билетамъ на государственномъ казначействѣ лежатъ только такія обязательства, по которымъ «всѣ права» предоставлены только ихъ предъявителямъ, могущимъ выражать «требованія», наиболѣе соотвѣтствующія ихъ выгодамъ и удобствамъ.

Такъ какъ, однако, размѣнъ рублевыхъ кредитныхъ билетовъ на пятачки или двугривенные существенно отличается отъ размѣна кредитныхъ билетовъ на серебряную или золотую монету, то очевидно, что приведенное разсужденіе ни на чемъ не основано и дѣлаемый изъ него выводъ висѣлъ въ воздухѣ.

Въ заключеніе, не излишне вывести на справку, что изъ 1046 милліоновъ рублей, на которые простиралось (къ 1896 г.) обязательство государственнаго казначейства по кредитнымъ билетамъ, насколько ихъ касаются объясненія настоящаго изслѣ-

дованія, приходилось: около 330 милліонныхъ рублей на время до Крымской войны и 716 милліоновъ рублей на послѣдующее время. Какъ извѣстно, на эти 716 милліоновъ кредитные билеты были выпущены для чрезвычайныхъ расходовъ сначала по Крымской войнѣ, а потомъ по войнѣ съ Турціею во второй половинѣ 1870 годовъ, и едва-ли настоитъ надобность объяснять, что по нимъ въ государственное казначейство никакой монеты, не только золотой, но и серебряной, никогда не поступало. Что-же касается 330 милліоновъ рублей, относящихся къ эпохѣ до Крымской войны, то и изъ нихъ на 170 милліоновъ рублей кредитные билеты лишь замѣнили ассигнаціи, наизначительнѣйшая часть коихъ была выпущена во время Наполеоновскихъ войнъ, когда звонкой монеты уже почти совсѣмъ не было въ обращеніи; золотая-же монета во всякомъ случаѣ никакой связи съ ассигнаціями не имѣла, такъ какъ она была большою рѣдкостью даже когда ассигнація еще не обезцѣнились, что впрочемъ было давнопрошедшимъ фактомъ при вступленіи на престолъ Императора Александра I. Затѣмъ 10 милліоновъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ замѣнили выпущенные 1841 г. кредитные билеты Сохранныхъ Казенъ, служившіе для выдачи ссудъ подъ недвижимыя имѣнія, слѣдовательно, тоже никакой связи не имѣвшіе ни съ какою звонкою монетою. Наконецъ, на сумму около 40 милліоновъ рублей государственные кредитные билеты замѣнили депозитные билеты, о коихъ положительно извѣстно, что они были выпущены подъ внесенную въ депозитную кассу серебряную монету. Остается такимъ образомъ, около 110 милліоновъ рублей, на которые государственные кредитные билеты были выпущены послѣ 1843 г. въ обмѣнъ на серебряную и золотую монету. Въ точности неизвѣстно, сколько именно было выпущено подъ каждый видъ монеты, но имѣя въ виду, что золотая монета была болѣе удобна для обращенія и не было особаго основанія предпочитать ей кредитные билеты, тогда какъ напротивъ обращеніе серебряной монеты сравнительно съ кредитными билетами было очень неудобно, изъ этого можно заключить, что едвали болѣе одной трети звонкой монеты, внесенной въ Экспе-

дицію кредитныхъ билетовъ, состояло въ полуимперіалахъ. А въ такомъ случаѣ изъ всей той суммы, на которую къ 1896 г. простиралось обязательство государственнаго казначейства по кредитнымъ билетамъ, едва $^1/_{42}$ часть или менѣе $2^1/_2\%$ имѣла связь съ золотою монетою; остальные $^{41}/_{42}$ или $97^1/_2\%$ всякой связи съ золотою монетою всегда были лишены и никакой роли въ возникновеніи обязательства по нимъ золотая монета не играла.


БИБЛІОТЕКА

Написано и напечатано на правахъ рукописи лѣтомъ 1895 года.

1909 г.